ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

ПЬЕР И МАРИЯ КЮРИ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Книга включает два популярных биографических описания: жизни и деятельности супругов Пьера и Марии Кюри. Первое биографическое описание принадлежит перу М. Кюри — личные воспоминания о муже, дополненные деталями из рассказов самого П. Кюри и его друзей; второе — Е. Кюри.

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

СЕРИЯ БИОГРАФИЙ

Основана в 1933 году М. ГОРЬКИМ

ВЫПУСК

5

[971]

МОСКВА 1959

Под научной редакцией и с послесловием профессора В. В. АЛПАТОВА

- М. Кюри, Е. Кюри
  - Кюри Мария
    -
    - Предисловие
    - Глава I
    - Глава II
    - Глава III
    - Глава IV
    - Глава V
    - Глава VI
    - Глава VII
  - Кюри Ева
    -
    - Глава I
    - Глава II
    - Глава III
    - Глава IV
    - Глава V
    - Глава VI
    - Глава VII
    - Глава VIII
    - Глава IX
    - Глава X
    - Глава XI
    - Глава XII
    - Глава XIII
    - Глава XIV
    - Глава XV
    - Глава XVI
    - Глава XVII
    - Глава XVIII
    - Глава XIX
    - Глава XX
    - Глава XXI
    - Глава XXII
    - Глава XXIII
    - Глава XXIV
    - Глава XXV
    - Глава XXVI
    - Глава XXVII
  - Послесловие
  - ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

- КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ
- КРАТКИЕ ПРИМЕЧАНИЯ

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20

М. Кюри, Е. Кюри

ПЬЕР И МАРИЯ КЮРИ

М. КЮРИ

ПЬЕР КЮРИ

Е. КЮРИ

МАРИЯ КЮРИ

Перевод с французского

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ
„МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ“

Кюри Мария

ПЬЕР КЮРИ

М. Кюри

ПЬЕР КЮРИ

Перевод с французского С. А. ШУКАРЕВА

«… Можно себе представить и то, что в преступных руках радий способен быть очень опасным, и в связи с этим можно задать такой вопрос, является ли познание тайн природы выгодным для человечества, достаточно ли человечество созрело, чтобы извлекать из него только пользу, или же это познание для него вредоносно? В этом отношении очень характерен пример с открытиями Нобеля: мощные взрывчатые вещества дали возможность производить удивительные работы. Но они же оказываются страшным орудием разрушения в руках преступных властителей, которые вовлекают народы в войны.

Я лично принадлежу к людям, мыслящим, как Нобель, а именно, что человечество извлечет из новых открытий больше блага, чем зла».

Пьер Кюри

Предисловие

Не без некоторого колебания приняла я предложение написать биографию Пьера Кюри. Я предпочла бы доверить выполнение этой задачи кому-нибудь из родственников или друзей детства покойного, хорошо знакомых с его жизнью, начиная с детских лет и до последнего времени. Жак Кюри, брат и товарищ юности Пьера, связанный с ним узами самой нежной привязанности, не считал себя в силах выполнить эту задачу, так как он жил вдали от Пьера со времени своего назначения профессором университета в Монпелье. Он настаивал поэтому, чтобы я написала биографию, полагая, что никто лучше меня не мог знать и понимать жизнь его брата. Он сообщил мне все личные воспоминания о Пьере Кюри. К этому весьма важному материалу, который я использовала самым широким образом, я присоединила еще кое-какие детали, почерпнутые мною из рассказов моего мужа и кое-кого из его друзей. Таким образом я восстановила, насколько смогла, ту часть его жизни, которая не была мне непосредственно известна. Я старалась правильно передать то глубокое впечатление, которое производила на меня его личность за годы нашей совместной жизни.

Этот рассказ, конечно, несовершенен и не полон. Но я надеюсь тем не менее, что портрет Пьера Кюри, нарисованный мною, отнюдь не является искаженным и поможет сохранить о

нем память. Я желала бы, чтобы этот рассказ воскресил для тех, кто был знаком с Кюри, те черты его личности, за которые его особенно любили.

М. Кюри

Глава I

Семья Кюри. Детство и начальное образование Пьера Кюри

Родители Пьера Кюри были люди образованные и интеллигентные; они были небогаты и не бывали в светском обществе, ограничиваясь родственными связями и небольшим кружком близких друзей.

Отец Пьера, Эжен Кюри, был врач и сын врача; о более отдаленных предках известно мало; достоверно лишь, что они происходили из Эльзаса и были протестантами[1]. Хотя отец Эжена Кюри жил в Лондоне, юноша воспитывался в Париже, где он изучал естественные науки и медицину и работал в качестве лаборанта в лабораториях Музея у Гратиоле.

Доктор Эжен Кюри был замечательной личностью, поражавшей всех соприкасавшихся с ним людей. Это был человек высокого роста, вероятно, блондин в молодости, с прекрасными голубыми глазами, не утратившими и в преклонном возрасте живости и блеска; глаза его сохранили детское выражение и сияли добротой и умом. Эжен Кюри обладал незаурядными умственными способностями, сильным влечением к естественным наукам и темпераментом ученого.

Он мечтал посвятить свою жизнь научной работе, но, обремененный семьей, принужден был отказаться от этого проекта и избрать профессию врача; однако он продолжал экспериментальные исследования, в частности прививки туберкулеза, в ту эпоху, когда бактерийное происхождение этой болезни еще не было вполне установлено. До конца своей жизни Эжен Кюри сохранил культ науки и сожалел, что не мог всецело посвятить себя ей. Для научных опытов ему необходимы были растения и животные, поэтому у доктора Кюри создалась привычка к экскурсиям: любя природу, он предпочитал жизнь в деревне.

В течение своей скромной карьеры врача Эжен Кюри проявил замечательное самоотвержение и бескорыстие. Во время революции 1848 года, когда он был еще студентом, правительство Республики наградило его почетной медалью «за достойное и

храброе поведение» при уходе за ранеными. Эжен Кюри и сам был ранен 24 февраля пулей, раздробившей ему челюсть. Позже, при эпидемии холеры, он остался ухаживать за больными в одном из кварталов Парижа, брошенном другими врачами. Во время Коммуны он устроил амбулаторию в своей квартире, недалеко от баррикады, и лечил раненых; из-за этого акта гражданской доблести и передовых убеждений Эжен Кюри потерял часть своих буржуазных пациентов. Тогда он занял должность врачебного инспектора по защите малолетних. Эта служба позволяла жить в предместье Парижа, в условиях более благоприятных, чем в городе, для здоровья его и его семьи.

Доктор Кюри имел твердые политические убеждения. Идеалист по темпераменту, он со всем пылом увлекся республиканской доктриной, вдохновлявшей революционеров 1848 года. Он был связан дружбой с Анри Бриссоном и с членами его кружка; свободомыслящий и антиклерикал, как и они, Эжен Кюри не крестил своих двух сыновей и не приписывал их ни к какому культу.

Мать Пьера Кюри, Клер Депулли, была дочерью фабриканта из Пюто; ее отец и братья выделялись своими техническими изобретениями. Семья происходила из Савойи; они были разорены во время революции 1848 года. Это несчастье и неудачная карьера доктора Кюри были причиной затруднительного материального положения семьи. Мать Пьера Кюри, хотя и воспитанная для обеспеченного существования, мужественно и спокойно переносила трудные условия и своим крайним самоотвержением облегчала жизнь мужа и детей.

В скромной и не лишенной забот семейной обстановке, где выросли Жак и Пьер Кюри, царила атмосфера нежной привязанности и любви. Говоря со мной впервые о своих родителях, Пьер Кюри назвал их «исключительными людьми». И они действительно были такими: он, немножко властный, с живым и деятельным умом, с редким бескорыстием, не желавший воспользоваться личными связями, чтобы улучшить свое положение, нежно любящий жену и сыновей и всегда готовый помочь тем, кто в нем нуждался, и она, маленькая, живая и, несмотря на слабое здоровье, пошатнувшееся после рождения сыновей, всегда веселая и деятельная в скромной квартире, которую она умела сделать привлекательной и гостеприимной.

Когда я с ними познакомилась, они жили в Со, на улице, которая теперь названа по имени Пьера Кюри, в маленьком старинном домике, в глубине прекрасного сада. Жизнь текла мирно. Доктор Кюри по обязанностям службы посещал больных то в Со, то в соседних местностях; на досуге он читал и работал в

своем саду. По воскресеньям близкие родственники или соседи приходили к ним в гости; время от времени Анри Бриссон навещал старого боевого товарища в его спокойном уединении. Дом с садом и обитатели производили впечатление покоя и искренности.

Пьер Кюри родился 15 мая 1859 года в доме против Ботанического сада на улице Кювье, где жили его родители, когда отец его еще работал в лабораториях музея; он был вторым сыном доктора Кюри, на три с половиной года, моложе своего брата Жака. О своем детстве в Париже он сохранил мало воспоминаний, но все-таки он мне рассказал о днях Коммуны, о битве на баррикаде вблизи их дома, об амбулатории, устроенной его отцом, и о том, как отец с помощью сыновей подбирал раненых.

В 1883 году Пьер Кюри покинул столицу и поселился с родителями в окрестностях Парижа: сперва, с 1883 по 1892 год, в Фонтене-о-Роз, потом в Со — с 1892 по 1895 (год нашей свадьбы).

Детство Пьера протекло целиком в лоне семьи: он не посещал ни школы, ни гимназии. Первые уроки давали ему сначала мать, потом отец и старший брат, который тоже не кончил гимназии. Особенности умственного склада Пьера Кюри не позволяли ему быстро усваивать школьную программу. Его мечтательный ум не подчинялся рамкам, налагаемым на мысль школой. Трудность, с которой он поддавался этому режиму, обычно приписывалась медлительности ума. Он сам считал себя тяжкодумом и часто говорил об этом. Я считаю, однако, это выражение не совсем правильным; мне кажется, что с юных лет его мысли с большой интенсивностью сосредоточивались на определенном предмете, и он не мог прервать течения своих размышлений ради внешних обстоятельств. Ясно, что ум такого рода может таить в себе большие возможности в будущем; но столь же очевидно, что в общественной школе нет подходящей системы воспитания для детей такого склада, хотя таких детей и больше, чем кажется с первого взгляда.

К счастью для Пьера Кюри, который не мог быть, как мы видели, блестящим учеником, его родители были достаточно просвещенными, чтобы понять это затруднение; они не требовали от сына усилий, которые вредно сказались бы на его развитии. Хотя первоначальное обучение Пьера Кюри было несистематично и неполно, оно не давило его ума догмами, предрассудками и предвзятыми идеями. За такое либеральное воспитание Пьер Кюри всегда был благодарен своим родителям. Он рос на свободе, развивая свое влечение к естественным наукам во время полевых экскурсий, откуда он приносил растения и животных для опытов отца. Эти прогулки, то в одиночестве, то с родными, пробудили в

нем большую любовь к природе, и эту страсть он сохранил до конца своей жизни.

Интимное общение с природой, которое дано немногим детям из-за искусственных условий городской жизни и классического образования, может быть, имело решающее влияние на развитие ума Пьера Кюри. Под руководством своего отца он выучился наблюдать явления и давать им правильное объяснение. Он хорошо изучил животных и растения окрестностей Парижа. В любое время года он знал, каких или какие из них можно встретить в лесах, на полях, в ручьях или болотах. Болота со своей специальной флорой и фауной — своими лягушками, тритонами, саламандрами, улитками и прочими обитателями воды и воздуха, имели для него особую притягательную силу. Никакое усилие не казалось ему чрезмерным для достижения предмета, вызвавшего его специальный интерес. Он, ни на минуту не колеблясь, брал в руки животных, для того чтобы иметь возможность вблизи подвергнуть их изучению. Позднее, после нашей свадьбы, при наших совместных прогулках, когда мне случалось возражать против предложения взять в руки лягушку, он нередко говорил: «Но посмотри же, какая она хорошенькая». Точно так же он очень любил собирать во время своих прогулок букеты полевых цветов.

Таким образом, его познания в естественных науках, как и в математике, быстро обогащались; напротив, его классическое образование было достаточно заброшено; свои знания по литературе и истории он приобрел главным образом благодаря чтению. Его отец, широко образованный человек, имел большую библиотеку из сочинений французских и иностранных авторов. Он очень любил чтение и сумел передать эту любовь своим сыновьям.

Когда Пьеру Кюри было четырнадцать лет, произошло событие, весьма благоприятное для его развития: его поручили прекрасному педагогу А. Базиллю, который преподавал ему элементарную и высшую математику. Этот учитель сумел оценить своего ученика, привязался к нему и заставил его работать с большим усердием; он даже помогал ему подогнать латынь, в которой тот очень отстал. В то же время Пьер Кюри подружился с Альбером Базиллем, сыном своего учителя.

Эти уроки, без сомнения, имели большое влияние на ум Пьера Кюри; они помогли ему развиться, углубить свои способности и сознать, что он может сделать для науки. У Пьера Кюри были замечательные способности к математике, чисто геометрический ум и прекрасные пространственные представления. Он вскоре сделал большие успехи, и эти занятия,

увлекавшие его, стали для него большой радостью; он сохранил неизменную благодарность к своему учителю. Он мне сообщил одну подробность, доказывающую, что уже с того времени он не удовлетворялся установленной программой занятий, но уклонялся от нее с целью самостоятельного исследования: увлеченный только что изученной им теорией определителей, он задумал сделать аналогичное построение в трех измерениях и старался открыть свойства и применение этих «кубических детерминантов». Нечего и говорить, в его годы и при тех познаниях, которыми он располагал, это предприятие было свыше его сил; но тем не менее оно характерно для юного изобретательного ума.

Несколько лет спустя, поглощенный размышлениями о симметрии, он поставил себе вопрос: «Нельзя ли найти общий метод для решения любого уравнения? Все является вопросом симметрии». Он тогда еще не знал теории групп Галуа, позволявшей подойти к разрешению этой проблемы; но впоследствии он был счастлив узнать о ее выводах, как и о приложении геометрии к уравнениям пятой степени.

Благодаря быстрым успехам в математике и физике Пьер Кюри сделался бакалавром естественных наук в шестнадцать лет. Итак, самый трудный этап был им пройден: он мог с тех пор независимым личным трудом завоевывать познания в свободно избранной им области науки.

Глава II

Мечты юности. Первые научные работы. Открытие пьезоэлектричества

Пьер Кюри был еще очень молод, когда он стал студентом физического отделения. Он слушал курсы и участвовал в практических занятиях в Сорбонне и, кроме того, имел доступ в лабораторию профессора Леру, в Фармацевтическом институте, где он был помощником ассистента по кафедре физики. В то же время он привыкал к лаборатории, работая с братом Жаком, тогда лаборантом по кафедре химии у Риша и Юнгфлейша.

Пьер Кюри получил степень лиценциата физики в восемнадцать лет. Во время своих занятий он обратил на себя внимание Дезена, директора лаборатории Высшего исследовательского института, и Мутона, помощника директора той же лаборатории. Благодаря им он был назначен в 1878 году,

девятнадцати лет, ассистентом Дезена на факультете естествознания Парижского университета, и ему поручен был практикум со студентами по физике; он занимал эту должность пять лет и тогда же сделал свои первые экспериментальные работы.

Приходится сожалеть, что из-за своего материального положения Пьер Кюри был вынужден занять должность ассистента с девятнадцати лет, вместо того чтобы беспрепятственно продолжать занятия еще два или три года. Поглощенный служебными обязанностями и своими исследованиями, он должен был отказаться от слушания курса высшей математики и не сдавал больше экзаменов. Но зато он был освобожден от военной службы согласно тогдашней льготе для молодых людей, работающих по народному просвещению.

Пьер Кюри был в то время высоким и стройным молодым человеком, с каштановыми волосами, застенчивым и сдержанным; отпечаток интенсивной внутренней жизни выступает на молодом лице, если судить по хорошей фотографии, снятой с семейной группы, состоящей из доктора Кюри, его жены и двух сыновей. Голова склонена на руку, поза мечтательная и непринужденная, и невольно поражает выражение больших, продолговатых, ясных глаз, как будто следящих за каким-то внутренним видением. Рядом с ним его брат представляет собой поразительный контраст со своими черными волосами, живым взглядом и решительной манерой.

Оба брата нежно любили друг друга и жили дружно, работая вместе в лаборатории и вместе же гуляя в свободные часы. У них было несколько друзей детства, с которыми они и впоследствии сохранили дружеские отношения (Луи Депуйи, их кузен, впоследствии доктор медицины; Луи Вотье, точно так же ставший врачом; Альбер Базилль, который сделался инженером почт и телеграфов).

Пьер Кюри делился со мной своими воспоминаниями о каникулах, проведенных в Дравейле на берегу Сены, где он с братом Жаком совершал длинные прогулки, купался и нырял: оба брата были прекрасными пловцами. Они могли также ходить пешком целыми днями, рано привыкнув бродить по окрестностям Парижа. Иногда Пьер Кюри предпринимал экскурсии в одиночестве и тогда предавался размышлениям. В таких случаях он иногда забывал о времени и крайне переутомлялся. Погружаясь в восхищенное созерцание окружающего, он не хотел думать о материальных затруднениях.

На страницах дневника, написанных в 1879 году[2], он так говорит о спасительном влиянии на него деревенской жизни: «О!

Как хорошо провел время в этом благодатном безлюдье, вдали от множества досадных мелочей, терзающих меня в Париже. Нет, я не жалею о своих ночах в лесу и днях, проведенных в одиночестве. Будь у меня свободное время, я дал бы себе волю рассказать о множестве разнообразных грез, каким я предавался там. Хотелось бы мне описать мою прелестную долину, благоухающую ароматами растений, красивый бор, густой и влажный, пересеченный речкой Бьевр, дворец фей с колоннами, затянутыми хмелем, скалистые холмы, все красные от вереска, где было так приятно посидеть. Да, постоянно, с глубокой благодарностью я буду вспоминать о лесе; из всех знакомых уголков это мой самый любимый, и в нем я чувствовал себя наиболее счастливым. Я уходил туда нередко вечером и шел моей долиной, и оттуда я возвращался с двумя десятками разнообразных мыслей в голове…»

Итак, у Пьера Кюри ощущение счастья, испытанного на лоне природы, связывалось с возможностью спокойного размышления. Текущая жизнь, с обязанностями и разнообразными отвлекающими от дела обстоятельствами, не позволяла ему сосредоточиваться в себе самом, и это служило причиной страдания и беспокойства. Пьер Кюри чувствовал себя предназначенным для научных исследований. У него была настоятельная потребность углубляться и понимать явления, чтобы дать для них удовлетворяющую его теорию. Но когда он пытался сосредоточить свой ум на какой-нибудь проблеме, его постоянно отвлекали всевозможные мелочи, что мешало его размышлениям и повергало в отчаяние. Под заглавием «День, каких много» он описывал в своем дневнике пустые события, наполнявшие его день, не оставляя времени для полезной работы. Он заключает так: «Вот мой день; я ничего не сделал. Почему?» Дальше он возвращается к этому предмету и пишет, взяв заглавием строчку из известного автора:

«Одурять бубенчиками ум, который хочет мыслить»[3].

«Чтобы я, человек слабый, не пустил свою голову гулять на все четыре стороны, по воле малейшего встречного ветерка, необходима полная неподвижность всего вокруг меня, или же мне надо самому завертеться так, как крутится гудящий волчок, и тогда уже само движение сделает меня невосприимчивым к окружающим вещам.

Если же я, стараясь закрутить себя волчком, сначала начинаю кружиться медленно, то в это время какой-нибудь пустяк — одно слово, чей-нибудь рассказ, газета, гость — останавливают меня и не дают мне стать волчком и могут отодвинуть или задержать навсегда ту минуту, когда я, получив достаточную скорость, мог

бы, несмотря на окружающее, сосредоточиться в себе самом.

Нам надо есть, пить, спать, лениться, любить, то есть касаться самых приятных вещей в этой жизни, и все же не поддаваться им. Но, делая все это, необходимо, чтобы те противные нашему естеству мысли, которым мы посвятили себя, оставались господствующими и продолжали свое бесстрастное движение в нашей бедной голове; надо из жизни создавать мечту, а из мечты — реальность».

Этот острый анализ, удивительный по своей ясности у двадцатилетнего юноши, прекрасно изображает обстановку, необходимую для наиболее высоких проявлений мысли; он делает возможным истинное образование, которое (если бы это поняли) облегчило бы дорогу мечтательным умам, способным открыть для человечества новые пути.

Сосредоточенность мысли, к которой стремился Пьер Кюри, нарушалась не только профессиональными и общественными обязанностями, но и его собственными вкусами, увлекавшими его к широкому литературному и художественному образованию. Как и отец, Пьер Кюри любил чтение и не боялся скучных литературных сочинений; когда их критиковали, он обычно отвечал; «У меня нет ненависти к скучным книгам». Он был увлечен исканием истины, хотя бы в дурном изложении. Он также любил живопись и музыку и охотно отправлялся смотреть картины или слушать концерт.

В его бумагах остались отрывки стихов, переписанных его рукой.

Но все эти занятия были второстепенными в сравнении с тем, что он считал своим истинным призванием, и, когда его научное воображение не было вполне деятельно, он чувствовал себя как-то не по себе. В эти краткие периоды подавленного настроения его беспокойство выражалось в потрясающих словах, вдохновленных страданием. «Что станется со мной впоследствии? — писал он. — Я очень редко предоставлен самому себе; обычно часть моего Я спит. Бедный мой ум, неужели ты так слаб, что не можешь воздействовать на мое тело? О мои мысли! Значит, вы так ничтожны! Я больше всего надеялся на свое воображение, что оно вытащит меня из колеи, но я очень боюсь, как бы оно не умерло».

Несмотря на колебания, сомнения и потерянное время, юноша мало-помалу нашел свой путь и укрепил свою волю; он решительно занялся плодотворными научными исследованиями в том возрасте, когда многие будущие ученые бывают лишь учениками.

Его первая работа, в сотрудничестве с Дезеном, относится к определению длин тепловых волн с помощью

термоэлектрического элемента и сетки из металлических нитей. Такой прием, тогда совершенно новый, с тех пор часто употреблялся при изучении этого вопроса.

Затем Пьер Кюри начал работу о кристаллах в сотрудничестве со своим братом, который, сдав экзамены, был ассистентом Фриделя при минералогической лаборатории Сорбонны. Эта работа молодых физиков завершилась большим успехом — открытием нового явления «пьезоэлектричества», которое заключается в электрической полярности, получающейся при сжатии или растяжении кристаллов, лишенных центра симметрии. Открытие не было случайным; оно было вызвано размышлениями о симметрии кристаллического вещества, позволившими братьям предвидеть возможность этой полярности. Первая часть работы была сделана в лаборатории Фриделя. С экспериментальной ловкостью, редкой для их возраста, молодым физикам удалось всесторонне изучить новое явление; они установили условия симметрии, необходимые для его появления в кристаллах, дали замечательно простые количественные законы и их абсолютные величины для некоторых кристаллов. Многие очень известные заграничные ученые (Рентген, Кундт, Фойхт, Рике) занимались исследованиями в этой новой области, открытой Жаком и Пьером Кюри.

Вторая часть той же работы, значительно более трудная по выполнению с экспериментальной точки зрения, посвящена явлению деформации, которое испытывают пьезоэлектрические кристаллы, подвергаясь действию электрического поля. Существование этого явления, предугаданное Липпманном, было доказано братьями Кюри. Трудность исследования заключалась в ничтожности деформаций, подлежавших наблюдению. Дезен и Мутон предоставили в распоряжение братьев комнату в физической лаборатории, где они могли довести до конца свои тонкие опыты.

Из этих исследований, в равной мере теоретических и практических, они извлекли практический результат в виде нового прибора — пьезоэлектрического кварца, который служит для измерения в абсолютных единицах небольших количеств электричества, а также и слабых электрических токов. Этот прибор позже оказал большие услуги в исследованиях по радиоактивности[4].

Во время своих исследований над пьезоэлектричеством братья Кюри должны были пользоваться электрометрическими установками. Не довольствуясь квадратным электрометром, известным в ту эпоху, они изобрели новый тип этого прибора,

лучше приспособленный для их работы, впоследствии широко распространившийся во Франции под именем электрометра Кюри.

Годы сотрудничества двух братьев, всегда интимно близких друг другу, были счастливыми и плодотворными. Их дружба и страсть к науке служили им стимулом и поддержкой. Во время совместной работы живость и энергия Жака были драгоценной помощью для Пьера.

Но это прекрасное близкое сотрудничество длилось лишь несколько лет. В 1883 году Пьер и Жак Кюри принуждены были расстаться; Жак уехал в Монпелье как руководитель практических занятий по минералогии. Пьер тогда только что был назначен руководителем практических занятий в Институте физики, основанном городом Парижем по настоянию Фриделя и Шютценбергера, который был назначен его первым директором.

За замечательные работы над кристаллами Жаку и Пьеру Кюри (правда, значительно позже, в 1895 году) была присуждена премия Планте.

Глава III

Первые исследования в Институте физики. Симметрия и магнетизм

В Институте физики, в старых зданиях колледжа Роллэн, и должен был работать Пьер Кюри, сперва как руководитель практических занятий, затем как профессор, в течение двадцати двух лет, то есть в течение почти всей своей научной деятельности. Воспоминания его неразрывно связаны были со старыми зданиями, сейчас уже разрушенными, где он проводил целые дни, только вечером возвращаясь за город, где тогда жили его родители. Он считал себя счастливым ввиду благосклонного к нему отношения со стороны директора — основателя института, Шютценбергера — и уважения и симпатии, которые он встречал со стороны студентов; многие из них стали его учениками и друзьями. Вот что он сам говорит об атом периоде в конце одной лекции в Сорбонне, в последние годы жизни:

«Мне хочется напомнить здесь, что мы сделали все наши исследования в Институте физики и химии города Парижа. Во всяком научном творчестве влияние обстановки, в которой работают, имеет очень важное значение, и результаты отчасти зависят от этого влияния. Уже более двадцати лет я работаю в Институте физики и химии. Шютценбергер, первый директор

института, был знаменитым ученым. Я с благодарностью вспоминаю, что он мне предоставил возможность работать, когда я был еще лаборантом. Позже он позволил г-же Кюри работать со мной, и это разрешение в ту эпоху было незаурядным новшеством. Шютценбергер предоставлял нам всем большую свободу, и его влияние сказывалось главным образом в смысле поддержания влечения к науке. Профессора Института физики и химии, студенты, кончающие его, представляли собою среду, которая была очень полезна для меня. Среди бывших студентов института мы нашли себе сотрудников и друзей. Я счастлив, что мне предоставляется возможность их всех здесь поблагодарить».

Пьер Кюри, приступая к своим новым обязанностям, был немногим старше своих учеников, которые любили его за крайнюю простоту обращения, скорее товарищескую, чем профессорскую. Некоторые из них с волнением вспоминают о работе под его руководством, а также о дискуссиях у доски, где он охотно беседовал о научных вопросах, расширявших их познания и возбуждавших их юный энтузиазм. На одном обеде в 1903 году, устроенном Ассоциацией бывших студентов института, где присутствовал и Пьер Кюри, он вспоминал с улыбкой инцидент из той эпохи. Задержавшись однажды с несколькими студентами в лаборатории, он, выходя, нашел дверь запертой, и все они по очереди через окно спустились со второго этажа по водосточной трубе.

Вследствие своей сдержанности и застенчивости Пьер Кюри не легко сходился с людьми, но соприкасавшиеся с ним по службе любили его за доброжелательность; таковы были его отношения с подчиненными в течение всей его жизни. Лабораторный служитель в институте, которому он помог в трудный момент, питал к нему чувство глубокой благодарности и обожания.

Разлученный с братом, он был связан с ним прежней дружбой и доверием. На каникулах Жак Кюри приезжал к нему, и тогда возобновлялась их совместная работа, которой оба они посвящали свой досуг. Иногда же Пьер отправлялся к Жаку, занятому работой по геологической картографии в Оверне, и совершал с ним дневные переходы, необходимые для составления карты.

Вот воспоминания об одной из этих экскурсий, заимствованные из письма, присланного мне незадолго до нашего брака:

«Я был очень счастлив побыть некоторое время с моим братом. Мы жили вдали от всяких забот и так изолированно, что не могли даже получить письма, не зная, где мы будем спать завтра. Иногда мне казалось, будто вернулось то время, когда мы

всегда жили вместе. Тогда у нас обо всем были одинаковые мнения; думая одинаково, нам не нужно даже было говорить, чтобы понимать друг друга. Это тем более удивительно, так как у нас совершенно разные характеры».

Надо, однако, признать, что назначение Пьера Кюри в институт задержало его экспериментальные исследования. Действительно, в момент его назначения в этом учреждении ничего еще не было, кроме стен и перегородок; надо было все создавать сначала. Пьеру Кюри пришлось организовать оборудование для практических занятий, и он прекрасно выполнил эту задачу, внося характерный для него дух точности, и новаторства.

Очень трудно было также для молодого человека вести практические занятия с большим числом студентов (около тридцати), пользуясь услугами одного лишь лабораторного служителя. Эти первые годы были годами усидчивой работы и были полезны главным образом для студентов, работавших под руководством молодого преподавателя.

Пьер Кюри воспользовался вынужденным перерывом экспериментальных исследований, чтобы пополнить свое научное образование и в особенности свои математические познания. В то же время он погрузился в теоретическое размышление о связи, существующей между кристаллографией и физикой.

В 1884 году он напечатал статью об основных вопросах кристаллической симметрии, за которой в том же году последовало более общее исследование на ту же тему. Другая статья о симметрии появилась в 1885 году. Тогда же он напечатал очень важную теоретическую работу об образовании кристаллов и о капиллярных постоянных различных граней[5].

По быстрой последовательности работ можно судить, насколько Пьер Кюри интересовался физикой кристаллов. Его теоретические и экспериментальные исследования в этой области группировались вокруг очень общего принципа — принципа симметрии, он выяснял его мало-помалу, и окончательная формулировка была дана им лишь в статьях, напечатанных в течение 1893–1895 годов.

Вот эта формулировка, ставшая с тех пор классической:

«Когда определенные причины порождают известные следствия, элементы симметрии причин должны вновь появиться в порожденных следствиях».

«Когда известные следствия имеют в себе известную дисимметрию, эта последняя должна находиться и в породивших явление причинах».

«Положения, обратные двум предыдущим, неправильны по

крайней мере на практике, то есть следствия могут быть симметричнее вызвавших их причин».

Большое значение этого закона, совершенного по своей простоте, заключается в том, что в нем трактуются элементы симметрии, относящиеся ко всем без исключения физическим явлениям.

Основываясь на глубоком изучении групп симметрии, которые могут существовать в природе, Пьер Кюри показал, как нужно использовать эти факты и с геометрической и с физической точек зрения, чтобы предвидеть возможность или невозможность появления данного феномена в условиях опыта. В начале одной статьи он пишет так:

«Я думаю, что следует ввести в физику понятие симметрии, привычное для кристаллографов».

Его работы в этой области имеют фундаментальное значение; отвлеченный другими исследованиями, он сохранял всегда живой интерес к физике кристаллов и не оставлял проекта вернуться к изысканиям в этой области.

Принцип симметрии, так живо интересовавший ум Пьера Кюри, является одним из тех немногочисленных великих принципов, которые господствуют в физических явлениях; исходя из понятий, вытекающих из опыта, они мало-помалу приобретают все более и более общую совершенную форму. Таким путем, например, понятие эквивалентности теплоты и работы вместе с существовавшим уже ранее представлением о соотношении между кинетической и потенциальной энергией позволило установить очень широкий и общий принцип сохранения энергии. Точно так же принцип сохранения материи был выведен на основании опытов Лавуазье, являющихся основными для химии. Недавно удивительный синтез позволил достичь еще более высокой степени обобщения — соединением этих двух принципов в один, так как было доказано, что масса тела пропорциональна его внутренней энергии. Изучение явлений электричества привело Липпманна к провозглашению общего принципа сохранения электричества. Принцип Карно, порожденный размышлениями над работой тепловых машин, тоже получил столь общее значение, что позволяет предвидеть наиболее вероятное направление самопроизвольной эволюции для любой материальной системы.

Принцип симметрии дает пример подобной же эволюции. Понятие симметрии могло быть подсказано прежде всего наблюдением над природой: последняя, правда в несовершенном виде, дает нам примеры симметрии уже в строении животных и растений, еще совершеннее симметрия выступает, когда дело

касается кристаллических минералов. Тут сама природа как бы подсказывает понятие о плоскости симметрии и об оси симметрии. Предмет обладает плоскостью симметрии, если его можно разделить на две части, из которых каждая представляет как бы зеркальное изображение другой; приблизительно это имеет место в форме тела человека и многих животных. Предмет обладает осью симметрии n-ного порядка, если он совмещается сам с собой при поворачивании вокруг этой оси на n-ную часть окружности; так, правильный цветок с четырьмя лепестками имеет ось симметрии четвертого порядка. Кристаллы вроде каменной соли или квасцов обладают несколькими плоскостями симметрии и несколькими осями различного порядка.

Геометрия учит нас элементам симметрии многогранников и учит нас открывать между этими элементами необходимые соотношения, позволяющие соединять их в группы. Знание этих групп очень полезно для установления рациональной классификации форм кристаллов в небольшое число систем, из которых каждая происходит от простой геометрической формы: так, правильный октаэдр принадлежит к той же системе, что и куб, потому что группировка осей и плоскостей симметрии в обоих случаях одна и та же.

При изучении физических свойств кристаллизованного вещества необходимо дать себе отчет в симметрии этого вещества; оно, вообще говоря, анизотропно, то есть обладает свойствами, не одинаковыми во всех направлениях, между тем как такие среды, как стекло или вода, изотропны (в этом случае все направления одинаковы). Изучение оптики показало, что распространение света в кристалле зависит от элементов его симметрии.

То же самое можно сказать о теплопроводности и электропроводности, о намагничивании и поляризации кристаллов.

Размышляя об отношениях между причинами и следствиями, проявляющимися при этих явлениях, Пьер Кюри был принужден дополнить и расширить понятие симметрии, рассматривая ее как состояние пространства, характерное для среды, где происходит данное явление. Для определения этого состояния надо не только дать себе отчет о строении среды, но и о состоянии движения изучаемого объекта, а также о физических факторах, действующих на него. Так, прямой круговой цилиндр имеет плоскость симметрии, перпендикулярную к своей оси в ее середине, и бесконечное число плоскостей симметрии, проходящих через ось. Если этот цилиндр вращается вокруг своей оси, первая плоскость симметрии остается, но все остальные

исчезают; если же, кроме того, сквозь цилиндр в длину его проходит электрический ток, то при этом уже не сохраняется никакой плоскости симметрии.

Для каждого явления следует определять элементы симметрии, совместимые с его существованием: одни из этих элементов могут существовать наряду с некоторыми явлениями, но они не являются необходимыми. «Действительно, необходимо лишь, чтобы некоторые из этих элементов симметрии не существовали. Дисимметрия творит явление. Когда несколько явлений накладываются друг на друга, дисимметрия возрастает».

Как следствие вышеприведенных соображений Пьер Кюри формулирует общий закон, уже цитированный выше, достигающий высшей степени обобщения и абстракции. Синтез, полученный таким путем, кажется окончательным, и остается только вывести все следствия.

Для этого нужно определить особую симметрию каждого явления и ввести классификацию, позволяющую ясно видеть основные группы симметрии. Масса, электрический заряд, температура имеют один и тот же тип симметрии, называемый скалярным; это есть, иначе говоря, симметрия сферы. Поток воды или постоянный электрический ток имеют симметрию стрелы типа полярного вектора. Симметрия прямого кругового цилиндра принадлежит к типу тензора. Вся физика кристаллов может быть сведена к тому, что вместо определенных специфических явлений изучаются только геометрические и аналитические отношения между некоторыми величинами, из которых одни рассматриваются как причины, а другие — как следствия.

Так, изучение электрической поляризации, вызываемой электрическим полем, сводится к изучению отношения между двумя системами векторов и к написанию системы линейных уравнений, содержащих девять коэффициентов; та же система уравнений остается в силе для соотношений между электрическим полем и электрическим током в кристаллах-проводниках или для случая известного градиента температуры и теплового потока; только значение коэффициентов должно быть изменено. Точно так же все особенности пьезоэлектрических явлений могут быть предусмотрены изучением общего отношения между вектором и системой тензоров; все богатство явлений упругости зависит от отношения между двумя системами тензоров, которые содержат в общем случае 36 коэффициентов.

По этим выводам можно дать себе отчет о большом философском значении понятий симметрии, встречающихся в каждом явлении природы, глубокий смысл которых был так хорошо определен ясной мыслью Пьера Кюри. Интересно здесь

вспомнить то соотношение, которое видел Пастер между этими понятиями и явлениями жизни. «Вселенная, — говорил он, — асимметричное целое. Я склоняюсь к мысли, что жизнь, как она нам является, должна быть функцией несимметричности вселенной или функцией следствий, которые она влечет за собой».

По мере того как налаживалось его преподавание в институте, Пьер Кюри мог думать о возобновлении экспериментальных исследований, но лишь в случайных условиях» Действительно, он не располагал ни собственной лабораторией, ни даже хотя бы комнатой, предоставленной исключительно в его распоряжение. Он не имел также и кредитов для своих изысканий. Лишь спустя несколько лет пребывания в институте он получил благодаря поддержке Шютценбергера маленькое ежегодное пособие для своих работ. До тех пор необходимый материал доставлялся ему по мере возможности из общего кредита (к несчастью, достаточно ограниченного) учебной лаборатории благодаря благожелательности его начальства.

Что касается помещения, то он должен был довольствоваться малым. Некоторые из его опытов были поставлены в залах для студентов в те промежутки, когда они ими не пользовались. Но чаще всего он работал в проходе между лестницей и залом для практических занятий; там, между прочим, он сделал свою большую и знаменитую работу о магнетизме.

Это ненормальное и невыгодное для ученого положение вещей имело благоприятное следствие: оно сблизило его со студентами, которые иногда могли принимать участие в его научных занятиях.

Его возвращение к экспериментальным работам отмечено появлением глубокого исследования о «Точных апериодических весах, показывающих непосредственно вес предмета» (1889, 1890, 1891 гг.). В этих весах употребление малого разновеса заменено применением микроскопа, при помощи которого виден микрометр, прикрепленный к стрелке весов. Показание прибора отсчитывается, когда колебания коромысла уже прекратились, что происходит очень быстро благодаря применению соответственно устроенных воздушных буферов. Весы эти представляли собой значительный прогресс по сравнению со старыми системами; они оказались особенно ценными в лабораториях аналитической химии, где быстрота взвешиваний часто необходима для точности результата. Введение в лабораторную практику весов Кюри сделало эпоху в конструкции этих инструментов. Работа была далеко не эмпирической; она основана была на теоретическом изучении затухающих

колебаний и на построении многочисленных кривых, выполненных с помощью некоторых из его учеников.

Около 1891 года Пьер. Кюри начал длинную серию исследований магнитных свойств тел при различных температурах, начиная с комнатной и кончая 1400°.

Эта работа, сделанная в течение нескольких лет, была представлена как докторская диссертация факультету естествознания Парижского университета в 1895 году. Вот как определял Пьер Кюри в немногих словах тему своей работы и ее выводы:

«С точки зрения магнитных свойств, тела делятся на три определенные группы: тела диамагнитные, парамагнитные и ферромагнитные. С первого взгляда эти группы совершенно обособлены.

Мои опыты не дали возможности установить связь между свойствами тел диамагнитных и парамагнитных[6], и выводы благоприятны для теорий, приписывающих магнетизм и диамагнетизм разнородным — причинам. Напротив, свойства ферромагнитных и слабопарамагнитных тел тесно связаны между собою».

Работа представила значительные экспериментальные трудности, так как необходимо было измерять очень малые силы (порядка 1/100 миллиграмма) в приборе, где температура могла достигать 1400°.

Пьер Кюри отлично понял, что выводы, здесь полученные, имеют основное значение с теоретической точки зрения. Закон Кюри, по которому коэффициент намагничивания слабомагнитных тел изменяется обратно пропорционально абсолютной температуре, — замечательно простой закон, вполне сходный с законом Гей-Люссака относительно изменения плотности идеального газа с температурой. В 1905 году П. Ланжевену в его известной теории магнетизма удалось отдать должное закону Кюри и найти, с теоретической точки зрения, основную разницу между причинами диамагнетизма и парамагнетизма. Эта работа, а также и важные исследования П. Вейса доказали точность выводов Пьера Кюри и глубину аналогии, которую он заметил между интенсивностью намагничивания и плотностью жидкости; парамагнитное состояние сходно с газообразным, а ферромагнитное — с конденсированным.

В связи с этой работой Пьер Кюри посвятил некоторое время на изыскание новых явлений, существование которых a priori не казалось ему невозможным. Он искал сильно диамагнитные тела и не нашел их. Он искал также, нет ли тел — проводников

магнетизма — и может ли магнетизм существовать в свободном состоянии, как электричество; и тут результат был отрицательным. Он никогда не печатал ничего об этих работах, имея привычку исследовать явления часто без большой надежды на успех, лишь из любви к неожиданному и вовсе не думая об опубликовании всех своих попыток.

Эта совершенно бескорыстная страсть к научному исследованию была причиной того, что он не особенно заботился о докторской диссертации и использовании для этого своих первых работ. Ему было уже тридцать пять лет, когда он решился собрать с этой целью результаты только что законченной прекрасной работы о магнетизме.

Я сохранила живое воспоминание о защите диссертации, на которую он пригласил меня ввиду дружбы, связывавшей нас уже в ту эпоху. Жюри состояло из профессоров Бути, Липпманна и Отфейля. Среди присутствующих были друзья Пьера Кюри и его старый отец, счастливый успехом сына. Я помню простоту и ясность изложения, уважение, с которым относились профессора, и беседу, завязавшуюся между ними и Пьером Кюри, напоминавшую заседание Физического общества. Маленький зал в тот день был приютом возвышенной человеческой мысли, и я была вся (проникнута этим ощущением.

Вспоминая этот период жизни Пьера Кюри (1883–1895 гг.), можно определить эволюцию молодого физика в его должности руководителя работ. Ему удалось организовать за это время совершенно новую программу занятий, напечатать серию значительных теоретических статей и первоклассных экспериментальных исследований, сконструировать весьма совершенные, новые приборы — все это в очень неудовлетворительных условиях в смысле помещения и кредита. По этому можно судить, что он сумел победить сомнения и колебания своей ранней юности, для того чтобы дисциплинировать методы работы и использовать свои исключительные природные способности.

Уважение к нему во Франции и за границей возрастало. Его с интересом слушали на заседаниях ученых обществ (Физического, Минералогического и Электротехнического), где он имел обыкновение делать доклады и где он охотно вступал в прения по различным научным вопросам.

Среди заграничных ученых, высоко ценивших его уже в то время, можно прежде всего назвать знаменитого английского физика лорда Кельвина, завязавшего с ним сношения по поводу одной научной дискуссии и постоянно выражавшего свое уважение и симпатию к нему. В одну из своих поездок в Париж

лорд Кельвин был на заседании Физического общества, где Пьер Кюри делал сообщение о конструкции и применении конденсаторов-эталонов с охранным кольцом. В этом докладе он рекомендовал применение особой установки, состоящей в том, что заряжают пластинку, окруженную защитным кольцом, соединенным с землей, а затем используют для измерения индуктированный заряд на второй пластинке. Хотя расположение силовых линий тогда очень сложно, но индуктированный заряд вычисляется по электростатической теореме по той же простой формуле, что и в обычном случае однородного поля; выгода новой установки была в лучшей изоляции. Лорд Кельвин счел первоначально ход рассуждения неправильным; несмотря на свою известность и преклонный возраст, он на следующий день отыскал молодого руководителя работ в его лаборатории и вступил с ним в спор у доски. Он был окончательно убежден представленными доводами и, казалось, был рад согласиться со своим противником[7].

Пьер Кюри

Родители Пьера Кюри, брат его Жак (слева), и Пьер Кюри.

А. Беккерель в лаборатория. Вверху — первый отпечаток, благодаря которому А. Беккерель обнаружил самопроизвольное излучение, испускаемое солью урана

Можно удивляться, что Пьер Кюри, несмотря на свои заслуги, в течение двенадцати лет сохранял скромную должность руководителя работ. Это, без сомнения, зависело главным образом от легкости, с которой забывают лиц, не рекомендуемых, не протежируемых, не поддерживаемых чьим-либо сильным влиянием. Это проистекало также и вследствие полной невозможности для него прибегать к постоянным хождениям, связанным с каждой попыткой активной поддержки выставленной кандидатуры. Независимость его характера не позволяла ему просить улучшения своего положения, очень скромного, так как его жалованья (около 300 франков в месяц) едва хватало на очень скромную жизнь.

Вот что он писал по этому поводу:

«Мне сказали, что один из профессоров, быть может, уйдет в отставку, а в таком случае я должен выставить свою кандидатуру

на его место. Быть кандидатом на чье-нибудь место — пакостное дело, я не привык к подобным упражнениям, в высшей мере развращающим человека. Я сожалею, что заговорили со мной об этом. Думаю, что нет ничего более зловредного для духа, как отдаваться таким заботам».

Если он не желал повышения, то еще менее он был склонен к почестям. В частности, у него было очень твердое убеждение в отношении почетных отличий; он не только не верил в их полезность, но считал их просто вредными, полагая, что желание получить их — причина волнений, отодвигающих на второй план более достойную для человека цель: творчество ради любви к нему самому. Привыкнув к большой моральной честности, он не колебался согласовать свои действия с убеждениями. Когда из уважения к нему Шютценбергер хотел доставить ему академические отличия, он отказался, несмотря на преимущества, которые давало это в будущем, и написал своему директору:

«…господин Мюзэ сказал мне, что Вы имеете намерение снова предложить меня префекту для награждения знаком отличия. Прошу очень это не делать. Если Вы выхлопочете это отличие, я буду вынужден отказаться от него, так как я твердо решил не принимать никаких отличий любого рода. Надеюсь, что Вы избавите от поступка, который поставит меня в несколько смешное положение перед многими людьми.

Если Ваше намерение вызвано желанием доказать Ваше участие ко мне, то Вы это уже доказали и гораздо более действительным способом, дав мне средства для работы по моему желанию, чем я был очень тронут».

Хотя Пьер Кюри отказывался хлопотать о перемене своего положения, оно все-таки изменилось в 1895 году. Очень известный физик профессор Маскар, на которого произвели впечатление научные труды Пьера Кюри и уважение, оказываемое ему лордом Кельвином, настоял, чтобы Шютценбергер поднял вопрос об учреждении новой кафедры физики. Итак, Пьер Кюри был назначен профессором в условиях, еще более подчеркивающих его заслуги. Но, однако, в то время ничего не было сделано для улучшения условий работы, крайне неудовлетворительных, как мы уже видели выше.

Глава IV

Брак и семейная жизнь.

первые я встретилась с Пьером Кюри весной 1894 года; тогда я жила в Париже, где уже в течение трех лет была студенткой Сорбонны[8]. Я сдала лиценциатские экзамены по физике и готовилась к испытаниям по математике; в то же самое время я начала работать в исследовательской лаборатории профессора Липпманна. Один физик-поляк, который приходился мне родственником и который очень уважал Пьера Кюри, однажды пригласил нас обоих провести вечер с ним и его женой.

Когда я вошла, Пьер Кюри стоял в пролете стеклянной двери, выходившей на балкон. Он показался мне очень молодым, хотя ему исполнилось в то время тридцать пять лет. Меня поразило в нем выражение ясных глаз и чуть заметная непринужденность в осанке высокой фигуры. Его медленная, обдуманная речь, его простота, серьезная и вместе с тем юная улыбка располагали к полному доверию. Между нами завязался разговор, быстро перешедший в дружескую беседу; он занимался такими научными вопросами, относительно которых мне было очень приятно узнать его мнение, а также вопросами социальными или гуманитарными, представлявшими для нас обоих большой интерес; между его образом мыслей и моим, несмотря на то, что мы происходили из разных стран, было удивительное сходство; его можно приписать отчасти известному сходству моральной атмосферы, среди которой каждый из нас вырос в своей семье.

Мы снова встречались в Физическом обществе и в лаборатории; затем он попросил у меня позволения сделать визит. Я жила тогда в комнате на шестом этаже в студенческом квартале, в бедной квартирке, так как мои средства были крайне ограничены.

Однако я чувствовала себя счастливой, осуществив, наконец, в двадцать пять лет давнишнее пламенное желание серьезно заняться наукой. Пьер Кюри навещал меня, относясь с простотой и искренней симпатией к моей трудовой жизни. Вскоре он стал говорить мне о своей мечте посвятить всю жизнь научному исследованию и попросил меня разделить эту жизнь. Мне было не легко решиться на это, так как это означало разлуку с родиной, семьей и отказ от проектов общественной деятельности, которые были мне дороги. Выросши в атмосфере патриотизма, поддерживаемого гнетом, царившим в Польше, я хотела, как и многие из моих молодых соотечественников, посвятить свои силы сохранению национального духа.

Так обстояло дело, когда в начале каникул я покидала Париж, чтобы поехать к отцу в Польшу.

Наша переписка во время разлуки закрепила за родившуюся привязанность.

Летом 1894 года Пьер Кюри писал мне письма, которые я считаю удивительными в целом. Ни одно из них не было очень длинно, так как он имел привычку кратко выражаться, но все они были написаны с очевидным желанием дать узнать себя той, кого он избрал подругой, таким, как он есть, с объективной искренностью. Само изложение мне всегда казалось исключительным: никто не умел так, как он, в нескольких строках описать душевное состояние или положение, вызвав поразительно правдивый образ при помощи очень простых средств. Некоторые отрывки из его писем уже цитировались в этой книге, а другие будут приведены дальше. Здесь следует привести те места, где он высказывает свой взгляд на предполагаемый брак:

«Мы дали обещание друг другу (неправда ли?) быть по крайней мере в большой дружбе. Только бы Вы не изменили своего намерения. Ведь прочных обещаний не бывает; такие вещи не делаются по заказу. А все-таки как было бы прекрасно то, чему я не решаюсь верить, а именно — провести нашу жизнь друг подле друга, завороженными нашими мечтами: Вашей патриотической мечтой, нашей всечеловеческой мечтой и нашей научной мечтой. Из всех них, по моему мнению, только последняя законна… С научной точки зрения… мы можем рассчитывать на некоторое достижение; в этой области почва крепче и вполне доступна, и как бы мало ни было достигнутое, это — приобретение».

«Я горячо советую Вам вернуться в Париж в октябре. Меня крайне огорчит, если Вы не вернетесь в этом году. Не из дружеского эгоизма я говорю Вам: возвращайтесь. Мне только верится, что здесь Вы будете работать лучше и делать свое дело основательнее и с большей пользой».

Из этого письма можно понять, что Пьер Кюри не представлял себе иначе своего будущего. Он посвятил жизнь своей научной мечте: ему нужна была подруга, которая могла бы жить этой мечтой вместе с ним. Как он говорил мне неоднократно, он не женился до тридцати шести лет только потому, что не верил в возможность брака, соединенного с тем, что для него было абсолютной необходимостью.

Еще двадцати двух лет он писал в своем дневнике: «Женщина гораздо больше нас любит жизнь ради жизни. Умственно одаренные женщины — редкость. Поэтому, если мы, увлекшись некой мистической любовью, хотим пойти новой неестественной дорогой и отдаем все наши мысли определенной творческой работе, которая отдаляет нас от окружающего человечества, то

нам приходится бороться против женщин… Эта борьба почти всегда неравная, так как на стороне женщин законная причина: они стремятся обратить нас вспять во имя жизни и естества».

В цитированном выше письме видна его непоколебимая вера в науку и в возможность при ее помощи всеобщего блага человечества; это настроение можно сопоставить с тем, которое продиктовало Пастеру известные слова: «Я непоколебимо верю, что наука и мир восторжествуют над невежеством и войной».

Благодаря этой вере, что все вопросы могут быть разрешены путем научных исследований, Пьер Кюри не был склонен принимать активное участие в политике. По воспитанию и чувствам он был демократ и социалист, но не был связан никакой партийной доктриной. Он, однако, всегда выполнял свои обязанности избирателя, как и его отец. Он не верил в применение принуждения как в общественной, так и в частной жизни.

«Что подумали бы Вы, — писал он мне, — о человеке, если бы ему пришло в голову пробить лбом стену из тесаного камня? А ведь такая мысль может явиться в результате наилучших побуждений, но, по существу, она нелепа и смешна.

Я полагаю, что определенные вопросы требуют общего решения и в настоящее время уже не допускают ограниченного, местного решения, а когда вступают на путь, который ведет в тупик, то можно наделать много зла. Я полагаю также, что справедливость — не от сего мира, и что самая крепкая система, или, вернее, самая экономная, та, которая одержит верх. Человек изнуряет себя работой, а все-таки живет нищим. Это возмутительное дело, но прекратится оно не по причине своей возмутительности. Вероятно, оно исчезнет потому, что человек — своего рода машина; а с точки зрения экономии выгоднее пользоваться любой машиной по ее норме, не насилуя».

В своей внутренней жизни ему была необходима такая же ясность и определенность, как и при изучении общих проблем. Стремление к лояльности по отношению к себе и к другим заставляло его страдать от компромиссов, которых требовала от него жизнь, хотя он доводил их до минимума.

«Мы все — рабы наших привязанностей, рабы предрассудков даже не своих, а дорогих нам лиц; мы должны зарабатывать себе на жизнь, а вследствие этого становимся частью машины. Самое тяжкое — это те уступки, которые приходится делать предрассудкам окружающего нас общества; больше или меньше, в зависимости от большей или меньшей силы самого себя. Если делаешь их чересчур много, то унижаешь себя и делаешься противен самому себе. Вот и я уже отошел от тех принципов,

каких держался десять лет назад. В то время я думал, что надо держаться крайности во всем и не делать ни одной уступки окружающей среде. Я думал, что надо преувеличивать и свои достоинства и свои недостатки».

Таковы были мысли того, кто, сам не имея состояния, желал соединить свою жизнь с жизнью встреченной им бедной студентки.

По возвращении после каникул наши дружеские отношения становились для нас все более дорогими; каждый из нас понимал, что не найдет лучшего спутника жизни. Наш брак был решен и состоялся 25 июля 1895 года. Согласно нашим общим желаниям церемония была сведена к минимуму; она была гражданской, так как Пьер Кюри не принадлежал ни к какому культу, а я не была верующей. Родители Пьера Кюри приняли меня очень сердечно, и, в свою очередь, мой отец и сестры, присутствовавшие на моей свадьбе, были счастливы познакомиться с семьей, в которую я вошла.

Наша первая квартира, крайне скромная, состояла из трех комнат недалеко от Института физики. Ее главным достоинством был вид из окон на большой сад. Меблировка, сборная, состояла из вещей, принадлежавших нашим родителям. Наши средства не позволяли нам иметь прислугу. Я должна была сама заниматься хозяйством, к чему я уже привыкла в течение моей студенческой жизни.

Жалованье профессора Пьера Кюри равнялось 6 тысячам франков в год, и мы хотели, чтобы он не искал дополнительных заработков, по крайней мере вначале. Что касается меня, то я стала готовиться к экзамену на преподавательницу женских гимназий и получила место в 1896 году. Наша жизнь была целиком построена так, чтобы была максимальная возможность научной работы, и дни наши протекали в лаборатории, где Шютценбергер разрешил мне работать вместе с мужем.

Пьер Кюри был тогда живо заинтересован своей работой о росте кристаллов. Он желал узнать, растут ли некоторые грани кристаллов преимущественно перед другими из-за особой скорости роста или вследствие различий в растворимости. Он скоро получил интересные результаты (которые не были опубликованы), но должен был прервать эту работу, чтобы заняться исследованием радиоактивности, и никогда уже ее не возобновлял, о чем он часто сожалел. Я в то время была занята изучением намагничивания закаленной стали.

Подготовка к лекциям была одной из главных забот Пьера Кюри. Кафедра была только что основана, и никакой определенной программы курса не было установлено. Он

разделил свои лекции на два отдела: кристаллографию и электричество; потом, убедившись в полезности для будущих инженеров серьезного теоретического курса электричества, он всецело посвятил свои часы этому предмету, и ему удалось создать курс (около 120 лекций), наиболее полный и наиболее соответствующий последним выводам науки из всех, прочитанных тогда в Париже. Для этого ему потребовались значительные усилия, чему я была ежедневной свидетельницей; он желал дать полное представление о явлениях и эволюцию теорий и идей и в то же время заботился о точности и ясности изложения. Он думал напечатать этот курс, но впоследствии, поглощенный многочисленными занятиями, к несчастью, не смог привести этого проекта в исполнение.

Мы жили в тесном единении, имея много общих интересов: теоретическая работа, опыты в лаборатории, подготовка к лекциям и экзаменам. В течение одиннадцати лет нашей совместной жизни мы почти не разлучались, и от этой эпохи остались лишь немногие строки. Наши дни отдыха или каникулы были посвящены прогулкам пешком или на велосипеде либо в окрестностях Парижа, либо на берегу моря или в горах. Интерес к работе был так интенсивен у Пьера Кюри, что ему трудно было прожить долго в таком месте, где не было возможности работать. Через несколько дней он уже говорил: «Мне кажется, что мы давно ничего не делали».

В экскурсии, напротив, он чувствовал себя счастливым и наслаждался прогулками, которые мы совершали вместе, как когда-то наслаждался ими с братом; но радость при виде красивых мест не мешала ему думать о научных вопросах. Мы посетили, таким образом, область Севенн, Овернские горы, равно как побережье Франции и некоторые из ее больших лесов.

Эти дни на воздухе и в красивых местностях оставляли глубокое впечатление, которое мы любили впоследствии вспоминать. Лучезарное воспоминание осталось у нас об одном солнечном дне, когда после длинного, тяжелого подъема мы ехали по зеленым лугам Обрана в чистом воздухе высоких плато. Другое яркое воспоминание оставил один вечер в долине Трюейр, где уже в сумерках мы задержались, наслаждаясь народной песней, что неслась с лодки, плывшей по течению, и замирала где-то вдали. Плохо рассчитав время переездов, мы не могли добраться до нашей квартиры раньше утренней зари из-за встречи с какими-то телегами. Лошади испугались велосипедов, и нам пришлось срезать наш путь по вспаханным полям. Затем мы снова попали на дорогу по высокому плато, залитому нереальным лунным светом, и только сонные коровы, ночевавшие в загонах,

подходили к загородкам и степенно разглядывали нас большими, спокойными глазами.

Компьенский лес очаровывал нас весной своей нежной зеленью и необозримыми цветочными коврами из барвинка и анемон. Берега Луенга и опушка леса в Фонтенбло, усеянные водяными лютиками, вызывали восхищение Пьера Кюри. Мы любили тихую меланхолию берегов Бретани и ланды, покрытые вереском и диким терном, простиравшиеся до самых высот Финистера, напоминающих когти или зубы, далеко выступающие в море и обточенные им.

Позже, когда с нами был наш ребенок, мы были принуждены проводить каникулы в одной какой-либо местности, не переезжая с места на место. Мы жили тогда очень просто, в отдаленных деревнях, где нас едва можно было отличить от местных жителей. Я помню изумление американского журналиста, заставшего нас в Пульдю в тот момент, когда, сидя на каменных ступенях у дома, я вытряхивала песок из моих туфель. Но его смущение длилось недолго, и, освоившись с положением, он уселся рядом со мной и стал записывать карандашом в свою памятную книжку мои ответы на вопросы.

Между родителями моего мужа и мною установились самые сердечные отношения. Мы часто бывали в Со, где прежняя комната моего мужа навсегда осталась в нашем распоряжении; такая же нежная привязанность установилась между мной и Жаком Кюри и его семьей (он был женат и имел двоих детей); брат мужа стал моим братом и остался им навсегда.

Наша старшая дочь Ирэн появилась на свет в сентябре 1897 года, а несколько дней спустя Пьер Кюри имел несчастье потерять свою мать. Доктор Кюри тогда поселился с нами в доме с садом у укреплений Парижа (108, бульвар Келлерман), недалеко от парка Монсури. Там Пьер Кюри прожил до конца своей жизни.

С рождением нашего ребенка увеличились затруднения с организацией нашей научной работы, так как мне пришлось посвятить больше времени домашним заботам. К счастью, я могла оставлять свою девочку с ее дедушкой, который очень любил с ней возиться. Надо было думать о добывании новых средств для увеличившейся семьи и прислуги, которая с этих пор стала мне необходима в домашнем обиходе. Однако наше материальное, положение оставалось тем же в течение двух следующих лет, посвященных интенсивной лабораторной работе над радиоактивностью. Оно улучшилось лишь в 1900 году, правда в ущерб времени, которое мы могли отдавать научным исследованиям.

Всякие светские знакомства были исключены из нашей

жизни. Пьер Кюри имел непобедимое отвращение к обязанностям этого рода; и молодым человеком и позже он не делал визитов и не завязывал неинтересных знакомств. Серьезный и молчаливый, он предпочитал лучше предаваться размышлениям, чем обмениваться банальными словами. Зато, напротив, он придавал большое значение отношениям с друзьями детства и с теми, с кем он был связан общностью научных интересов.

Среди последних прежде всего необходимо назвать Ж. Гун, профессора университета в Лионе. Его дружба с Пьером Кюри началась еще со времени, когда оба они были препараторами в Сорбонне. Они поддерживали постоянную переписку по научным вопросам и всегда с удовольствием встречались во время кратких посещений Ж- Гуи Парижа, когда они неизменно бывали вместе. Точно так же Пьер Кюри поддерживал давнишние дружеские отношения с Ш.-Эд. Гийомом, в настоящее время директором Палаты мер и весов в Севре. Они видались на заседаниях Физического общества, а иногда встречались в Севре или в Со.

Позднее вокруг Пьера Кюри образовалась группа более молодых друзей, занимавшихся подобно ему исследованиями в новых областях физики и химии: Андре Дебьерн, его сотрудник по работам в области радиоактивности, и близкий друг Жорж Саньяк, работавший с ним над Х-лучами, Поль Ланжевен, его бывший ученик, сделавшийся затем профессором, Жан Перрен, в настоящее время профессор физической химии в Сорбонне, Жорж Урбен, бывший ученик института, а теперь профессор химии и Сорбонне. Нередко то тот, то другой из них навещали нас в нашем тихом доме на бульваре Келлермана. Мы беседовали тогда относительно работ, которые мы вели или собирались ставить, и сообща радовались удивительным успехам современной физики.

В нашем доме не бывало больших собраний, так как Пьер Кюри не желал этого. Он чувствовал себя лучше, разговаривая в небольшом кружке, и редко ходил на какие-либо собрания, кроме заседаний научных обществ. Если случайно он попадал в среду, где общий разговор не мог его заинтересовать, он удалялся в спокойный угол и забывал об окружающем, погруженный в свои мысли.

Наши семейные связи были очень ограничены как с его, так и с моей стороны, так как его семья была невелика, а моя — далеко. Он тем не менее очень сердечно относился к моим родственникам, когда они приезжали ко мне в Париж или когда он встречался с ними во время каникул.

В 1899 году Пьер Кюри совершил со мной путешествие в австрийскую Польшу, в Карпаты, где одна из моих сестер, сама врач и замужем за доктором Длусским, заведовала вместе с

мужем большим санаторием. С трогательным желанием узнать все для меня дорогое Пьер Кюри хотел учиться по-польски, хотя вообще он мало знал иностранные языки, и хотя я вовсе не советовала ему заниматься изучением языка, который не мог ему пригодиться. У него была искренняя симпатия к моей родине, и он верил в возрождение свободной Польши в будущем.

В нашей совместной жизни он позволил мне узнать себя, как он этого желал, и с каждым днем все более и более проникать в его мысли. Он превзошел все, о чем я могла мечтать в момент нашего соединения. Мое восхищение его исключительными достоинствами, столь редкими и возвышенными, непрестанно возрастало, и он казался мне единственным существом, свободным от всякого тщеславия и той мелочности, которую постоянно приходится встречать у себя и у других и судить о ней снисходительно, а о совершенстве лишь мечтать.

В этом, без сомнения, заключался секрет бесконечного обаяния, которое исходило от него и к которому нельзя было оставаться нечувствительным. Его задумчивое лицо и ясный взгляд были очень привлекательны. Это приятное впечатление увеличивалось его доброжелательностью и мягкостью его характера. Он иногда говорил, что он не чувствует себя борцом, и это было совершенно верно. С ним нельзя было завязать спора, так как он не умел сердиться. «Я не настолько силен, чтобы гневаться», — говорил он, улыбаясь. Если у него было мало друзей, то зато совсем не было врагов, так как ему никогда не случалось оскорбить кого-нибудь, даже по оплошности. Тем не менее его нельзя было заставить уклониться от раз намеченной линии поведения; эту особенность его отец выразил в данном ему прозвище «мягкого упрямца».

Он всегда откровенно выражал свое мнение, так как был убежден, что дипломатические ходы в общем бесполезны и прямая дорога в одно и то же время самая простая и самая лучшая. Этим он приобрел репутацию наивного; на самом же деле он действовал так по обдуманному желанию, а не инстинктивно. Может быть, именно потому, что он умел судить себя и сдерживаться, он и был способен ясно оценивать побудительные причины действий, намерения и мысли других, и если он мог не обращать внимания на детали, то редко ошибался в самой сущности. Чаще всего он сохранял про себя эти верные суждения, но он выражал их, не стесняясь, раз решившись на это, будучи уверен, что совершает полезный поступок.

В его сношениях с учеными он не допускал проявления самолюбия или личного чувства. Каждый успех доставлял ему удовольствие, даже в той области, где он сам мог надеяться на

приоритет. Он говорил: «Не все ли равно, что я не напечатал эту работу, раз другой ее напечатал», — и думал, что в науке надо интересоваться сущностью дела, а не лицами. Всякая мысль о соревновании была так противна ему, что он осуждал его даже в виде конкурса или распределения по успехам в гимназиях и в виде почетных отличий. Он всегда давал советы и ободрял тех, кого он считал способными к научной работе, и некоторые из них сохранили за это по отношению к нему глубокую благодарность.

Если его манера обличала избранника, достигшего вершины цивилизации, то поступки характеризовали его как доброго человека, с врожденным чувством человеческой солидарности, полного понимания и снисходительности. Он всегда был готов помочь (по мере своих средств) каждому в затруднительном положении и даже потратить на это часть своего времени, что было для него самой большой жертвой. Его бескорыстие было настолько добровольно, что его часто не замечали; материальные средства, с его точки зрения, нужны были лишь для того, чтобы обеспечить, кроме скромного существования, возможность помогать другим и работать сообразно своим вкусам.

Что же сказать о его любви к родным и о ето достоинствах как друга? Его дружба, которую он дарил редко, была надежна и верна, так как она основывалась на общности идей и мнений. Еще реже дарил он свою привязанность, но как всецело отдавал он ее своему брату и мне! Его обычная сдержанность уступала место непринужденности, устанавливавшей гармонию и доверие. Его любовь была прекраснейшим даром, надежной поддержкой, полной нежности и заботливости. Как хорошо было жить в обстановке, где все было проникнуто этой любовью, и как ужасно после этого потерять ее! Предоставим ему слово, чтобы показать, как он умел отдаваться: «Я думаю о своей милой, наполняющей всю мою жизнь, и мне хотелось бы иметь новые способности. Мне кажется, если я сосредоточу свой ум только на тебе, как я сейчас сделал, я непременно увижу и самое тебя, и чем ты занята, а вместе с тем дам тебе почувствовать, что в эту минуту я весь принадлежу тебе, — но образное представление мне не дается».

Так кончается письмо, которое он писал мне в один из коротких периодов разлуки.

Мы не слишком верили в наше здоровье и наши силы, часто подвергавшиеся тяжелым испытаниям; время от времени, как это бывает с теми, кто знает цену совместной жизни, у нас являлся страх непоправимого. Тогда его простое мужество всегда приводило к одному и тому же выводу: «Что бы ни случилось, и если пришлось бы стать телом без души, все-таки нужно работать».

Глава V

Мечта, ставшая действительностью. Открытие радия

Я уже упоминала выше, что в 1897 году Пьер Кюри был занят работой, касавшейся роста кристаллов. Я же к началу каникул закончила исследование намагничивания закаленной стали, которое доставило нам небольшое пособие от Общества поощрения национальной промышленности. В сентябре родилась наша дочь Ирэн, и, поправившись, я снова стала работать в лаборатории с целью подготовки к докторской диссертации.

Наше внимание было привлечено любопытным явлением, открытым в 1896 году Анри Беккерелем. Открытие Х-лучей Рентгеном волновало тогда умы, и многие физики искали, не испускают ли под действием света подобных лучей тела флуоресцирующие. Анри Беккерель изучал с этой точки зрения соли урана и, как это иногда случается, нашел явление, отличное от того, какое он искал: самопроизвольное испускание солями урана лучей с особенными свойствами. Так была открыта радиоактивность.

Вот в чем состоит явление, открытое Беккерелем: соединение урана, помещенное на фотографическую пластинку, обернутую черной бумагой, оставляет на ней отпечаток, подобный полученному под действием света. Отпечаток происходит от лучей урана, проходящих сквозь бумагу. Эти же лучи могут, как Х-лучи, произвести разряд электроскопа, сделав проводником окружающий воздух.

Анри Беккерель убедился, что эти качества не зависят от того, подвергалась ли соль предварительно действию света или нет, и что они сохраняются, когда урановое соединение хранится в темноте несколько месяцев. Приходилось спрашивать себя, откуда же происходит энергия, правда, очень небольшая, но постоянно выделяемая соединениями урана в виде излучений.

Изучение этого явления казалось нам весьма интересным, тем более, что этот вопрос, совершенно новый, кс связан был ни с какой библиографией. Я решила заняться работой на эту тему.

Надо было найти помещение, где бы можно было поставить эти опыты. Пьер Кюри получил от директора разрешение использовать мастерскую с окнами в нижнем этаже.

Чтоб расширить результаты, полученные Беккерелем, необходимо было употребить точный количественный метод. Наиболее удобным для измерения оказалась проводимость

воздуха, вызываемая лучами урана; это явление носит название ионизации и вызывается также и Х-лучами; исследования, недавно сделанные на эту тему, выяснили основные черты этого явления.

Для измерения очень слабых токов, которые можно заставить пройти сквозь воздух, ионизированный лучами урана, в моем распоряжении был прекрасный метод, изученный и примененный Пьером и Жаком Кюри; этот метод состоит в компенсировании на чувствительном электрометре количества электричества, которое переносится током, тем количеством, которое может быть получено растяжением пьезоэлектрического кварца. Прибор состоял, таким образом, из электрометра Кюри, пьезоэлектрического кварца и ионизационной камеры; последняя была устроена посредством пластинчатого конденсатора, причем верхняя пластинка была соединена с электрометром, между тем как нижняя, заряженная до известного потенциала, была покрыта тонким слоем исследуемого вещества. Этот электрометрический прибор был не на своем месте — в сыром и тесном помещении, где пришлось его поставить.

Мои опыты показали, что излучение соединений урана можно точно измерить в определенных условиях и что это излучение есть свойство атомов элемента урана; интенсивность излучения пропорциональна количеству урана, заключенному в соединении, и не зависит ни от рода химического соединения, ни от внешних условий, каковы, например, освещение или температура.

Тогда я занялась изысканиями, не существует ли других элементов, обладающих тем же свойством, и с этой целью изучила все известные в то время элементы как в чистом виде, так и в соединениях. Я нашла, что среди этих тел только соединения тория испускают лучи, подобные лучам урана. Излучение тория обладает интенсивностью того же порядка, что и излучение урана, и тоже представляет собой атомное свойство элемента.

С этого времени представилась необходимость найти новый термин для определения нового свойства материи, проявленного элементами ураном и торием. Я предложила для этого название «радиоактивность», которое сделалось общепринятым; радиоактивные элементы были названы радиоэлементами.

За время моего исследования я имела случай изучить не только простые соединения, соли и кислоты, но и большое число минералов. Некоторые из них оказались радиоактивными, а именно — содержащие уран и торий, но их радиоактивность казалась ненормальной, так как она была гораздо сильнее, чем можно было предвидеть, судя по содержанию урана или тория.

Эта аномалия нас очень удивила; так как я была вполне уверена, что дело было не в экспериментальной ошибке, то необходимо было найти объяснение. Тогда я предположила, что минералы содержат в небольшом количестве вещество гораздо более радиоактивное, чем уран или торий; это вещество не могло быть ни одним из известных уже элементов, так как все они были изучены; следовательно, это должен быть новый химический элемент.

Крайне интересно было возможно скорее подтвердить эту гипотезу. Живо заинтересованный этим вопросом, Пьер Кюри оставил свою работу над кристаллами — временно, как он думал, — и присоединился ко мне для исследования нового вещества.

Нами была избрана смоляная урановая руда, минерал урана, который в чистом виде почти в четыре раза более радиоактивен, чем окись урана.

После того как состав минерала был определен достаточно точными химическими анализами, можно было ожидать найти там максимум 1 процент нового вещества. Продолжение нашей работы показало, что в смоляной урановой руде действительно существуют новые радиоэлементы, но их пропорция не достигает даже одной миллионной доли.

Метод, примененный нами, был новый метод химического исследования, основанный на радиоактивности. Он заключается в выделении обычными средствами химического анализа и в измерении, в подходящих условиях, радиоактивности всех выделенных продуктов. Таким образом, можно было дать себе отчет о химических свойствах искомого радиоактивного элемента; последний сосредоточивается во фракциях, которые становятся все более радиоактивными по мере хода работы разделения. Мы вскоре узнали, что радиоактивность концентрировалась главным образом в двух различных химических фракциях, и мы принуждены были отметить в урановой смоляной руде присутствие по крайней мере двух новых радиоэлементов: полония и радия. Мы сделали сообщение о полонии в июле 1898 года, а о радии — в декабре того же года[9].

Несмотря на относительно быстрый ход работы, она была далеко не закончена. По нашему мнению, там, без сомнения, были новые элементы, но, чтобы заставить химиков признать это мнение, надо было выделить эти элементы. В наших наиболее радиоактивных продуктах (в несколько сотен раз более активных, чем уран) полоний и радий содержались все еще лишь в виде следов; полоний находился в смеси с висмутом, выделенным из смоляной урановой руды, а радий — в смеси с барием, из того же

минерала. Мы уже знали, какими методами можно надеяться отделить полоний от висмута и радий от бария, но для этого отделения нужны были гораздо большие количества основного вещества, чем те, с которыми мы имели дело.

В этот период нашей работы нам очень вредил недостаток необходимых средств: помещения, денег и персонала. Смоляная урановая руда была дорогим минералом, и мы не могли купить достаточного количества. Главный источник этого минерала находился тогда в Сент-Иоахимстале (Богемия), где залегала руда, разрабатываемая австрийским правительством в целях добычи из нее урана. По нашим предположениям, весь радий и часть полония должны были находиться в отбросах этого производства, которые в то время никак не утилизировались. Благодаря поддержке Венской академии наук нам удалось получить на выгодных условиях несколько тонн этих отбросов, и мы употребили их в качестве исходного материала. Для покрытия издержек исследования нам сначала пришлось употребить наши собственные средства, а потом мы получили несколько пособий и премий из-за границы.

Особенно важен был вопрос о помещении; мы не знали, где нам можно вести химическую переработку. Пришлось организовать ее в заброшенном сарае, отделенном двором от мастерской, где находился наш электрометрический прибор. Это был барак из досок с асфальтовым полом и стеклянной крышей, недостаточно защищавшей от дождя, без всяких приспособлений; в нем были только старые деревянные столы, чугунная печь, не дававшая достаточно тепла, и классная доска, которой так любил пользоваться Пьер Кюри. Там не было вытяжных шкафов для опытов с вредными газами; поэтому приходилось делать эти операции на дворе, когда позволяла погода, или же в помещении при открытых окнах.

В этой «богатой» лаборатории мы работали почти без помощников два года, ведя сообща как химическую обработку, так и изучение излучения получаемых нами все более и более радиоактивных продуктов. Потом пришлось разделить наш труд: Пьер Кюри продолжал исследование свойств радия, а я занялась химическими анализами с целью получения чистых солей радия. Мне доводилось обрабатывать зараз до двадцати килограммов первичного материала, и в результате уставлять сарай большими сосудами с химическими осадками и жидкостями.

Это был изнурительный труд — переносить мешки и сосуды, переливать жидкости из одного сосуда в другой, несколько часов подряд мешать кипящий материал в чугунном тазу. Я выделяла из руды радиоактивный барий и подвергала его в виде хлористой

соли дробной кристаллизации. Радий накоплялся в наименее растворимых фракциях, и этот процесс должен был привести к выделению чистого хлористого радия. Очень тонкие операции с последними кристаллизациями были значительно затруднены в такой плохо приспособленной лаборатории из-за железной и угольной пыли, от которой их нельзя было достаточно защитить.

Результаты, полученные через год, ясно показали, что легче отделить радий, чем полоний; поэтому в этом направлении и были сосредоточены все усилия. Полученные соли радия были подвергнуты исследованиям с целью изучения их действия. Пробы этих солей были даны нами многим ученым, в частности Анри Беккерелю[10].

В течение 1899 и 1900 годов Пьер Кюри совместно со мной напечатал статью о наведенной радиоактивности, вызываемой радием; кроме того, другую статью о действиях лучей радия: о свечении, химических эффектах и т. д.; затем об электрическом заряде, переносимом некоторыми из лучей, и, наконец, доклад общего характера о новых радиоактивных веществах и излучениях — для Физического конгресса, состоявшегося в Париже в 1900 году. Он напечатал также очерк о действии магнитного поля на лучи радия.

Работы, сделанные в то время нами и некоторыми другими учеными, выясняли главным образом свойства лучей, испускаемых радием, и показывали, что эти лучи принадлежат к трем различным категориям. Радий попускает поток частиц, обладающих большими скоростями; некоторые из них имеют положительный заряд и образуют лучи α; другие имеют отрицательный заряд и образуют лучи β. Эти две группы при своем полете отклоняются магнитом. Третья группа состоит из γ-лучей, не, чувствительных к действию магнита и, как теперь известно, являющихся излучением, сходным со светом и X-лучами.

Мы особенно обрадовались при наблюдении, что паши содержащие радий соли все светились самопроизвольно. Пьер Кюри говорил, что эта неожиданная особенность дала ему большее удовлетворение, чем он мог мечтать.

Конгресс 1900 года доставил нам случай близко ознакомить иностранных ученых с нашими новыми радиоактивными веществами. Они очень заинтересовали конгресс.

В ту пору мы с головой ушли в новую область, которая раскрылась перед нами благодаря неожиданному открытию. Несмотря на трудные условия работы, мы чувствовали себя вполне счастливыми. Все дни мы проводили в лаборатории… и нам случалось завтракать там просто, по-студенчески. В нашем

жалком сарае царили полный мир и тишина; бывало, когда нам приходилось только следить за ходом той или другой операции, мы прогуливались взад и вперед по сараю, беседуя о нашей теперешней и будущей работе; озябнув, мы подкреплялись чашкой чаю тут же, у печи. В нашем общем, едином увлечении мы жили как во сне… Нам случалось возвращаться вечером после обеда, чтоб бросить взгляд на наши владения. Наши драгоценные продукты, для которых у нас не было хранилища, были разложены на столах и на досках; со всех сторон видны были их слабо светящиеся точки, казавшиеся висящими в темноте; они всегда вызывали у нас новое волнение и восхищение.

Вообще Пьеру Кюри не полагалось услуг со стороны служащих института. Однако служитель лаборатории, который был в его распоряжении для практических работ, когда он был руководителем, продолжал помогать ему в свободное время. Этот славный малый по имени Пти любил нас и заботился о нас; многое было нам облегчено благодаря его доброй воле и участию, которое он принимал в нашем успехе.

Нашу работу по радиоактивности мы начали в одиночестве. Но ввиду широты самой задачи все большее и большее значение для пользы дела приобретало сотрудничество с кем-нибудь еще. Уже в 1898 году начальник работ института Ж. Бемон оказал нам временную помощь. Около 1900 года Пьер Кюри завел сношения с молодым химиком Андре Дебьерном, препаратором у профессора Фриделя, очень ценившего его как ученого. На предложение Пьера Андре Дебьерн охотно выразил свое согласие заняться радиоактивностью: он предпринял исследование нового радиоэлемента, существование которого подозревалось в группе железа и редких земель. Он открыл этот элемент, названный актинием. Хотя Андре Дебьерн работал в химико-физической лаборатории, руководимой Жаном Перреном, он часто заходил к нам в сарай, вскоре став очень близким другом и нашим и доктора Кюри, а впоследствии наших детей.

В то же время французский физик Жорж Саньяк, занятый изучением Х-лучей, часто заходил поговорить с Пьером Кюри об аналогиях, какие можно предвидеть между Х-лучами, их вторичным излучением и излучением радиоактивных тел. Они совместно сделали работу о переносе электрического заряда вторичными лучами.

В лаборатории мы очень мало виделись с людьми; время от времени кое-кто из физиков и химиков заходил к нам или посмотреть наши опыты, или спросить совета у Пьера Кюри, уже известного своими познаниями в нескольких разделах физики. И перед классной доской начинались те беседы, что оставляют по

себе лучшие воспоминания, возбуждая еще больший научный интерес и рвение к работе, и в то же время не прерывают естественное течение мыслей, не смущают атмосферу мира и внутренней сосредоточенности, какой и должна быть атмосфера лаборатории.

Глава VI

Борьба за средства для работы. Бремя славы. Первое проявление внимания со стороны государства. Слишком поздно

Несмотря на наше желание сосредоточить все усилия на начатой нами работе и на скромность наших потребностей, мы в 1900 году должны были признать, что увеличение наших ресурсов стало необходимым. Пьер Кюри не имел иллюзий на счет возможности получить в Париже заведование кафедрой, которое, не будучи обеспечено большим жалованьем, все же позволяло тогда небольшой семье существовать без добавочных доходов. Не кончив ни «Эколь нормаль», ни Политехнического института, Пьер Кюри не имел той поддержки, которая оказывалась этими институтами своим воспитанникам; должности, на которые он мог рассчитывать по своим научным трудам, распределялись помимо него, причем не поднималось даже и вопроса о возможности его кандидатуры. В начале 1898 года он безуспешно просил кафедры физической химии, вакантной после смерти Сале, и эта неудача утвердила его в мнении, что у него нет надежды сделать карьеру. Он получил, однако, должность репетитора в Политехническом институте, которую занимал только шесть месяцев.

Летом 1900 года Пьер Кюри получил неожиданное предложение: ему была предложена кафедра физики в Женевском университете. Декан этого университета сообщил ему об этом в сердечных выражениях, настаивая на том, что Женевский университет согласен приложить исключительные усилия, чтобы получить такого уважаемого ученого; выгоды, связанные с этим предложением, заключались в повышенном жалованье, в обещании расширить физическую лабораторию для наших работ и в официальном положении для меня в этой лаборатории. Такое предложение заслуживало внимательного обсуждения, поэтому мы съездили в Женеву, где нам был оказан самый хороший прием.

Решение, которое надо было принять, представлялось для нас очень серьезным. Женева предлагала нам хорошее материальное положение с возможностью спокойной жизни, похожей на деревенскую. У Пьера Кюри было большое искушение согласиться на предложение, и лишь в интересах наших исследований над радием он, наконец, принял противоположное решение. Он в самом деле боялся неизбежного при переезде перерыва в исследованиях.

В то время была свободной кафедра физики в P.C.N. (на подготовительном курсе Сорбонны). Пьер Кюри выставил свою кандидатуру, и был назначен лектором благодаря поддержке Анри Пуанкаре, желавшего, чтобы Кюри избежал необходимости покинуть Францию. В то же время я была назначена лектором по физике в Высшей женской нормальной школе в Севре.

Итак, мы остались в Париже с увеличившимися доходами. Но зато наши условия работы стали более трудными. Пьер Кюри имел две педагогические должности; преподавание в P.C.N. очень утомляло его из-за большого количества студентов. В свою очередь, я должна была посвящать много времени подготовке к лекциям в Севре и организации практических занятий, которые я считала недостаточными.

Для новых функций Пьера Кюри не существовало соответствующей лаборатории; маленькое бюро и единственная рабочая комната — это было все, чем он располагал в пристройке Сорбонны, предназначенной для преподавания в P.C.N. и находившейся в доме № 12 по улице Кювье. А между тем Пьеру Кюри крайне необходимо было работать самому, и, кроме того, в своей новой должности в Сорбонне он твердо решил принимать студентов и давать им работу, так как того требовало быстрое расширение работ по радиоактивности. Он предпринял шаги для увеличения находящегося в его распоряжении помещения. Каждый, кто делал подобные попытки, хорошо знает, сколько финансовых и административных препятствий встречает он при этом, сколько нужно официальных писем, визитов и заявлений, чтобы добиться малейшего успеха. Пьер невыносимо уставал и приходил в уныние. Сверх того, он должен был ходить постоянно из P.C.N. в сарай, который мы по-прежнему занимали для своих работ в школе.

Кроме того, наша работа не могла уже дальше развиваться, не прибегая к заводской обработке исходного вещества. Этот вопрос удалось разрешить благодаря добровольным пожертвованиям.

Начиная с 1899 года, Пьеру Кюри удалось организовать первую попытку промышленной добычи радия; с этой целью он воспользовался помощью Центрального общества химических

продуктов, с которым находился в сношениях по поводу постройки изобретенных им весов. Технические подробности были очень удачно даны А. Дебьерном, и опыты привели к хорошему результату, хотя понадобился персонал для этой химической работы, требовавшей особых предосторожностей.

Так как наши работы возбудили всеобщий интерес среди ученых, то подобные же опыты были предприняты за границей. Пьер Кюри вел себя в этом отношении крайне бескорыстно. По соглашению Пьер отказался извлечь материальную выгоду из нашего открытия: мы не взяли никакого патента и обнародовали полностью результаты наших исследований, а также способы извлечения чистого радия. Больше того, всем заинтересованным лицам мы давали требуемые разъяснения. Это пошло на благо производству радия, которое могло свободно развиваться сначала во Франции, потом за границей, поставляя ученым и врачам продукты, в которых они нуждались.

Это производство и до сего времени использует почти без изменений указанные нами способы добычи радия.

Хотя наша промышленная обработка дала хорошие результаты, но нам было трудно продолжать ее с теми небольшими средствами, которыми мы располагали. Увлекшись этим опытом, один французский промышленник, Арме де Лиль, возымел в 1904 году идею, которая могла показаться смелой для той эпохи: основать настоящую фабрику для добычи радия и поставки этого вещества врачам; интерес последних к радию пробудился под влиянием работ (только что появившихся) о биологическом действии радия и его применениях в терапии. Проект был с успехом приведен в исполнение благодаря сотрудникам, уже подготовленным нами для этого тонкого производства, в особенности благодаря Ф. Одепину и Ж. Данну. Таким образом, радий стал регулярно поступать в продажу, правда, по высоким ценам из-за особых условий этой промышленности и сразу же повысившихся цен на исходное сырье[11]. Надо ценить то чувство, которое побудило Арме де Лиля предложить нам свою помощь и предоставить в наше распоряжение, совершенно бескорыстно, небольшое помещение при фабрике и часть средств, необходимых для работы. Остальные средства были доставлены отчасти нами самими, отчасти пособиями; самое значительное из них, присужденное в 1902 году Академией наук, достигало 20 тысяч франков.

Таким путем имевшаяся у нас руда была постепенно использована для приготовления некоторого количества радия, который постепенно употреблялся для наших исследований. Радиоактивный барий извлекался на фабрике, а я занималась в

лаборатории очисткой и фракционной кристаллизацией. В 1902 году мне удалось приготовить дециграмм чистого хлорида радия, дававшего спектр одного лишь нового элемента — радия. Я сделала первое определение атомного веса, значительно превышавшего атомный вес бария. Таким образом, химическая индивидуальность радия была окончательно установлена, и реальность радиоэлементов сделалась безусловно доказанным фактом. Эта работа послужила мне темой для докторской диссертации, защищенной в 1903 году.

Позднее количество добытого радия было увеличено; в 1907 году я уже могла сделать второе, более точное определение атомного веса (225,35); в настоящее время принимают атомный вес радия равным 226. Мне удалось также вместе с А. Дебьерном получить металлический радий. Общее количество радия, приготовленного и переданного мною в лабораторию, равняется свыше чем одному грамму радия-элемента.

Активность чистого радия превысила все наши ожидания. Это вещество дает излучение, более чем в миллион раз превышающее излучение того же весового количества урана. С другой стороны, количества радия, содержащиеся в урановых минералах, не превышают трех дециграммов радия на тонну урана. Между этими веществами существует тесная связь: теперь известно, что радий появляется в минералах за счет урана.

Годы, последовавшие за назначением в P.C.N., были тяжелы для Пьера Кюри: ему пришлось столкнуться с многочисленными заботами по организации сложной работы, между тем как он мог быть счастливым, лишь сосредоточив свои усилия на определенном предмете. Физическая усталость была тем более тяжела, что он страдал припадками острых болей, все учащавшихся от переутомления.

Для него стало жизненной необходимостью облегчить свой профессиональный труд и тем сохранить свои силы и здоровье. Он решился просить кафедру минералогии, освободившуюся в Сорбонне, которой он вполне был достоин по своим глубоким познаниям и печатным работам по физической кристаллографии. Однако он не был назначен.

В этот тяжелый период ему удалось тем не менее путем сверхчеловеческого усилия закончить и напечатать несколько исследований, сделанных самостоятельно и в сотрудничестве с другими:

исследование по наведенной радиоактивности (в сотрудничестве с А. Дебьерном);

исследование на ту же тему (в сотрудничестве с Ж. Данном);

исследование проводимости, вызываемой в диэлектрических

жидкостях лучами радия и лучами Рентгена;

исследование закона спадания активности эманации радия и о радиоактивных константах, характеризующих эманацию и ее активный остаток;

открытие выделения тепла радием (в сотрудничестве с Лабордом);

исследование диффузии эманации радия в воздухе (в сотрудничестве с Ж. Данном);

исследование радиоактивности газов минеральных источников (в сотрудничестве с А. Лабордом);

исследование физиологического действия лучей радия (вместе с Анри Беккерелем);

исследование физиологического действия эманации радия (вместе с Бушаром и Балтазаром);

о приборе для определения магнитных констант (вместе с Шенево).

Все эти фундаментальные исследования в области радиоактивности посвящены самым разнообразным темам. Несколько работ имеют целью изучение эманации, этого странного газообразного тела, порождаемого радием и в большой степени служащего причиной сильного излучения, ранее приписываемого самому радию. Пьер Кюри установил строгий и неизменный закон, по которому эманация разрушается, в каких бы условиях она ни находилась. В настоящее время эманация радия, заключенная в тонкие ампулы, постоянно употребляется врачами как терапевтическое средство; по техническим соображениям употребление ее предпочитается непосредственному пользованию радием, и ни один врач не может не обращаться к числовой таблице, показывающей, сколько эманации исчезает за день, хотя она и заточена в стеклянной тюрьме.

Та же эманация находится в небольших количествах в минеральных водах и может иметь влияние на их лечебные свойства.

Еще поразительнее было открытие выделения тепла радием. Не изменяясь наружно, это тело выделяет в час количество тепла, более чем достаточное для того, чтоб растопить кусок льда равного веса. Хорошо защищенный от потери тепла радий нагревается, и температура его может подняться на 10 и более градусов выше температуры окружающей среды. Это был вызов современной экспериментальной науке.

Нельзя, наконец, обойти молчанием опыты, относящиеся к физиологическим действиям радия.

С целью проверить эти действия, изучавшиеся уже

Ф. Жизелем, Пьер Кюри добровольно подверг свою руку действию радия в течение нескольких часов. В результате появилась рана, похожая на ожог, постепенно увеличивавшаяся, которую удалось залечить лишь через несколько месяцев. Анри Беккерель получил такой же ожог случайно, когда он нес в жилетном кармане стеклянную трубочку с солью радия. Он рассказал нам о результате действия радия и, восхищенный и раздосадованный, воскликнул: «Я люблю его, но в то же время на него сердит!»

Понимая, насколько интересны эти результаты, Пьер Кюри начал в сотрудничестве с врачами упомянутое выше исследование над животными, подвергнутыми действию эманации радия. Эти изыскания были начальным пунктом радиотерапии. Первые опыты лечения радием были произведены с помощью продуктов, данных Пьером Кюри; результатом их было излечение волчанки и других накожных болезней. Таким образом, радиотерапия, важная отрасль медицины, зародилась во Франции и развилась благодаря трудам французских врачей (Данло, Уихема, Доминици, Дегре и других)[12].

Между тем благодаря большому толчку, который был дан изучению радиоактивности за границей, одно за другим последовали новые открытия. Многие ученые занялись отысканием новых радиоэлементов, следуя впервые примененному нами методу химического анализа с помощью излучения. Таким путем были найдены: мезоторий, употребляемый теперь врачами и приготовляемый заводским способом, радиоторий, ионий, протоактиний, радиосвинец и другие. В настоящее время мы знаем всего тридцать восемь радиоэлементов (из них три в газообразном состоянии, или эманации), но среди них радий играет наиболее важную роль благодаря значительной интенсивности его излучения, которое лишь крайне медленно ослабляется со временем.

1903 год был особенно значительным в эволюции новой науки. Во Франции только что была закончена работа над радием, новым химическим элементом, и Пьер Кюри ясно доказал поразительное выделение тепла из этого элемента, по внешности остающегося неизменным. В Англии Рамзей и Содди сообщили о большом открытии: они установили, что радий производит в качестве своего распада газообразный гелий; это совершается в условиях, заставляющих думать о внутриатомном изменении. Действительно, если соль радия сохраняется в течение некоторого времени в запаянной стеклянной трубочке, совсем лишенной воздуха, можно, расплавив соль, выделить из нее небольшое количество гелия, который легко измерить и узнать по виду его спектра. Этот важный опыт получил многочисленные

подтверждения; он дает нам первый пример превращения атома, правда совершающегося независимо от нашей воли, но тем не менее уничтожающего теорию об абсолютной прочности атома.

Все эти факты вместе с некоторыми прежде известными привели к чрезвычайно ценному синтезу: я говорю о работах Э. Резерфорда и Ф. Содди, предложивших теорию радиоактивных превращений, в настоящее время общепринятую. По этой теории, всякий радиоэлемент, даже когда он кажется неизменным, находится на пути к самопроизвольному превращению, и оно тем быстрее, чем интенсивнее излучение[13].

Радиоактивный атом может разлагаться двумя способами: он может выделить из своего ядра атом гелия, который, двигаясь с громадной быстротой и обладая положительным зарядом, дает, таким образом, то, что мы называем α-частицей; или же он может отделить из ядра еще меньший кусочек, один из электронов (с ними мы уже свыклись в современной физике), масса которого при умеренной скорости в 1 800 раз меньше массы атома водорода, но постепенно возрастает при приближении скорости электрона к скорости света; эти электроны с отрицательным зарядом образуют поток β-частиц, или так называемые β-лучи. Каков бы ни был оторванный от атома кусочек, оставшаяся часть уже не похожа на первоначальный атом; так, когда атом радия выделил атом гелия, то остатком является атом эманации в газообразном состоянии. Этот остаток, в свою очередь, разлагается, и процесс останавливается, лишь дойдя до последнего устойчивого остатка, не испускающего никакого излучения.

Итак, α- и β-лучи происходят от распада атомов; γ-лучи являются сходными со светом и сопровождают атомное разложение. Они далеко проникают сквозь материю, и их чаще всего применяют в выработанных до сих пор терапевтических методах[14].

Итак, радиоэлементы образуют семейства, каждый член коих происходит по прямой линии от своих предков, первых членов ряда; первичными элементами являются уран и торий. В частности, можно установить, что радий — потомок урана, а полоний — потомок радия. Так как каждый радиоэлемент понемногу разрушается и в то же время снова накопляется, образуясь от своего родоначальника, то в результате он может скопиться лишь до определенного количества; поэтому соотношение радия и урана есть величина постоянная в очень древних неизменных химических минералах.

Самопроизвольное разрушение радиоэлемента происходит по основному показательному закону, согласно которому количество

каждого радиоэлемента уменьшается наполовину в один и тот же вполне определенный промежуток времени, называемый периодом полураспада, являющийся характерным для данного элемента. Эти периоды, измеряемые разными методами, весьма различны. Период урана — несколько миллиардов лет, радия — около 1 600 лет, период эманации радия — немного меньше 4 дней, а среди следующих потомков есть даже такой, чей период — малая доля секунды. Показательный закон имеет глубокий философский смысл; он указывает, что разложение происходит согласно законам вероятности. Причины, вызывающие разложение, остались в тайне, и пока неизвестно, происходит ли оно от внешних факторов, или от внутриатомной неустойчивости. Во всяком случае, ни одно внешнее воздействие до сих пор не оказалось достаточно сильным, чтобы вызвать разложение.

Эти быстро следовавшие друг за другом открытия, перевернувшие научные понятия, установившиеся в физике и химии, были встречены не без сомнений и недоверчивости, но большая часть ученого мира приняла их с энтузиазмом. В то же время возросла известность Пьера Кюри во Франции и за границей. Уже в 1901 году Академия наук присудила ему премию Лаказа. В 1902 году Маскар, много раз оказывавший ему поддержку, побудил Пьера Кюри выставить свою кандидатуру в Академию наук; Пьер Кюри с трудом решился на это, так как, по его мнению, академия должна выбирать своих членов, не ожидая, чтобы эти последние ходатайствовали об избрании и делали визиты. Тем не менее он выставил кандидатуру по дружескому настоянию Маскара и особенно ввиду факта, что физическая секция академии единогласно высказалась в его пользу. Несмотря на это, его кандидатура не прошла, и только в 1905 году он стал членом академии и не пробыл им и года.

Пьер и Мари Кюри

Пьер и Мари Кюри в лаборатории

В 1903 году Пьер Кюри поехал со мною в Лондон, чтобы сделать сообщение о радии. Ему был оказан восторженный прием. Он был счастлив снова увидеть при этом лорда Кельвина, который всегда выражал свою привязанность к нему и, будучи уже очень пожилым в то время, проявлял все тот же юношеский интерес к науке. Знаменитый ученый с трогательным удовлетворением показывал стеклянную ампулу с зернышком соли радия, подаренным ему Пьером Кюри. Мы встретились также с другими известными учеными: Круксом, Рамзеем и Дьюаром; в сотрудничестве с последним Пьер Кюри напечатал работу о выделении тепла радием при очень низких температурах и об образовании гелия в солях радия.

Несколько месяцев спустя ему (вместе со мной) была присуждена Лондонским королевским обществом медаль Дэви, и почти в то же время мы получили вместе с Анри Беккерелем Нобелевскую премию по физике.

Состояние здоровья помешало нам отправиться на церемонию вручения премии в декабре, и только в июне 1905 года мы смогли поехать в Стокгольм, и Пьер Кюри прочел свою Нобелевскую речь. Нам был оказан очень любезный прием, и мы могли восхищаться видом страны в блеске прекрасных летних

дней.

Присуждение Нобелевской премии было для нас важным событием из-за того престижа, которым пользовался недавно основанный (1901) Нобелевский комитет. С денежной стороны половина премии представляла значительную сумму. Пьер Кюри мог с тех пор предоставить свою должность в институте Полю Ланжевену, одному из своих прежних учеников. Пьер Кюри, кроме того, пригласил себе особого ассистента для помощи в своих работах.

Но известность, вызванная этим счастливым событием, ложилась тяжелым бременем на человека, не подготовленного и не привычного к ней. Целая лавина визитов, писем, просьб, статей и лекций, постоянные поводы к потере времени, волнениям и утомлению. Пьер Кюри был добр и не любил отвечать отказом на просьбу; но, с другой стороны, он отдавал себе ясный отчет, что он не может уступать обременявшим его ходатайствам без серьезного ущерба для здоровья, спокойствия своего духа и для работы. В письме к Ш.-Эд. Гийому он говорил: «У нас просят статей и лекций, а несколько лет спустя те же, кто просил нас, будут удивлены, увидя, что мы не работали».

Вот что он говорит в других письмах, относящихся к тому же времени и адресованных к Ж- Гун, который был настолько любезен, что сообщил мне их содержание, за что я приношу ему мою искреннюю благодарность.

20 марта 1902 г.

«Как вы могли заметить, в данный момент судьба нам благоприятствует, но ее милости сопровождаются множеством всяческих беспокойств. Никогда мы не были в такой степени лишены покоя. Бывают дни, когда нет времени передохнуть. А ведь мы мечтали жить дикарями, подальше от людей».

22 января 1904 г.

«Мой дорогой друг, я уже давно собираюсь Вам написать. Пожалуйста, извините меня, если я до сих нор этого не сделал. Это происходит по вине той глупой жизни, которую теперь приходится вести. Вы видите, какое восхищение внушает радий, но нам дорого обходится наша популярность. Нас преследуют журналисты и фотографы всех стран света: дело доходит до того, что они готовы воспроизводить разговор моей

дочери с ее няней или описывать наших белую и черную кошек. Кроме того, к нам в большом количестве обращаются за деньгами, и, наконец, нас навещают в нашем помещении на улице Ломон бесчисленные коллекционеры автографов, снобы, люди из общества и даже иногда ученые. Все это не оставляет ни одной минуты покоя в лаборатории, а вечерами приходится еще поддерживать обширную корреспонденцию. Я чувствую, что начинаю тупеть от такого режима. Весь этот шум может оказаться не совсем бесполезным как средство для получения кафедры и лаборатории. Приходится создавать кафедру, а лаборатории я, может быть, еще и не получу. Я, конечно, предпочел бы обратное, но Лиар хочет использовать возникшее движение для создания новой кафедры в университете. Они основывают кафедру без определенной программы, нечто вроде специального курса, я думаю, что мне придется каждый год читать новый курс, а это очень трудно».

31 января 1905 г.

«…я вынужден был отказаться от поездки в Швецию… Говоря правду, я держусь только тем, что избегаю всякого физического напряжения. Моя жена в таком же положении и о работе по целым дням, как прежде, не приходится и думать.

Что касается работы, я ничего в настоящее время не делаю. Лекции, ученики, установка приборов, бесконечная вереница лиц, которые приходят нам мешать без всяких серьезных к тому оснований, вот в чем проходит жизнь, и не остается времени заняться чем-нибудь полезным».

24 июля 1905 г.

«Мой дорогой друг.

Мы очень сожалели, что лишены были в этом году Вашего посещения, и надеемся повидаться с Вами в октябре. Если не предпринимать чего-нибудь время от времени, то в конце концов потеряешь из виду всех своих лучших и наиболее тебе симпатичных друзей и будешь поддерживать знакомство с другими людьми только

потому, что *легко* находишь *случай* с ними встречаться.

Мы по-прежнему ведем образ жизни очень занятых людей и в то же время ничем интересным не занимаемся. Вот уже более года, как я не сделал ни одной работы, и у меня не остается для себя ни одной минуты времени. Несомненно, что я не нашел еще средства защиты от расхищения нашего времени, между тем такая защита совершенно необходима. Это вопрос жизни или смерти для интеллекта».

В общем, несмотря на внешние осложнения, наша жизнь благодаря усилиям воли осталась такой же скромной и уединенной, как и раньше. В конце 1904 года наша семья увеличилась рождением второй дочери, Евы-Денизы, в скромном доме на бульваре Келлерман, где жили вместе с доктором Кюри, видя лишь немногочисленных друзей.

Наша старшая дочь, подрастая, стала маленькой подругой отца, который очень интересовался ее воспитанием и охотно гулял с ней в свободные минуты, особенно в дни каникул. Он вел с ней серьезные разговоры, отвечал на все ее вопросы и радовался быстрому развитию ее юного ума.

В связи с большим успехом Пьера Кюри за границей, наконец, пришло, хотя и запоздалое, но полное признание его заслуг и во Франции. В еорок пять лет он был одним из первых ученых своей страны, и тем не менее он как преподаватель занимал подчиненную должность. Это ненормальное положение вещей волновало общественное мнение; под влиянием этого ректор Парижской академии Лиар предложил парламенту учредить профессорскую кафедру в Сорбонне. В начале учебного 1904/05 года Пьер Кюри был назначен профессором факультета естествознания Парижского университета; год спустя он окончательно покинул институт, где его заместил Поль Ланжевен.

Учреждение новой кафедры не обошлось без затруднений; первоначальный проект предусматривал новую кафедру, но без лаборатории. Пьер Кюри не считал возможным принять должность, где он рисковал потерять и те небольшие средства для работы, которыми он располагал, вместо того чтобы получить новые; он написал своим патронам о решении остаться в P. C. N. Благодаря его настойчивости учреждение новой кафедры было дополнено кредитом на лабораторию и персонал для ее обслуживания (руководитель работ, лаборант и служитель). Должность руководителя работ была предложена мне, что было

большим удовлетворением для Пьера Кюри.

Не без сожаления мы покидали институт, где провели за работой такие счастливые дни, хотя и в трудных условиях. Наш сарай был нам особенно дорог; это здание продержалось еще несколько лет в состоянии все прогрессировавшего разрушения, и нам случалось заходить туда. Позже пришлось его разрушить, чтобы освободить место для нового здания института, но фотографии его сохранились. Предупрежденная верным Пти, я совершила туда (увы, уже одна!) последнее паломничество: на доске еще остался почерк того, кто был душой этого места; смиренный приют его работы был весь проникнут воспоминаниями о нем. Жестокая действительность казалась дурным сном; казалось, увидишь его высокий силуэт и услышишь звук знакомого голоса.

Хотя парламент и голосовал за учреждение новой кафедры, но он не предусмотрел одновременного основания лаборатории, необходимой для развития новой науки о радиоактивности. Пьер Кюри сохранил за собой небольшое помещение P.C.N. и в качестве временной меры получил в распоряжение большую комнату, отделенную от P.C.N.; кроме того, во дворе построили небольшое здание из двух комнат и мастерской.

Нельзя подавить в себе чувства горечи, когда подумаешь, что эта малость оказалась для него первой и последней, что первоклассный французский ученый в конечном счете никогда не имел подходящей лаборатории, хотя его большое дарование проявилось уже тогда, когда ему было только двадцать лет. Конечно, проживи он дольше, то раньше или позже ему создали бы удовлетворяющие его условия работы, — но еще в возрасте сорока семи лет он был лишен их. Представляют ли себе люди всю скорбь восторженного и бескорыстного творца большого дела, когда осуществление его мечты все время тормозится недостатком средств? Можно ли, не испытывая чувства глубокой горести, думать о самой непоправимой трате величайшего народного блага — таланта, сил и мужества лучших сынов нации?

Крайняя нужда в хорошей лаборатории составляла предмет постоянных дум Пьера Кюри; когда в 1903 году, принимая во внимание его известность, его патроны сочли себя обязанными настаивать, чтобы он принял орден Почетного легиона, он отказался от этого отличия, оставаясь верным своим убеждениям (изложенным в предыдущей главе); письмо, написанное по этому поводу директору об отказе от академических отличий, внушает то же чувство, как и цитированное выше:

«Прошу Вас, будьте любезны передать господину министру и

осведомить его, что не имею никакой нужды в ордене, но весьма нуждаюсь в лаборатории».

Назначенный профессором в Сорбонну, Пьер Кюри должен был готовиться к новому курсу. Кафедра была учреждена для него и с очень широкой программой, поэтому у него была полная свобода в выборе материала для курса. Пьер Кюри воспользовался этим, чтобы возвратиться к дорогой для него теме, и посвятил часть лекций законам симметрии, изучению векториальных полей и тензоров и приложению этих понятий к физике кристаллов. Он имел намерение дополнить эти лекции и сделать из них курс физики кристаллов; это было бы тем более полезно, что эти вопросы мало известны во Франции. Темой других лекций служила радиоактивность, открытия, сделанные в этой новой области, и переворот в науке под влиянием этих открытий.

Занятый подготовкой к курсу и часто больной, Пьер Кюри продолжал тем не менее работать в лаборатории, организация которой постепенно налаживалась. Имея больше места, он мог принять к себе нескольких студентов. В сотрудничестве с А. Лабордом он исследовал радиоактивность минеральных вод и газов, выделяемых источниками; это была его последняя печатная работа.

Его умственные способности достигли тогда полного расцвета: можно было удивляться уверенности и точности его рассуждений о физических теориях, его ясному пониманию основных принципов и глубокому чутью явлений, инстинктивному, но усовершенствованному в течение всей жизни, посвященной исследованию и размышлению. Его экспериментальная ловкость, которая поражала уже в первых работах, еще больше развилась от практики. Он испытывал удовольствие художника, создав изящный прибор. Ему нравилось придумывать и строить новые приборы; я иногда говорила ему шутя, что он не мог бы быть счастлив, не сделав по крайней мере два раза в год подобной попытки. Его естественная любознательность и живость воображения побуждали его интересоваться различными предметами; он мог с поразительной легкостью менять тему исследования.

Он очень заботился о научной добросовестности и правильности своих печатных трудов. Прекрасные по форме изложения, они изобличали критический ум, направленный на свои же работы, и желание не утверждать ничего, что казалось ему не вполне ясным. Вот его мысли по этому поводу:

«При изучении неизвестных явлений можно строить очень общие гипотезы и продвигаться шаг за шагом с помощью опыта. Это методическое и прочное продвижение по необходимости

медленно. Кроме того, можно прибегать к смелым гипотезам, определяющим механизм явлений; последний способ подсказывает некоторые опыты и облегчает рассуждение, делая его менее абстрактным путем применения образа. Но, с другой стороны, нельзя мечтать о подобной сложной теории, согласной с опытом. Слишком конкретные гипотезы почти наверно заключают в себе долю ошибки наряду с долей истины. Эта последняя доля, если она существует, составляет лишь часть более общего предположения, к которому придется когда-либо вернуться».

Итак, хотя он не колебался делать гипотезы, но не допускал их преждевременного напечатания. Он не мог освоиться с ходом работы, требовавшим спешного печатания, и чувствовал себя счастливее в области, где спокойно работали немногие исследователи. Такие соображения заставили его оставить на время исследования радиоактивности и возобновить прерванное изучение физики кристаллов; он думал также об изучении различных теоретических вопросов.

Педагогическая деятельность, в которой он стремился к совершенству, очень интересовала его и внушала мысли об общем направлении образования и о методах преподавания, в основу которых он хотел положить близкое знакомство с опытом и природой. С самого основания Ассоциации профессоров факультета он мечтал об одобрении его взглядов и о проведении постановления, чтобы преподаванию естественных наук было придано доминирующее значение в гимназиях для мальчиков и девочек. «Но, — говорил он, — такое предложение никогда не будет иметь успеха».

Этот последний, столь плодотворный период его жизни должен был, увы, вскоре закончиться. Его прекрасная ученая карьера резко оборвалась в тот самый момент, когда он мог надеяться, что последующие годы работы будут менее тяжелы, чем предшествовавшие.

В 1906 году, больной и усталый, он провел пасхальные дни в долине Шеврез со мной и нашими детьми. Это были два чудных солнечных дня, и усталость Пьера Кюри была не так тяжела для него среди благодетельного покоя с дорогими существами; он забавлялся на лугу со своими маленькими девочками и беседовал со мной об их настоящем и будущем.

Он вернулся в Париж, чтобы принять участие в собрании и обеде в Физическом обществе. Сидя рядом с Анри Пуанкаре, он вел с ним долгую беседу о методах преподавания. Когда мы возвращались пешком домой, он продолжал развивать свои идеи о том, каково должно быть, по его представлению, образование, счастливый сознанием, что я разделяю его чувство.

На следующий день, 19 апреля 1906 года, он был на собрании Ассоциации профессоров факультета естествознания и беседовал с ними о задачах, которые могла себе поставить ассоциация. Выйдя из собрания и переходя улицу Дофины, он попал под колесо телеги. Полученная им рана в голову оказалась смертельной; так были разбиты надежды, возлагавшиеся на этого удивительного человека. В его рабочем кабинете, куда он уже не вернулся, были еще свежи водяные лютики, привезенные им из деревни.

Глава VII

Национальный траур. Лаборатории — «священные обители»

Я не буду пытаться описать горе семьи, оставленной Пьером Кюри. Из всей этой книги можно понять, чем он был для отца, брата и жены. Он был также преданным и нежным отцом для своих детей, однако дочери были в то время еще слишком малы для того, чтобы понять обрушившееся на нас несчастье. Их дедушка и я, сплотившись в нашем общем горе, сделали все, что могли, чтобы их детство не было слишком омрачено.

Известие о катастрофе произвело ужасное впечатление в ученом мире как во Франции, так и за границей. Ректор университета и профессора выразили свое соболезнование в ряде писем, полных симпатии. Иностранные ученые точно так же прислали много писем и телеграмм. Не менее сильное впечатление неожиданная кончина произвела и на публику, у которой Пьер Кюри, несмотря на свой замкнутый образ жизни, пользовался большой популярностью. Это выразилось в многочисленных письмах от частных лиц, и притом не только от таких, с которыми нам приходилось встречаться, но и от совершенно незнакомых. Одновременно в периодической печати появились соболезнующие статьи, поражавшие своей искренностью. Выразили свое участие и французское правительство и некоторые выдающиеся иностранные государственные деятели. Погасла слава Франции, и все понимали, что это был национальный траур[15].

Верные памяти покинувшего нас, мы хотели скромного погребения в фамильном склепе на маленьком кладбище в Со. Не было ни официальной церемонии, ни речей, и лишь друзья провожали его до последнего жилища. Думая о том, кого не было уже больше в живых, его брат Жак сказал мне: «У него были все

достоинства, не было подобного ему человека».

Чтобы обеспечить продолжение начатого дела, физико-математический факультет оказал мне большую честь, предложив занять кафедру мужа. Я взяла на себя это тяжелое наследство в надежде создать когда-либо в его память достойную его лабораторию, которой он сам никогда не имел, но которая помогла бы другим развить его идеи. Теперь эта надежда отчасти осуществилась, когда благодаря совместной инициативе университета и Пастеровского института учрежден Институт радия, состоящий из двух лабораторий — Кюри и Пастера, предназначенных для физико-химического и биологического изучения лучей радия.

Из трогательного уважения к покойному по имени Пьера Кюри названа новая улица, ведущая к институту.

Однако этот институт признан недостаточным ввиду значительного развития учения о радиоактивности и его терапевтических применений. В настоящее время наиболее авторитетными лицами признано необходимым для Франции иметь Институт радия, подобный основанным в Англии и Америке, для применения радиотерапии, ставшей сильным средством борьбы с раком. Можно надеяться, что благодаря великодушным пожертвованиям мы через несколько лет будем иметь достойный нашей страны расширенный и вполне оборудованный Институт радия[16].

Чтоб почтить память Пьера Кюри, Французское физическое общество решило напечатать полное собрание его трудов. Это собрание, изданное благодаря стараниям П. Ланжевена, состоит из одного тома (около 600 страниц), который появился в 1908 году и к которому я написала предисловие. Единственный том, содержащий столь важные и разнообразные работы, является верным отражением умственного склада автора. В нем можно найти большое богатство идей и экспериментальных данных, ведущих к ясным и хорошо установленным выводам, самое изложение отличается исключительной краткостью, сохраняя безупречную и, так сказать, классическую форму. Можно сожалеть, что Пьер Кюри не использовал своих качеств ученого и писателя для обширных статей или книг. У него не было недостатка в желании писать, и у него имелось несколько дорогих для него проектов этого рода. Он никогда не смог их осуществить вследствие затруднений, с которыми ему пришлось бороться всю свою трудовую жизнь.

В своем рассказе я пыталась воскресить перед вами образ человека, непоколебимо преданного служению идеалу, оказавшего человечеству честь своей трудовой жизнью и

скромным величием своего гения и характера. У него была вера тех, кто открывает новые пути; он знал о высокой миссии, которую ему суждено было исполнить, и мистическая мечта юности непреклонно побуждала его идти, помимо обычной жизненной дороги, путем «противоестественным», как он его называл, так как он означал отказ от радостей жизни. Тем не менее он решительно подчинил этой мечте свои мысли и желания; он предался ей всецело и отожествил себя с ней. Веря лишь в мирное могущество науки и разума, он жил для искания истины. Без предрассудков и пристрастий он вносил ту же лояльность в изучение вещей, как и в понимание себя самого и других людей. Лишенный всякой пошлой страсти, не ища ни первенства, ни почестей, он не имел врагов, хотя усилия, сделанные им над самим собой, создали из него одно из тех избранных существ, которых мы встречаем во все эпохи цивилизации идущими впереди своего времени. И подобно им Пьер Кюри мог иметь глубокое влияние одним лишь светом своей внутренней мощи.

Полезно понять, сколько жертв представляет собой подобное существование. Жизнь великого ученого в лаборатории не спокойная идиллия, как думают многие; она чаще всего — упорная борьба с миром, с окружающим и с самим собой. Великое открытие не выходит готовым из мозга ученого, как Минерва в доспехах из головы Юпитера, оно есть плод предварительного сосредоточенного труда. Среди дней плодотворной работы попадаются дни сомнений, когда ничто как будто не выходит, когда сама материя кажется враждебной, и тогда надо бороться с отчаянием. И, никогда не теряя своего непреклонного терпения, Пьер Кюри говорил мне иногда: «Как тяжела, однако, жизнь, которую мы избрали».

За прекрасный дар, который они приносят в лице самих себя, и за громадные услуги, оказанные человечеству, какую же награду предлагает ученым наше общество? Располагают ли эти служители идеи необходимыми средствами для работы? Имеют ли они достаточно средств, чтоб бороться с нуждой? Пример Пьера Кюри и многих других показывает, что ничего этого нет, и, чтобы завоевать возможность работы, надо сначала потратить свою молодость и силы почти что на добывание насущного хлеба.

Наше общество, где царствует жажда роскоши и богатства, не понимает ценности науки. Оно не представляет себе, что наука — часть его самого драгоценного морального достояния; оно не отдает себе отчета, что наука — основание всякого прогресса, облегчающего человеческую жизнь и уменьшающего страдание. Ни общественные власти, ни великодушие частных лиц не дают в

настоящее время науке и ученым той поддержки и субсидий, которые необходимы для работы.

В заключение сошлюсь на удивительную речь Пастера в защиту науки: «Если завоевания, полезные для человечества, трогают ваше сердце, если вы изумляетесь поразительным действиям телеграфии, фотографии, анестезии и многих других чудесных открытий; если вы дорожите тем участием, которое принимает ваша родина в расцвете этих чудес, — заинтересуйтесь, заклинаю вас, теми священными обителями, которые носят выразительное имя «лабораторий». Требуйте, чтобы их умножали и украшали; это храмы будущего богатства и благоденствия. Там человечество растет, укрепляется и становится лучше. Оно учится там читать творения природы, прогресса и гармонии вселенной, между тем как его собственные произведения — часто творения варварства, фанатизма и разрушения».

Пусть эта истина широко распространится и глубоко проникнет в общественное сознание, чтобы будущее не было так тяжело для пионеров, разрабатывающих новые области знания во имя общего блага человечества.

Кюри Ева

МАРИЯ КЮРИ

Е. Кюри

МАРИЯ КЮРИ

Перевод с французского Е. Ф. КОРША

Глава I

Маня

Сегодня воскресенье, в гимназии на Новолипской улице царят безмолвие и тишина. Под каменным фронтоном высечена надпись на русском языке: «Мужская гимназия». Парадный вход закрыт, и вестибюль с его колоннами походит на забытый храм. Жизнь ушла из светлых залов, опустели ряды черных парт, изрезанных перочинными ножами. Извне доносится лишь благовест к вечерне в соседней церкви богородицы да временами тарахтенье проехавшей по улице телеги. За чугунной оградой переднего двора растут четыре кустика сирени, чахлых, запыленных, но теперь они в цвету, и праздный прохожий удивленно оборачивается в сторону двора, откуда так неожиданно пахнуло сладким ароматом. Только конец мая, а уже душно. В Варшаве солнце так же деспотично, как и мороз.

Но что-то нарушает воскресное затишье. В правом крыле гимназии — там, где живет учитель физики и субинспектор Владислав Склодовский, — слышны глухие перекаты какой-то таинственной возни. Что-то похожее на удары молотком, но беспорядочные и неритмичные. За стуком следует треск разрушения неведомой постройки, приветствуемый детским визгом. Потом опять звуки ударов… И тут же короткие приказы на польском языке:

— Эля! Нет снарядов!

— В башню, Юзеф… Цель в башню!

— Маня, отойди!

— Да я принесла кубиков.

Опять треск разрушения и грохот деревянных кубиков по натертому паркету… Башни — нет. Возгласы усиливаются, опять летят снаряды, во что-то бьют…

Поле битвы — большая квадратная комната с окнами на внутренний двор гимназии. В четырех углах стоят детские кроватки. Четверо детей от пяти до девяти лет играют в войну и оглушительно визжат. Дядя, любитель виста и пасьянсов, подарил на рождество юным Склодовским игрушку — «Юный строитель». Он, конечно, не предвидел, какое употребление будет сделано из этого подарка. Найдя в большом фанерном ящике рисунки — образцы для построек, Юзеф, Броня, Эля, Маня несколько дней послушно сооружали по ним мосты, церкви, замки; но очень скоро все эти строительные блоки, балки нашли себе другое применение: дубовые колонны превратились в пушки, кубики — в снаряды, а сами архитекторы стали полководцами.

Юзеф, лежа на животе, ползет вперед и методично

продвигает свои пушки по направлению к врагу. Даже в пылу борьбы его лицо сохраняет серьезное выражение, подобающее военачальнику. Он самый старший и самый знающий из ребят, к тому же единственный мужчина. Вокруг него лишь девочки, одинаково одетые в праздничные платья с плоеными воротничками и темные фартуки.

Надо отдать им справедливость: все девочки отличные бойцы. Глаза союзницы Юзефа — Эли пылают. Эля негодует на свои шесть с половиной лет: ей бы хотелось бросать кубики подальше, посильнее; отсюда зависть к восьмилетней Броне, пухленькой, цветущей блондинке с густыми волосами, которые все время треплются по воздуху, пока Броня усиленно жестикулирует и мечется, защищая свои войска, расставленные у простенка между двумя окнами.

Малюсенький адъютант в фартучке с оборками возится на стороне Брони, подбирает кубики, скачет галопом между батальонами; он весь увлечен делом, щечки его горят, губы высохли от неистового крика, от радостного смеха.

— Маня!

Застигнутый врасплох ребенок останавливается на бегу, выпускает из рук фартучек, и запас кубиков сыплется оттуда на пол.

— Что здесь происходит?

Это вошла в комнату самая старшая из молодых Склодовоких — Зося. Хотя ей нет еще двенадцати лет, но среди прочих малышей она может считаться уже взрослой. У нее мечтательные серые глаза, пепельные волосы зачесаны назад и свободно спадают на плечи.

— Мама говорит, что ты играешь слишком долго.

— Но я нужна Броне… Я подношу ей кубики!

— Мама сказала, чтобы ты шла к ней.

Одну минуту Маня стоит в нерешительности, потом берет сестру за руку и с достоинством выходит. Пяти лет от роду трудно воевать, поэтому ребенок, выбившись из сил, не так уж неохотно покидает поле битвы. Нежный голос в соседней комнате зовет ее к себе, перебирая ласкательные имена:

— Маня… Манюша… моя Анчупечо…

Ни у кого не было столько уменьшительных имен, как у Марии, самой младшей, общей любимицы в семье. Обычное уменьшительное для нее — «Маня», особо нежное — «Манюша», а «Анчупечо» — юмористическое прозвище, данное ей еще в колыбели.

Две тонкие, очень бледные, очень худые руки завязывают растрепанные ленты фартучка, приглаживают короткие вьющиеся

волосы, открывая упрямое личико будущей ученой. Постепенно ребенок отходит, успокаивается.

* * *

Маня питает к матери безграничную любовь. Ей кажется, что нет на свете существа красивее, добрее и умнее, чем ее мать.

Госпожа Склодовская происходила из шляхетской семьи, где была старшей дочерью. Отец ее, Феликс Богуцкий, принадлежал к многочисленному в Польше мелкопоместному дворянству. Собственное имение было слишком бедно, чтобы жить на его доходы, поэтому Богуцкий волей-неволей служил управляющим имениями у более богатых. Его женитьба носила романтический характер: влюбившись в девушку, небогатую, но более знатного происхождения, он ее похитил и, несмотря на сопротивление родителей красавицы, женился на ней тайно.

Из шести детей этой семьи будущая Склодовская была самой уравновешенной и самой развитой. Ни одно славянское «своеобразие» не портило ее. В ней не было ни взбалмошности, ни возбужденности, ничего «слишком». Она получила прекрасное образование в варшавской школе на Фретской улице и, решив посвятить себя преподаванию, стала учительницей в той же школе, а в конце концов и директрисой. В 1860 году учитель Владислав Склодовский сделал ей. предложение и приобрел в ее лице отличную жену. У нее нет денег, но есть свое собственное обеспеченное положение, а главное — она хорошего рода, благочестива, деятельна, к тому же музыкантша: играет на рояле и прелестным томным голосом поет современные романсы. В довершение всего — она красавица. Фотографический портрет времен ее бракосочетания передает нам красивое лицо, тяжелую прическу из просто заплетенных кос, чудесно очерченные брови, спокойный взгляд и тайну серых глаз продолговатого разреза, как у египтянок.

Это, как говорится, хорошая пара. Склодовские тоже принадлежат к мелкой знати, разоренной политическими злосчастьями Польши. Несколько семейств, происходящих из поместья Склоды и родственные между собой, носят фамилию Склодовских.

Естественным занятием этих семейств было земледелие. Но в эпоху смут имения обедняли и распылились. Если в XVIII веке предок Владислава Склодовского владел сотнями гектаров и мог жить с удобствами, а его прямые потомки — еще в довольстве, то это уже стало невозможным Иосифу Склодовскому, отцу учителя.

Иосиф решил улучшить свое незавидное положение и поддержать честь фамилии. Он пошел по учебной части. После драматических перипетий в связи с польским восстанием и войной мы застаем его в Люблине — на посту директора мужской гимназии. Он стал первым интеллигентом в этой ветви Склодовскнх.

В обеих семейных линиях живут бок о бок натуры романтические и характеры ровные, спокойные, люди благоразумные и странствующие рыцари.

Родители Марии Кюри относились к числу благоразумных. Муж по примеру своего отца получил высшее образование в Петербургском университете, затем вернулся в Варшаву и преподает математику и физику. Жена хорошо ведет женский пансион, где учатся девочки из лучших городских семейств.

Восемь лет живет чета Склодовских во втором этаже дома на Фретокой улице. По утрам, когда учитель переступает порог супружеской квартиры с окнами во двор, передние комнаты уже гудят от болтовни юных созданий, ожидающих первого урока.

Но в 1868 году Владислав Склодовский получает место преподавателя и субинспектора мужской гимназии на Новолипской улице. Его супруга уже не может и жить в казенной квартире, полагавшейся мужу по новой его должности, и вести пансион, и в то же время воспитывать пятерых собственных детей. Не без грусти передала Склодовокая пансион в другие руки и распростилась с Фретской улицей, где за несколько месяцев до этого события, 7 ноября 1867 года, родилась Мария Кюри — малютка Маня.

* * *

— Ты спишь, Анчупечо?

Приткнувшись на скамеечке у материнских ног, Маня отрицательно качает головой:

— Нет, мама… я ничего.

Склодовская еще раз проводит тонкими пальцами по лбу своей дочурки. Девочка не знала большей материнской ласки, чем это касание родной руки. Насколько помнит себя Маня, мать никогда ее не целовала. Для нее высшее блаженство — те минуты, когда можно притулиться к этой задумчивой женщине и по чуть заметным признакам — одному слову, улыбке, любящему взгляду — чувствовать себя под покровом огромной материнской нежности и бдительной заботы о ее судьбе.

Девочке непонятна жестокая необходимость той

сдержанности и самоизоляции, на какую обрекает себя мать. Госпожа Склодовская тяжело больна. Первые признаки чахотки обнаружились у нее при рождении Манюши, и вот уже пятый год болезнь явно прогрессирует, несмотря на лечение. Всегда бодрая, тщательно одетая, эта мужественная христианка продолжает вести жизнь заботливой хозяйки и производит обманчивое впечатление вполне здоровой. Но она строго держится правил: иметь для своих нужд отдельную посуду, предназначенную только для нее, и никогда не целовать своих детей. Маленьким Склодовским ужасная болезнь матери дает знать о себе очень немногим: отрывистыми звуками сухого кашля из другой комнаты, горестной тенью на лице самого Склодовского и коротенькой фразой, добавленной к их молитве перед сном: «Господи, верни здоровье нашей маме».

Еще молодая женщина встает с места и тихо отстраняет от себя прильнувшую к ней дочь.

— Оставь меня одну, Манюша… У меня есть дело.

— А можно остаться у тебя? Мне… мне можно почитать?

— Лучше бы ты пошла в сад. Такая хорошая погода!

Прошлым летом Броня, живя в деревне, нашла, что очень скучно учить азбуку в одиночку, тогда она решила «играть в учительницу» с Маней. Несколько недель обе девочки занимались тем, что раскладывали в некоем порядке, часто произвольном, буквы алфавита, вырезанные из картона. И вот однажды утром Броня, запинаясь, стала читать родителям по складам какой-то простой текст, Маня не выдержала, взяла книгу у нее из рук и почти бегло прочла первую строчку открытой страницы. Польщенная внимательным молчанием слушателей, она продолжила эту увлекавшую ее игру. Но вдруг остановилась в испуге. При виде изумленных лиц родителей, обидчивой гримасы Брони девочка залилась горючими слезами, лепеча жалобно и виновато:

— Простите… Простите… Я не нарочно… Я не виновата… Броня тоже не виновата! Просто это очень легко!

Маня пришла в отчаяние от мысли, а вдруг ее никогда не простят за то, что она выучилась читать без спросу?

После этого знаменательного чтения девочка хорошо усвоила и большие и маленькие буквы, а если не сделала новых замечательных успехов, то лишь потому, что родители, как опытные и осторожные педагоги, старались не давать ей книг. Они боялись этой скороспелости в их дочери, и стоит Мане протянуть руку к одному из альбомов с крупной печатью, лежавших повсюду в доме, как родительский голос говорит ей: «Ты бы поиграла в кубики… А где твоя кукла?.. Спой мне такую-

то песенку…» Или, как сегодня: «Лучше бы шла гулять в саду…»

Маня взглядывает на дверь, в которую входила к матери. Грохот кубиков по паркету и крики, только слегка приглушенные стенкой между комнатами, убеждают Маню, что там она едва ли найдет себе товарища для прогулки по саду. Не больше надежды и со стороны кухни, откуда долетают звуки непрерывной болтовни и шумной работы у плиты, свидетельствующие о приготовлении ужина.

— Я пойду за Зосей.

— Как хочешь.

— Зося… Зося-а!

Сестры рука об руку пересекают луговинку, где они каждый день играют «в салки» или «в жмурки», идут вдоль здания гимназии и, растворив деревянную, источенную червем калитку, проникают в сад. От лужаек с жидкою травой, стиснутых каменными стенами, все же попахивает землей, деревней…

— Зося, а скоро мы поедем в Зволу?

— Нет, не скоро. Не раньше июля. А ты разве помнишь Зволу?

Благодаря поразительной памяти Маня помнит все: ручей, где прошлым летом она и сестры барахтались целыми часами, «мыло», которое они делали из грязи, пачкая свои юбочки и фартучки, старую липу, куда взбирались иногда сразу шесть-семь заговорщиков, включая кузенов и друзей, а Маню с еще слабыми ручонками и коротенькими ножками втаскивали общими усилиями. Самые толстые сучья устилали холодными ломкими листьями капусты, в таких же капустных листьях, запрятанных в дупла, хранились запасы вишен, крыжовника и нежной сырой моркови.

А хутор Марки с его жарким амбаром, где Юзеф учил таблицу умножения, а Маню зарывали в сыпучую массу жита! А папаша Шиповский, который так весело щелкал кнутом, сидя на козлах брички! А лошади дяди Ксаверия!

Эти дети города имели возможность упоительно проводить летние каникулы. Из их разросшегося рода только одна ветвь стала городской, и почти в каждой губернии можно было найти каких-нибудь Склодовских или Богуцких. Хотя их усадьбы не роскошны, но там всегда найдутся комнаты, чтобы приютить на лето учителя гимназии с семейством. Несмотря на скромные условия жизни, Маня еще не знает малозавидного пребывания на «дачах», в которых поселяются жители Варшавы. Летом эта дочь интеллигентов становится, или, вернее говоря, вновь превращается силой врожденных, глубоко засевших склонностей, в простую деревенскую девчонку.

— Ну побежим… Давай на спор — я раньше добегу до конца сада! — весело кричит Зося.

— Мне не хочется бегать. Лучше расскажи мне что-нибудь…

Никто в этой семье, даже сам учитель и его жена, не умеют рассказывать так, как Зося. Ее богатое воображение придает житейским происшествиям волшебные, сказочные черты. Кроме того, она умеет сочинять маленькие комедии и с увлечением сама же представляет их, восхищая сестер и брата. Этим талантом она подчиняет себе Маню, хотя малютке порой бывает трудно следить за развитием сюжета.

Наконец девочки возвращаются домой. По мере приближения к гимназии, Зося сдерживается и понижает голос. Создаваемый и тут же передаваемый рассказ далеко еще не кончен, однако Зося прерывает свое повествование. Поравнявшись с правым крылом гимназического здания, где надо проходить мимо окон, затянутых одинаковыми занавесками из жесткого гипюра, дети сразу замолкают.

Там, за занавешенными окнами, обитает существо, ненавистное и страшное семье Склодовских: директор гимназии господин Иванов, представитель царского правительства в этом учебном заведении.

Жестокая судьба для поляка — быть в 1872 году «русским» подданным и в то же время принадлежать к польской интеллигенции с ее терзаниями, среди которой зреет возмущение, а гнет навязанного рабства чувствуется еще острее, чем в других сословиях.

Как раз сто лет тому назад жадные и грозные соседи ослабшей Польши решили погубить ее. Германия, Россия, Австрия расчленили страдальческую Польшу и в три приема поделили между собой свою добычу. Поляки восстали против угнетателей, но все напрасно: оковы, державшие их узниками, сделались еще теснее. После героического восстания 1831 года царь Николай I предписал для «русской» Польши суровые меры наказания. Патриотов сажали в тюрьмы, толпами отправляли в ссылку, а их имущество конфисковывали.

В 1863 году новое восстание, и снова катастрофа. Против царских винтовок повстанцы шли с косами, дубинами и пиками. Полтора года отчаянных боев… И вот на укреплениях Варшавы стоят пять виселиц с телами повешенных вождей восставшей Польши.

Со времени этой драмы пускаются в ход все средства, чтобы подчинить Польшу, которая не хочет умирать. В то время как мятежники, закованные в кандалы, влачатся в снежную Сибирь, целая волна руссификаторов — служащих полиции, чиновников,

учителей — вливается в страну. Их задача — следить за поведением поляков, преследовать их религию, запрещать подозрительные книги и газеты и постепенно отучать от родного языка… Короче говоря, убивать душу целого народа.

В каждом учебном заведении Польши гнездится глубокий антагонизм, который под наигранной любезностью противопоставляет побежденных победителям. Иванов на Новолипской улице в особенности ненавистен. Он безжалостен к польским учителям, обязанным преподавать на русском языке детям родной страны. В своем служебном рвении директор Иванов, хотя и был большим невеждой, лично просматривал сочинения гимназистов, выискивая «полонизмы», которые проскальзывали иногда у мальчиков из младших классов.

Его отношение к Склодовскому заметно охладилось с того дня, когда субинспектор, защищая одного из учеников, спокойно заявил: «Господин Иванов, если ребенок и допустил ошибку, то, разумеется, по недосмотру. Ведь вам и самому случается, притом довольно часто, делать ошибки в русском языке. Я убежден, что вы так же, как этот ребенок, делаете их не нарочно…»

* * *

Когда Зося с Маней пришли домой из сада и пробирались в отцовский кабинет, госпожа Склодовская шила ботинки. Никакой труд она не считала зазорным для себя. С тех пор как материнские заботы и болезнь принудили ее сидеть дома, она выучилась сапожному ремеслу, и благодаря этому ботинки, которые так быстро снашивают ее дети, обходятся Склодовским не дороже стоимости кожи. Жизнь дается нелегко…

— Эта пара для тебя, Манюша. Увидишь, какие они выйдут миленькие!

Маня смотрит, как материнские руки вырезают подошву и продергивают дратву. Отец сидит в любимом кресле рядом с матерью. Хорошо бы забраться к нему на колени, развязать галстук, тщательно затянутый ровным бантиком, покрутить каштановую бородку. Но нет! Уж очень скучный разговор у взрослых! «Иванов… полиция… царь… ссылка… заговор… Сибирь…» Ежедневно со времени своего появления на свет Маня слышит эти слова. Инстинктивно она сторонится и отдаляет необходимость осознать их.

Рабочий кабинет отца — самая красивая комната в квартире семьи Склодовских, во всяком случае самая интересная для Мани. Большой французский секретер красного дерева и кресла эпохи

Реставрации, крытые неизносимым красным бархатом, внушают ей почтение. Когда Манюша подрастет и пойдет в школу, ей отведут место за большим отцовским письменным столом, вокруг которого все дети усаживаются после обеда и готовят уроки к завтрашнему дню. В глубине кабинета на стене висит величественный портрет какого-то епископа в массивной золоченой раме, приписываемый, впрочем только Склодовскими, кисти Тициана, но Маню он не очень привлекает. Гораздо больше занимают ее часы на бюро — блестящие, пузатые, отделанные ярко-зеленым малахитом, а также столик, привезенный из Палермо в прошлом году ее двоюродным братом: верхняя плоскость столика служит шахматной доской, причем клетки сделаны из разноцветного прожильчатого мрамора. На этажерке стоит саксонская чашка с изображением добродушной физиономии Людовика XVIII. Мане тысячу раз твердили, чтобы она даже не прикасалась к этой чашке, поэтому она старательно обходит этажерку и останавливается перед самыми дорогими ей вещами.

Это, во-первых, стенной барометр с позолоченными стрелками на белом круге циферблата. По определенным дням отец прилежно его чистит и выверяет в присутствии заинтересованных детей.

Во-вторых, витрина, полная каких-то удивительных, изящных инструментов. Тут и стеклянные трубки, и весы, и образцы минералов, и даже электроскоп с золотым листиком. В былое время учитель Скло-довский носил эти предметы на свои, занятия. Но с той поры, когда правительство распорядилось сократить количество уроков, отведенных на точные науки, витрина так и стоит запертой.

Маня не может представить, для чего нужны все эти так волновавшие ее игрушки. Однажды днем, когда она разглядывала их, встав на цыпочки, отец сказал ей, что это фи-зи-че-ские при-бо-ры. Смешное название.

Глава II

Времена мрака

— Мария Склодовская.

— Здесь.

— Расскажи о Станиславе Августе.

Вызванная ученица стоит за своей партой около высокого окна, выходящего на заснеженную лужайку Саксонского сада, и отвечает уверенным, приятным голоском. Форменное платье из

темно-синей саржи со стальными пуговицами и накрахмаленным воротником портит своею мешковатостью легкий силуэт десятилетней девочки. Куда девались всегда растрепанные кудри милой Анчупечо? Туго заплетенная коса с узкой ленточкой оттягивает волосы к затылку. Такая же коса, но толще и темнее, сменила вившиеся штопором локоны и у сестры Эли, сидящей на соседней парте. Самый простой наряд и строгая прическа — таково правило частной школы мадемуазель Сикорской.

Ничего легкомысленного нет и в наряде учительницы, сидящей на кафедре. Мадемуазель Тупальская, прозванная короче — «Тупча», преподает историю и математику. Она же надзирательница; в этой должности ей иногда приходится быть строгой, чтобы преодолеть дух независимости и упрямства младшей Склодовской…

Тем не менее, когда она смотрит на Маню, в ее взгляде чувствуется много тепла. Да и как не гордиться блестящей ученицей, которая на два года моложе своих одноклассниц, но всегда первая по арифметике, истории, литературе, по языкам немецкому и французскому, по катехизису!

В классе тишина, даже больше чем тишина. Уроки истории создают атмосферу страстного горения.

В глазах двадцати юных патриоток, в грубом лице Тупчи светится восторженность. Рассказывая о давно умершем государе, Маня с особенной запальчивостью утверждает:

«К сожалению, он был немужественный человек…» И эта невзрачная наставница и эти умненькие дети, которым она преподает польскую историю на родном языке, приобретают таинственный вид сообщников и заговорщиков.

Вдруг все вздрагивают: на лестничной площадке застрекотал электрический звонок.

Два звонка длинных, два коротких.

Этот сигнал мгновенно приводит все в бурное, но молчаливое движение. Вскочив с места, Тупча наспех собирает разбросанные книги. Быстрые руки учениц сгребают польские тетради и учебники, запихивают в фартуки самых проворных школьниц, а те, нагруженные запретным грузом, исчезают в дверь, которая выходит к спальне пансионерок. Шумно передвигаются стулья, осторожно закрываются крышки парт.

На пороге классной комнаты появляется затянутый в синий с блестящими пуговицами сюртук и желтые штаны господин Хорнберг, инспектор частных пансионов города Варшавы: тучный человек, острижен по-немецки, лицо пухлое, с пронизывающим взглядом сквозь очки в золотой оправе.

Он молча всматривается в учениц. Рядом с ним стоит, с виду

безучастная, директриса пансиона мадемуазель Сикорская и тоже смотрит… но с какой затаенной тревогой! Сегодня оказалось так мало времени для подготовки. Швейцар едва успел дать условный звонок, как Хорнберг поднялся на площадку и вошел в класс. Боже мой, все ли в порядке?

Все в порядке. Двадцать девочек с наперстками на пальцах склонились над работой и вышивают букетики по квадратикам канвы. На партах только ножницы и катушки ниток. Тупча с красным от волнения лицом подчеркнуто кладет на кафедру книгу, напечатанную русским шрифтом.

— Два раза в неделю по одному часу дети учатся рукоделию, — деловито поясняет директриса.

Хорнберг подходит к учительнице.

— Вы им читали вслух. Какую книгу, мадемуазель?

— Басни Крылова. Мы начали только сегодня, — совершенно спокойно отвечает Тупча. Хорнберг небрежным жестом поднимает крышку ближайшей парты. Ничего. Ни одной книги. Ни одной тетради.

Старательно закрепив стежки, дети прерывают свое занятие. Они сидят скрестив руки, неподвижно, совершенно одинаковые в своих темных платьицах с белыми воротничками. Все двадцать детских лиц как-то сразу постарели и замкнулись, скрывая страх, ненависть и хитрость.

Господин Хорнберг сел на стул, подвинутый ему Тупальской.

— Будьте любезны вызвать какую-нибудь из ваших юных учениц.

Сидящая в третьем ряду Мария Склодовская инстинктивно повертывается напряженным личиком к окну. Про себя она возносит к небу Тайную мольбу: «Господи, сделай так, чтоб не меня! Только не меня!.. Только не меня!..»

Но она знает, что вызовут ее. Ее вызывают почти всегда, так как она самая знающая и хорошо говорит по-русски.

Услыхав свою фамилию, девочка встает. Ее бросает в жар и в холод.

— Молитву, — произносит Хорнберг с выражением безразличия и скуки.

Бездушным голосом Маня читает «Отче наш». Одним из самых унизительных мероприятий царского правительства являлось требование, чтобы польские дети каждый день читали свои католические молитвы, но обязательно на русском языке. Под видом уважения к религиозным верованиям поляков царь этой мерой заставлял их же самих оскорблять то, что было для них священно.

Опять наступает тишина.

— Какие цари царствовали на нашей святой Руси со времени Екатерины Второй?

— Екатерина Вторая, Павел Первый, Александр Первый, Николай Первый, Александр Второй…

Инспектор доволен. У девочки хорошая память. А какое отличное произношение, точно она родилась в Петербурге.

— Какой титул принадлежит царю в ряду почетных званий?

— «Величество».

— А мой?

— «Высокородие».

Инспектор с удовольствием разбирается в этих иерархических оттенках, видимо полагая их более важными, чем арифметика или грамматика. Наконец уже просто для забавы он спрашивает:

— А кто нами управляет?

Чтобы скрыть вспыхнувшие негодованием глаза, директриса и надзирательница старательно просматривают списки учениц. Не получив немедленного ответа, раздраженный инспектор повторяет свой вопрос:

— Кто нами управляет?

— Его величество Александр Второй, царь всея Руси, — с усилием отчеканивает Маня.

Инспекторский смотр окончен. Царский чиновник встает со стула и, благосклонно кивнув головой, направляется в соседний класс. За ним следует директриса.

Тупча поднимает голову и говорит:

— Душенька моя, поди ко мне…

Маня подходит к учительнице; Тупча, не говоря ни слова, целует ее в лоб. Весь класс сразу оживляется, а польская девочка, измученная нервным напряжением, не выдерживает и заливается слезами,

* * *

— Был инспектор! Был инспектор! — возбужденно сообщают школьницы своим матерям и няням, ожидающим их у выхода. Закутанные девочки в сопровождении взрослых расходятся группами по тротуару, запушенному первым снегом.

Эля оживленно рассказывает тетке Михаловской — тете Люсе, пришедшей за племянницами, — о том, что произошло сегодня в пансионе:

— Хорнберг спрашивал Маню… Она отвечала очень хорошо… Потом она расплакалась… Кажется, инспектор не сделал замечаний ни в одном классе…

Говорливая Эля болтает то шепотом, то громко. Маня молча шагает рядом с тетей. Прошло уже несколько часов со времени ее допроса, но девочка все еще волнуется. Ей ненавистны эти внезапные панические страхи, эти унизительные вызовы, когда приходится все время только лгать и лгать…

После сегодняшнего посещения инспектора Маня как-то особенно тяжело чувствует всю грустную сторону своего существования. Не вспоминается ли ей былое время, когда она была ребенком без горя, без тревог? Несчастья одно вслед за другим обрушились на семью Склодовских, и последние четыре года казались Мане каким-то тяжелым сном.

За эти годы ее мать побывала вместе с Зосей в Ницце. Тогда Мане сказали, что «мама после лечения вернется совсем здоровой». Спустя год ребенок вновь увидел свою мать, но едва мог узнать ее в постаревшей, обреченной женщине.

День возвращения после летних каникул 1873 года оказался драматичным. Приехав со всем семейством на Новолипскую улицу к началу гимназических занятий, Склодовский нашел у себя на письменном столе казенный пакет: по распоряжению властей он лишался места субинспектора, а тем самым — казенной квартиры и добавочного жалованья. Это опала. Директор гимназии Иванов жестоко отомстил недостаточно раболепному чиновнику. Он одолел в этой борьбе.

После нескольких переездов с квартиры на квартиру Склодовские обосновались в доме на перекрестке Новолипской и Кармелитской улиц. Семья все больше и больше испытывала недостаток в деньгах. Преподаватель берет к себе двух-трех пансионеров, затем пять, восемь, наконец десять. Всем этим мальчикам, набранным среди своих учеников, он дает квартиру, питание и частные уроки. В квартире стало шумно, как на мельнице; пришел конец семейному уюту.

К сожалению, необходимость такой меры вызывалась не только потерею места субинспектора, не только денежными жертвами, которых требовало пребывание его жены на солнечной Ривьере. Вовлеченный своим злосчастным шурином в рискованную спекуляцию — товарищество по эксплуатации «чудесной» паровой мельницы, Склодовский, вообще говоря, человек предусмотрительный, потерял, и очень быстро, все накопленные деньги — тридцать тысяч рублей. С тех пор его терзают сожаления, тревожит будущее, он сокрушается и все время винит себя за то, что обездолил семью, а дочерей лишил приданого.

За два года до этого несчастья, в январе 1876 года, Маня узнала, что такое горе. Один из пансионеров, заболев тифом,

заразил Броню и Зоею. Страшные недели! В одной комнате чахоточная мать старается сдержать свой кашель, в соседней — две сестры стонут и дрожат от озноба.

Это случилось в среду. Склодовский зашел за Элей, Юзефом и Маней и повел их к старшей сестре. Зося покоилась в гробу, вся в белом, со скрещенными на груди руками. Бескровное лицо как будто улыбалось и, несмотря на гладко остриженную голову, было красиво.

Маня впервые встречается со смертью, впервые «дет в траурной процессии, одетая в мрачную черную накидку, оставив дома рыдающую Броню, которая должна еще лежать в постели, и мать, которая не в силах выйти из дому, перебираясь от окна к окну, следит за удаляющимся гробом своей дочери.

* * *

Пять часов. Горничные убрали стол после обеда и зажгли висячую керосиновую лампу. Время занятий. Пансионеры разбрелись по своим комнатам. Сын и дочери учителя остались в столовой, превращенной в класс, раскрыли тетрадки и книги. Через несколько минут в комнате раздается бормотание, невнятный, назойливый, нудный гул; он так и остается на целые годы лейтмотивом всей жизни в этом доме.

Его виновниками являются ученики, которые не могут отказаться от привычки вслух заучивать латинские стихи, исторические даты или решать задачи. В каждом углу этой фабрики познаний ноют, охают, страдают. Как все трудно! Сколько раз приходилось учителю Склодовскому ободрять ученика, который впадал в отчаяние из-за того, что, хорошо поняв изложенное на родном, польском, языке, не мог при всех стараниях усвоить то же самое, и особенно передать, на обязательном русском языке.

Маленькая Маня не знает подобных огорчений. Исключительная сила ее памяти казалась подозрительной и, когда девочка на глазах у всех прочитывала стихотворение два раза и тут же произносила наизусть без единой ошибки, товарищи обвиняли ее в жульничестве, говоря, что она выучила его раньше, потихоньку от всех. Свои уроки она готовит значительно быстрее других учеников, а затем по врожденной готовности помочь нередко выручает какую-нибудь из подруг, зашедшую в тупик.

Но чаще всего, как было й в этот вечер, Маня берет книгу и устраивается за столом, оперев лоб на облокоченные руки и

заткнув уши большими пальцами, чтобы не слышать бормотание своей соседки Эли. Через минуту Маня, загипнотизированная чтением, уже не слышит и не видит того, что происходит в комнате.

Такая способность к полному самозабвению — единственная странность у этого вполне здорового, нормального ребенка — необычайно забавляет Маниных подруг и сестер. Броня и Эля в сообществе с пансионерами уже не раз устраивали в комнате невыносимый гвалт, чтобы отвлечь младшую сестру, но их старания напрасны: Маня сидит как зачарованная, даже не поднимая глаз.

Сегодня им хотелось бы придумать что-нибудь похитрее, так как пришла дочь тети Люси — Генриэта, и это обстоятельство раззадоривает в них демона злых козней. На цыпочках они подходят к Мане и громоздят вокруг нее целое сооружение из стульев. Два стула — по бокам, один — сзади, на них еще два, а сверху ставят еще стул как завершение постройки. Затем все молча удаляются и делают вид, что заняты уроками. Они ждут.

Ждут долго — Маня не замечает ничего. Ни шепота, ни глухого смеха, ни тени стульев, лежащей у нее на волосах. Проходит полчаса, а Маня все еще сидит, не подозревая опасности от шаткой пирамиды. Кончив главу, она складывает книгу и поднимает голову. Все рушится со страшным грохотом. Стулья кувыркаются на пол. Эля, Броня и Генриэта визжат от удовольствия.

Но Маня по-прежнему невозмутима. Не в ее характере сердиться. Она потирает плечо, ушибленное стулом, берет книгу и уносит в другую комнату. Проходя мимо «старших», она роняет одно слово: «Глупо!»

Часы такого полного самозабвения — единственное время, когда Маня живет чудесной жизнью детства. Она читает вперемежку школьные учебники, стихи, приключенческую прозу, а наряду с ними — технические книги, взятые из шкафов Склодовского.

В эти короткие часы отходят от нее все мрачные видения ее жизни: усталый вид отца, «подавленного мелкими заботами, шум вечной суматохи в доме, вставанье в предрассветном мраке, когда ей надо, еще полусонной, вскочить с постели, сползающей со скользкого дивана, и быстро освободить этот злосчастный диван, чтобы пансионеры могли позавтракать в столовой, которая служила спальней для маленьких Склодовских.

Но передышки эти мимолетны. Стоит очнуться, и все опять всплывает с прежней силой; в первую очередь щемящая тревога за состояние матери, ставшей лишь слабой тенью былой красавицы.

Как ни стараются ободрить Маню, она душою чувствует, что «и силою ее восторженного преклонения, ни силою большой любви и пламенных молитв не отвратить ужасного и близкого конца.

* * *

И сама Склодовская думает о роковом конце. Ей хочется, чтобы смерть не захватила ее врасплох, не перевернула всю жизнь ее семьи. 9 мая 1878 года приходит к ней не доктор, а священник. Только ему поведает она свои душевные страдания, свою скорбь о милом муже, которому оставит бремя всех забот о четырех детях, свои мучительные думы о будущем совсем юных и остающихся без матери детей, а среди них — Манюша, которой только десять лет.

И умирает она так, как ей хотелось, без бреда, без метания. В чистой комнате стоят вокруг ее кровати муж, дочери и сын. Ее серые удлиненные глаза, уже подернутые предсмертной дымкой, пристально вглядываются в осунувшиеся лица близких, как будто умирающая хочет испросить себе прощение за то, что причиняет им такое горе.

Она еще находит силы проститься с каждым. Но все больше и больше ее одолевает слабость. Последняя мерцающая искра жизни позволяет ей сделать только одно движение, сказать только одно слово.

Движение — это крестное знамение, которое она чертит в воздухе дрожащею рукой, благословляя своих детей и мужа.

Слово — последнее, прощальное, с детьми и с мужем, чуть слышное:

— Люблю.

* * *

Еще ребенком Маня познала жестокость жизни, жестокой и к народам и к отдельным существам. Умерла Зося, умерла и мать. Нет больше ни чудесной ласки нежной матери, ни благодетельной опеки Зоей, но Маня все-таки растет, ни на что не жалуясь, предоставленная сама себе.

Она горда, а не смиренна. Теперь, склоняясь на колени в той же церкви, куда ее водила мать, Маня чувствует, как поднимается в ее душе глухой протест. И молится она не с прежнею любовью к богу, который так несправедливо нанес ей эти страшные удары и погубил вокруг нее всю радость, нежность и мечты.

Глава III

Юность

В истории каждой семьи можно найти период наибольшего ее расцвета. В силу каких-то таинственных причин одно из (поколений вдруг выделяется среди последующих и предыдущих своими успехами, жизненностью, дарованиями.

Такой период пришелся на это поколение Склодовских, хотя и заплатившее совсем недавно дань несчастью. Смерть, унеся Зоею, уже взяла свой налог с жаждущих знания, умственно развитых детей. Но в четырех оставшихся, рожденных от чахоточной матери и надорванного трудом отца, заключалась неодолимая жизненная сила. Всем четверым суждено было победить враждебные им силы, смести препятствия и стать выдающимися людьми.

Как они прекрасны в это солнечное утро весною 1882 года, когда все четверо сидят за ранним завтраком в столовой! Вот Эля, ей уже шестнадцать лет, высокая, изящная, бесспорно самая хорошенькая в семье. Вот Броня с расцветшим, как цветок, лицом и с золотистыми волосами. Вот самый старший, Юзеф, в студенческой тужурке на атлетической фигуре.

А Маня… Так и у Мани отличный вид! Как самая младшая, она пока менее красива. Но так же, как и у сестер, у нее приятное, живое лицо, ясные глаза, светлые волосы и светлая кожа.

Только на двух младших сестрах форменные платья: синее у Эли, ученицы пансиона Сикорской, и коричневое у Мани, лучшей ученицы казенной гимназии. Прошлой весной Броня окончила эту же гимназию с золотой, вполне заслуженной медалью.

Такой же золотой медали был удостоен после окончания гимназии Юзеф, поступивший на медицинский факультет. Сестры гордятся братом, а вместе с тем завидуют ему. Все три томятся жаждой высшего образования и потому заранее клянут устав Варшавского университета, куда не допускают женщин. Но жадно слушают рассказы брата об этом хотя и императорском, но весьма посредственном университете.

Их оживленный разговор нисколько не препятствует еде. Хлеб, масло, сливки и варенье — все исчезает, как по волшебству.

— Юзеф, сегодня урок танцев, и ты нужен в роли кавалера, — говорит Эля, не забывающая серьезных дел. — Броня, как ты думаешь, если разгладить мое платье, оно еще сойдет?

— Так как другого нет, следовательно, оно должно сойти, — философски замечает Броня. — Когда ты вернешься к трем часам,

мы им займемся.

— У вас очень красивые платья! — убежденно говорит Маня.

Маня застегивает набитую битком сумочку.

— Скорей! Скорей! А то опоздаешь на свидание! — посмеивается Эля, тоже собираясь уходить.

— Не опоздаю! Еще только половина девятого. До свидания!

На лестнице Маня обгоняет двух пансионеров своего отца. Они, не очень торопясь, тоже идут в гимназию.

Закинув сумку за спину, Маня бежит к «Голубому дворцу» графов Замойских. Минуя парадные двери, она проходит в старинный двор, охраняемый большим бронзовым львом. Здесь девочка останавливается в полном разочаровании: двор пуст — никого нет! Чей-то приветливый голос окликает Маню.

— Не убегай, Манюша… Казя сейчас выйдет!

— Благодарю вас, пани. Добрый день, пани.

Из окна на антресолях выглядывает жена библиотекаря Замойских, паии Пшнборокая, и дружески улыбается младшей Склодовокой, маленькой круглощекой девочке с живыми глазками, в последние два года самой близкой подруге дочери Пшиборской.

— Непременно заходи после полудня. Я приготовлю вам шоколад-гляссе, как ты любишь!

— Конечно, приходи к нам завтракать! — кричит Казя, скатываясь с лестницы и хватая за руку Манюшу. — Бежим, Маня, а то мы опоздаем!

Казя — очаровательное существо. Эта веселая, счастливая горожаночка — балованная любимица своих родителей. Муж и жена Пшиборские балуют и Маню, обращаются с ней как с дочерью, чтобы девочка не чувствовала себя сиротой.

Взявшись за руки, девочки шествуют по узкой Жабьей улице. Со вчерашнего завтрака они не виделись, и, конечно, им надобно рассказать друг другу о множестве животрепещущих вещей, касающихся почти всецело их гимназии в Краковском предместье.

Переход из пансиона Сикорской, по духу совершенно польского, в казенную гимназию, где властвует дух руссификации, — переход тяжелый, но необходимый: только казенные, императорские гимназии дают официальные дипломы. Маня и Казя мстят за это принуждение всякими насмешками над гимназическими учителями, в особенности над ненавистной надзирательницей мадемуазель Мейер.

Эта маленькая брюнетка с жирными волосами, в шпионских неслышных мягких туфлях — отъявленный враг Мани Склодовской. Она все время укоряет девочку за упрямый характер и за презрительную усмешку, которой Маня отвечает на

оскорбительные замечания.

— Говорить со Склодовской совершенно бесполезно, ей все как об стенку горох!.. — жалуется это тупое существо.

Изо дня в день продолжается война между крайне независимой ученицей и раздраженной надзирательницей. В прошлом году она разразилась страшной бурей. Пробравшись незаметно в класс, мадемуазель Мейер застала Маню и Казю в ту минуту, когда обе девочки весело танцевали между партами по случаю убийства Александра II, внезапная смерть которого повергла в траур всю империю.

Одним из самых прискорбных следствий всякого политического гнета является развитие жестокости среди подвергнувшихся угнетению. Маней и Казей владеют злопамятные мстительные чувства, совершенно незнакомые свободным людям. В обеих девочках— по природе великодушных, нежных — живет еще другая, особая мораль, в силу которой ненависть считается за добродетель, а повиновение — за подлость.

Под действием всех этих чувств все эти девочки страстно набрасываются на то, что им позволено любить. Они обожают красивого молодого Гласса, преподающего им математику, Слозарского, преподавателя естественной истории: оба поляки, следовательно — сообщники. Но и по отношению к русским их чувства имели различные оттенки. Например, что было думать о таинственном Микешине, который, награждая за успехи одну из учениц, молча протянул ей том стихотворений революционного поэта Некрасова? Польские школьницы с изумлением замечают и во враждебном лагере признаки сочувствия.

В том классе, где училась Маня, сидели бок о бок и поляки, и евреи, и русские, и немцы. Среди них не было серьезных разногласий. Сама их юность, соревнование в учении сглаживали различие их национальных особенностей и мыслей. Глядя на их старания помочь друг другу в занятиях, на их совместные игры во время перерывов, можно подумать, что между ними царит полное взаимопонимание.

Но, выйдя из гимназии на улицу, каждая группа говорит только на своем язьже, исповедует свой патриотизм и религию. В качестве угнетенных поляки ведут себя более вызывающе, чем остальные, — они уходят сплоченными группами и никогда не пригласят к обеду ни одну немку или русскую.

Эта непримиримость не дается даром, без душевной смуты. Сколько нервного напряжения, преувеличенных укоров совести! Все кажется преступным: и дружеское влечение к товарищу другой национальности и невольное чувство удовольствия от

уроков точных знаний или философии, проводимых «угнетателями» — представителями «казенного» преподавания, ненавистного из принципа.

И все же в одном из писем Казе Маня признается стыдливо и волнующе:

«Знаешь, Казя… я все-таки люблю гимназию. Может быть, ты посмеешься надо мною, но, несмотря на это, я говорю тебе, что я ее люблю, и даже очень. Теперь я это сознаю. Только не думай, что я по ней скучаю! О, совсем нет! Но мысль, что скоро я вернусь туда, меня не огорчает, и те два года, которые еще осталось провести в гимназии, уже не представляются такими страшными, тяжелыми и длинными, как это мне казалось раньше».

* * *

Парк в Лазенках, где Маня проводит большую часть свободного времени, а затем Саксонский сад — любимые места Мани в родном городе.

Миновав чугунную ограду, Казя и Маня идут по аллее. Они проходят под великолепной колоннадой и пересекают большую площадь перед Саксонским дворцом. Маня вскрикивает:

— Ах! Мы ведь прошли памятник! Сейчас же идем обратно!

Казя не возражает. Ветреницы допустили непростительную оплошность. Посреди Саксонской площади стоит величественный обелиск с четырьмя львами по сторонам и с надписью церковнославянскими буквами: «Полякам, верным своему монарху». Этот обелиск, воздвигнутый царем в честь предателей, презирают все польские патриоты, и по установившемуся обычаю надо плюнуть всякий раз, когда проходишь мимо обелиска.

Выполнив свой долг, девочки продолжают разговор.

— Сегодня у нас танцевальный вечер, — говорит Маня.

— Да… Ах, Манюша, когда же и мы с тобой получим право танцевать! Ведь мы так хорошо танцуем вальс! — жалуется нетерпеливая Казя.

Когда? Да не раньше того, как эти школьницы «выедут в свет». Пройдут еще долгие месяцы, прежде чем они кончат гимназию, ту самую, что помещается вот в этом голом трехэтажном доме, как раз напротив часовни Благовещения, сплошь изукрашенной орнаментом и похожей на одинокий островок итальянского Возрождения среди суровых зданий этого квартала. Некоторые из их товарок уже у главного входа. Тут и маленькая Вульф с голубыми глазками, и Аня Роттерт — лучшая, после Мани, ученица в классе, и Леонида Куницкая…

Но что с Куницкой? Глаза вспухли от слез; да и сама она, всегда такая чистенькая и аккуратная, сегодня одета кое-как. Маня и Казя перестают смеяться и подбегают к своей подружке.

— Что случилось? Куницкая, что с тобой?

Миленькое личико девочки бледно. Губы с трудом пропускают слова:

— Это из-за брата… Он участвовал в заговоре… На него донесли. Три дня мы не знали, где он…

И, задыхаясь от рыданий, добавляет:

— Завтра утром его повесят.

Потрясенные девочки окружают бедняжку, хотят расспросить ее и поддержать. Но раздается скрипучий голос мадемуазель Мейер:

— Девочки, довольно болтовни. Поторопитесь!

Маня, онемев от ужаса, проходит на свое место.

Еще минуту назад она мечтала о музыке, о бале. А сейчас под однообразное жужжание первых фраз урока географии, которые она и не пытается понять, ей видится лишь молодое, одухотворенное лицо осужденного Куницкого, виселица, веревка и палач.

В этот вечер Маня, Эля, Броня, Казя и ее сестра Юля не пошли на урок танцев, а провели всю ночь в комнате Леониды Куницкой. Их возмущение и слезы сливались в одно целое. Свою подругу, истерзанную горем, все окружали скромными, но нежными заботами. И быстро и тягуче шло время для этих девочек, из коих четыре еще носили гимназическую форму. Но вот бледный свет зари упал на бледные девичьи лица и возвестил о роковом конце; тогда все встали на колени и начали шептать отходную молитву, закрыв руками свои лица, объятые ужасом.

* * *

Три золотые медали, одна за другою, выпали на долю семьи Склодовскнх. Третья досталась Мане при окончании гимназии 12 июня 1883 года.

В гнетущей жаре и духоте читают список награжденных, говорят речи, гремят туши. Учителя поздравляют учениц. В парадном черном платье, с букетом чайных роз, приколотым к корсажу, младшая Скло-довская прощается со всеми, клянется писать своим подругам каждую неделю и покидает навсегда гимназию в Краковском предместье, взяв под руку отца, гордого успехами дочери.

Отец Склодовский уже решил, что, прежде чем выбирать себе

дорогу в жизни, Маня поедет на целый год в деревню.

Год каникул! Можно себе представить, чем это должно бы показаться девочке, талантливой, во власти раннего призвания, тайком читающей научные пособия… Но нет, в таинственную переходную эпоху юности, когда формировалось ее тело, а черты лица становились тоньше, Маня вдруг обленилась. Отбросив школьные учебники, она в первый н последний раз в своей жизни до упоения наслаждается бездельем.

«Мне не верится, что существует какая-то геометрия и алгебра, — пишет она Казе, — я совершенно их забыла».

Вдали от Варшавы и гимназии она живет месяцами у приютивших ее родственников, отплачивая за гостеприимство какими-то неопределенными уроками их детям или ничтожной суммой денег на питание. Она вся отдается счастью самой жизни.

Как она беззаботна! Какой вдруг стала радостной! Между прогулкой и обедом она едва находит время, чтоб взяться за перо и описать свое блаженство в письмах, которые обычно начинаются: «Мой дорогой чертенок» или: «Душенька Казя».

Маня — Казе:

«Могу тебе сказать, что, кроме часового урока французского языка, который я даю маленькому мальчику, я ничего не делаю, буквально «ничего» — даже забросила начатую вышивку. У меня нет времени, занятого чем-нибудь определенным… Встаю я то в десять, то в четыре или пять (утра, конечно, а не вечера!). Ни одной серьезной книги не читаю, ничего, кроме глупых развлекательных романов. Несмотря на аттестат, удостоверяющий законченное образование и умственную зрелость, я чувствую себя невероятной дурой. Иногда я начинаю хохотать одна, сама с собой, и нахожу искреннее удовлетворение в состоянии полнейшей глупости.

Мы целой бандой ходим гулять в лес, играем в серсо, в волан (я — очень плохо!), в кошки-мышки, в гусыню и развлекаемся другими, такими же детскими забавами. Здесь столько земляники, что на пять грошей можно купить вполне достаточное количество, чтобы наесться: полную глубокую тарелку с верхом. Увы, земляника уже кончилась. Боюсь только, что при возвращении домой мой аппетит не будет иметь границ и моя прожорливость возбудит беспокойство.

Мы много качаемся на качелях, причем изо всех сил и страшно высоко, купаемся и ловим раков при свете факелов. Каждое воскресенье запрягают лошадей, чтобы ехать к обедне, а затем мы делаем визит священникам. Оба священника очень умны, очень забавны, и в их компании мы очень весело проводим время.

На несколько дней я заезжала в Зволу. Там в это время гостил актер Катарбинский — виновник общего веселья. Он пел нам столько песенок, столько декламировал стихов, столько разыгрывал с нами разных шуток и столько собирал для нас крыжовника, что в день его отъезда мы сплели большой венок из маков, полевой гвоздики, васильков, и, когда бричка с Катарбинским тронулась в путь, мы бросили ему наш венок, крича во все горло: «Да здравствует… да здравствует пан Катарбинский!» Он тотчас надел венок себе на голову, а затем, как оказалось, уложил его в какой-то чемодан и увез в Варшаву. Ах, как весело живут в Зволе! Там всегда большое общество, царит такая свобода, независимость и равенство, что ты вообразить себе не можешь. Когда мы ехали оттуда к себе домой, Лансе так лаял, что мы не знали, как с ним быть…»

За этот год безделья и умственной дремоты в Мане развилась так и оставшаяся в ней на всю жизнь страсть к деревенской жизни. Приглядываясь то к одной, то к другой местности в разные времена года, она открывала новые красоты польской земли, по которой рассеялись ее родные. В мирной, спокойной Зволе ничто не останавливает взора, и круглый горизонт кажется таким далеким, как нигде в мире. У дяди Ксаверия в Завепшице пасутся на лугах пятьдесят породистых лошадей — целый завод. Заняв у своих кузенов не очень изящные брюки, Маня становится наездницей.

Она впервые видит перед собой Карпаты — какая красота! Сверкающие снежные вершины и стройные ели приводят ее, дитя равнины, в восторженное оцепенение. Ей не забыть ни прогулок по горным тропкам, ни хижин горцев, где каждый резной деревянный предмет — произведение искусства, ни маленького озера, зажатого среди вершин, холодного и чистого, похожего на синий глаз, с таким красивым названием — «Морское око».

Здесь, близ Карпатских гор, у границ Галиции, Маня проведет зиму в шумной семье дяди Здислава, нотариуса в Скальбмерже. Хозяин дома весельчак, его жена — красавица, три дочери только и думают о том, как бы посмеяться.

Разве соскучится здесь Маня? Каждую неделю приезд какого-нибудь гостя или местный праздник вызывает увлекательную суматоху. Родители готовят дичь, дочки пекут пироги или же запираются у себя в комнатах и спешно нашивают ленты на пестрые костюмы для предстоящего маскарада.

Достаточно ли сказать, что это бал? Конечно, нет! Это феерический объезд всей округи в разгар карнавала. Вечером по снегу двое саней мчат укрытых полостью Маню Склодовскую и трех ее кузин в нарядах краковских крестьянок и в масках. Их

сопровождают молодые люди в живописных крестьянских костюмах, верхом и с факелами в руках. А между соснами мигают другие факелы, и в ночном морозном воздухе слышатся ритмические звуки: это подъезжают сани с музыкантами, которые в течение двух суток будут извлекать из своих скрипок упоительные мелодии вальсов, краковяков и мазурок, а все присутствующие станут подпевать хором. Теперь четыре неистовых музыканта будут играть до тех пор, пока еще трое, пятеро, десятеро саней не откликнутся на призыв скрипок и не разыщут их в ночной тьме.

Наконец шумная процессия останавливается, высаживается, затем стук в двери заснувшего дома, притворное изумление хозяев… Проходит всего несколько минут, музыкантов водворяют прямо на столе, и начинается бал при свете факелов и канделябров, а из буфетов появляются запасы всякой снеди. Затем сигнал — и дом пустеет. Нет никого: ни обитателей его, ни масок, ни саней, ни лошадей. Все мчатся по лесу к другому дому, к третьему, четвертому, захватывая с собой каждый раз новых участников веселья. Солнце всходит и заходит. Скрипачи едва успевают перевести дыхание и немного поспать **в** каком-нибудь амбаре вместе с изнеможенными танцорами. На второй день вечером сани останавливаются перед самым большим в округе помещичьим домом, где предстоит «настоящий бал», и четыре музыканта начинают первый краковяк покоряющим фортиссимо.

Юноша в белом суконном костюме с вышивкой спешно приглашает лучшую танцовщицу: шестнадцатилетнюю Марию Склодовскую; в бархатном казакине с пышными кисейными рукавами, увенчанная диадемой из колосьев с яркими свисающими лентами, Маня похожа на девушку из горных деревень, одетую в праздничный наряд.

К такому волшебному безделью требовался апофеоз. В июле 1884 года, как только Маня приехала домой в Варшаву, к Склодовокому явилась его бывшая ученица графиня Флери, полька, вышедшая замуж за француза. Так как у младших дочерей учителя нет еще никаких планов на летние каникулы, то почему бы им не приехать к ней в имение на два месяца?

«Это произошло в воскресенье, — пишет Маня Казе, — а в понедельник мы с Элей уже выехали: пришла телеграмма, извещавшая, что нас будут ждать лошади на станции. Вот уже несколько недель, как мы живем в Кемпе, и мне бы следовало рассказать тебе о здешней жизни, но у меня не хватает на это смелости, скажу только, что живем чудесно. Кемпа расположена при слиянии Бьебержи с Наревом; иными словами, воды сколько хочешь: и для купания и для катания на лодках, что приводит

меня в восхищение. Учусь грести и уже делаю успехи, а купание — идеально. Мы делаем все, что взбредет в голову, спим то ночью, то днем, проделываем такие взбалмошные штуки, что за некоторые стоило бы нас запереть в сумасшедший дом».

В короткое время Маня с Элей становятся заводилами молодежи в Кемпе. Хозяева усадьбы занимают своеобразную позицию: когда они вместе, то увещевают молодежь, порицают ее выходки и грозят принять суровые меры. Но в отдельности потихоньку друг от друга каждый из супругов становится сообщником виновных, проявляет к ним полную терпимость и даже содействует их затеям.

Что сегодня делать? Покататься верхом? Пойти в лес собирать грибы или бруснику? Это чересчур степенно. Маня упрашивает Яна Монюшко, брата графини Флери, съездить в соседний город. А пока он отсутствует, Маня с помощью других подвешивает к потолочным балкам всю обстановку в комнате уехавшего юноши: кровать, стол, стулья, чемоданы, одежду и прочее. И вернувшемуся Яну придется в темноте барахтаться среди своей «воздушной» обстановки.

Граф и графиня Флери не остаются без награды за свое широкое гостеприимство. Юные безумцы обожают и мужа и жену, оказывают полное доверие, одаряют самой близкой дружбой, всегда чистой, даже в ее сумасбродных проявлениях.

Они умеют делать хозяевам приятные сюрпризы: в день сорокалетия их свадьбы два делегата подносят им огромный красивый венок из всяких овощей весом в пятьдесят килограммов и усаживают виновников торжества под балдахин из нарядно драпированных материй. В полной тишине самая юная девица декламирует поэму, сочиненную Маней к данному случаю.

Чета Флери в ответ немедля объявляет большой бал. Хозяйка дома заказывает пироги, гирлянды, свечи. А Маня и Эля задумываются над своим нарядом для ночного празднества.

Нелегко быть восхитительной, когда нет денег, и дешевая портниха шьет тебе всего два платья в год: одно — простое, другое — для балов. Подсчитав свои деньги, сестры решают, как им быть. Тюль, покрывавший сверху платье Мани, уже потрепан, но атласный голубой чехол еще в хорошем состоянии. Надо ехать в город, купить подешевле голубого тарлатана и заменить им пришедший в упадок тюль, задрапировав новым тарлатаном неизносимый чехол платья. Затем пришить тут ленточку, тут бантик, пожертвовать несколько рублей на шевровые туфельки, а в саду собрать букетик к корсажу и несколько роз в прическу. Вечером, в день бала, когда музыканты настраивают инструменты, а изумительно красивая Эля уже порхает по

празднично украшенному дому, Маня в последний раз осматривает себя в зеркало. Все вышло очень хорошо: и нарядный тарлатан, и живые цветы у оживленного лица, и эти красивые новенькие туфли, но Маня сегодня будет столько танцевать, что они останутся к утру без подошв и их придется выбросить!

* * *

Много лет спустя моя мать, вспоминая об этих днях веселья, описывала их мне каким-то отрешенным, нежным тоном. Я видела перед собой ее лицо, такое усталое после полувека всяческих забот и большого научного труда, и благодарила ее судьбу за то, что раньше, чем направить эту женщину на путь сурового, неумолимого призвания, она ей даровала возможность носиться на санях по взбалмошным карнавалам и трепать туфельки в вихре ночного бала.

Глава IV

Призвание

Я попыталась описать Маню Склодовскую в ее детстве, юности, в ее учебных занятиях и в ее забавах. Она здорова, честна, чувствительна и весела. У нее любящее сердце. По словам учителей, она очень даровита. Но никакие особые способности не выделяют Маню из среды других детей, ее подруг и сверстниц. Еще ничто не предуказывает особенный талант.

А вот другой портрет ее, уже взрослой девушки. Он более значителен. За это время в ее жизни сглаживаются черты любимых лиц, и только нежное воспоминание о них останется у Мани до конца жизни. Мало-помалу меняются и дружеские связи. Уходят в прошлое пансион, гимназия, товарищеские узы, на вид такие крепкие, но слабнущие очень быстро, как только исчезает то ежедневное общение, которое поддерживало их. Призвание Мани выявляется благодаря двум личностям, проникнутых добром, пониманием людей и честью, самым близким и родным — это ее отец и старшая сестра.

Мне бы хотелось показать, как под воздействием этих двух друзей зарождались у Мани мысли о своем будущем. Большинству людей в подобных случаях свойственны чрезмерные желания, но как же скромны, при всей их смелости, мечты будущей Мари Кюри!

* * *

В сентябре, упоенная своим четырнадцатимесячным бродяжничеством, Маня возвращается в Варшаву на новую семейную квартиру рядом с гимназией, где училась в детстве.

Существенная перемена в жизни учителя Склодовского вызвала переселение с улицы Лешно на Новолипскую. Состарившись, Склодовский оставил за собой преподавание в гимназии, но отказался держать у себя пансионеров. Новая квартира была теснее прежней, уютнее, но и беднее, и там вместе со всей семьей поселилась Маня.

Те, кто встречались со Склодовским в первый раз, считали его суровым человеком. Тридцать лет преподавательской работы в средних учебных заведениях придали этому полному, невысокому человеку некоторую величавость, а кое-какие внешние черты изобличали в нем образцового педагога: темные цвета всегда старательно вычищенной одежды, точные, скупые жесты и степенная, вразумительная речь. Все его действия методичны. Пишет ли он письмо — фразы логичны, почерк сжат. Ведет ли он детей на экскурсию — случайностям нет места. Весь путь заранее изучен и проходит по самым примечательным местам, а сам учитель красноречиво поясняет прелесть пейзажа или историческое значение какого-нибудь памятника старины.

Маня даже не замечает этих мелких педагогических привычек. Она нежно любит своего отца. Он ее покровитель, ее учитель. Она готова думать, что отец обладает всеобъемлющими знаниями. И в самом деле, Склодовский знает все или почти все. В какой стране теперешней Европы найдешь у скромного учителя средней школы такую эрудицию! Глава семьи, он еле сводит концы с концами в своем бюджете, а вместе с тем находит время расширять свои научные познания, роясь в журналах, которые достать не так легко. Ему представляется вполне естественным быть в курсе успехов химии и физики, не менее естественным знать, кроме польского и русского, языки латинский, греческий, говорить по-французски, по-немецки и по-английски. Он переводит лучшие произведения поэзии и прозы иностранных авторов на свой родной язык. Сочиняет много стихов сам и старательно заносит их в обычную школьную тетрадку с черно-зеленою обложкой: «Моим друзьям в день их рождения», «Здравица на свадьбу», «Бывшим моим ученикам»…

Каждую субботу Склодовский, его сын и трое дочерей проводят вечер вместе, посвящая его литературе. Усевшись за кипящим самоваром, они беседуют. Старик отец декламирует стихи или читает вслух какую-нибудь книгу. Дети слушают с

искренним восхищением: у этого учителя с лысым лбом, с толстым, благодушным лицом и маленькой седой бородкой замечательный дар слова. Так каждую субботу знакомый, милый голос доносит до слуха Мани лучшие творения мировой литературы. Когда-то в годы далекого детства этот голос рассказывал ей сказки, путешествия или читал Давида Копперфильда, переводя его сразу, без запинки с английского на польский. И тот же голос, хотя надтреснутый несчетным множеством гимназических уроков, декламирует теперь внимательным юным слушателям польских романтиков, поэтов эпохи рабства Польши и ее восстаний: Словацкого, Красинского, Мицкевича. Переворачивая страницы истрепанных томов, а среди них есть и запрещенные правительством царя, лектор декламирует героические строфы из «Пана Тадеуша»[17] или скорбные стихи из «Кордиана»[18].

Никогда не забыть Мане этих вечеров. Благодаря своему отцу Маня развивается в умственной атмосфере, редкой по содержательности и знакомой только очень немногим девушкам. Крепкие узы связывают Маню с человеком, который так трогательно, так ревностно стремится сделать ей жизнь привлекательной и интересной. Она тревожно чувствует тайное страдание, скрытое под внешним спокойствием Склодовского, грусть неутешного вдовца, угрызения совести щепетильного отца, упрекавшего себя за легковерие, в результате которого он погубил некогда свое небольшое состояние. Иногда этот несчастный человек не выдерживает и жалуется детям на самого себя:

— Как мог я потерять столько денег! Как я мечтал дать вам самое утонченное образование, отправить путешествовать, послать учиться за границу!.. И я же сам все это разрушил! Теперь у меня нет денег, я не могу вам помогать. А скоро лягу бременем на вас. Что с вами будет?

Учитель тяжко вздыхает и, обернувшись к своим детям, подсознательно ждет, чтобы они ободрили его своими жизнерадостными возражениями. Вот они, его дети, сидят все вместе вокруг керосиновой лампы, стоящей на маленьком бюро и оживляющей веселым светом зелень любовно выращенных им цветов. Четыре упрямых лба, четыре мужественные улыбки. Живой взгляд их юных глаз разных оттенков — от цвета барвинка до серо-пепельного цвета — горит одною мыслью, одной надеждой:

«Мы молоды. Мы сильны».

* * *

Опасения Склодовского вполне понятны. Будущая судьба его детей определялась этим годом, а положение их было далеко не блестящим. Проблема дальнейшей жизни складывалась просто: теперешнего заработка учителя едва хватало, чтоб оплатить квартиру, кухарку и питание, а вскоре ему придется перейти на небольшую пенсию, поэтому и Юзефу, и Эле, и Мане надо теперь же начать зарабатывать себе на жизнь.

Естественно, что первой мыслью сына и дочерей двух педагогов было давать уроки. «Студент-медик ищет место репетитора», «Молодая девушка с дипломом дает уроки арифметики и геометрии аа умеренную плату». Юные Склодовские становятся в ряды сотен интеллигентных молодых людей, которые бегают по Варшаве в поисках уроков.

Неблагодарное занятие. В шестнадцать с половиной лет Маня узнает трудности и унижения, какие ожидают «репетиторшу». Длинные концы по городу и в дождь и в холод. Сварливые или ленивые ученики. Родители учеников, заставляющие ждать начала занятий на сквозняке в передней («Пусть панна Склодовская соблаговолит подождать… через четверть часа моя дочь будет готова!») или забывающие заплатить в конце месяца те несколько рублей, которые они должны и на которые так рассчитывали, надеясь их получить сегодня утром!

Была ли Маня просто барышней-бесприданницей, энергичной и рассудительной, думавшей только о том, как бы увеличить количество своих учеников? Нет. Она мужественно вступила на трудный, хлопотливый путь частных уроков, но только из нужды. В действительности у нее была своя тайная, горячо волнующая жизнь. Как и все полячки ее круга в ту эпоху, Маня была полна восторженных мечтаний. Как все молодые люди, она жила одной мечтой — идеей своей национальности. В их планах собственного будущего служение Польше занимало первенствующее место над вопросами личного самолюбия, любви и брака. Один, мечтая о насильственной борьбе и об опасностях ее, составлял заговор. Другой мечтал о публицистической борьбе. Третий хотел служить мистической идее, поскольку сам католицизм представлялся средством, силой, которая противостояла православным угнетателям.

Мистико-религиозная мечта стала для Мани чуждой. По традиции ради приличия она еще придерживалась религиозных обрядов, но сама вера, поколебленная смертью матери, мало-помалу испарилась. Испытав на себе сильное воздействие глубоко религиозной матери, эти шесть или семь лет Маня жила под влиянием своего отца, не столько католика, сколько несознающегося вольнодумца. От детской религиозности

остались в ней лишь смутные духовные запросы, стремление преклониться перед чем-то великим и возвышенным.

Хотя среди ее друзей находились революционеры и Маня была так неосторожна, что давала им пользоваться ее паспортом, сама она нисколько не стремилась участвовать в покушениях, бросать бомбы в царскую карету или в экипаж варшавского губернатора. В той среде польской интеллигенции, к которой принадлежала Маня, намечается вполне определенная тенденция оставить «несбыточные мечтания». Довольно бесполезных сожалений! Довольно случайных, беспорядочных порывов к автономии! Сейчас важно одно: работать, развивать в Польше умственную культуру, поднимать народное образование в противовес царским властям, которые нарочно держали народ в духовной темноте.

Философские учения данной эпохи направили это национальное умственное движение по особому пути. В предшествующие годы позитивизм Огюста Конта и Герберта Спенсера внес новые основы в мышление Европы. Одновременно работы Пастера, Дарвина и Клода Бернара показали огромное значение точных наук. В Варшаве, как и везде, исчезает вкус к произведениям романтиков. Искусство, вся сфера чувств находятся в пренебрежении. Юношество, склонное к категорическим суждениям, сразу поставило химию и биологию выше литературы, а преклонению перед писателями пришло на смену преклонение перед учеными.

Но надобно сказать, что если эти новые идеи развивались в свободных странах вполне открыто, то не так обстояло дело в Польше, где каждое проявление свободной мысли считалось подозрительным. Новые теории сюда просачивались и разливались по подземным каналам.

Вскоре после своего возвращения в Варшаву Маня Склодовская попадает в среду ярых поклонников позитивизма. Сильное влияние оказывает на нее учительница женской гимназии Пьясецкая, блондинка лет двадцати шести — двадцати семи, худая и своеобразно некрасивая. Влюбившись в студента Нордлина, недавно изгнанного из университета за политическую неблагонадежность, она страстно увлеклась современными доктринами.

Маня первоначально отнеслась к этому как-то недоверчиво и боязливо, но вскоре прониклась смелыми идеями своей подруги. Ее самое с сестрами Броней и Элей и с их подругой Марией Раковской допускают в так называемый «Вольный университет», в котором читались курсы анатомии, естественной истории и социологии. Их вели профессора-добровольцы, помогавшие

молодежи расширить свое образование. Эти лекции читались тайком или у Пьясецкой, или в какой-нибудь другой частной квартире. Группы по восьми-десяти учеников собирались вместе, слушали и записывали лекции, обменивались книгами, брошюрами, статьями. При малейшем постороннем шуме они приходили в трепет.

Сорок лет спустя Мари Кюри писала:

«Я живо помню теплую атмосферу умственного и общественного братства, которая тогда царила между нами. Возможности для наших действий были скудны, а потому и наши достижения не могли быть значительными; но все же я продолжаю верить в идеи, руководившие в то время нами, что лишь они способны привести к настоящему прогрессу общества. Не усовершенствовав человеческую личность, нельзя построить лучший мир. С этой целью каждый из нас обязан работать над собой, над совершенствованием своей личности, возлагая на себя определенную часть ответственности за жизнь человечества; наш личный долг помогать тем, кому мы можем быть наиболее полезны».

«Вольный университет» не ограничивался только пополнением образования девиц и юношей, окончивших гимназию. Сами ученики его становятся наставниками. Пьясецкая уговаривает Маню давать уроки бедным женщинам. Маня берет на себя работниц швейной мастерской, читает- им книги и постепенно составляет для них библиотечку на польском языке.

Можно себе представить увлечение этой семнадцатилетней девушки своей работой! Ее детство протекло среди чудесных, обожествляемых вещей — физических приборов ее отца, и он еще до «моды» на точные науки привил Мане свою научную пытливость. Но прежний детский мир уже не удовлетворяет кипучую натуру девушки. Маня мечтает не только о математике и химии. Она мечтает изменить современный общественный порядок. Она стремится просветить народ. По своим передовым идеям, по благородству своей души Маня — социалистка в полном смысле слова. Однако же она не примыкает к варшавской группе студентов-социалистов.

Маня еще не понимает, что ей необходимо разобраться в своих мечтаниях и на чем-нибудь остановиться. Пока же с одинаковой восторженностью она отдается и национальным чувствам, и гуманистическим идеям, и своим умственным запросам.

Несмотря на влияние новых учений, несмотря на бурную деятельность, она по-прежнему очаровательна. Хорошее, строго выдержанное воспитание, пример целомудренной семьи охраняли

ее юность и не давали впадать в крайности. Восторженность и даже страстность всегда сочетались в ней с изяществом, с каким-то сдержанным достоинством.

Если между часами репетиторства, занятиями с работницами мастерских и тайными лекциями по анатомии у Мани бывает свободный перерыв, она уходит к себе в комнату, где что-то читает, что-то пишет. Ушло то время, когда она глотала пустые, нелепые романы. Теперь она читает Гончарова, Достоевского или «Эмансипированных женщин» Болеслава Пруса, где встречаются портреты молодых полек, таких же, как она, и так же стремящихся к умственной культуре. Ее тетрадка с записями для себя хорошо отражает духовную жизнь юной девушки, жадной до всего и стоящей на распутье своих разносторонних дарований: десять страниц тщательных рисунков свинцовым карандашом, иллюстрирующих басни Лафонтена, немецкие и польские стихи; отрывки из книги Макса Нордау «Ложь условности», стихотворения Красинского, Словацкого и Гейне; три страницы из ренановской «Жизни Христа», начатые со слов: «Никто и никогда еще не ставил в своей жизни любовь к Человечеству так высоко над суетными, мирскими интересами, как делал это он (Христос) …»; затем выписки из работ русских философов, отрывок из Луи Блана, страничка из Брандеса, снова рисунки животных и цветов, опять Гейне; собственные переводы Мани на польский язык из Мюссе, Прюдома, Франсуа Коппе.

Сколько противоречий! Все дело в том, что эта «эмансипированная женщина», коротко обрезав свои чудесные белокурые волосы в знак презрения к кокетству, все же вздыхает по любви и переписывает целиком прелестное, но чуть слащавое стихотворение:

> А если б вздумал я признаться, что я вас пламенно люблю,
> Какой ответ мне дали б вы, брюнетка с синими глазами?

Маня скрывает от своих подруг, что ее пленяет и «Разбитая ваза» и «Прощай, Сюзон». Ей трудно признаваться в этом и самой себе. Строгое платье, выражение лица, до странности ребячливое из-за коротко подстриженных кудрей, превращают Маню в какую-то девочку-мальчишку, которая бегает по собраниям, докладам, спорит, выходит из себя. Своим подругам она декламирует стихотворения Асныка, вдохновленные горячей любовью к родине и ставшие «Исповеданием веры» этой молодежи:

> Луч светлый Истины найдите,

Ищите новых, неизведанных путей.
Когда ж взор Человечества проникнет еще дальше,
То и тогда откроется пред ним достаточно чудес.
…В каждой эпохе рождаются свои мечты
И забываются вчерашние, как сон.
Берите ж в руки светоч знания,
Творите новое в созданиях веков
И стройте будущий Дворец для будущих людей…

Маня дарит Марии Раковской фотографию самой себя и Брони с надписью: «Идеальной позитивистке от двух позитивных идеалисток».

Две наши «позитивные идеалистки» целыми часами обдумывают вместе, как им устроить свою жизнь в будущем. Увы! Ни Аснык, ни Брандес не давали указаний, как получить высшее образование в Варшаве с ее университетом, куда не допускают женщин. Не давали и способов быстро наживать состояние уроками за пятьдесят копеек.

Великодушная Маня огорчается. Хотя и младшая в семье, она чувствует себя ответственной за будущее старших. Юзеф и Эля не вызывают большого беспокойства: молодой человек станет врачом, а бурная, красивая Эля еще колеблется, стать ли ей учительницей, или же певицей: она и поет во весь голос и запасается дипломами, а в то же время отказывает всем, делающим ей предложения.

Но Броня! Как помочь Броне? Как только она окончила гимназию, на нее пало все бремя хозяйственных забот. Закупая продукты питания для всей семьи, составляя разные меню, занимаясь варкою варенья, Броня стала замечательной хозяйкой, но ее приводит в отчаяние быть только домашнею хозяйкой. Мане понятно ее мучительное состояние, так как она знает тайную мечту Брони — съездить в Париж, получить там медицинское образование, вернуться в Польшу и стать земским врачом. Бедняжка Броня уже скопила маленький фонд, но жизнь за границей так дорога! Сколько месяцев, сколько лет надо еще ждать?

Такое сердечное участие в судьбе Брони вызывалось не только узами кровного родства, но и более возвышенной привязанностью в ответ на теплое чувство Брони, которая после смерти матери окружила Маню материнскими заботами. В этой сплоченной семье обе сестры чувствовали особое влечение друг к другу. Природные свойства их душ как-то взаимно дополнялись: старшая своим практическим умом и опытностью внушала

младшей уважение, и Маня выносила на ее решение все вопросы своей обычной жизни. Младшая же, более застенчивая и увлекающаяся Маня была для Брони юной замечательной подругой, в которой чувство дружбы усиливалось благодарностью, каким-то неосознанным желанием отплатить свой долг.

И вот однажды, когда Броня, набрасывая на клочке бумаги цифры, в тысячный раз подсчитывает деньги, которые есть у нее в наличности, а главное же, которых не хватает, Маня неожиданно говорит:

— За последнее время я много размышляла. Говорила и с отцом. И думается мне, что нашла выход.

— Выход?

Маня подходит к своей сестре. Уговорить ее на то, что задумала Маня, — дело трудное. Приходится взвешивать каждое слово.

— Сколько месяцев ты можешь жить в Париже на свои накопленные деньги?

— Хватит на дорогу и на один год занятий в университете, — отвечает Броня. — Но ты же знаешь, что полный курс на медицинском факультете занимает пять лет.

— Ты понимаешь, Броня, что уроками по полтиннику мы никогда не выпутаемся из такого положения.

— Что же делать?

— Мы можем заключить союз. Если мы будем биться каждый за себя, ни тебе, ни мне не удастся поехать за границу. А при моем способе ты уже этой осенью, через несколько месяцев, сядешь в поезд…

— Маня, ты сошла с ума!

— Нет. Сначала ты будешь жить на свои деньги. А потом я так устроюсь, что буду посылать тебе на жизнь, папа тоже. А вместе с тем я буду копить деньги и на свое учение в будущем. Когда же ты станешь врачом, поеду учиться я, а ты мне будешь помогать.

На глазах Брони проступают слезы. Она понимает все величие такого предложения. Но в Маниной программе есть один неясный пункт.

— Одно мне непонятно. Неужели ты надеешься заработать столько денег, чтобы и жить самой, и посылать мне, да еще копить?

— Именно так! — непринужденно отвечает Маня. — Я поступлю воспитательницей в какое-нибудь семейство. Мне будут обеспечены квартира, стол, прачка, а сверх того я буду получать в год рублей четыреста, а то и больше. Как видишь, все

устраивается.

— Маня… Манечка!

Броню волнует не будущая зависимость Мани от других людей. Ей, подлинной «идеалистке», общественные предрассудки так же чужды, как и Мане. Не это… а мысль, что Маня, давая ей возможность теперь же приступить к высшему образованию, обрекает себя на безрадостную ремесленную работу, мучительное ожидание. И Броня сопротивляется.

— А почему мне ехать первой? Почему не обменяться нам ролями? Ты так способна… вероятно, способнее меня. Ты очень быстро пойдешь вперед. Почему же я?

— Ах, Броня, не строй из себя дурочку! Да потому, что тебе двадцать лет, а мне семнадцать! Потому, что ты уже целую вечность бегаешь, хлопочешь по хозяйству, а я располагаю своим временем. Да и папа того же мнения: вполне естественно, что старшая поедет первой. Когда у тебя будет практика, тогда осыплешь меня золотом — во всяком случае, я так рассчитываю!

Глава V

Наставница

Маня — своей двоюродной сестре Генриэте Михаловской, 10 декабря 1885 года:

«Дорогая Генриэта, со времени нашей разлуки я веду жизнь пленницы. Как тебе известно, я взяла место в семье адвоката Б. Не пожелаю и злейшему моему врагу жить в таком аду! Мои отношения с самой Б. в конце концов сделались такими натянутыми, что я не вынесла и все ей высказала. А так как и она была в таком же восторге от меня, как я от нее, то мы отлично поняли друг друга.

Их дом принадлежит к числу тех богатых домов, где при гостях говорят по-французски — языком французских трубочистов, — где по счетам платят раз в полгода, но вместе с тем бросают деньги на ветер и скаредно экономят керосин для ламп.

Имеют пять человек прислуги, играют в либерализм, а на самом деле царит беспросветная тупость. Приторно подслащенное злословие заливает всех, не оставляя на ближнем ни одной сухой нитки.

Здесь я постигла лучше, каков род человеческий. Я узнала, что личности, описанные в романах, существуют и в действительности, а также то, что нельзя иметь дела с людьми,

испорченными своим богатством».

Картина беспощадная. Написанная человеком, чуждым злобе, она показывает, какой еще наивной была Маня и сколько оставалось в ней иллюзий. Входя наугад в польскую богатую семью, она рассчитывала там найти благодушных родителей и милых деток. Она была готова привязаться к ним, их полюбить. И какое жестокое разочарование!

Письма этой молодой наставницы дают нам возможность косвенным путем оценить превосходство того окружения, с которым она только что рассталась. Конечно, и в своем кругу интеллигенции Мане приходилось встречать ничтожных личностей, но даже среди них она не замечала душевной низости, корыстности людей, лишенных чувства чести. У себя дома ни одно грубое или дурное слово не доходило никогда до ее слуха. Семейные ссоры, злые пересуды привели бы Склодовских в ужас. Всякий раз, когда Маня сталкивается с глупостью, мелочностью, вульгарностью, мы видим, что она изумлена, возмущена.

Высокие духовные качества у спутников Маниной юности, их яркая умственная культура позволяют найти ответ на одну загадку… Почему окружающие Маню не заметили в ней еще раньше ее призвания, ее особых дарований? Отчего не послали ее в Париж учиться, а допустили взять место гувернантки?

Среди исключительно развитых личностей, рядом с тремя молодыми людьми, получавшими один за другим дипломы и медали, такими же блестящими, честолюбивыми, горячими в работе, как и сама Маня, будущая Мария Кюри не казалась исключением. Другое дело в среде ограниченных людей, там большие дарования сразу дают о себе знать, вызывают удивление, толки. Здесь же растут под одной кровлей Юзеф, Броня, Эля, Маня, все наделенные большими способностями и знаниями. Вот почему ни старики, ни молодежь этой семьи не разглядели в одном из молодых ее сочленов проявление большого, особого ума, и первые проблески его не обратили на себя внимания. Никто еще не замечает, что Маня— человек другого склада, не такого, как ее брат и сестры. Да об этом она не подозревает и сама.

Сравнивая себя со своими близкими, Маня по скромности склонна к самоуничижению. Но когда новая профессия вводит Маню в буржуазные семейства, то превосходство ее бросается в глаза. Это понимает даже сама Маня. Молодая девушка не ставит ни во что превосходство по родовитости и по богатству, но гордится своей семьей и воспитанием. В первых же оценках, какие она дает своим «хозяевам», проглядывает временами презрительное отношение к ним и невинная гордость.

Принимая место в родном городе, Маня надеялась заработать значительную сумму денег, а вместе с тем не обрекать себя на тяжкое изгнание. Для новоиспеченной наставницы остаться здесь, в Варшаве, являлось облегчением ее тяжелого труда. Это значило жить близ родного очага, иметь возможность каждый день поговорить, хотя бы минутку, с отцом, поддерживать связь с друзьями по «Вольному университету», а может быть, — кто знает? — и продолжать свое образование на вечерних курсах.

Но одна жертва вызывает другую, нельзя жертвовать собой наполовину. Жребий, избранный юной Маней, оказывается недостаточно суровым. Она зарабатывает не столько, сколько нужно, а тратит слишком много. Полученные за уроки деньги расходятся по мелочам на ежедневные покупки, и в конце месяца остаток заработка выражается ничтожной суммой. А между тем надо быть готовой поддержать Броню, которая уехала вместе с Марией Раковской в Париж и живет в Латинском квартале очень бедно. Кроме того, близится отставка самого Склодовокого. Очень скоро и старику понадобится помощь. Как тут быть?

Маня недолго находится в раздумье. Недели две-три тому назад ей предлагали хорошо оплачиваемое место в отъезд. Она принимает его. Это скачок в неизвестность. Придется на целые годы покинуть близких, дорогих людей, жить в полном одиночестве. Что делать? Жалованье там больше, а тратить деньги в затерянной глуши не на что.

— Я так люблю жить на свежем воздухе! — утешала себя Маня. — Как это я не подумала об этом раньше?

Первое января 1886 года — день отъезда — одна из тяжкнх дат в жизни Мани. Она прощается с отцом, еще раз записывает ему свой адрес:

Марии Склодовской.

Господину и госпоже З…

В Щуки через Пшаснич.

Маня садится в вагон. И затем сразу чувствует неведомый гнет одиночества. Одна, первый раз в жизни совсем одна.

Внезапный страх охватывает этого восемнадцатилетнего ребенка. Сидя в поезде, мчавшем ее к какому-то чужому дому, Маня трепещет от робости. Что будет, если новые хозяева окажутся похожими на предыдущих? А вдруг старик Склодовский заболеет в ее отсутствие?

Десятки мучительных вопросов осаждают девочку, в то время как, притулившись у вагонного окошка, она смотрит при свете угасающего дня на сонные снежные долины и утирает кулачком набегающие слезы.

Три часа в вагоне, а затем еще четыре на лошадях. Муж и

жена З. управляют имениями князей Чарторижских и сами арендуют часть их владений в ста километрах к северу от Варшавы. Подъехав к дверям дома в морозной темноте, разбитая усталостью, Маня, как сквозь сон, видит высокую фигуру хозяина, бесцветное лицо его жены и устремленный на нее настойчивый взгляд детей, сгорающих от любопытства. Наставницу встречают любезными словами и горячим чаем.

Хозяйка дома ведет Маню на второй этаж, в отведенную ей комнату, и, побеседовав несколько минут, оставляет девушку одну в обществе ее жалких чемоданов.

* * *

3 февраля 1886 года Маня пишет своей двоюродной сестре Генриэте:

«Вот уже месяц, как я живу у З. Время достаточное, чтобы привыкнуть к новому месту. З. — отличные люди. Со старшей дочерью, Бронкой, у меня завязались дружеские отношения, которые способствуют приятности моей здешней жизни. Что касается до моей ученицы Анзи, которой исполнится скоро десять лет, то это ребенок послушный, но избалованный и беспорядочный. Но в конце концов нельзя же требовать совершенства!

В этой местности все бездельничают, думают только об удовольствиях, а так как наша семья держится несколько в стороне от этих хороводников, то она является «притчей во языцех». Представь себе, что через неделю после моего прибытия обо мне говорили уже неодобрительно и только потому, что я, еще не зная никого, отказалась ехать на бал в Карвач, центр всех здешних сплетен. Мне не пришлось жалеть об этом, так как мои хозяева вернулись с бала лишь в час дня: я была рада, что избегла такого испытания, да еще в то время, когда я чувствую себя далеко не совсем здоровой.

В рождественский сочельник состоялся у нас бал. Я очень развлекалась, наблюдая целый ряд гостей, достойных карандаша какого-нибудь карикатуриста. Молодежь весьма неинтересна: барышни — это бессловесные гусыни и открывают рот только тогда, когда с громадными усилиями их вынуждают говорить. По-видимому, бывают и другие, более умные и развитые. Но покамест Бронка (дочь моих хозяев) представляется мне редкой жемчужиной и по своему здравому уму и по своим взглядам на жизнь.

Я занята семь часов в день: четыре часа с Анзей, три — с Бронкой. Немножко много, но что поделаешь! Комната моя наверху, большая, тихая, приятная. Детей у З. целая куча: три сына в Варшаве (один в университете, два в пансионе); дома — Бронка (18 лет), Анзя (10 лет), Стась — трех лет и Маричка — малютка шести месяцев. Стась очень забавный. Няня сказала ему, что бог — везде; Стась с выражением некоторой тревоги на лице спрашивает: «А он меня не схватит? Не укусит?» Вообще он потешает нас неимоверно!»

Маня прерывает свое писание, кладет перо на письменный стол, придвинутый к самому окну, и, не боясь холода, выходит на

балкон. Вид, открывающийся с балкона, еще способен вызывать у нее смех! Разве не смешно, когда ты, отправляясь в одинокую усадьбу, воображаешь себе деревенский пейзаж, луга, леса, а вместо этого, открыв впервые свое окно, видишь высокую фабричную трубу, которая лезет тебе в глаза и заволакивает небо грязной сажей, изрыгая черный столб дыма?

Кругом, на несколько километров, — ни лесочка, ни лужочка; везде свекла и свекла, только однообразные свекольные поля. Осенью вся эта бледная, землистая свекловица наваливается на телеги, запряженные волами, и тихим ходом влачится на сахарный завод. Только для этого завода работают крестьяне: сеют, полют и копают свеклу. Только вокруг этих тоскливых кирпичных красных зданий жмутся хаты маленькой деревни Красиничи. Даже река становится рабой завода, бежит к нему прозрачными струями, а от него уходит грязной, покрытой какой-то мутной, липкой пеной.

Есть только одна уступка красоте: небольшой парк перед домом, летом, по-видимому, очень милый благодаря лужайкам, кустарнику и площадке для крокета, огражденной ровно подстриженными ясенями. По другую сторону, за домом, разбит фруктовый сад. За ним виднеются четыре красные крыши над амбаром, конюшнями на сорок лошадей и скотными дворами на шестьдесят коров. А дальше до самого горизонта тянутся глинистые свекловичные поля.

Согрев руки у громадной печи, занимающей целый простенок от потолка до пола, Маня опять садится писать письма, пока повелительный зов снизу: «Панна Мария!» — возвестит сквозь дверь, что наставница нужна своим хозяевам.

Маленькая одинокая девушка пишет много писем, хотя бы для того, чтобы получать ответы и узнавать варшавские новости. По мере того как вялой чередой идут недели, месяцы, Маня рассказывает близким о своей жизни, жизни наемницы, которой приходится и выполнять свои скромные обязанности, и «бывать в обществе», и принимать участие в неизбежных развлечениях.

Она пишет своему отцу, дорогой Броне, и Юзефу, и Эле. Пишет своей гимназической подруге Казе Пшиборской, кузине Генриэте, вышедшей замуж во Львове и живущей в деревне нелюдимою «позитивисткой», поверяет ей свои самые значительные мысли, свои кручины и надежды.

В письме от 5 апреля 1885 года Маня сообщает Г енриэте:

«Я живу так, как обычно живут люди в моем положении. Даю уроки, немного читаю, но и это не всегда возможно, так как прибытие новых гостей все время нарушает нормальный распорядок времени. Иногда это сильно раздражает меня, потому

что Анзя принадлежит к числу тех детей, которые с восторгом пользуются всяким отрывом от занятий, и в таких случаях ее уже ничем не образумишь. Сегодня мы с ней опять повздорили из-за того, что ей не захотелось вставать с постели в обычный час. В конце концов мне пришлось взять ее за руку и стащить с кровати; я это сделала спокойно, но внутри меня все кипело. Ты не можешь себе представить, чего мне стоят такие мелочи: от одной нелепости, как эта, я делаюсь больной на несколько часов. Но я должна была поставить на своем!..

Какие разговоры в обществе? Сплетни, сплетни и еще раз сплетни. Темы обсуждений — соседи, балы, вечеринки и т. п. Если взять танцевальное искусство, то лучших танцовщиц, чем здешние девицы, еще придется поискать, и где-нибудь не близко. Они танцуют в совершенстве. Впрочем, они не плохи и как люди, есть даже умные, но воспитание не развивало их умственных способностей, а здешние бессмысленные и беспрестанные увеселения рассеяли и данный от природы ум. Что же касается до молодых людей, то среди них немного милых, а еще меньше умных. Для них и для девиц такое выражение, как «позитивизм», «рабочий вопрос» и тому подобное, кажется подлинным страшилищем, да и то, если предположить в ви> де исключения, что кто-нибудь из них слыхал такие выражения. Семейство З. сравнительно с другими можно назвать культурным. Сам З. человек старомодный, но умный, симпатичный, здравомыслящий. Его супруга — женщина неуживчивая, но, если уметь к ней подойти, она бывает милой. Меня, мне думается, она любит…»

* * *

Маня напрасно пишет иронически о своем «примерном поведении». Такая смелая и своеобразная личность, как она, не может долго жить условной жизнью. «Позитивная идеалистка» в ней остается неизменной, ей хочется теперь же быть полезной и начать борьбу.

Каждый день на грязных дорогах ей попадаются крестьянские девочки и мальчики, бедно одетые, с озорным выражением лица под шапкою волос цвета пакли, и вот у Мани зарождается план действий. Почему бы ей не осуществить хотя бы в Щуках, в этом малюсеньком мирке, свои передовые заветные мечты? В прошлом году она мечтала «просвещать народ». Какой прекрасный случай! В здешней деревне большинство ребят безграмотны. Тех же немногих, что ходят в школу, там учат русской грамоте. Как было бы хорошо организовать для них тайные уроки польской грамоты,

раскрыть юным умам красоту родного языка, родной истории!

Маня делится этой мыслью со своей старшей ученицей; взгляд Бронки выражает пылкую готовность и решимость. Остается получить согласие главы семьи и приступить к делу.

Маня — Генриэте, 3 сентября 1886 года:

«На лето я могла бы получить отпуск, но не знала, куда ехать, поэтому я осталась в Щуках. Мне не хотелось тратить деньги на поездку в Карпаты. У меня много часов занимают уроки с Анзей, чтение с Бронкой, ежедневно занимаюсь по часу с сыном здешнего рабочего, подготовляя его в школу. Кроме того, мы с Бронкой по два часа в день даем уроки крестьянским детям. У нас десять учеников, своего рода маленький класс. Учатся с большой охотой, а все-таки нам временами бывает трудно. Утешает меня то, что наши достижения мало-помалу растут, и даже очень быстро. Таким образом, дни у меня достаточно заполнены, а сверх того немного занимаюсь и собственным образованием».

В декабре 1886 года Маня пишет все той же Генриэте:

«Число моих учеников доходит до восемнадцати. Само собою разумеется, они приходят не все вместе, иначе я не могла бы справиться, но даже и при таком порядке у меня уходит на занятия два часа в день. По средам и субботам я занимаюсь с ними дольше — часов пять без перерыва. Это возможно только потому, что моя комната во втором этаже имеет отдельный выход на черную лестницу во двор, а поскольку эта работа не мешает мне выполнять мои обязанности по отношению к хозяевам, то она никого не беспокоит. Много радости и утешения дают мне эти ребятишки…»

Таким образом, Мане недостаточно спрашивать уроки у Анзи, усаживать за чтение Бронку и не давать засыпать над учебниками Юлеку, который приехал из Варшавы и поручен Мане. Покончив с официальными обязанностями, мужественная девушка входит в свою комнату и ждет, когда на лестнице раздастся топот башмачков и шлепанье босых ножек по ступенькам, извещая Маню о приходе ее учеников. Маня добыла простой сосновый стол и стулья. На свои деньги она купила тоненькие тетрадки и ручки, такие непослушные в закоченелых пальчиках. Когда в большой, просто выбеленной комнате набиралось семь-восемь ребятишек, то присутствие обеих учительниц— Мани и Бронки — оказывалось далеко не лишним, чтобы поддерживать порядок и выручать из отчаянного положения тех учеников, которые, пыхтя и тяжко вздыхая, не могут разобрать какое-нибудь трудное слово.

Эти сыновья и дочери прислуги, заводских рабочих, арендаторов не все опрятны и чисто вымыты.

Некоторые невнимательны, упрямы. Но в глазах большинства

светится наивное и страстное желание совершить невероятный подвиг — одолеть грамоту. И когда эта скромная цель достигнута, когда черные буквы на белой бумаге вдруг приобретают определенный смысл и деревенские ребята самодовольно торжествуют, а их безграмотные родители, которые иногда бывают на уроках, приходят в состояние восторженного изумления, — у Мани сердце сжимается от боли.

Она думает об этой неудовлетворяемой жажде знания, о дарованиях, которые, быть может, таятся в этих неотесанных созданиях, и чувствует себя такой слабой, такой беспомощной перед бездною невежества.

Глава VI

Долготерпение

Деревенские ребята и не подозревают, что панна Мария мрачно размышляет о собственном невежестве. Они не знают, что мечта их учительницы не учить, а самой учиться.

И когда Маня, глядя в окно, видит все те же неизменные телеги, везущие к заводу свеклу, ей тяжело думать, что в это время тысячи молодых людей в Берлине, Вене, Петербурге, Лондоне слушают лекции, доклады, работают в лабораториях, музеях и больницах!

Но ни в одну страну так не влечет Марию Склодовскую, как во Францию. Добрая слава Франции ослепляет ее своим блеском. В Берлине, в Петербурге царят угнетатели Польши. Во Франции любят свободу, уважают все чувства, все мнения, там принимают несчастных и преследуемых, откуда бы они ни приходили. Возможно ли, что, наконец, и Маня сядет в поезд на Париж, верно ли, что судьба дарует ей такое счастье?

Маня уже не надеется на это. Двенадцать первых месяцев в душной провинции подточили былые упования юной девушки, тем более что при всей страстности ее ума и склонности к мечтам она чужда всяким химерам. Подводя итог, Маня ясно видит создавшееся положение, по всей видимости — безвыходное.

В Варшаве у нее отец, который очень скоро будет нуждаться в ее помощи. В Париже — Броня, которую надо поддерживать еще ряд лет, прежде чем она заработает хотя одну копейку. Прежний план, казавшийся осуществимым — скопить необходимый капитал, — теперь вызывает у нее улыбку. План оказался детским. Из таких мест, как Щуки, бежать трудно! Но девушка с отчаянным героизмом бьется против самопогребения. Какой могучий инстинкт заставляет Маню садиться за свой рабочий

стол, брать из заводской библиотеки и читать книги по социологии и физике, расширять свои познания по математике и путем частой переписки со своим отцом!

Временами она чувствует полный упадок духа и в эти минуты напоминает собой некоторых деревенских своих учеников, когда они, отчаявшись постигнуть грамоту, вдруг с яростью отшвыривают азбуку. Но Маня с крестьянским же упорством продолжает свою работу.

Спустя сорок лет она пишет:

«Литература меня интересовала в такой же степени, как социология и точные науки. Но за эти несколько лет работы, когда пыталась я определить свои действительные склонности, в конце концов я избрала математику и физику.

Мои одинокие занятия сопровождались целым рядом досадных затруднений. Научное образование, полученное мной в гимназии, оказалось крайне недостаточным— гораздо ниже знаний, требуемых во Франции для получения степени бакалавра. Я попыталась их восполнить из книг, взятых наудачу. Такой способ был малопродуктивен. Тем не менее я привыкла самостоятельно работать и накопила некоторое количество познаний, которые впоследствии мне пригодились…»

Вот как описывает Маня Генриэте в письме из Щук свой рабочий день в декабре 1886 года:

«При всех моих обязанностях у меня бывают дни, когда я занята все время с восьми утра до половины двенадцатого, а затем с двух до половины восьмого. В перерыве — с половины двенадцатого до двух — прогулка и завтрак. После чая мы с Анзей читаем, если она в благоразумном настроении, если же нет, то болтаем, или я принимаюсь за рукоделие, — впрочем, я с ним не расстаюсь и на уроках. С девяти вечера я погружаюсь в свои книги и работаю, если, конечно, не помешает какое-нибудь непредвиденное обстоятельство.

Я приучила себя вставать в шесть утра, чтобы работать для себя больше, но это не всегда мне удается. В настоящее время здесь гостит очень милый старичок, крестный отец Анзи, и для развлечения его я должна была, по просьбе пани З., уговорить его, чтоб он учил меня играть в шахматы. Приходится бывать четвертым партнером в карточной игре, а все это отрывает меня от моих книг.

В данное время я читаю:

1) физику Даниэля,

2) социологию Спенсера во французском переводе,

3) курс анатомии и физиологии Поля Бер в русском переводе.

Я читаю сразу несколько вещей: последовательное изучение

какого-нибудь одного предмета может утомить мой драгоценный мозг, уже достаточно натруженный. Когда я чувствую себя совершенно неспособной читать книгу плодотворно, я начинаю решать алгебраические и тригонометрические задачи, так как они не терпят погрешностей внимания и возвращают ум на прямой путь.

Бедняжка Броня пишет, что у нее встретились какие-то препятствия с экзаменами, что она много работает, а состояние ее здоровья внушает опасения.

Каковы мои планы на будущее? Они отсутствуют, или, вернее говоря, они есть, но до такой степени незатейливы и просты, что и говорить о них нет смысла: выпутаться из своего положения, насколько я смогу, а если не смогу, то проститься со здешним миром: потеря невелика, а сожалеть обо мне будут так же недолго, как и о других людях.

В настоящее время никаких других перспектив у меня нет. Кое-кто высказывает мысль, что, несмотря на все, мне надо переболеть той лихорадкой, которую зовут любовью. Но это совсем не входит в мои планы. Если когда-то у меня и были другие планы, то я их погребла, замкнула, запечатала и позабыла — тебе хорошо известно, что стены всегда оказываются крепче лбов, которые пытаются пробить их…»

* * *

Эти смутные мысли о самоубийстве, эта разочарованная, скептическая фраза о любви требуют разъяснений.

Все началось с того, что Маня Склодовокая похорошела. В ней еще нет духовной тонкости, какая обнаружится в ее портретах несколькими годами позже. Но прежняя толстощекая юница стала грациозной девушкой. Восхитительные волосы и кожа. Тонкие щиколотки и красивые запястья. Правда, лицо ее не отличается правильностью черт, но обращает на себя внимание волевым окладом рта и глубоко посаженными пепельно-серыми глазами, которые все же кажутся большими благодаря поразительной силе взгляда.

Когда старший сын З., Казимир, вернулся из Варшавы в Щуки, чтобы провести праздничные дни, а затем и летние каникулы в родном доме, он там застал молодую гувернантку, умевшую отлично танцевать, грести, бегать на коньках, умную, хорошо воспитанную, способную сочинять стихи так же хорошо, как править экипажем и ездить верхом, — словом, таинственно и совершенно не похожую ни на одну из знакомых ему барышень. И

он влюбился в эту гувернантку. А под ее революционными доктринами таилось уязвимое сердце, и Маня тоже увлеклась очень красивым, очень милым студентом.

Ей не исполнилось еще девятнадцати. Он чуть постарше. И они стали думать о брачных узах.

Ничто, казалось, не препятствовало их браку. Правда, Маня была в Щуках только «панной Марией» — наставницей хозяйских детей, но она пользовалась общим расположением: сам З. совершает с ней долгие прогулки по полям; пани З. благоволит к ней; Бронка обожает. И муж и жена оказывают ей особые знаки внимания. Несколько раз посылали приглашения погостить у них ее отцу, брату, сестрам. В день Маниного рождения преподнесли ей подарки и цветы.

Поэтому Казимир З., не опасаясь, с уверенностью в благоприятном исходе дела спросил родителей, одобряют ли они его сватовство.

Ответ последовал немедленно. Отец вышел из себя, мать чуть не упала в обморок. Как? Их любимый сын готов жениться на особе, не имеющей за душой ни гроша, вынужденной искать места «в людях»! Молодой человек, который может хоть завтра жениться на самой знатной, самой богатой девушке во всей округе! В своем ли он уме?

И там, где так старались показать, что считают Маню другом дома, в одну минуту возникают непреодолимые общественные перегородки. То обстоятельство, что девушка из хорошей семьи, блестяще образована, морально безупречна, — все это ничто в сравнении с короткой фразой: «Брать в жены гувернантку неприлично».

Под действием уговоров, резкой отповеди и головомойки решительные намерения студента тают. У него слабый характер. Его пугают упреки и гнев родителей. А Маня, уязвленная пренебрежением со стороны людей, не стоящих ее, замыкается в неловкой холодности и нарочитой молчаливости. Она решила твердо, раз и навсегда, выбросить из головы мысль о своем счастье.

Но любовь имеет одно общее свойство с честолюбием: одним желанием избавиться от них их не искоренишь.

* * *

Простой выход из положения — расстаться с семьей З. — оказывался для Мани невозможным. Она боялась встревожить своего отца. А главное, не могла себе позволить роскошь —

бросить очень выгодное место. Уже пришло время, когда от накоплений Брони остались одни воспоминания, и теперь обучение старшей сестры на медицинском факультете оплачивали Маня и отец. Каждый месяц посылает Маня своей сестре пятнадцать рублей, а иногда и двадцать— почти половину своего месячного заработка. А где найти такое же вознаграждение? В конце концов между нею и семьей З. не произошло ни непосредственного объяснения, ни тягостного столкновения. Было разумнее молча испить чашу унижения и остаться в Щуках, как будто ничего не произошло.

Жизнь опять течет все так же, как и раньше, Маня по-прежнему дает уроки, бранит Анзю, встряхивает Юлека, который засыпает от всякой умственной работы. Продолжает свои занятия с крестьянскими детьми. Как и раньше, она сидит над книгами по химии, сама удивляясь своей настойчивости. Играет в шахматы, ездит на балы и гуляет на чистом воздухе…

Неудачная любовь, обманутые надежды на высшее образование, постоянная нужда в деньгах — все эти испытания вызывают у Манн стремление забыть о собственной судьбе, и ее мысли обращаются к семье. Не для того, чтобы взывать о помощи. Даже не для того, чтобы пожаловаться на горечь своих чувств. Ее письма полны добрых советов и предложений. Ей хочется, чтобы ее близкие жили как можно лучше.

В письме 1886 года она пишет своему отцу:

«Прежде всего и больше всего пусть милый папа бросит огорчаться тем, что не может помогать нам. Недопустимо, чтобы наш отец жертвовал для нас еще чем-нибудь сверх того, что он уже дал нам. Мы получили хорошее образование, солидную культуру и неплохой характер. Таким образом, пусть папа не унывает: мы не пропадем. С моей стороны, я буду навек признательна своему горячо любимому отцу за то, что он сделал для меня, а сделал он неизмеримо много. Только одно меня печалит — что мы не в состоянии достойно отплатить ему за это. Мы можем лишь любить и почитать его, насколько это в силах человека…»

10 сентября 1887 года Маня пишет Генриэте:

«Не верь слухам о моем замужестве — они лишены основания. Такая сплетня распространилась по всей округе и дошла даже до Варшавы. Хотя я в этом неповинна, но боюсь всяких неприятных разговоров.

Мои планы на будущее самые скромные: мечтаю иметь свой угол и жить там вместе с папой. Бедняжка папа очень нуждается во мне, ему хотелось бы видеть меня дома, и он томится без меня. Я же отдала бы половину жизни за то, чтобы вернуть себе

независимость и иметь свой угол.

Если окажется возможным, я расстанусь со Щуками, что, впрочем, может произойти только через некоторое время, тогда я обоснуюсь в Варшаве, возьму место учительницы в каком-нибудь пансионе, а дополнительные средства буду зарабатывать частными уроками. Вот все, чего желаю. Жизнь не стоит того, чтобы так много заботиться о ней».

24 февраля 1888 года Маня пишет Броне:

«Я потрясена романом Ожешко «Над Неманом». Эта книга преследует меня, я не знаю, как мне быть. В ней все наши мечты, все страстные беседы, от которых пылали наши щеки. Я плакала так, как плакала в три года. Отчего, отчего рассеялись эти мечты? Я льстила себя надеждой трудиться для народа, вместе с ним, и что же? Я еле-еле выучила читать какой-нибудь десяток деревенских ребятишек. А пробудить в них сознание самих себя, их роли в обществе, об этом не могло быть и речи. Ах, боже мой! Как это тяжело… Я чувствую себя такой ничтожной, такой пошлой. И когда вдруг нечто совершенно неожиданное, как чтение этого романа, вырывает меня из удушливого существования, я так страдаю».

Маня — Юзефу, 18 марта 1888 года:

«Милый Юзик, наклеиваю на это письмо последнюю, оставшуюся у меня марку, а так как у меня нет буквально ни копейки (да, ни одной!), то, вероятно, я вам не напишу до пасхальных праздников, разве что какая-нибудь марка случайно попадет мне в руки.

Цель моего письма поздравить тебя с днем ангела, но если я запаздываю, то, поверь мне, что это вызвано только отсутствием у меня денег и марок, а просить их у других я еще не выучилась.

Милый мой Юзик, если бы ты только знал, как я мечтаю, как мне хочется приехать на несколько дней в Варшаву! Я уже не говорю о моих совершенно износившихся и требующих поправки нарядах… Но износилась и моя душа. Ах, только бы избавиться на несколько дней от этой холодной, знобящей атмосферы, от критики, от необходимости все время следить за тем, что говоришь, за выражением своего лица и за своими жестами: мне нужен этот отдых, как купание в знойный день. Да есть много и других причин желать перемены моего местопребывания.

Броня не пишет мне уже давно. Наверно, и у нее нет марки. Если ты можешь пожертвовать одной маркой для меня, то напиши, пожалуйста. Только пиши подробно и обстоятельно обо всем, что делается у нас в доме, а то в письмах папы и Эли одни жалобы, и я спрашиваю себя, все ли действительно так плохо, я мучусь, и эти волнения за них присоединяются к целому ряду

моих здешних неприятностей, о которых я могла бы рассказать тебе, но не хочу. Если бы не мысль о Броне, я бы немедленно ушла от З., несмотря на такую хорошую оплату, и стала бы искать другого места…»

Глава VII

Побег

Прошло три года с того времени, как Мария стала домашней учительницей. Три года однообразного существования: тяжелого труда, безденежья, редких радостей и многих огорчений. Но вот едва заметные толчки с разных сторон всколыхивают трагический застой в жизни девушки. Казалось бы, совсем незначительные события в Париже, Варшаве и в самих Щуках перетасовывают карты в той игре, от которой зависит и судьба Мани.

Старик Склодовский, уйдя в отставку с казенной службы, стал искать доходного места. Ему хочется помочь своим дочерям. В апреле 1888 года он получает трудную и неблагодарную должность директора исправительного приюта для малолетних преступников. Дух заведения, все окружающие неприятны. Но здесь сравнительно высокое жалованье, благодаря которому этот Прекрасный человек берет на себя всю ежемесячную посылку денег Броне для продолжения ее учения.

Броня сообщает об этом прежде всего Мане и просит не высылать ей больше денег. Во-вторых, Броня просит отца удерживать из сорока рублей, определенных ей отцом, восемь, чтобы мало-помалу возместить полученное от младшей сестры. С этого времени капитал Мани, равнявшийся нулю, начинает возрастать.

В письмах парижской студентки есть и другие новости. Она работает. С успехом держит экзамены и влюблена! Влюблена в поляка Казимира Длусского, товарища по медицинскому факультету, замечательного по своему обаянию и душевным качествам; одно в нем портит дело: ему запрещен въезд в Польшу под страхом высылки на поселение.

В 1889 году наступает конец пребыванию Мани в Щуках. После праздника Иоанна Богослова она будет не нужна семейству З. Она уже имеет в виду место домашней учительницы в семействе Ф., крупных заводчиков, живущих в Варшаве. Наконец-то будет перемена, перемена, которой так сильно желала Маня!

Прощайте, Щуки и свекольные поля! Милые улыбки с той и с другой стороны, пожалуй, чрезмерно милые, и Мария

Склодовская расстается с семейством З. Свободной возвращается она в Варшаву и с наслаждением впивает воздух родного города. Но вот она снова в поезде. Маня едет на мрачный балтийский пляж, в курорт Цоппот, где сейчас проводят время ее новые хозяева.

Из Цоппота Маня пишет Казе 14 июля 1889 года:

«Путешествие мое прошло благополучно, вопреки моим трагическим предчувствиям… Никто меня не обокрал — даже не пытался, я не перепутала ни одной из пяти пересадок и съела все сардельки; не могла прикончить только булочки и карамельки.

В дороге нашлись доброжелательные покровители, которые мне помогали во всех моих заботах. Опасаясь, что в порыве своей любезности они съедят мои припасы, я не показывала им моих сарделек.

Муж и жена Ф. ждали меня на вокзале. Они очень милы, и я сразу привязалась к их детям. Значит, все будет хорошо, да это и необходимо!»

В «Шульц-отеле» этого летнего курорта, где, как пишет Маня, встречаешь все тех же лиц, где говорят только о тряпках и других вещах, таких же интересных, жизнь не очень увлекательна:

«Погода холодная, все сидят дома: пани Ф., ее муж и ее мать; и у всех такое настроение, что я охотно провалилась бы сквозь землю!..»

Но вскоре и родители, и дети, и наставница возвращаются в Варшаву.

Предстоящий год обещает быть сравнительно приятной передышкой в жизни Мани. Пани Ф. очень красива, очень элегантна и богата. Носит дорогие меха и драгоценности. В ее платяных шкафах висят платья от Ворта; гостиную украшает ее портрет в вечернем туалете. За время своего пребывания у Ф. Маня знакомится с очаровательными безделушками, каких сама она никогда не будет иметь.

Первая и последняя встреча с роскошью! Встреча— ласковая благодаря приязни пани Ф., которая, прельстившись «замечательной панной Склодовской», поет ей хвалы и требует ее присутствия на всех приемах и балах…

И вдруг — гром при чистом небе: однажды утром почтальон приносит письмо из Парижа. Этим невзрачным письмом на четвертушке писчей бумаги, написанным в университетской аудитории между двумя лекциями, благодарная Броня предлагает Мане пристанище на будущий учебный год у себя, в своей новой супружеской квартире.

Броня — Мане, март 1889 года:

«…Если все пойдет, как мы надеемся, я летом, наверно, выйду замуж. Мой жених уже получит звание врача, а мне останется лишь сдать последние экзамены. Мы останемся в Париже еще на год, за это время я сдам выпускной экзамен, а после этого мы вернемся в Польшу. В нашем плане я не нахожу ничего неразумного. Скажи, разве я не права? Вспомни, что мне двадцать четыре года, — это неважно, — но ему тридцать четыре, что уже важнее. Было бы нелепо ждать еще дольше!

…А теперь относительно тебя, Манюша: надо, чтобы, наконец, и ты как-то устроила свою жизнь. Если ты скопишь за этот год несколько сот рублей, то в следующем году сможешь приехать в Париж и остановиться у нас, где найдешь и кров и стол. Несколько сот рублей совершенно необходимы, чтобы записаться на лекции в Сорбонне. Первый год ты проживешь с нами. На второй же и третий год, когда нас не будет в Париже, божусь, что отец тебе поможет, хотя бы против был сам черт.

Тебе необходимо поступить именно так: слишком долго ты все откладываешь! Ручаюсь, что через два года ты будешь уже лиценциатом. Подумай об этом, копи деньги, прячь их в надежном месте и не давай взаймы. Может быть, лучше всего обратить их теперь же в франки, пока разменный курс рубля хорош, — позже он может пасть…»

Казалось бы, Маня придет в восторг и ответит, что она вне себя от счастья и приедет. Ничего подобного! Годы изгнания развили в ней болезненную совестливость. Демон жертвенности сделал ее способной сознательно отказаться от своей будущности. Так как она пообещала своему отцу жить вместе с ним, так как она хочет помогать сестре Эле и брату Юзефу, то Маня решает уже не уезжать.

Броня настаивает, спорит. К несчастью, у нее нет решающего довода: она так бедна, что не может оплатить дорогу младшей сестры и посадить ее насильно в поезд. В конце концов было решено, что Маня выполнит свои обязательства перед пани Ф. и останется в Варшаве еще на год. Она будет жить с отцом и пополнит свои сбережения уроками. А затем она уедет…

Наконец-то Маня попадает в желанную атмосферу: собственная квартира, присутствие старого учителя Склодовского, интересные разговоры, которые будят ум. «Вольный университет» вновь открывает перед ней свои таинственные двери. И радость ни с чем не сравнимая, событие первостепенной важности: Маня впервые проникает в лабораторию.

Лаборатория помещалась в доме № 66 Краковского Предместья, где в глубине двора с клумбами фиалок стоял

маленький флигель с крошечными окнами. Здесь один родственник Мани управляет учреждением, носившим пышное название: «Музей промышленности и сельского хозяйства». Это сознательно расплывчатое и притязательное наименование служит вывеской, предназначенной для властей. Музей не вызывает подозрений. А за его дверями ничто не мешает давать научные знания юным полякам…

Впоследствии Мария Кюри писала:

«У меня было мало времени для работы в лаборатории. Я могла ходить туда главным образом по вечерам — после обеда или по воскресеньям — и оказывалась предоставленной самой себе. Я старалась воспроизводить опыты, указанные в руководствах по физике и химии, но результаты получались иногда неожиданные. Время от времени меня подбадривал, хотя и небольшой, но непредвиденный успех, в других же случаях я приходила в полное отчаяние из-за несчастных случаев и неудач, происходивших от моей неопытности. А в общем, постигнув на горьком опыте, что успех в этих областях науки дается не быстро и не легко, я развила в себе за время этих первых опытов любовь к экспериментальным исследованиям».

Поздно ночью, покинув с грустью электрометры, колбы, точные весы, Маня возвращается домой, раздевается и ложится на узенький диван. Но спать не может. Какое-то радостное воодушевление, совершенно отличное от всех знакомых ей восторгов, приводит ее в трепет и не дает спать. Настоящее призвание, так долго не определявшее себя, вдруг вспыхнуло и заставляет повиноваться своему тайному велению. Девушка сразу делается возбужденной, словно одержимой чем-то. Когда она приходит в Музей промышленности и сельского хозяйства и берется своими красивыми руками за пробирки, магически оживают детские воспоминания о физических приборах ее отца, которые бездейственно стояли в своих витринах и вызывали у ребенка желание ими поиграть. Теперь она связала эту оборванную нить своей жизни.

Ночами она бывает лихорадочно возбуждена, а днем как будто бы спокойна. Маня скрывает от родных, что ей безумно не терпится уехать. Пусть в эти последние месяцы отец чувствует себя вполне счастливым. Она хлопочет о женитьбе своего брата, приискивает место для Эли. Может быть, и другая, более эгоистическая забота препятствует Мане точно установить время своего отъезда: ей кажется, что она еще любит Казимира З. И, несмотря на властную тягу в Париж, она не без душевной боли представляет себе это самоизгнание на целые года.

В сентябре 1891 года Маня отдыхает в Закопанах среди

Карпатских гор, где должна была встретиться с Казимиром З.

В Закопанах во время прогулки в горах у молодой пары произошло решающее объяснение. Когда Казимир в сотый раз стал поверять Мане свои колебания и опасения, Маня вышла из себя и произнесла фразу, порвавшую все:

— Если вы сами не находите возможности прояснить наше положение, то не мне учить вас этому.

В течение этой длительной идиллии, впрочем довольно прохладной, Маня показала себя, как выразился потом старик Склодовский, «гордой и надменной».

Девушка оборвала ту непрочную связь, которая ее еще держала. Теперь она дает волю своему нетерпеливому стремлению. Дает себе отчет в тяжело пережитых годах своего беспокойного долготерпения. Вот уже восемь лет, как она кончила гимназию, из них шесть она была домашней воспитательницей. Это уже не та молоденькая девушка, у которой вся жизнь еще впереди. Через несколько недель ей двадцать четыре года!

И Маня призывает на помощь Броню:

«Теперь, Броня, мне нужен твой окончательный ответ. Решай, можешь ли ты действительно приютить меня, так как я готова выехать. Деньги на расходы у меня есть. Напиши мне, можешь ли ты, не очень обременяя себя, прокормить меня. Это было бы для меня большое счастье, укрепив меня нравственно после всего, что я пережила за это лето и что будет иметь влияние на всю мою жизнь, но, с другой стороны, я не хочу навязывать себя тебе.

Так как ты ждешь ребенка, я, может быть, окажусь и вам полезной. Во всяком случае, пиши, как обстоит дело. Если мое прибытие возможно, то сообщи, какие вступительные экзамены мне предстоит держать и какой самый поздний срок записи в студенты.

Возможность моего отъезда так меня волнует, что я не в состоянии говорить о чем-нибудь другом, пока не получу твоего ответа. Молю тебя ответить мне немедленно и шлю вам обоим свой нежный привет.

Вы можете поместить меня где угодно, так, чтобы я вас не обременила; со своей стороны, обещаю ничем не надоедать и не вносить никакого беспорядка. Заклинаю тебя, отвечай, но вполне откровенно!»

* * *

Если Броня не ответила телеграммой, то только потому, что

телеграмма — дорогая роскошь. Если Маня не вскочила в первый же поезд, то только потому, что надо было как можно экономнее организовать это большое путешествие. Она раскладывает на столе свои наличные рубли, к которым отец добавил перед ее отъездом небольшую, но очень пригодившуюся сумму. Начались подсчеты.

Столько-то на паспорт. Столько-то на проезд по железной дороге… Нельзя быть расточительной и брать билет от Варшавы до Парижа в третьем классе, самом дешевом в России и во Франции. Слава богу, на германских дорогах существует и четвертый класс, без отделений, почти такой же голый, как товарные вагоны. По всем четырем стенкам тянется скамья, а посередине можно поставить складной стул и устроиться не так уж плохо!

Не забыть советов практичной Брони: взять из дому все необходимое для жизни, чтобы не делать в Париже непредвиденных затрат. Манин матрас, постельное белье, полотенца надо отправить заранее малой скоростью. Ее белье, ботинки, платья и две шляпки уже собраны на диване, а рядом с ним зияет откинутой крышкой единственное роскошное приобретение — пузатый деревянный коричневого цвета чемодан, весьма деревенский с виду, но зато прочный, и Манн любовно выводит на нем черной краской большие буквы: «М. С.» — свои инициалы.

Матрас уехал, чемодан сдан в багаж, у путешественницы остаются на руках пакет с питанием на три дня дороги, складной стул для германского вагона, книги, пакетик с карамелью и одеяло. Разместив свою поклажу в сетке и заняв место на узенькой жесткой скамейке, Маня выходит на платформу. Ее серые глаза сверкают сегодня особым лихорадочным блеском.

В порыве трогательного чувства и вновь нахлынувших угрызений совести Маня обнимает отца, награждает его словами нежными и робкими, как будто извиняясь:

— Я еду ненадолго… года на два, на три — не больше! Как только я закончу свое образование, сдам экзамены, я вернусь, мы снова заживем вместе и не расстанемся уж больше никогда… Правда?

— Да, Манюшенька, — шепчет учитель охрипшим голосом, сжимая дочь в объятиях. — Возвращайся поскорее, работай хорошо. Желаю тебе успеха!

* * *

Прорезая ночь свистками и железным грохотом, поезд несется по Германии.

Скорчившись на складном стуле в вагоне четвертого класса, укутав ноги и время от времени старательно пересчитывая прижатые к себе пакеты, Маня раздумывает о прошлом, о своем таком долгожданном и феерическом отъезде. Старается представить себе будущее. Ей думается, что она скоро вернется в родной город и станет скромною учительницей. Как далека — о, как бесконечно далека она от мысли, что, сев в этот поезд, она уже сделала свой выбор между тьмой и светом, между ничтожеством серых будней и огромной жизнью.

Глава VIII

Париж

Проезжая от улицы Ля Вийет до Сорбонны, видишь не очень красивые кварталы, да и самый переезд не отличается ни скоростью, ни удобством. От Немецкой улицы, где живет Броня с мужем, до Восточного вокзала ходит запряженный тройкой лошадей омнибус в два этажа с винтовой лесенкой, ведущей на головокружительный империал. От Восточного вокзала до Университетской надо ехать другим омнибусом.

Само собою разумеется, что именно на этот незащищенный от превратностей погоды империал и карабкается Маня, зажав под мышкой старый кожаный портфель, уже бывавший в «Вольном университете».

Усевшись на этой подвижной обсерватории, девушка с застывшими от зимнего ветра щеками перегибается и жадно смотрит по сторонам. Что ей и серая пошлость бесконечной улицы Лафайет и мрачный ряд магазинов на Севастопольском бульваре? Ведь эти лавочки, эти вязы, эта толпа и даже эта пыль — все это для нее Париж… Наконец-то, наконец Париж!

Каким молодым чувствуешь себя в Париже, каким сильным, бодрым, преисполненным надежды! А для молодой польки какое чудесное ощущение личной свободы!

Уже в тот момент, как Маня, истомленная дорогой, сошла с поезда в закопченном пролете Северного вокзала, сразу развернулись ее плечи, свободнее забилось сердце и задышала грудь. Только теперь она вдохнула воздух свободной страны. В порыве восторга ей все кажется чудесным. Чудесно, что гуляющие по тротуарам бездельники болтают, о чем вздумается, чудесно, что в книжных лавках свободно продаются произведения печати

всего мира. А еще чудеснее, что эти прямые улицы ведут ее, Маню Склодовскую, к широко раскрытым дверям университета. Да еще какого университета! Самого знаменитого, что в течение веков описывался как «конспект Вселенной», о коем Лютер говорил: «Самая знаменитая и наилучшая школа — в Париже, а зовут ее Сорбонна!»

Ее приезд похож на сказку, а ленивый, тряский, промерзший омнибус — на волшебную карету, в которой нищая белокурая принцесса едет из своего скромного жилища в созданный ее мечтой дворец.

Карета переезжает Сену, и все вокруг восхищает Маню: два рукава реки, подернутые дымкой, острова, величественные памятники и площади, башни Нотр-Дам. Взбираясь по бульвару Сен-Мишель, омнибус замедляет ход. Наконец! Приехали! Новоиспеченная студентка хватает свой портфель и подбирает тяжелую шерстяную юбку. В спешке нечаянно толкает соседку. Робко извиняется на неуверенном французском языке. Сбежав по ступенькам омнибуса, Маня спешит к ограде Сорбонны.

Этот дворец познания имел в 1891 году своеобразный вид. Уже шесть лет, как его все перестраивают, и здание Сорбонны стало похоже на какого-то громадного удава, готовящегося сбросить старую кожу. Позади нового, чисто белого фасада стоит ряд обветшалых зданий времен Ришелье. Эта строительная передряга вносит в учебную жизнь живописный беспорядок. По мере продвижения строительных работ и курсы лекций передвигаются из одной аудитории в другую. Временные лаборатории пришлось разместить в зданиях по улице Сен-Жак.

Но разве это важно, если и в этом году, по примеру прежних лет, на стене рядом с комнаткой швейцара белеет проспект:

Французская Республика.

Факультет естествознания — первый семестр.

Начало лекций в Сорбонне 3 ноября 1891 года.

Слова волшебные, слова влекущие!..

На свои маленькие сбережения Маня имеет право выбрать то, что ей нравится из бесчисленных лекций, значащихся в сложном расписании на белом объявлении. У нее свое собственное место в «химической», где она может не наобум, а пользуясь руководством и советами, с помощью нужной аппаратуры успешно делать простые опыты. Маня — студентка (какое это счастье!) факультета естествознания!

Она уже не Маня и даже не Мария: на своем студенческом билете она надписывает по-французски: Мари Склодовска. Но так как ее товарищи по факультету не способны произнести такое варварское сочетание согласных «Склодовска», а полька никому

не разрешает звать ее просто Мари, то она пребывает каким-то таинственным анонимом. Встречая в гулких галереях эту девушку, одетую скромно, бедно, но изящно, с суровым выражением лица под шапкою светлых волос, молодые люди удивленно оборачиваются и спрашивают: «Кто это?» Если ответ и следует, то неопределенный: «Какая-то иностранка… У нее немыслимо трудная фамилия!.. На лекциях по физике сидит всегда в первом ряду… Девица не из разговорчивых…»

Юноши провожают глазами грациозный силуэт ее фигуры, пока она не исчезнет за углом какого-нибудь коридора, и в заключение говорят: «А волосы красивые!»

В настоящее время меньше всего ее интересуют молодые люди. Она всецело увлечена несколькими серьезными мужчинами, которых зовут «профессорами», стремится выведать их тайны. Следуя почтенному обычаю тех времен, они читают лекции в черных фраках, вечно попачканных мелом. Вся жизнь Мари проходит в созерцании торжественных фраков и седых бород.

Позавчера читал лекцию, хорошо построенную, строго логичную, профессор Липпманн. А вчера Мари слушала профессора Бути с обезьяньей головой, таящей в себе целые сокровища науки. Мари хотелось бы слушать все лекции, узнать всех двадцати трех профессоров, поименованных в белом проспекте курсов. Ей кажется, что утолить всю свою жажду знаний она не сможет никогда.

Непредвиденные трудности встают перед Мари в первые же недели ее студенчества. Она воображала, что знает французский язык в совершенстве, и очень ошибалась. Быстро произнесенные фразы ускользают от нее. Она воображала, что обладает научной культурой, вполне достаточной для усвоения университетских лекций. Но одинокие занятия в Щуках, ее знания, приобретенные путем обмена письмами со стариком Склодовским, ее опыты, проделанные наудачу в лаборатории музея, не могут заменить солидное образование, которое дают парижские лицеи. В своих знаниях по математике и физике Мари обнаружила огромные пробелы. Сколько же придется ей работать, чтобы достигнуть чудесной, заветной цели — университетского диплома!

Сегодня лекцию читает Поль Аппель. Мари пришла одной из первых. В ступенчатом амфитеатре, скупо освещенном светом декабрьского дня, она занимает место внизу, вблизи кафедры, раскладывает на пюпитре ручку и тетрадь в сером холщовом переплете, куда и будет сейчас вносить заметки своим красивым, четким почерком. Она уже заранее сосредоточивает свое внимание и даже не слышит гула голосов, который сразу

обрывается при появлении профессора.

Поразительно, как некоторые профессора умеют создавать напряженно-внимательную тишину в аудитории… Молодые люди, склонившись над тетрадями, записывают уравнения по мере того, как их пишет на доске рука ученого. Теперь они только ученики, алчущие знания. Здесь царство математики!

Аппель с квадратной бородой и в строгом фраке великолепен. Он говорит спокойно, отчетливо произнося все буквы чуть-чуть тяжеловато — по-эльзасски. Его доказательства изящны, ясны, как будто преодолевают все опасности и подчиняют себе вселенную. Он властно и уверенно вторгается в тончайшие сферы научного познания, легко играет цифрами, планетами и звездами. Он не боится смелых образов и, сопровождая слова свободным жестом владельца в своем поместье, совершенно спокойно говорит:

— Я беру солнце и бросаю…

Сидя на своей скамейке, Маня улыбается восторженной улыбкой. Ее серые, светлые глаза под широк им лбом горят от удовольствия. Как люди могут только думать, что наука сухая область? Есть ли что-нибудь более восхитительное, чем незыблемые законы, управляющие миром, и что-нибудь чудеснее человеческого разума, открывающего эти законы? Какими пустыми кажутся романы, а фантастические сказки — лишенными воображения сравнительно с этими необычайными явлениями, связанными между собой гармоничной общностью первоначал, с этим порядком в кажущемся хаосе. Такой взлет мысли можно сравнить только с любовью, вспыхнувшей в душе Мари к бесконечности познания, к мировым вещам и к их законам…

— Я беру солнце и бросаю…

Чтобы услышать эту фразу, произнесенную мирным и величественным ученым, стоило бороться и пострадать где-то в глуши все эти годы. Мари счастлива теперь вполне.

* * *

Из всех польских эмигрантов, проживающих в Париже, Броня выбрала себе самого красивого, самого блестящего и самого умного. Казимир Длусский был студентом и в Петербурге, и в Одессе, и в Варшаве.

Вынужденный бежать из России, так как ему приписывали участие в заговоре на Александра II, он стал революционным публицистом в Женеве, затем попал в Париж, где поступил в Школу политических наук, оттуда перешел на медицинский

факультет и, наконец, стал врачом. Где-то в Польше живут его богатые родные, а в Париже среди «дел» Министерства иностранных дел лежит очень досадная регистрационная карточка, составленная на основе донесений царской полиции, карточка, все время мешающая ему натурализоваться и осесть в Париже.

Приехавшую домой после некоторой отлучки Броню встречают громкими приветствиями и сестра и муж. Спешно требовалось, чтобы разумная хозяйка взяла в свои руки ведение домашнего хозяйства. Через несколько часов по ее прибытии в квартире на третьем этаже, с широким балконом, выходящим на Немецкую улицу, уже наведен порядок. Кухня стала опять заманчивой, повсюду стерта пыль, на рынке куплены цветы и размещены по вазам.

У Брони — организаторский талант!

Это она придумала сбежать из центра Парижа и нанять квартиру поблизости от парка Бют-Шомон. Заняв небольшую сумму денег, она несколько раз таинственно побывала в Аукционном зале, и через несколько дней в квартире Длусских появилась изящная венецианская резная мебель, хорошенькие драпировки и пианино. Создалась атмосфера домашнего уюта. Так же находчиво молодая хозяйка распределила время занятий каждого из них. Докторский кабинет принадлежал Казимиру в определенные часы, когда он принимал своих пациентов, главным образом среди мясников с бойни, в другие же часы пользовалась кабинетом Броня для приема своих гинекологических больных. Трудиться приходилось много, супруги-врачи бегали и по визитам и принимали на дому…

Но вот наступает вечер, зажигаются лампы, и все заботы уходят вдаль. Казимир любит развлечься. Напряженная работа, полная пустота в кармане не влияют ни на его живость, ни на его веселое лукавство. После какого-нибудь долгого дня усиленной работы он уже через несколько минут затевает поездку в театр, конечно, на дешевые места. Нет денег, Казимир садится за пианино, а играет он чудесно. Попозже в передней слышатся звонки, приходят друзья из польской колонии — молодые супружеские пары, которые знают, что «к Длусским можно прийти в любой день». Броня то появляется, то исчезает. На столе горячий чайник, сироп, холодная вода и тут же ставят груду пирожков, испеченных докторшей в свободное время после полудня, между двумя приемами больных.

Однажды вечером, когда Маня уселась за книги у себя в комнатке на конце квартиры и собиралась просидеть часть ночи, к ней в комнату влетел шурин.

— Надевай мантилью, шляпку — живо! У меня даровые билеты на концерт…

— Но…

— Никаких но! Играет польский пианист, о котором я говорил тебе. Продано билетов очень мало, надо по дружбе к бедному юноше «обставить» зал. Я уже навербовал добровольцев, мы будем аплодировать до ломоты в руках и создадим всю видимость полного успеха… А если бы ты знала, как он играет!

Нет возможности противиться увлекающей воле этого бородатого беса с черными, веселыми, блестящими глазами. Мари закрывает книгу, и трое молодых людей скатываются с лестницы. Выскочив на улицу, бегут со всех ног, чтобы захватить подъезжающий омнибус.

Спустя немного времени Мари уже сидит в пустом на три четверти Эраровском концертном зале. На эстраду выходит худой, длинный человек с необыкновенным лицом в ореоле пышных красно-медных, огненных волос. Вот он садится за рояль. Лист, Шуман и Шопен оживают под тонкими пальцами пианиста. Выражение лица властное и благородное. Мари жадно слушает пианиста. Несмотря на свой лоснящийся фрак, перед пустыми стульями он держится с видом не захудалого артиста, а какого-то божества.

Впоследствии этот музыкант будет заходить по вечерам на Немецкую улицу под руку с очаровательной женщиной, панной Горской, вначале только влюбленным в нее, а позже — ее мужем. Он рассказывает о своей жизни в бедности, о своих разочарованиях, но говорит без горечи. Броня и Мари вспоминают с панной Горской о тех отдаленных временах, когда шестнадцатилетняя Горская аккомпанировала их матери пани Склодовской во время ее заграничного лечения. «Когда мама вернулась в Варшаву, — говорит со смехом Броня, — она сказала, что больше не будет брать вас на курорты — уж очень вы красивы!»

Изголодавшись по музыке, молодой человек с гривой огненных волос вдруг прерывает разговор несколькими аккордами. И скромное пианино Длусских волшебно превращается в великолепный инструмент.

Этот алчущий музыки пианист очарователен. Он нервен, он влюблен, и счастлив, и несчастлив.

Из него выйдет гениальный виртуоз, а позже он станет премьером польского правительства.

Его имя — Игнаций Падеревский.

* * *

Мари с жаром набросилась на все, что ей предоставляла новая эпоха в ее жизни. Трудится с увлечением. Вместе с тем находит и много радостного в чувстве товарищества, в той сплоченности, какую создает совместная университетская работа. Но заводить связи с французскими товарищами еще мешает ее робость, и Мари ищет прибежища в кругу своих же соотечественников. Панна Красковская, панна Дидинская, медик Моц, биолог Даниш, Станислав Шалай, будущий муж Эли, и младший Войцеховский, будущий президент Польской республики, становятся ее друзьями в польской колонии Латинского квартала, в этом островке свободной Польши.

Здешняя польская молодежь бедна, но устраивает вечеринки или ужины в рождественский сочельник, и тогда добровольцы-поварихи готовят только варшавские блюда: горячий борщок амарантового цвета, капусту с шампиньонами, фаршированную щуку, сладкие пирожки с маком; подается немножко водки и разливанное море чая… Бывают и любительские спектакли, на которых разыгрывают драмы и комедии. Программы этих вечеров — конечно, на польском языке— разрисованы символическими изображениями: снежная равнина с хатой, а ниже — мансарда, где сидит юноша, мечтательно склонясь над книгой. Есть и рождественский дед, сквозь каминную трубу он сыплет в лабораторию научные руководства. А на первом плане пустой кошелек, изгрызенный крысами.

В этих развлечениях принимает участие и Мари. Разучивать роли, чтобы играть в комедиях, ей некогда. Но когда скульптор Вашинковский устроил патриотическое празднество с живыми картинами, то на нее пал выбор, чтобы воплотить самое главное действующее лицо: «Польшу, разрывающую свои оковы».

В этот вечер суровая студентка сделалась неузнаваема. Одетая в классическую тунику, она была задрапирована длинным покрывалом национальных цветов Польши. Белокурые волосы обрамляли ее решительное славянское лицо с чуть выступающими скулами и свободно падали на плечи.

Несмотря на чужбину, ни Мари, ни ее сестра, как видно, не расстаются с Варшавой. Отечество их с ними и крепко держит двух сестер множеством всяких уз, из коих не малое значение имеет их переписка со своим отцом. Хорошо воспитанные, почтительные дочери пишут старику Склодовскому, обращаясь к нему в третьем лице[19] и заканчивая каждое свое письмо словами: «Целую руки папочки»; рассказывают о живописном разнообразии своей жизни и дают ему целый ряд поручений.

Легко и весело живется на Немецкой улице, но для Мари там нет возможности сосредоточиться. Она не может запретить

Казимиру играть на пианино, принимать своих друзей или врываться к ней, когда она решает сложные уравнения; не может препятствовать вторжению в квартиру пациентов молодых врачей. Ночью ее внезапно будят звонки и шаги присланных за Броней по случаю родов у жены какого-нибудь мясника.

А самый главный недостаток пребывания здесь — целый час езды до Сорбонны. Да и оплачивать два омнибуса становится в конце концов накладно.

Семейно-военный совет решает, что Мари поселится в Латинском квартале, по соседству с университетом, лабораториями и библиотеками. Длусские уговаривают Мари взять у них несколько франков на переселение. На следующий же день с утра Маня выступает в поход и бродит по мансардам, где сдаются комнаты.

Не без сожаления расстается Мари с квартирой, затерянной среди прозаического пейзажа в квартале боен. Между Мари и Казимиром Длусским установились братские отношения и остались такими на всю жизнь. Отношения между Мари и Броней уже с давних пор развертываются прекрасной повестью: повестью о преданности, самопожертвовании и взаимопомощи.

Несмотря на свою беременность, Броня помогает младшей сестре упаковать ее жалкие пожитки и уложить на ручную тележку. Пользуясь еще раз знаменитым омнибусом и пересаживаясь с империала на империал, Казимир и Броня торжественно сопровождают «нашу девочку» до ее студенческой квартиры.

Глава IX

Сорок рублей в месяц

Да, жизнь Мари была до этих пор еще не очень отчужденной и убогой. Теперь Мари все глубже уходит в одиночество. Сам образ жизни отличается монашескою простотой. По доброй воле отказавшись от квартиры и стола у Длусских, Мари теперь сама оправдывает свои расходы. А весь ее месячный бюджет, считая собственные сбережения и небольшие дотации, получаемые от отца, — сорок рублей.

Каким образом женщине, да еще иностранке, прилично жить в 1892 году в Париже на сорок рублей в месяц — три франка на день, — оплачивая комнату, еду, одежду, тетради, книги, лекции в университете? Вот задача на быстрое решение! Но не бывало случая, чтобы Мари не находила решения какой-нибудь задачи.

Мари — своему брату Иосифу, 17 марта 1893 года:

«Ты, несомненно, знаешь от папы, что я решила поселиться ближе к месту моих занятий, — по разным соображениям это стало необходимым для меня, особенно в текущем семестре. Теперь мое намерение осуществилось, и я пишу тебе в моем новом обиталище: улица Фляттер, 3. Оно состоит из небольшой комнатки, очень недорогой и вполне приличной; через пятнадцать минут я уже в лаборатории, а через двадцать — в Сорбонне. Само собою разумеется, что без помощи Длусских я не устроилась бы так удачно.

Работаю в тысячу раз больше, чем с начала моего пребывания на Немецкой улице. Там бесконечно мешал мне мой милый зять. Когда я была дома, он совершенно не терпел, чтобы я занималась чем-нибудь другим, кроме приятной болтовни с ним. Мне приходилось из-за этого вести войну против него. Через несколько дней он и Броня соскучились по мне и зашли навестить меня. Я угостила их холостяцким чаем, а после мы сошли вниз повидать супругов С., живущих в том же доме».

Мари не единственная студентка, располагающая лишь ста франками в месяц: большинство польских подруг такие же бедняки, как и она. Некоторые живут по три и по четыре в одной квартирке и сообща столуются. Другие живут одиночками и тратят несколько часов в день на хозяйство, кухню, штопку, но благодаря своей изобретательности едят сытно, живут в тепле и одеваются более или менее изящно.

Мари слишком дорожила своим спокойствием, чтобы жить с подругами в одной квартире, слишком увлеклась работой, чтобы заботиться о комфорте. Да если бы и захотела, то оказалась бы для этого негодной: с семнадцати лет она служила в чужих людях и, отдавая семь-восемь часов в день урокам, совершенно не имела времени стать хозяйкой. То, что Броня усвоила, ведя хозяйство в отцовском доме, было неведомо Мари. И в польской колонии проходит слух, что «пани Склодовска не знает даже, из чего варится бульон».

Она не знала этого и не хотела знать. Зачем тратить целое утро на раскрытие тайн домашнего стола, если за это время можно усвоить несколько страниц физики или произвести в лаборатории интересный опыт?

Все обдумав, она вычеркнула из программы своей жизни всякие развлечения, дружеские вечеринки, общение с людьми. Совершенно так же она приходит к убеждению, что материальная сторона жизни не имеет ни малейшего значения, что она просто не существует. Исходя из этого, Мари создает себе какой-то спартанский, очень странный образ жизни.

Улица Фляттер, лотом бульвар Пор-Рояль, улица Фейянтинок… Все комнаты, в которых последовательно живет Мари, схожи скромностью своей цены и отсутствием комфорта. Сначала она поселяется в доме с меблированными комнатами, где живут студенческие молодожены, врачи, офицеры. Затем, в погоне за полной тишиной, она снимает мансарду под крышей одного частновладельческого дома. За пятнадцать-двадцать франков можно найти убежище — малюсенькую комнатку со слуховым окошком на скате крыши. В это окно, прозванное «табакеркой», виден квадрат неба. Ни отопления, ни освещения, ни воды.

И вот в такой комнатке Мари расставляет свое имущество: складную железную кровать с матрасом, привезенным из Польши, железную печку, простой дощатый стол, кухонный стул, таз. За ними следует керосиновая лампа с абажуром ценой в два су, кувшин для воды (воду надо брать из крана на площадке лестницы), спиртовая горелка размером с блюдечко, которая в течение трех лет служит для готовки кушаний. У Мари есть еще две тарелки, нож, вилка, чайная ложечка, чашка и кастрюля. Наконец водогрейка и три стакана, чтобы можно было угостить чаем Длусских, когда они заходят навестить Мари. В тех редчайших случаях, когда бывает у нее прием гостей, закон гостеприимства остается в силе: хозяйка разжигает маленькую печку с трубой, протянутой сложными извивами по комнате. А чтобы усадить гостей, вытаскивает из угла большой пузатый коричневый чемодан, обычно исполняющий обязанности платяного шкафа и комода. <

Никакой прислуги: плата даже приходящей на час в день прислуге обременила бы до крайности бюджет Мари. Отменены расходы и на проезд: в любую погоду Мари идет в Сорбонну пешком. Минимум угля: один-два мешка брикетов на всю зиму, купленных в лавочке на углу, причем Мари сама перетаскивает их ведрами на шестой этаж по крутой лестнице, останавливаясь на каждой площадке, чтобы передохнуть. Минимум затрат на освещение: как только наступают сумерки, студентка бежит в благодатный приют, именуемый библиотекой Сент-Женевьев, где тепло и горит газ. Там бедная полька садится за столик и, подперев голову руками, работает до самого закрытия библиотеки в десять часов вечера. Дома надо иметь запас керосина, чтобы хватало на освещение до двух часов ночи. Только тогда Мари с красными от утомления глазами бросается в постель.

Из скромной области практических познаний она усвоила только одно — умение шить. Эго память об уроках рукоделия в

пансионе у Сикорской и о долгих днях в Щуках, где юная наставница бралась за шитье, наблюдая за приготовлением уроков ее учениками. Это не значит, что Мари покупает дешевый отрез материи и шьет себе новенькую блузку. Совсем нет, она словно поклялась никогда не расставаться со своими варшавскими платьями и носит их все время, хотя они уже потрепаны, потерты и залатаны. Но Мари старательно их чистит, чинит, чтобы придать сносный вид. Она снисходит и до стирки в своем тазу, когда бывает чересчур утомлена работой и надо сделать «перерыв». Из-за нежелания тратить уголь, а также и по рассеянности она не топит печки с извилистой трубой и пишет цифры, уравнения, не замечая, что от холода плечи у нее дрожат, а пальцы деревенеют. Горячий суп, кусок говядины, конечно, подкрепили бы ее, но ведь Мари не знает, как варят суп! Она не может тратить целый франк и целых полчаса, чтобы изжарить эскалоп! Редкий случай, если она заходит к мяснику, а еще реже в ресторан: чересчур дорого. В течение многих недель питание состоит из чая и хлеба с маслом. Когда ей хочется попировать, она заходит в любую молочную Латинского квартала и съедает там два яйца или же покупает себе какой-нибудь фрукт, маленькую плитку шоколада.

При таком режиме девушка, приехавшая из Варшавы несколько месяцев тому назад крепкой и свежей, очень скоро становится малокровной. Вставая из-за стола, она нередко чувствует головокружение и, едва успев добраться до постели, падает без чувств. Придя в себя, Мари задает себе вопрос, отчего же она упала в обморок, думает, что заболела, но и болезнью пренебрегает так же, как всем остальным, Ей не приходит в голову, что вся ее болезнь — истощение от голода, а обмороки — от общей слабости.

Но как-то раз Мари падает в обморок в присутствии одной своей подруги, которая сейчас же бежит к Длусским. Спустя час Казимир уже карабкается по лестнице, входит в мансарду, где немного бледная Мари уже готовится к завтрашней лекции. Он исследует свою невестку, а главное — чистые тарелки, пустую кастрюлю и всю комнату, где не находит ничего съестного, кроме чая. Он сразу понимает, в чем тут дело, и начинается допрос:

— Что ты ела сегодня?

— Сегодня?.. Не помню… Я недавно завтракала.

— А что ела? — спрашивает неумолимый Казимир.

— Вишни, а еще… да разное…

В конце концов Мари должна сознаться: со вчерашнего дня она съела пучок редиски и полфунта вишен. Работала до трех ночи, спала четыре часа. Утром ходила на лекции в Сорбонну.

Возвратясь домой, доела редиску… ну, а потом упала в обморок.

Врач прекращает разговор. Он злится. Злится и на Мари, глядящую на него пепельно-серыми глазами, выражающими наивную радость и сильную усталость, злится и на себя за то, что недостаточно внимательно блюл «девочку», порученную ему стариком Склодовским. Не слушая возражений, он подает Мари мантилью, шляпку, заставляет собрать книги и тетрадки, которые понадобятся ей в следующую неделю, и молча, недовольный, огорченный, отводит к себе домой, а там, едва успев войти в свою квартиру, кличет Броню, занятую готовкой в кухне.

Проходит двадцать минут, и Маня поглощает лекарства, предписанные Казимиром: громадный бифштекс с кровью, блюдо жареного, хрустящего картофеля. Словно чудом, румянец выступает на ее щеках. В одиннадцать часов вечера приходит Броня и гасит свет в комнате, где поставлена кровать для младшей. В течение нескольких дней Мари выдерживает этот разумный курс лечения и набирается сил. А затем приближение экзаменов всецело овладевает ею, и она снова перебирается в свою мансарду, дав обещание вести себя теперь благоразумно. На следующий день воздушное питание опять вступает в силу.

* * *

Работать! Работать! Мари вся целиком уходит в занятия, чувствует себя способной познать все, что добыто людьми в области науки. Шаг за шагом она проходит курс математики, физики и химии. Мало-помалу осваивает технику опытов. Вскоре на ее долю выпадает большая радость: профессор Липпманн дает ей несколько научных заданий, правда незначительных, но они предоставляют возможность показать свои способности и своеобразие ее умственного склада. В большой, высокой физической лаборатории Сорбонны с двумя винтовыми лестницами, ведущими на внутреннюю галерею, Мари Склодовска пробует собственные силы.

Она проникается страстною любовью к атмосфере внимательности и тишины, к этому «климату» лаборатории, любовь к которому сохранит до последнего дня жизни. Работает она всегда стоя, то перед дубовым столом с аппаратурой для точных измерений, то перед тягой, под которой кипит на жгучем пламени паяльной лампы раствор какого-нибудь вещества. В халате из грубой ткани Мари почти не отличается от молодых людей, задумчиво склонившихся над другими приборами. Они тоже уважают сосредоточенность мысли в этой обители науки.

Мари работает бесшумно: никаких разговоров, кроме самых необходимых.

Только один аттестат лиценциата — нет, этого мало! Мари решает добиться двух: по физике и математике. Былые планы, очень скромные, теперь растут и ввысь и вширь с такой быстротой, что у Мари нет времени, а главное — смелости, сообщить о них отцу. А этот замечательный старик ждет с нетерпением, когда же, наконец, Мари вернется в Польшу. Он чувствует смутную тревогу по поводу того, что выращенная им птичка после стольких лет подчинения и самопожертвования стала независимой и обретает свои крылья.

Склодовский — Броне, 8 марта 1893 года:

«В последнем письме ты первый раз упоминаешь о намерении Мани сдавать экзамен на аттестат лиценциата. В своих письмах она никогда не говорила мне об этом, хотя я спрашивал ее на этот счет. Напиши мне точно, в какое время года происходят экзамены на аттестат, какого числа Маня думает держать экзамен, каких расходов это требует и сколько стоит сам диплом. Я должен обдумать все заранее, чтобы послать Мане денег, а от этого будут зависеть й мои собственные планы…

Я намерен оставить за собою теперешнюю мою квартиру ***л*** на будущий год: она очень подходит и для меня лично и для Мани, если она вернется… Маня постепенно создаст себе определенный круг учеников, — во всяком случае, я готов разделить с ней то, что имею. Мы выйдем из положения без затруднений».

Как ни дичится Мари людей, ей неизбежно приходится встречаться с ними каждый день. Несколько юношей оказывают ей теплое внимание. Девушки-иностранки, приехавшие в Сорбонну, прозванную братьями Гонкурами «приемной матерью питомцев науки», издалека, пользуются сочувствием молодых французов. Наша полька, наконец, свыкается и замечает, что ее товарищи, по большей части труженики, уважают ее и склонны полюбезничать. Мари, наверно, очень хороша собой, судя по тому, что ее подруга— очаровательно восторженная панна Дидинская, взявшая на себя роль ее телохранительницы, — как-то грозилась разогнать своим зонтиком чересчур рьяных вздыхателей, толкущихся вокруг опекаемой студентки.

Предоставляя панне Дидинской устранять эти ухаживания, равнодушная к ним девушка ищет сближения с людьми, которые привлекают ее возможностью поговорить с ними о своей работе. В промежутке между лекциями или занятиями в лаборатории Мари беседует с Полем Пенлеве, Жаном Перреном и Шарлем Мореном — будущими светилами французской науки. Но это только

товарищеские разговоры. У Мари нет времени ни для дружбы, ни для любви. Она влюблена лишь в математику и физику.

Ее мышление так четко, ум настолько ясен, что никакая «славянская» безалаберность не может совратить ее с пути. Она держится благодаря железной воле, маниакальному стремлению к совершенству и невероятному упорству. Последовательно, терпеливо Мари достигает обеих целей: в 1893 году получает диплом по «физическим наукам», заняв первое место по отметкам, а в 1894 году — диплом по «математическим наукам», заняв второе место.

Она решает в совершенстве овладеть французским языком. Это необходимое условие для достижения ее целей. Вместо того чтобы, по примеру многих поляков, ворковать по-французски певучие и неправильные фразы в течение многих месяцев, Мари досконально изучает орфографию и синтаксис, изгоняет малейшие следы польского акцента. Только слегка раскатистое «р» так и останется на всю жизнь милой особенностью ее говора, чуть глуховатого, но мягкого и очаровательного.

На свои сорок рублей в месяц Мари не только умудрялась жить, но иногда, лишив себя чего-нибудь необходимого, позволяла себе некоторую роскошь: пойти вечером в театр, отправиться в ближайшие окрестности Парижа, набрать в лесу цветов и привезти домой. Деревенская девочка былых времен не умерла в ней. Заброшенная в большой город, Мари следит весной за появлением первых листиков и, ка-к только найдется немного времени и денег, она бежит в леса.

Июль. Лихорадка, спешка, угнетающее состояние по утрам, когда Мари, усевшись среди тридцати других студентов в запертом экзаменационном зале, до того нервничает, что буквы пляшут у нее перед глазами, и в течение нескольких минут она не в состоянии даже прочесть роковой лист бумаги, на котором изложена задача и даны вопросы «по всему курсу». После сдачи работы наступают томительные дни ожидания до торжественного дня, когда объявят результаты экзаменов.

Мари протискивается между своими конкурентами с их родственниками, набившимися битком в амфитеатр того зала, где будут объявляться имена выдержавших в порядке полученных отметок. В тесноте и давке она ждет выхода профессора. И вот среди мгновенно наступившей тишины она слышит первым, самым первым, свое имя: «Мари Склодовска».

Никому не понять ее волнений. Она рвется от поздравляющих ее товарищей, отделяется от окружающей толпы и убегает. Пробил час каникул, отъезда домой, в Польшу.

Возвращение бедных поляков под родной кров связано со

сложившимися обычаями, и Мари их свято соблюдает. Сдает на хранение свою меблировку — кровать, посуду, печку — какой-нибудь землячке, достаточно богатой, чтобы оставить за собой парижскую квартиру на лето. Прежде чем расстаться со своей мансардой, прибирает ее, прощается с привратницей, покупает кое-какие припасы на дорогу. Подсчитав остаток денег, идет в большой магазин и занимается тем, чего не делала ни разу за весь год: роется в безделушках, шарфиках…

Стыдно возвращаться на родину из-за границы с деньгами в кармане! Полагается истратить все до гроша на подарки для близких и влезть в вагон на Северном вокзале, не имея в кармане ни копейки. Не правда ли, умно? В двух тысячах километров от Парижа, в том конце рельсов, есть пан Склодовский, есть Иосиф, Эля и семейный кров, где можно есть досыта, где найдется портниха, которая за гроши сошьет белье и несколько теплых платьев. А в ноябре эти платья попадут в Париж, и Мари будет их носить, отправляясь на лекции во вновь обретенную Сорбонну!

В Париж она вернется довольно полной, упитавшись за три месяца разной снедью в домах всех Склодовских Польши, возмущенных ее плохим видом.

И снова перед ней учебный год, снова ей предстоит работать, набираться знаний, опять готовиться к экзамену, худеть…

* * *

Но как только подходит осень, Мари томится тем же щемящим чувством. Где добыть денег? С чем вернуться в Париж? Сорок рублей, да еще сорок, и еще, еще… Собственные сбережения иссякают, ей стыдно думать о тех маленьких удовольствиях, в которых отказывает себе отец, чтобы помочь ей. В 1893 году положение дел казалось безнадежным, и Мари была уже готова отказаться от возвращения в Париж, как вдруг произошло чудо. Та самая панна Дидинская, которая в прошлом году защищала Мари от ее поклонников своим зонтом, простерла свое покровительство еще дальше. Уверенная в том, что ее подруге предстоит большое будущее, она перевернула в Варшаве все вверх дном и добилась для Мари стипендии из фонда Александровича, назначаемой достойным студентам, желающим продолжить за границей свои научные занятия.

Шестьсот рублей! Пятнадцать месяцев жизни! Самой Мари, умевшей заботиться только о других, никогда не пришло бы в голову хлопотать ради себя об этой помощи, а главное — не хватило бы смелости. Ослепленная, очарованная счастьем, она

летит в Париж!

Мари — Иосифу, 15 сентября 1893 года (из Парижа):

«…Я уже сняла комнату на седьмом этаже, на чистенькой, приличной улице, которая мне очень нравится. Скажи папе, что там, где я должна бы поселиться, не было ниˆ одной свободной комнаты и что я очень довольна снятой мною; окно затворяется плотно, и когда я все устрою, то в ней не будет холодно, тем более что пол не плиточный, а паркетный. Сравнительно с моей прошлогодней комнатой — это прямо дворец. Стоит она сто восемьдесят франков в год, следовательно, на шестьдесят франков дешевле той, какую рекомендовал мне папа.

Надо ли говорить, как я безумно рада возвращению в Париж. Мне было тяжко расставаться с папой, но я видела, что он здоров, оживлен и может обойтись без меня, особенно когда и ты живешь в Варшаве. А я ставлю на карту всю мою жизнь… Поэтому мне и казалось, что я могу еще остаться здесь без угрызений совести.

Я вплотную засела за математику, чтобы быть на должной высоте к началу лекций. Три раза в неделю по утрам я даю уроки одной француженке-подруге, так как она готовится к такому экзамену, какой я уже сдала. Скажи папе, что я привыкаю к своей работе, что она меня не утомляет так, как раньше, и я не собираюсь ее бросать.

Сегодня я начинаю устраивать свой новый уголок — бедно, конечно, но что же делать? Приходится делать все самой, а иначе чересчур дорого. Я приведу в порядок мою мебель, вернее то, что я так пышно именую, а все вместе взятое стоит франков двадцать.

На днях напишу письмо Иосифу Богуцкому, чтобы он дал мне сведения о своей лаборатории. От этого зависит мой род занятий в будущем».

Чудесная стипендия Александровича! Мари старается любым путем растянуть эти шестьсот рублей, чтобы остаться подольше в раю лабораторий и лекционных зал. Через несколько лет Мари выкроит шестьсот рублей из своего первого заработка за технологическую работу, заказанную ей Обществом поощрения национальной промышленности, и отнесет их в секретариат фонда Александровича, ошеломив весь комитет небывалым в его истории возвратом ссуды.

Мари приняла стипендию как знак доверия, как залог чести. По прямоте своей души она считала бы бесчестным задержать чуть дольше деньги, которые сейчас же могут стать якорем спасения для другой бедной девушки.

* * *

Когда я перечитывала написанную по-польски поэму моей матери о тех временах, когда я вспоминала, как она рассказывала о себе — с улыбкой и юмористическими замечаниями, когда смотрела на портрет, что был особенно ей мил: маленькую фотографию студентки с волевым подбородком и смелым взглядом, — я чувствовала, что ни в какие времена она не переставала любить больше всего именно этот кипучий и тяжелый период своей жизни.

Как жестоко протекает юность женщины-студентки.
Когда вокруг нее другая молодежь все с новым увлечением
Стремится жадно к новым, для них доступным развлечениям!
И все же одинокая, безвестная студентка живет счастливо в своей келье,
Где действует то пламенное рвенье, что расширяет душу без конца.
Но пролегают и эти благие времена,
Приходится сказать «прощай» миру науки,
Чтоб отправляться в мир борьбы за хлеб
По серому проселку нашей жизни.
Как часто, истомленная путем, ее душа
Летит опять в тот милый сердцу угол,
Где обитал когда-то молчаливый труд
И где остался целый мир воспоминаний.

Само собою разумеется, что позже Мари узнала и другие радости. Но даже в часы безграничной нежности, в годы торжества и славы никогда эта студентка не бывала так довольна — и скажем прямо — так горда собой, как в те времена нищеты и пламенного, всепоглощающего устремления. Горда своей бедностью, горда своею независимой, одинокой жизнью в чужом городе.

Там, в своем бедном прибежище, работая вечером при свете лампы, ей кажется, что ее собственный, еще крохотный удел таинственно соприкасается с жизнью высших личностей, перед которыми она преклоняется, и что она сама становится скромным, неведомым товарищем великих ученых прошлого, так же, как она, замкнувшихся в плохо освещенных кельях, так же, как она, отрешившихся от сует своего времени, так же, как она, подстегивающих свой ум, чтобы перескочить через уже достигнутое знание.

Да, эти четыре года были не самыми счастливыми в жизни

Мари Кюри, но на ее взгляд — самыми цельными и совершенными по содержанию. Когда ты молод, одинок и погружен в науку, можно не иметь, на что жить, и жить самой полной жизнью. Огромный энтузиазм дает двадцатишестилетней польке силу не обращать внимания на материальные лишения. Впоследствии любовь, материнство, супружеские заботы, сложность тяжелого труда изменят в реальной жизни образ Мари. Но в ту волшебную эпоху, в эпоху наибольшей своей бедности, она была беспечна, как ребенок. Она витает в другом мире свободно и легко и на всю жизнь сохранит о нем мысль, как о единственно чистом, истинном.

При таком неустойчивом существовании не все дни могут протекать ровно. Какой-нибудь нежданный случай вдруг нарушает все: непреодолимая усталость, небольшое заболевание, но требующее ухода и лечения. Да и другие, приводящие в ужас катастрофы… Единственная пара ботинок с дырявыми подошвами разваливается окончательно, и надо покупать новые. А это значит перекроить весь бюджет на целые недели, и непомерный расход придется возместить на пище, на керосине для освещения.

Или затянется зима, и подморозит мансарду седьмого этажа. В комнате так холодно, что Мари не может спать. Она дрожит всем телом. Запас угля истощился… Ну и что ж? Разве молодая жительница Варшавы даст одолеть себя парижской зиме? Мари зажигает лампу, раскрывает большой сундук и выкладывает все одежды. Надевает как можно больше на себя, залезает в постель, накидывает кучей поверх одеяла остальное — переменное платье и белье. А все же очень холодно. Мари протягивает руку, подтаскивает единственный стул, приподнимает и кладет его на ворох платья, создавая себе смутную иллюзию чего-то тяжелого и теплого. Теперь остается только ждать сна, но неподвижно, чтобы не разрушить это сложное сооружение. А в это время вода в кувшине постепенно затягивается ледяной коркой.

Глава X

Пьер Кюри

Мари вычеркнула из программы своей жизни любовь и замужество.

Это не так уж оригинально. Бедная девушка, униженная и разочарованная первой идиллией, клянется никогда больше не любить. Тем более студентке-славянке с ее пламенным

стремлением к умственным высотам не трудно отказаться от шага, ведущего зачастую девушек к порабощению, счастью и несчастью, и посвятить себя лишь своему призванию. Во все эпохи все женщины, горевшие желанием стать великими живописцами или великими музыкантами, пренебрегали любовью, материнством.

Мари создала себе свой мир, неумолимо требовательный и признающий одну страсть — к науке. Конечно, в нем находили свое место и семейные чувства и любовь к порабощенной родине. Но это все! Ничто другое не имеет значения, не существует. Таков жизненный устав двадцатишестилетней девушки, которая одиноко живет в Париже и каждый день встречается в Сорбонне и в лаборатории с юными студентами.

Ее обуревают научные мечты, преследует бедность, изводит напряженная работа. Ей неведома праздность, чреватая опасностями. Гордость и робость служат ей защитой. А также недоверие: с той поры, как семья З. не пожелала иметь ее невесткой, Мари пришла к убеждению, что бесприданницам нельзя найти в мужчинах ни преданности, ни нежных чувств. Укрепив себя прекрасными теориями и горькими воспоминаниями, она цепляется за собственную независимость.

Неудивительно, что даровитая полька, обреченная самой бедностью на уединение, сохраняет себя для творческой работы. Но поразительно и чудесно, что даровитый ученый, француз, сберег себя для этой польки и подсознательно ждал ее. Еще тогда, когда Мари жила на Новолипской улице и лишь мечтала об учении в Сорбонне, Пьер Кюри, придя как-то домой из Сорбонны, где он уже сделал ряд важных физических открытий, записал в своем дневнике печальные строки:

«…Женщина гораздо больше нас любит жизнь ради жизни, умственно одаренные женщины — редкость. Поэтому, если мы, увлекшись некою мистическою любовью, хотим пойти новой, не обычной дорогой и отдаем все наши мысли определенной творческой работе, которая отдаляет нас от окружающего человечества, то нам приходится бороться против женщин. Мать требует от ребенка прежде всего любви, хотя бы он при этом стал дураком. Любовница стремится к власти над любовником и будет считать вполне естественным, чтобы самый одаренный мировой гений был принесен в жертву часам любви. Эта борьба почти всегда неравная, так как на стороне женщин законная причина: они стремятся обратить нас вспять во имя требований жизни и естества».

Минули годы. Пьер Кюри, преданный душой и телом научным изысканиям, так и не женился ни на одной из

малоинтересных или просто миленьких девиц, с которыми пришлось встречаться. Ему тридцать пять лет. Он никого не любит. Когда он ради развлечения перелистывает свой давно заброшенный дневник и перечитывает уже выцветшие строки былых заметок, четыре слова, полные грусти и глухой тоски, останавливают его взгляд:

«Умственно одаренные женщины — редкость».

* * *

«Когда я вошла, Пьер Кюри стоял в пролете стеклянной двери, выходившей на балкон. Он мне показался очень молодым, хотя ему исполнилось в то время тридцать пять лет. Меня поразило в нем выражение ясных глаз и чуть заметная непринужденность в осанке высокой фигуры. Его медленная, обдуманная речь, его простота, серьезная и вместе с тем юная улыбка располагали к полному доверию. Между нами завязался разговор, быстро перешедший в дружескую беседу, он занимался такими научными вопросами, относительно которых мне было очень приятно знать его мнение».

В таких простых, стыдливых выражениях Мари опишет свою первую встречу, случившуюся весной 1894 года.

Один поляк, господин Ковальский, профессор физики во Фрейбургском университете, приезжает во Францию со своей женой, еще раньше познакомившейся с Мари в Щуках. Господин Ковальский читает в Париже доклады, присутствует на заседаниях Физического общества. Студентка поделилась с ним своими заботами. Общество поощрения национальной промышленности заказало ей работу о магнитных свойствах различных сортов стали, и она начала исследования в лаборатории профессора Липпманна. Но ей необходимо делать анализы минералов и распределять по группам образцы металлов, а это требует громоздких установок — чересчур громоздких для этой лаборатории, и без того перегруженной. Теперь Мари не знает, как ей быть, в каком помещении организовать опыты.

— У меня есть мысль, — ответил ей Ковальский после некоторого раздумья. — Я знаком с одним крупным ученым, который работает в Институте физики и химии, на улице Ломон. Может быть, у него найдется подходящее помещение. Во всяком случае, он вам даст нужный совет. Заходите к нам завтра вечером после обеда. Я попрошу этого молодого человека прийти. Вы, наверно, слышали о нем — его зовут Пьер Кюри.

В течение вечера, проведенного в комнате тихого, семейного пансиона, где поселились Ковальские, непосредственная взаимная симпатия сближает двух физиков — француза и польку.

У Пьера Кюри совсем особенное обаяние, сочетающее большую серьезность с беспечной мягкостью. Он высокого роста. Ему очень идет свободная одежда немодного, широкого покроя. Он обладает естественным изяществом, сам не подозревая о том. Кисти рук удлиненные. Правильное, малоподвижное лицо с жесткой бородкой. Оно красиво благодаря бесподобному ясному взгляду кротких глаз. Он всегда сдержан, никогда не повышает голоса.

При том состоянии цивилизации, когда умственное превосходство не всегда сочетается с высокой нравственностью, Пьер Кюри является единственным образцом подлинного человека: в нем объединяются могучий ум и благородная душа.

То влечение, какое он почувствовал с самого начала к малоразговорчивой иностранке, усилилось любопытством. Эта мадемуазель Склодовска поистине удивительная личность. Оказывается, она полька и приехала из Варшавы слушать лекции в Сорбонне. В прошлом году первой выдержала экзамены и получила диплом по физике, а через несколько месяцев— диплом по математике. А если между ее пепельно-серыми глазами залегла маленькая складка озабоченности, так это оттого, что она не знает, где ей устроиться со своей аппаратурой для исследования магнетизма в различных сортах стали.

Разговор, сначала общий, скоро переходит в научный диалог между Пьером Кюри и Мари Склодовской. Девушка с оттенком почтительности задает вопросы и слушает указания Пьера. В свою очередь, он рассказывает о своих планах, описывает явления кристаллизации. Он ими сильно заинтересован и сейчас занят установлением их закономерностей. Как это странно, думает Кюри, говорить с молодой очаровательной женщиной о любимой работе, употребляя технические термины, называя сложные формулы, и в то же время видеть, что она одушевляется, все понимает и даже возражает по некоторым частностям с ясным пониманием дела… Как это приятно!

Он смотрит на волосы, на выпуклый лоб Мари, на ее руки, пострадавшие от кислот в лаборатории и от домашних работ у себя дома. Ее прелесть, особенно заметная благодаря отсутствию кокетства, сбивает его с толку. Он вспоминает, что говорил ему Ковальский об этой девушке, когда приглашал его к себе: прежде чем сесть в поезд на Париж, она работала годами, у нее нет денег, живет одна, в мансарде…

— Вы навсегда останетесь во Франции? — спрашивает он

мадемуазель Склодовску, сам не зная почему.

По лицу Мари пробегает тень. И она говорит своим певучим голосом:

— Конечно, нет. Если этим летом я выдержу окончательный экзамен, то вернусь в Варшаву. Мне бы хотелось опять приехать сюда осенью, но не знаю, хватит ли у меня на это средств. Позже я стану профессором в Польше и постараюсь быть полезной. Поляки не имеют права бросать свое отечество.

Вмешиваются Ковальские, и разговор переходит на тяжкие стеснения поляков. Три изгнанника вспоминают о родной земле, обмениваются новостями о родных, друзьях. Удивленный и чем-то недовольный, Пьер Кюри слушает рассуждения Мари о своих патриотических обязанностях.

Всецело поглощенный физикой, ученый не понимает, как эта исключительно одаренная девушка может быть занята хоть одной мыслью вне области науки и в своих планах будущего намереваться тратить силы на борьбу с царизмом.

Ему хотелось бы ее увидеть еще раз.

* * *

Кто такой Пьер Кюри?

Даровитый французский ученый, малоизвестный в своей стране, но высоко ценимый своими заграничными собратьями.

Родился в Париже, на улице Кювье, 15 мая 1859 года. Он второй сын врача Эжена Кюри, тоже сына врача. Эта семья эльзасского происхождения и протестантского вероисповедания. Кюри, когда-то скромные мещане, становились из поколения в поколение людьми образованными, учеными. Отец Пьера, вынужденный заниматься врачебной практикой для заработка, был горячим поклонником научных исследований. Он занимал место препаратора в лаборатории музея естественной истории и написал несколько работ о противотуберкулезных прививках.

Обоих сыновей, Жака и Пьера, еще с. детства влекла к себе наука. Пьер с независимым умом, мечтатель, не мог поладить с дисциплиной и систематическим трудом в лицеях. Доктор Кюри понял, что этот очень своеобразный мальчик никогда не станет блестящим учеником в школе, поэтому сначала занимался его образованием сам, а затем поручил его отличному преподавателю — господину Базиллю.

Свободное воспитание приносит свои плоды: Пьер в шестнадцать лет сдает экзамен зрелости, а восемнадцати — получает диплом лиценциата. Еще через год он занимает место

препаратора у профессора Дезена на факультете естествознания и остается на этой должности пять лет. Он занимается научными исследованиями вместе с братом Жаком, тоже лиценциатом и препаратором в Сорбонне. Вскоре два юных физика совместно заявляют о своем открытии очень важного явления — пьезоэлектричества, а экспериментальная работа приводит их к изобретению нового прибора — пьезоэлектрического кварца, позволяющего измерять с точностью самые ничтожные количества электричества. В 1883 году братья с грустью расстаются. Жак назначен профессором в Монпелье, Пьер возглавляет практические научные работы студентов в Парижском институте физики и химии. Хотя это и отнимает у него много времени, Пьер продолжает свои теоретические работы по физике кристаллов. Эти работы заканчиваются изложением «Принципа симметрии», который станет одною из основ современной науки.

Взявшись за свои экспериментальные работы, Пьер Кюри изобретает и конструирует для научных целей ультрачувствительные весы, так называемые «весы Кюри», затем предпринимает ряд исследований по магнетизму и достигает блестящего результата, открыв основной закон — «закон Кюри».

За эти достижения, имевшие блистательный успех, за постоянные заботы о порученных ему тридцати учениках Пьер Кюри в 1894 году, после пятнадцати лет работы, получает от французского правительства месячный оклад в триста франков — почти столько же, сколько квалифицированный рабочий на заводе.

Когда знаменитый английский ученый лорд Кельвин приехал в Париж, он отправился в Физическое общество слушать доклад Пьера Кюри. Этот прославленный старик пишет письмо молодому физику, говорит с восхищением о его работах и просит назначить личное свидание.

Лорд Кельвин — Пьеру Кюри, август 1893 года.

«Дорогой господин Кюри, бесконечно благодарен Вам, что Вы потрудились доставить мне созданный Вами с братом аппарат, который дает мне возможность так удобно наблюдать великолепное экспериментальное явление пьезоэлектрического кварца.

Я написал заметку для «Философского журнала», уточнив, что Ваши работы предшествовали моим работам. Эта заметка, вероятно, попадет вовремя, чтобы появиться в октябрьском номере, а если нет, то уже, наверно, в ноябре…»

3 октября 1893 года:

«Дорогой господин Кюри, надеюсь завтра вечером быть в Париже и был бы Вам очень признателен, если бы Вы могли назначить, в какое время, с этого дня до конца недели, будет Вам удобно разрешить мне явиться к Вам в лабораторию…»

Во время их свиданий, когда два ученых часами обсуждали научные вопросы, английский ученый с великим удивлением узнал, что Пьер Кюри работает без сотрудников, в жалком помещении, лучшее свое время отдает плохо оплачиваемым обязанностям и что почти никто в Париже не знает имени физика, на которого он, лорд Кельвин, смотрит как на мастера науки.

* * *

Пьер Кюри не только замечательный физик, но и человек совсем особого склада: когда некоторые лица предлагают ему выдвинуть свою кандидатуру на должность, которая улучшит его материальные условия, он отвечает:

— Мне сказали, что один из профессоров, быть может, уйдет в отставку, а в таком случае я должен выставить свою кандидатуру на его место. Быть кандидатом на чье-нибудь место — пакостное дело, я не привык к подобным упражнениям, в высшей мере развращающим человека. Я сожалею, что заговорили со мной об этом. Думаю, что нет ничего более зловредного для духа, как отдаваться таким заботам.

Представленный директором института физики к знаку отличия (академическим пальмам), Пьер отказывается в следующих выражениях:

«Господин Директор, господин Мюзэ сказал мне, что Вы имеете намерение снова предложить меня префекту для награждения знаком отличия.

Очень прошу это не делать. Если Вы выхлопочете это отличие, я буду вынужден отказаться от него, так как твердо решил не принимать никаких отличий любого рода. Надеюсь, что Вы избавите от поступка, который поставит меня в несколько смешное положение перед многими людьми.

Если Ваше намерение вызвано желанием доказать Ваше участие ко мне, то Вы это уже доказали и гораздо более действительным способам, дав мне средства для работы по моему желанию, чем я был очень тронут.

Примите уверения в моей преданности».

Пьер Кюри и писатель, во всяком случае мог бы стать

писателем. У этого человека, получившего такое фантастическое воспитание, есть свой стиль, своеобразный, изящный, крепкий.

Словом, в нем совмещались поэт и артист.

«Что будет со мной дальше? — писал он в дневнике за 1881 год. — Я очень редко целиком принадлежу себе; обычно часть моего существа спит. Мне кажется, что с каждым днем мой ум все больше увядает. Прежде я пускался в рассуждения, научные, да и другие, теперь же я чуть касаюсь тем и не даю себе растворяться в них целиком. А как много, много мне надо сделать!

Бедный мой ум, неужели ты так слаб, что не в силах воздействовать на мое тело? О мои мысли! Отчего вы не можете всколыхнуть мой бедный ум. Значит, вы ничтожны! А вы, самолюбие и честолюбие, разве вы не могли бы хоть подтолкнуть меня, неужели вы позволите мне жить такой жизнью? Я больше всего готов поверить в свое воображение, в то, что оно вытащит меня из обычной колеи, быть может, оно прельстит мой ум и увлечет его вслед за собой, но боюсь, что оно умерло…»

* * *

Поэт, а вместе с ним и физик был покорен Мари Склодовской. Пьер Кюри мягко, но настойчиво ищет сближения с польской девушкой. Два или три раза он виделся с ней на заседаниях Физического общества, где она слушала сообщения ученых о новых исследованиях. В знак уважения он послал ей отдельный оттиск своей последней статьи «О симметрии в физических явлениях. Симметрия электрического и симметрия магнитного поля», а на первой странице надписал: «Мадемуазель Склодовской в знак уважения и дружбы автора». Он заприметил ее в лаборатории у Липпманна, где она, одетая в парусиновый халат, стояла, молча склонившись над своей аппаратурой.

Позже он попросил у нее разрешения явиться к ней с визитом. Мари дала ему свой адрес: улица Фейянтинок, 11. Дружески-сдержанно она приняла его в своей комнатке, и Пьер, скорбя душой при виде такой бедности, все же оценил тончайшее созвучие между этой личностью и обстановкой. Никогда еще Мари не казалась ему такой красивой, как в этом убогом прибежище, в поношенном платье, с пылким и упрямым выражением лица. Ее молодая фигура, похудевшая от аскетического существования, не могла найти для себя лучшего обрамления, чем запустелая мансарда.

Проходит несколько месяцев. По мере роста уважения и симпатии в их отношениях друг к другу крепнет дружба, растет интимность, взаимное доверие. Пьер Кюри уже пленен этой полькой с ясным и развитым умом. Он подчиняется ей и прислушивается к ее советам. Под ее влиянием он вскоре сбрасывает с себя ленивую беспечность, снова берется за свои работы по магнетизму и блестяще защищает докторскую диссертацию.

Сама Мари считает себя пока свободной. По-видимому, она не расположена услышать решительный вопрос, а ученый-физик не решается его задать.

В этот вечер, быть может в десятый раз, сошлись они в комнатке на улице Фейянтинок. Июнь, прекрасная погода, послеобеденное время. На столе среди книг по математике, необходимых для подготовки к наступающим экзаменам, стоит стакан с несколькими белыми ромашками, принесенными Пьером и Мари из совместной прогулки. Мари наливает чай, подогретый на неизменной спиртовке.

Физик только что рассказывал подробно об одной своей

работе, которой сейчас занят. Затем сразу, без перехода, говорит:

— Мне бы хотелось, чтобы вы познакомились с моими родителями. Я живу с ними в Со, где нанимаем домик. Они превосходные…

И он описывает Мари своего отца, высокого, нескладного старика, с живыми голубыми глазами, очень умного, кипучего, бурливого, как молочный суп, и в то же время на редкость доброго; свою мать, удрученную недугами, но искусную хозяйку, мужественную и веселую. Припоминая свое фантастическое детство, описывает бесконечные блуждания по лесам вдвоем с братом Жаком.

Мари слушает и удивляется: сколько совпадений, сколько, таинственного сходства! Только переменить некоторые частности, перенести домик из Со на одну из варшавских улиц, и семья Кюри превратится в семью Склодовских. Если отбросить религиозный вопрос (доктор Кюри — вольнодумец и антиклерикал— не крестил своих сыновей), это такая же разумная и честная семья. То же уважение к культуре, такая же любовная сплоченность между родителями и детьми, то же пристрастие к природе.

Мари веселеет и с улыбкой на лице рассказывает о своих веселых каникулах в польской деревне, в такой же, какую она вновь увидит через несколько недель.

— Но в октябре вы вернетесь? Обещайте, что приедете опять. Если вы останетесь в Польше, вам будет невозможно продолжать свои занятия. Теперь вы не имеете права бросать науку.

В этих словах Пьера сказывается глубокое, томительное беспокойство. Мари понимает, что словами: «Вы не имеете права бросать науку» — он хочет сказать: «Вы не имеете права бросать меня».

Долгое время они молчат. Затем Мари, подняв на Пьера свои пепельно-серые глаза, отвечает еще не твердым голосом:

— Думаю, что вы правы. Мне очень хотелось бы вернуться.

* * *

Пьер несколько раз возобновлял разговор о будущем. Наконец он прямо предложил Мари стать его женой. Но эта попытка потерпела неудачу. Выйти замуж за француза, навсегда бросить свою семью, отказаться от патриотической деятельности, расстаться с Польшей — все это казалось панне Склодовской каким-то ужасным предательством. Она не может! Не должна! Она блестяще выдержала экзамены, и теперь надо ехать в Варшаву, по крайней мере на лето, а может быть, и навсегда. При

расставании с опечаленным Пьером она предлагает ему дружбу, уже недостаточную для него, и садится в поезд, ничего не пообещав.

Тогда он издали продолжает вести начатое дело. Где бы ни была Мари за это лето — в Креттаже, Львове, Кракове или в Варшаве, ее настигают письма, написанные корявым, немного детским почерком, они стремятся убедить, вернуть ее обратно, напоминая, что ее ждет Пьер Кюри.

Письма прекрасные, чудесные…

Пьер Кюри — Мари Склодовской, 10 августа 1894 года:

«Ничто не доставляет мне такого удовольствия, как вести о Вас. Перспектива ничего не слышать о Вас в течение двух месяцев представлялась мне крайне неприятной, а это значит, что присланное Вами письмецо было желанной вестью.

Надеюсь, что Вы запасаетесь хорошим воздухом и в октябре вернетесь к нам. Что касается меня, то я не собираюсь путешествовать, а остаюсь в деревне, где целыми днями сижу у своего окна или в саду.

Мы дали обещание друг другу (неправда ли?) быть по крайней мере в большой дружбе. Только бы Вы не изменили своего намерения. Ведь прочных обещаний не бывает; такие вещи не делаются по заказу. А все-таки как было бы прекрасно то, чему я не решаюсь верить, а именно — провести нашу жизнь друг подле друга, завороженными нашими мечтами: Вашей патриотической мечтой, нашей всечеловеческой мечтой и нашей научной мечтой.

Из всех них, по моему мнению, только последняя законна. Я хочу этим сказать, что мы бессильны изменить общественный порядок, да если б и могли, не знали бы, что делать, и, начав действовать в том или другом направлении, никогда бы не были уверены, а не приносим ли больше зла, чем добра, задерживая какое-либо неизбежное развитие. С научной точки зрения, как раз обратно, мы можем рассчитывать на некоторое достижение: в этой области почва крепче и вполне доступна, и как бы мало ни было, достигнутое — это приобретение.

Видите, как все сцепляется одно с другим. Мы условились быть близкими друзьями, но если через год Вы уедете из Франции, то дружба двух людей, которым не суждено видеться, будет уж слишком платонична. Не лучше ли остаться Вам со мной? Я знаю, что вопрос этот Вас раздражает, и я не стану больше говорить об этом, да я и сознаю: до какой степени не достоин Вас со всяких точек зрения.

У меня была мысль попросить у Вас разрешения встретиться с

Вами нечаянно во Фрейбурге. Но ведь, наверно, Вы там пробудете только один день, да и весь этот день Вы будете, конечно, принадлежать нашим друзьям Ковальским.

Будьте уверены в преданности вашего Пьера Кюри.

Я был бы счастлив, если бы Вы соблаговолили написать мне и заверить, что в октябре Вы собираетесь вернуться. Письма доходят до меня быстрее, если писать прямо в Со: Пьеру Кюри, 13, улица де Саблон в Со (Сена)».

Пьер Кюри — Мари Склодовской, 7 сентября 1894 года:

«…Как Вы и сами можете предполагать, Ваше письмо меня тревожит. Я горячо советую Вам вернуться в Париж в октябре. Меня крайне огорчит, если Вы не вернетесь в этом году. Не из дружеского эгоизма я говорю Вам: возвращайтесь. Мне только верится, что здесь Вы будете работать лучше и делать свое дело основательнее и с большей пользой.

Что подумали бы Вы о человеке, если бы ему пришло в голову пробить лбом стену из тесаного камня? А ведь такая мысль может явиться в результате наилучших побуждений, но по существу она нелепа и смешна.

Я полагаю, что определенные вопросы требуют общего решения и в настоящее время уже не допускают ограниченного, местного решения, а когда вступаешь на путь, который ведет в тупик, то можно наделать много зла. Я полагаю также, что справедливость не от сего мира и что самая крепкая система, или, вернее, самая экономная, та, которая одержит верх. Человек изнуряет себя работой, а все-таки живет нищи-м. Это возмутительное дело, но прекратится оно не по причине своей возмутительности. Вероятно, оно исчезнет потому, что человек — своего рода машина; а с точки зрения экономии выгодно пользоваться любой машиной по ее норме, не насилуя.

У Вас удивительные понятия об эгоизме: когда мне было двадцать лет, меня постигло большое горе, — я потерял очень любимую мной подругу детства и при ужасных обстоятельствах — у меня не хватает мужества рассказывать Вам все… После ее гибели меня и днем и ночью преследовала одна навязчивая мысль, мне доставляло какое-то удовольствие терзать самого себя. Затем я искренне стал жить, как живут священники, затем я дал себе обет интересоваться лишь вещами и больше не думать ни о людях, ни о самом себе. Уже впоследствии я часто спрашивал себя, не было ли это отречение от жизни простой уловкой перед самим собой, чтобы иметь право все забыть.

Можно ли в Вашей стране свободно переписываться? Я сильно сомневаюсь в этом и думаю, что впредь лучше не

заниматься в наших письмах такими рассуждениями, которые, несмотря на чисто философский их характер, могут быть дурно истолкованы и причинить Вам неприятности.

Если Вы соблаговолите мне писать, то адресуйте: 13, улица Саблон.

Ваш преданный друг Пьер Кюри».

* * *

Вот и октябрь. Сердце Пьера преисполнено счастьем. Мари исполнила обещание и вернулась в Париж. Ее видят и на лекциях в Сорбонне и в лаборатории Липпманна. Но в этом году — по ее предположениям, последнем во Франции — она живет уже не в Латинском квартале. Броня уступила ей комнату при своем приемном кабинете, который она открыла на улице Шатоден, 39. Так как Длусские живут на улице Ля Вийет и Броня приходит на улицу Шатоден только днем, Мари может работать там спокойно.

В этой-то мрачной, немного печальной комнате Пьер продолжает говорить ей о своих чувствах. По-своему он так же упорен, как Мари. В нем сидит та же вера, что и у будущей его жены, но еще более целостная, еще. более свободная от всякой примеси. Наука для него — единственная цель. Поэтому его любовная история своеобразна, почти невероятна, поскольку в ней перемешиваются в одно и сердечное влечение и основное стремление его ума. Человека науки тянет к Мари и порыв страсти и в то же время высшая потребность.

Он готов пожертвовать тем, что люди зовут счастьем, ради счастья, известного только ему. Он предложил Мари проект, на первый взгляд, до того ошеломительный, что мог бы сойти за хитрость, но в действительности вполне логично вытекавшей из натуры Пьера. Если Мари его не любит, то не согласится ли она на чисто дружескую сделку: работать в квартире на улице Муфта р, где окна выходят на сады, а всю квартиру можно разделить на две независимые друг от друга половины?

Или же он, Пьер Кюри, поселится в Польше, но ведь тогда ей неизбежно придется выйти за него замуж? Вначале он будет давать уроки французского языка, а после, худо ли, хорошо ли, он вместе с ней займется научною работой.

Перед бывшей наставницей, когда-то встретившей пренебрежение со стороны семьи польских помещиков, является скромным просителем этот единственный в своем роде человек.

Мари делится с Броней своими колебаниями и рассказывает о предложении Пьера, о его готовности покинуть родину. Она

лично не считает себя вправе принять такую жертву, но потрясена самим фактом подобного предложения со стороны Пьера.

Узнав, что Мари говорила о нем у Длусских, Пьер предпринимает натиск и с этой стороны. Он заходит к Броне, с которой уже не один раз встречался, и всецело привлекает ее на свою сторону и приглашает вместе с Мари в Со, к своим родителям. Супруга доктора Кюри уводит Броню в сторону, настойчиво и проникновенно просит ее подействовать на младшую сестру.

— Нет в мире человека такого, как мой Пьер, — говорит она. — Пусть ваша сестра не колеблется. Ни с кем она не будет так счастлива, как с ним.

Но пройдет еще десять месяцев, прежде чем эта полька свыкнется с мыслью о замужестве. Как истая «развитая» славянка, Мари обуреваема всякими теориями о жизни, о своем долге. Некоторые из ее теорий прекрасны и великодушны, другие — одно ребячество. Конечно, не они — и Пьер это давно понял — определяют превосходство Мари как человека. Ученый невысоко ценит те жизненные правила, какие у Мари являются общими с несколькими тысячами ее культурных соотечественников. То, что его держит и так чарует в ней, — это ее полная преданность научной работе, предчувствие ее одаренности, а также ее мужество и благородство. У этой изящной девушки и характер и дарования большого человека.

А ее правила? Но ведь он тоже долго жил по правилам, пока жизнь не взялась показать ему всю их нелепость. Он тоже давал себе слово не жениться. Трагический конец пылкой любви в юности принудил его уйти в самого себя и вычеркнул женщин из его жизни. Он решил никогда не влюбляться. Это благотворное правило охранило его от пошлого союза и сберегло для встречи с женщиной редкой, созданной для него. Теперь он не совершит глупости, упустив возможность большого счастья и чудесного сотрудничества. Он хочет, чтобы эта девушка, эта полька, эта женщина-физик, ставшая для неп> необходимой, принадлежала ему.

Свои намерения он мягко излагает мадемуазель Склодовской. Благодаря такого рода разговорам, да и другим, более нежным, благодаря взятой над ней опеке, благодаря непреодолимому, глубокому очарованию своей личности в их ежедневных встречах Пьер Кюри мало-помалу превращает былую отшельницу в живого человека.

* * *

14 июля 1895 года брат Мари, Иосиф, присылает ей из Варшавы теплое согласие семейства Склодовских:

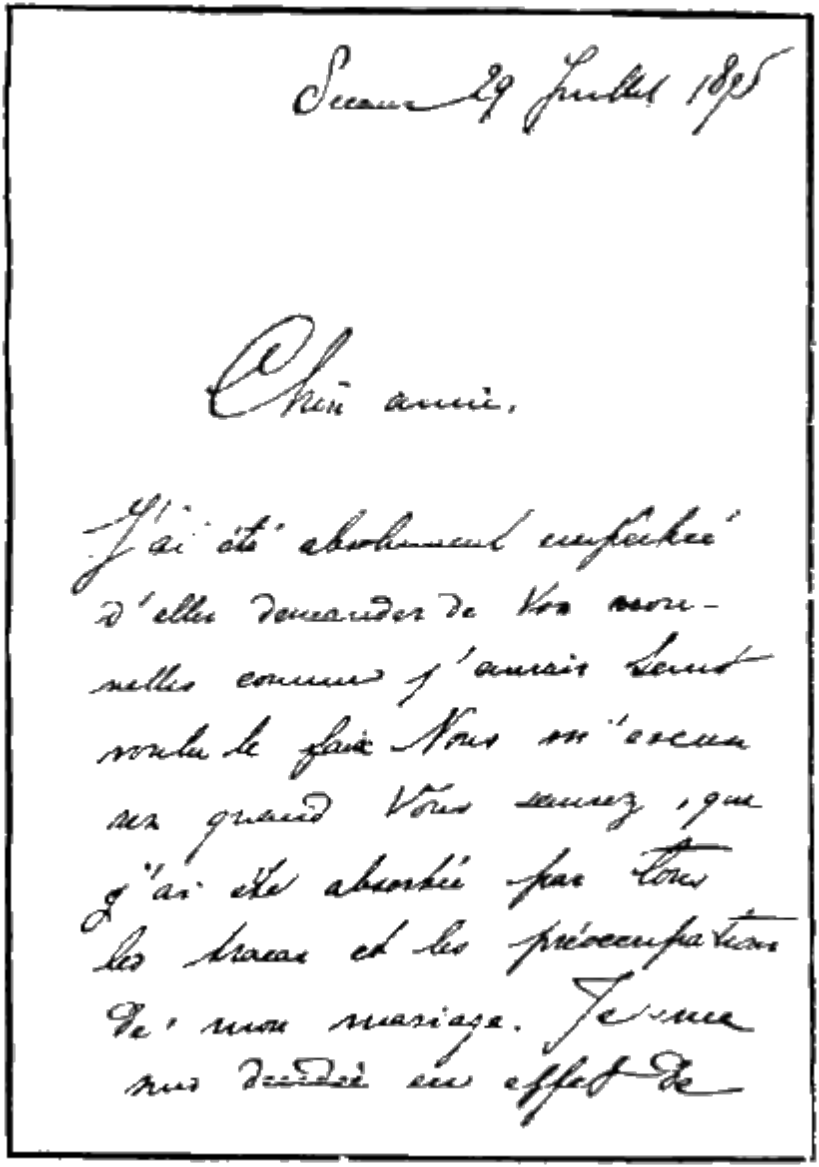
«…Поскольку ты теперь невеста господина Кюри, я прежде всего шлю тебе мои самые искренние пожелания найти в замужестве столько же счастья и радости, сколько ты заслуживаешь, и по моему мнению и по мнению всех, кто знает твое прекрасное сердце и твой характер.

Я думаю, что ты права, следуя велению сердца, и ни один справедливый человек не может упрекнуть тебя за это. Зная тебя, я убежден, что всей своей душой ты навсегда останешься полькой, а своим сердцем никогда не перестанешь быть членом нашего семейства. Мы тоже никогда не перестанем тебя любить и смотреть на тебя, как на родную.

…Для меня во сто раз лучше знать, что ты живешь в Париже счастливой и довольной, чем видеть тебя здесь сокрушенной, если бы ты вернулась на родину ценою своей разбитой жизни и жертвой чересчур утонченного представления о своем долге. Теперь во что бы то ни стало мы должны видеться как можно чаще. Целую тебя сто раз, дорогая Маня, и еще раз желаю тебе счастья, радости, успеха. Передай своему жениху мой теплый привет. Скажи ему, что я с удовольствием принимаю его как будущего члена нашей семьи и предлагаю ему мою безусловную дружбу и симпатию. Надеюсь, что и он будет питать ко мне уважение и дружбу.

Искренне любящий тебя брат

Иосиф»



Автограф письма Мари Кюри

Спустя несколько дней Мари пишет своей подруге Казе и сообщает о своем важном решении.

«Когда получишь это письмо, твоя Маня уже переменит свою фамилию. Я выхожу замуж за того человека, о котором говорила

тебе в Варшаве прошлым летом. Мне очень прискорбно остаться навсегда в Париже, но что поделаешь? Судьбе было угодно, чтобы мы глубоко привязались друг к другу, и мысль о разлуке для нас невыносима.

Я не писала тебе потому, что все решилось совсем недавно и очень быстро. Целый год я колебалась и не знала, на что решиться. В конце концов я примирилась с мыслью остаться здесь. Как только получишь это письмо, напиши мне:

Мадам Кюри. Институт физики и химии, улица Ломон, 42.

Так буду я зваться впредь. Мой муж — профессор в этом институте. В будущем году я привезу его в Польшу познакомить с моей родиной и представлю его непременно моей названой сестре, а ее попрошу любить его».

25 июля 1895 года Мари в последний раз просыпается в комнате на улице Шатоден. Чудесная, ясная погода. В лице девушки что-то новое, сияющее, чего не знали ее университетские подруги. Сегодня панна Склодовская станет мадам Пьер Кюри.

Она причесывает свои восхитительные волосы, надевает подвенечное платье — подарок старухи матери Казимира Длусского.

«У меня нет платья, кроме того, что на мне, — сказала ей Мари. — Если вы так добры и собираетесь подарить мне другое, то мне бы хотелось темное, вполне практичное, какое я могла бы потом носить в лаборатории». Под руководством Брони мелкая портниха с улицы Данкур, мадам Гле, сшила костюм из темно-синей шерстяной материи и синюю блузку со светло-голубыми полосками, которая так красит, так молодит Мари.

Мари по душе сама идея сегодняшнего бракосочетания, этого большого дня, обещающего быть даже в мелочах не таким, как у всех. Ни белого платья, ни золотых колец, ни «свадебного пира». Никакого церковного обряда: Пьер — вольнодумец, а она перестала ходить в церковь Не будет и нотариуса, так как у брачащихся нет ровно ничего, ничего, кроме двух сверкающих велосипедов, купленных вчера благодаря свадебному подарку одного родственника; летом они на них станут ездить за город.

Да, их свадьба будет прекрасной, ее свидетелем не станут ни равнодушие, ни пустое любопытство, ни зависть. У мэра в Со и у родителей Пьера, в саду на улице Саблон, будут Броня, Казимир, несколько самых близких друзей из университета и приехавший из Варшавы вместе с Элей старик Склодовский, считающий вопросом своей чести говорить со старым доктором Кюри на безупречном французском языке.

Прежде всего он ему скажет взволнованно, но тихо слова, идущие от доброты его души:

— Мари будет вам дочерью, достойною любви. Никогда, со дня своего появления на свет, она ничем меня не огорчала.

* * *

Пьер зашел за Мари на ее квартиру. Им надо ехать до Люксембургского вокзала и сесть на поезд, идущий в Со, где ждут родные. Сидя на империале омнибуса, при веселом свете солнца они едут вдоль бульвара Сен-Мишель и с высоты своей триумфальной колесницы смотрят на проходящие перед глазами знакомые места.

Проезжая перед Сорбонной, мимо входа на факультет естествознания, Мари чуть крепче сжимает локоть Пьера, ловя глазами его сияющий, умиротворенный взгляд.

Глава XI

Молодожены

Чудесны первые дни совместной жизни. На своих знаменитых велосипедах Пьер и Мари разъезжают по дорогам Иль-де-Франса. В багажники втиснуто кое-что из платья и два длинных резиновых плаща, купленных поневоле — из-за дождливого лета. Усевшись на мшистой полянке где-нибудь в лесу, они завтракают хлебом с сыром, горстью персиков и вишен. Вечером останавливаются в первой попавшейся гостинице. Там они получают густой горячий суп и комнату, оклеенную выцветшими обоями, по которым пляшут тени от свечи.

Когда им хочется обследовать лесные заросли или скалы, они прерывают свое путешествие прогулкой пешком. Пьер страстно любит природу, и, несомненно, длинные молчаливые прогулки необходимы его дарованию, ровный ритмичный шаг способствует размышлениям ученого. Он не может оставаться бездеятельным даже в саду. Он не умеет «просто отдыхать». Не любит и классических прогулок по намеченным маршрутам. Не признает определенности во времени. Почему принято гулять только днем, а не ночью, зачем назначать точные, неизменные часы для еды? Пьер привык с детства уходить из дому как-то вдруг, то на утренней заре, то в сумерках, не зная, вернется ли он через час, или через три дня. О своих блужданиях вместе с братом он сохранил удивительные воспоминания:

«О! Как хорошо провел время в этом благодатном безлюдье, вдали от множества досадных мелочей, терзающих меня в

Париже. Нет, я не жалею о своих ночах в лесу и днях, проведенных в одиночестве. Будь у меня свободное время, я дал бы себе волю рассказать о множестве разнообразных грез, каким я предавался там. Хотелось бы мне описать мою прелестную долину, благоухающую ароматами растений, красивый бор, густой и влажный, пересеченный речкой Бьевр, дворец фей с колоннами, затянутыми хмелем, скалистые холмы, все красные от вереска, где было так приятно посидеть. Да, постоянно, с глубокой благодарностью я буду вспоминать о лесе; из всех знакомых уголков это мой самый любимый, и в нем я чувствовал себя наиболее счастливым. Я уходил туда нередко вечером и шел моей долиной, и оттуда я возвращался с двумя десятками разнообразных мыслей в голове…»

Сегодня Пьер и Мари, оставив велосипеды в крестьянском домике и захватив с собой только компас и фрукты, шествуют по тропке куда-то наугад. Пьер идет впереди широким шагом, Мари, не отставая, следует за ним. Нарушая приличия, она укоротила юбки, чтобы идти свободнее. Голова не покрыта. На Мари белая, чистенькая, хорошенькая блузка, талия стянута кожаным, не очень изящным, но практичным поясом с кармашками, где лежат перочинный нож, деньги и часы.

Даже не оборачиваясь, чтобы уловить взгляд своей жены, Пьер громко излагает ход своих мыслей и говорит о трудности одной работы по кристаллографии. Он знает, что Мари слушает его, что она ему ответит, и ответ ее будет умным, оригинальным и полезным. У нее тоже большие планы. Она намерена подготовиться к конкурсу на получение звания преподавателя в высшей школе и почти уверена, что директор Института физики Шютценбергер даст ей разрешение заниматься исследованиями в той же лаборатории, где работает и Пьер. Быть все время вместе! Никогда не расставаться!

Пробираясь сквозь лесные заросли, они доходят до берега маленького пруда, кругом поросшего тростником. Пьер с детской радостью исследует флору и фауну этого стоячего болота. Он превосходно знает всех животных, наземных и водяных, саламандр, стрекоз, тритонов. В то время как жена его улеглась на берегу, он ловко пробирается по стволу упавшего дерева и с риском упасть и выкупаться тянется руками за желтыми ирисами, за бледными купавками, плавающими на воде.

Мари лежит неподвижно, почти дремля, и смотрит в небо, где проплывают облачка. Вдруг она вскрикивает, почувствовав на ладони что-то холодное и мокрое. Это зеленая трепещущая лягушка, которую Пьер осторожно положил ей на руку. Он это сделал не ради шутки: дружба с лягушками, на его взгляд, дело

вполне естественное.

— Пьер… Послушай, Пьер! — возмущается она, пугливо отстраняясь.

Физик обижен.

— Неужели ты не любишь лягушек?

— Люблю, но не у себя в руках…

— Совершенно напрасно, — говорит он невозмутимо, — это так занятно — разглядывать лягушку. Раскрой тихонько пальцы… Ну посмотри, какая она миленькая!

Пьер снимает с ее руки лягушку, и Мари облегченно улыбается. Он кладет лягушку на берег, возвращая ей свободу. Но ему уже надоела остановка, он идет дальше по тропинке. Мари вскакивает и следует за ним, украсив голову венком из кувшинок и желтых ирисов.

Вновь увлеченный неотступной мыслью о своей работе, Пьер сразу забывает и лес, и небо, и пруд, и лягушку. Он думает о малых и больших трудностях в своих исследованиях, о волнующих тайнах роста кристаллов. Описывает аппаратуру, какую собирается создать для нового опыта. И снова слышит голос Мари, ее ясные вопросы, ее разумные ответы.

В эти счастливые дни завязываются прекраснейшие из уз, какие когда-либо соединяли мужчину с женщиной. Два сердца бьются в унисон, два тела сливаются воедино, два одаренных мозга привыкают мыслить сообща. Мари нельзя было выйти замуж ни за кого другого, кроме этого физика, умного и благородного. Пьеру нельзя было жениться ни на какой другой женщине., кроме этой белокурой, живой и нежной польки, которая умеет быть на протяжении нескольких минут ребячливой и серьезной, товарищем и подругой, ученым и возлюбленной.

* * *

Теплое, чудесное лето! В середине августа молодые супруги устраиваются в Шантийи, на ферме под названием «Козочка»; ее отыскала та же Броня и сняла на несколько месяцев это тихое жилище. Пьер и Мари поселяют у себя старушку Длусскую, Казимира, Броню, их дочку Елену, по прозвищу «Лу», и старика Склодовского с Элей, продливших свое пребывание во Франции. Очарование поэтического дома, одиноко стоящего в лесу, населенном фазанами и зайцами и устланном листвою ландышей. Очарование дружбы, сблизившей между собой две расы и три поколения.

Пьер Кюри покорил семью своей жены. Ведет научную беседу

с месье Склодовским, очень серьезно разговаривает с трехлетней Лу, общей любимицей, хорошенькой, забавной и веселой. Иногда наезжают из Со доктор Кюри с женой. Тогда разговор оживляется, переходит с химии на медицину, на воспитание детей, к общим взглядам на Францию, на Польшу.

В Пьере нет и следа недоверия к иностранцам, как это часто бывает у наших польских патриотов. Он обольщен Склодовским и Длусскими. Чтобы доказать жене свою любовь к ним, он, несмотря на сомнения Мари, обязуется научиться польскому языку, самому трудному из европейских языков, а так как Польша уничтожена, то и самому бесполезному.

В «Козочке» Пьер проходит курс «ополячивания», а в Со, куда он увозит в сентябре свою жену, наступает очередь Мари «офранцуживаться». Ей только этого и надо. Мари тоже уже любит родителей мужа, теплота их чувств смягчит ее тоску, когда старик Склодовский с Элей уедут к себе в Варшаву.

Женитьба Пьера на бедной иностранке, взятой с мансарды Латинского квартала, не оскорбила, не удивила таких исключительных людей, как старики Кюри. Мари пленила их с первых минут знакомства. И дело было не только в ее «славянском обаянии». Их удивляет и ее мужской ум и ее характер.

В числе новых впечатлений от окружавшей среды в Со ее поразила пылкая политическая страстность свекра и его друзей. Доктор Кюри, увлеченный идеями 1848 года, был в близких отношениях с радикалом Анри Бриссоном. Характер у него боевой. Мари, воспитанная в борьбе против чужеземных угнетателей и преданности мирному общественному идеалу, знакомится теперь с партийными раздорами, которые так нравятся французам. Она прислушивается к длинным прениям, к изложению кипучих теорий, задорных, но и великодушных. Устав от них, она бежит к мужу, молчаливому мечтателю, стоящему в стороне от этих споров. Если воскресные гости стараются втянуть и Пьера в дружеское обсуждение событий сегодняшнего дня, физик мягко, как бы извиняясь, говорит им: «Я недостаточно крепок, чтобы приходить в гнев!»

Только дело Дрейфуса явилось тем редким случаем, когда Пьер Кюри потерял свою обычную сдержанность и бросился в политическую борьбу. Но и в этом случае поведение его диктовалось не каким-нибудь сектантством: вполне естественно, он стал на сторону невинного и преследуемого человека. Просто, как человек справедливый, он вступил в бой с вызывавшей в нем отвращение неправедностью.

* * *

В новой квартире на улице Гласьер, 24, где с октября поселились молодожены, окна смотрят на деревья большого сада. Это единственная прелесть квартиры, на удивление лишенной комфорта.

Мари и Пьер ничего не сделали для украшения трех маленьких комнат. Даже отказались от меблировки, предложенной им доктором Кюри. Каждый диван, каждое кресло только лишний предмет для стирания пыли по утрам и наведения лоска в дни общей уборки. У Мари нет ни возможности, ни времени для этого. Да и к чему все эти диваны, кресла, раз молодые Кюри с обоюдного согласия отменили у себя гостей и вечеринки? Назойливый посетитель, взобравшийся на пятый этаж с целью потревожить молодых супругов в их берлоге, потеряет к этому всякую охоту, когда попадет в «кабинет» с голыми стенами, книжным шкафом и столом из простых досок. У одного конца стола стоит стул для Мари, у другого — для Пьера. На столе книги по физике, керосиновая лампа и букет цветов. Ничего больше. Очутившись перед двумя стульями и изумленными взорами Мари и Пьера, самому дерзновенному не оставалось ничего другого, как бежать…

Пьер жил для одной идеальной цели: заниматься научными исследованиями бок о бок с любимой женщиной, живущей тем же интересом к научному исследованию. Жизнь Мари сложнее — помимо любимого труда, на нее падают все будничные, утомительные обязанности замужней женщины. Теперь она не может пренебрегать материальной стороной жизни так, как в свои студенческие годы. Первой ее покупкой после возвращения с каникул была счетоводная тетрадь в черном переплете с многозначительной надписью золотыми буквами «Расход».

Пьер получает в Институте физики пятьсот франков в месяц. Пока Мари не получит диплома на право преподавания во Франции, эти пятьсот франков останутся единственным средством существования супружеской четы.

Все было бы прекрасно: на эти деньги скромная семья может жить прилично. Беда в том, что надобно вместить в двадцать четыре часа все утомительные дела на данный день. Большую часть времени Мари проводит в лаборатории института, где ей отвели собственное место. Лаборатория, конечно, — счастье! Но ведь там, на улице Гласьер, нужно убрать постель, вымести паркет. Надо, чтобы у Пьера было в полном порядке платье и приличная еда. А прислуги нет…

Мари встает очень рано, чтобы сходить на рынок, а в конце

дня, возвращаясь под руку с Пьером из института, заходит к бакалейщику, к молочнику. Где те времена, когда беспечная мадемуазель Склодовская не ведала странных ингредиентов, необходимых для приготовления бульона? Мадам Кюри считает долгом чести это знать! Как только вопрос о замужестве был окончательно решен, вчерашняя студентка стала брать тайные уроки по части кухни у Брони и старухи Длусской. Научилась жарить картофель и цыплят и честно готовит кушанья для Пьера, а он — сама снисходительность, да к тому же так рассеян, что даже не замечает ее стараний.

Она изобретает блюда, не требующие больших хлопот, — способные «доходить» сами собой за те часы, когда она бывает в институте. Но кухня оказывается делом не легче химии и так же полна тайн! В какую воду класть говядину — в холодную или в горячую? Сколько времени варить зеленую фасоль? Стоя у плиты, Мари с красными от жара щеками тяжко вздыхает. Насколько проще было раньше, когда она питалась хлебом с маслом, чаем, редиской, вишнями!

Мало-помалу Мари набирается хозяйственной мудрости. Газовый шкаф, несколько раз превращавший жаркое в уголь, теперь понял свои обязанности. Перед уходом Мари регулирует пламя с точностью физика, затем, окинув тревожным взглядом доверенные огню кастрюли, запирает входную дверь, скатывается с лестницы и догоняет мужа, чтобы идти с ним вместе в институт.

Через четверть часа, склонясь над приборами другого вида, она так же старательно отрегулирует высоту пламени лабораторной горелки.

* * *

Восемь часов на научные исследования, три на домашние дела. Но это еще не все. Вечером, расписав дневной бюджет по рубрикам с пышными названиями — «расход на мужа», «расход на жену», Мари Кюри садится у дощатого стола и самозабвенно готовится к конкурсу на звание преподавателя. По другую сторону лампы Пьер, наклонив голову, составляет программу своего нового курса в Институте физики. Временами, почувствовав на себе его взгляд, Мари поднимает глаза. Любящие друг друга мужчина и женщина обмениваются улыбкой. До двух-трех часов ночи еще светится огонь у них в квартире, а в кабинете о двух стульях слышится нежное пианиссимо в шорохе переворачиваемых страниц и торопливого пера.

Мари — Иосифу Склодовскому, 28 ноября 1895 года.

«…У нас все благополучно: мы здоровы и жизнь нас милует. Мало-помалу устраиваю нашу квартиру, но рассчитываю сохранить в ней стиль, не вызывающий никаких хлопот и не требующий ухода, так как я мало пользуюсь чужими услугами: на один час в день приходит женщина вымыть посуду и сделать черную работу. Я сама готовлю и веду хозяйство.

Через каждые несколько дней мы ездим в Со навестить родных мужа. Это не нарушает нашей работы. Нам предоставлены две смежные комнаты на втором этаже, что нам и требуется: там мы чувствуем себя как дома и можем свободно делать ту часть нашей работы, какую нельзя выполнить в лаборатории.

В хорошую погоду мы ездим в Со на велосипедах, а железной дорогой пользуемся только в том случае, если дождь льет как из ведра.

Мои «доходные предприятия» пока не определились, надеюсь получить в этом году одну работу, которую буду выполнять в лаборатории. Это работа полунаучная, полутехническая, и я предпочла бы ее урокам».

В конкурсе на звание преподавателя средней школы Мари заняла первое место. Не говоря ни слова, Пьер покровительственно и гордо обнимает свою польку. Обнявшись, они доходят до улицы Гласьер… и в ту же минуту накачивают шины своих велосипедов, увешанных пакетами. В Овернь — на разведку!

Как щедро тратят оба супруга свои умственные и физические силы! Даже их каникулы — это какой-то разгул человеческой энергии.

«Лучезарное воспоминание, — будет писать потом Мари, — осталось у нас об одном солнечном дне, когда после длинного, тяжелого подъема ехали по зеленым лугам Обрана, в чистом воздухе высоких плато.

Другое яркое. воспоминание оставил один вечер, в долине Трюйер, где уже в сумерках мы задержались, наслаждаясь народной песней, что неслась с лодки, плывшей по течению, и замирала где-то вдали. Плохо рассчитав время переездов, мы не могли добраться до нашей квартиры раньше утренней зари из-за встречи с какими-то телегами: лошади испугались велосипедов, и нам пришлось срезать наш путь по вспаханным полям; затем мы снова попали на дорогу по высокому плато, залитому нереальным лунным светом, и только сонные коровы, ночевавшие в загонах, подходили к загородке и степенно разглядывали нас большими, спокойными глазами».

* * *

Второй год замужества. От первого он отличается лишь состоянием здоровья Мари, нарушенного ее беременностью. Мадам Кюри хочет иметь ребенка, но чувствует она себя настолько слабой, что с трудом может стоять перед своей аппаратурой. И она жалуется.

Мари — Казе, 2 марта 1897 года:

«Дорогая Казя, я запоздала поздравить тебя с днем рождения, но за последнее время я чувствую себя очень больной, а это лишает меня энергии и свободы ума, необходимых для писания.

У меня будет ребенок, но надежда на него осуществляется жестоким образом. Больше двух месяцев у меня постоянные головокружения, и это с утра до вечера — весь день. Я сильно утомляюсь и слабею, чувствую себя неспособной к работе и плохо в моральном отношении.

Мое состояние тем более меня тревожит, что моя свекровь тяжело больна…»

В июле 1897 года Пьер и Мари, уже два года почти не покидавшие друг друга ни на один час, впервые расстаются. Старик Склодовский приехал на лето в Париж и устроился вместе с Мари в гостинице «Рош-Гриз» в Пор-Блане, где он заботится о дочери, пока Пьер, задержавшийся в Париже, сможет присоединиться к ним.

Пьер — к Мари, июль 1897 года:

«Моя милая, дорогая девочка, которую люблю так сильно. Я получил сегодня твое письмо и очень счастлив. Здесь ничего нового, только мне очень не хватает тебя: моя душа ушла с тобой…»

Эти строки старательно написаны… по-польски, на том трудном языке, из которого физик усвоил наиболее нежные слова. Мари отвечает ему тоже на польском языке. Подбирает детские простые фразы, чтобы Пьеру было легче разобраться:

«Дорогой муж, погода прекрасная, солнце блещет, тепло. Я очень грущу по тебе, приезжай скорее. Жду тебя с утра до вечера, а тебя все нет. Я здорова, работаю, сколько могу, но книга Пуанкаре труднее, чем я думала. Мне надо поговорить о ней с тобой и вместе пересмотреть то, что для меня трудно».

Перейдя на французский язык в других письмах, начинающихся: «Моя горячо любимая детка», Пьер наспех описывает свою жизнь в Со и свою работу. Совершенно серьезно говорит о пеленках, кофточках и рубашечках для будущего

ребенка.

«…Сегодня отправил почтой посылку, на твое имя. Ты в ней найдешь две вязаные кофточки, кажется, от мадам П. Размер маленький и соответственного покроя. Маленький размер годится для кофточек эластичного вязанья, но из бумажной материи надо делать пошире. Тебе надо иметь кофточки двух размеров». И тут же подыскивает серьезные и редкостные слова для выражения своей любви: «…Я думаю о своей милой, наполняющей всю мою жизнь, и мне хотелось бы иметь новые способности. Мне кажется, если я сосредоточу свой ум только на тебе, как я сейчас сделал, я непременно увижу и самое тебя и чем ты занята, а вместе с тем дам тебе почувствовать, что в эту минуту я весь принадлежу тебе, — но образное представление мне не дается».

В начале августа Пьер мчится в Пор-Блан. Можно подумать, что, умиленный состоянием Мари на восьмом месяце беременности, он мирно проживет с ней это лето? Нисколько! Как безумные, или, вернее, как ученые, не сознавая того, что делают, они садятся на велосипеды и едут в Брест, совершая перегоны, не короче обычных. Мари все время утверждает, что не чувствует усталости, а Пьеру очень хочется верить этому. У него смутное представление о ней как о существе сверхъестественном, не подчиненном человеческим законам.

Однако в этот раз ее тело стало просить пощады, и Мари, к своему великому стыду, была вынуждена, прервав поездку, вернуться в Париж, где и родила 12 сентября дочь Ирэн, чудесного младенца, будущую обладательницу Нобелевской премии! Доктор Кюри присутствовал при родах, которые мадам Мари Кюри перенесла, стиснув зубы, но не вскрикнув.

Рождение не произвело никакого шума и обошлось недорого. В счетной тетради за 12 сентября под рубрикой «экстренные расходы» находим запись: «Шампанское — 3 франка. Телеграммы — 1 франк 10 сантимов». А в графе «болезни»: «Лекарство и сиделка — 71 франк 50 сантимов». Однако же расход семейства Кюри за сентябрь месяц — 430 франков 40 сантимов — настолько превысил норму, что Мари выразила свое недовольство, подчеркнув цифру 430 двумя гневными чертами.

* * *

Мысль о выборе между семейной жизнью и ученой карьерой даже не приходила в голову Мари. Она решила действовать на всех фронтах — любви, материнства и науки, — ничем не поступаясь. Страстное желание и воля ей обеспечили успех и тут.

Мари — пану Склодовскому, 10 ноября 1897 года:

«Я продолжаю сама кормить мою царевну, но за последнее время у нас возникли опасения, что я не в состоянии кормить. За три недели вес ребенка стал резко уменьшаться. У Ирэн плохой вид, угнетенный и безжизненный. В последние дни ей стало лучше. Если ребенок станет нормально прибавлять в весе, я буду продолжать ее кормить сама. В противном случае, возьму кормилицу, хотя это и огорчит меня и вызовет расход: ни за какие блага мира я не допущу ничего вредного для развития ребенка.

Погода стоит отличная, тепло, солнечно. Ирэн гуляет каждый день или со мной, или со служанкой. Я купаю ее в бачке для стирки».

Вскоре, по строгому предписанию врача, Мари пришлось бросить кормление дочери. Но утром, в полдень, вечером и ночью она сама сменяет на ней белье, купает, одевает, Кормилица гуляет с девочкой в парке Монсури, а в это время молодая мать трудится в лаборатории и пишет работу о магнитах, которая появится в «Известиях Общества поощрения отечественной промышленности».

В один и тот же год, с промежутком в три месяца, Мари дала миру своего первого ребенка и результат своих первых изысканий.

У нее много забот! Лаборатория, муж, дом, дочь. Плач Ирэн, у которой прорезываются зубки, или грипп, или какая-нибудь более мелкая напасть частенько нарушают домашний мир и вынуждают обоих физиков проводить бессонные, томительные ночи. Или же Мари в какой-то панике вдруг исчезает из Института физики и бежит в парк Монсури. Не потеряла ли кормилица свою питомицу? Нет… Она еще издали замечает кормилицу, колясочку, в которой шевелится что-то в белом.

Свекор оказался драгоценным помощником Мари. Доктор Кюри, потеряв. жену через несколько дней после рождения Ирэн, нежно привязался к ребенку. Он наблюдает за ее первыми попытками ходить в садике на улице Саблон.

Когда Пьер и Мари переедут с улицы Гласьер в небольшой флигель на бульваре Келлермана, старик поселится у них. Он станет воспитателем Ирэн и самым близким ее другом.

* * *

Какой путь пройден с ноябрьского утра 1891 года, когда эта полька с кучей всяких пакетов прибыла в вагоне третьего класса

на Северный вокзал! Перед Маней Склодовской раскрылась физика, химия и целая жизнь женщины. Она преодолела множество препятствий, и мелких и огромных, ни на минуту не сомневаясь в своей выдержке и мужестве.

Эта борьба, эти победы изменили ее физически, преобразовали даже самое лицо. Нельзя без трогательного чувства смотреть на фотографию Мари Кюри в тридцатилетием возрасте. Крепкая, слегка приземистая девушка стала каким-то нематериальным существом. Хочется сказать: «Какая обольстительная, интересная, хорошенькая женщина!» Но не решаешься, взглянув на этот огромный лоб и потусторонний взгляд.

Мадам Кюри собралась на свидание со славой.

Глава XII

Открытие радия

Молодая супруга ведет свой дом, купает дочку и W/I ставит на плиту кастрюли… а в убогой лаборатории Института физики ученая делает самое важное открытие современной науки.

* * *

Два диплома, звание преподавателя, работа по изучению магнитных свойств каленых сталей — таков итог деятельности Мари к концу 1897 года, когда она, оправившись от родов, возвращается к своей научной деятельности.

Следующая ступень в поступательном развитии ее карьеры — защита докторской диссертации. Несколько недель проходят в колебаниях. Дело идет о выборе плодотворной, оригинальной темы. В поисках темы Мари просматривает новейшие работы по физике.

В этом основном вопросе мнения Пьера, конечно, играют большую роль. Он руководитель лаборатории, где работает Мари, ее «хозяин». Этот физик и старше и гораздо опытнее как ученый, нежели Мари. Рядом с мужем она пока лишь подмастерье.

Тем не менее самый характер этой польки, ее природная сущность, должны были сильно повлиять на выбор предмета диссертации. Уже в детстве в ней проявились любознательность и смелость, столь свойственные исследователям незнакомых стран. Такой же, как у них, инстинкт погнал ее из Варшавы в Сорбонну, побудил уехать в одинокую мансарду Латинского квартала из

уютной квартиры Длусских. В своих прогулках по лесу она обычно выбирает не проторенные тропинки, а стежки напрямик.

Мари похожа на путешественника, который обдумывает план большого похода. Путешественник, склонясь над картой мира, отмечает где-нибудь в далекой стране место, разбудившее его воображение, и сразу решает ехать именно туда и никуда больше. Мари, перелистывая отчеты о последних научно-экспериментальных работах, останавливается на опубликованных в прошлом году работах французского физика Анри Беккереля. Пьер и Мари были уже знакомы с ними. Теперь она их перечитывает снова и старательно изучает.

После открытия Рентгеном Х-лучей Анри Пуанкаре решил исследовать, не подобны ли Х-лучам Рентгена и те лучи, какие исходят от флуоресцирующих тел под влиянием света. Увлеченный такой же задачей, Анри Беккерель исследовал соли урана. Но вместо ожидаемого явления он обнаружил другое, совершенно отличное и необъяснимое: соли урана самопроизвольно, без предварительного воздействия света на них испускали лучи неизвестного происхождения. Содержащее уран вещество, положенное на фотографическую пластинку, обернутую в черную бумагу, воздействовало на пластинку и сквозь бумагу. Подобно Х-лучам и «урановые» лучи разряжали электроскоп, превращая окружающий воздух в проводник.

Анри Беккерель убедился, что эти свойства не зависели от предварительного облучения, а неизменно проявлялись и тогда, когда содержащее уран вещество выдерживали долго в темноте. Он открыл то самое явление, которое впоследствии получит от Мари Кюри наименование «радиоактивность». Но происхождение этого излучения оставалось загадкой.

Лучи Беккереля в высшей степени заинтриговывают чету Кюри. Откуда возникает эта, хотя и минимальная, энергия, какую непрестанно выделяет содержащее уран вещество в виде излучения? Какова природа этих излучений? Какая замечательная тема для научного исследования, для диссертации на степень доктора! Этот предмет соблазняет Мари, в особенности потому, что поле исследования — еще целина: эти новейшие работы в европейских лабораториях еще никем не изучались, а точкой отправления и всей библиографией оказываются только последние доклады Беккереля, прочитанные им за 1896 год в Академии паук. Как увлекательно вдруг кинуться на произвол судьбы в неведомую область!

* * *

Остается лишь найти место, где поставить опыты; вот отсюда и начинается ряд затруднений. Пьер не один раз заговаривал об этом с директором Института физики, но результат оказался весьма скромным: в полное распоряжение Мари предоставляется застекленная мастерская в первом этаже института. Эта комната, загроможденная и сыроватая от пара, служит складом и машинным отделением. Техническое оборудование примитивно. Комфорта никакого.

Мари не унывает. Несмотря на отсутствие нужного ей электрического оборудования и материальной части, необходимой для начала научных исследований, она изыскивает средства пустить в ход свои приборы и в этом помещении. Это дается нелегко. Точные приборы коварны: подводит влажность, изменения температуры. Климат в этой небольшой мастерской оказывается роковым для чувствительных электрометров, да не очень полезен и для здоровья самой Мари… Но разве это так важно, не правда ли? Когда становится уж очень холодно, физик отмечает в своей рабочей записной книжке температуру в сотых градуса. Так, например, в записи от б февраля 1898 года, среди различных цифр и формул, находим: «Температура 6,25°!!»

Шесть градусов, конечно, мало! В знак осуждения Мари добавляет два маленьких знака восклицания.

После нескольких недель работы получается первый результат: Мари устанавливает, что интенсивность таинственного излучения пропорциональна количеству урана в исследуемых образцах, что излучение может быть измерено совершенно точно, что на него не влияет ни состояние химических соединений урана, ни такие внешние воздействия, как степень освещения или температура.

Результаты далеко не сенсационные для профана, но увлекательные для ученого. В физике случается нередко, что какое-нибудь необъяснимое явление, после ближайшего исследования, может быть подведено под уже известные законы и тем самым сразу теряет для ученого интерес.

Так бывает при чтении плохих детективных романов, где уже в третьей главе мы узнаем, что «роковая» женщина, которая могла бы оказаться виновницей преступления, в действительности честная мещанка и ведет совсем не таинственную жизнь. Тогда мы сразу разочаровываемся и перестаем читать книгу.

В данном случае — ничего подобного. Чем ближе знакомится Мари с лучами урана, тем больше они ей представляются совершенно особенными, непонятными. Они ни на что не похожи. На них ничто не действует. Несмотря на очень слабую их силу, в них есть какое-то собственное, совершенно отличное от других

своеобразие.

Кандидатка на степень доктора прежде всего старается измерить ионизирующую силу лучей урана, иными словами — их способность превращать воздух в проводник электричества и разряжать электроскоп.

Раздумывая над этой тайной, Мари нащупывает верный подход к ней и вскоре получает возможность утверждать, что непонятное излучение есть атомное свойство. Она задает себе вопрос: хотя данное явление наблюдается только в уране, но это вовсе не доказывает того, что уран единственный химический элемент, который способен вызывать это явление. Почему бы и другим элементам не обладать таким же свойством? Может быть, случайным является то обстоятельство, что данные лучи были открыты прежде всего в уране и в представлении физиков остались связанными с ним. Теперь надо поискать их и в других телах.

Сказано — сделано! Бросив изучение урана, Мари принимается за испытание всех известных химических элементов. И результаты испытаний не заставили себя ждать долго. Соединения тория, — как оказалось, излучают самопроизвольно лучи, подобные лучам урана и аналогичной интенсивности. Молодая ученая взглянула на дело правильно: данное явление оказывается свойством не одного урана, и этому свойству необходимо было дать особое название. Мадам Кюри предложила назвать его «радиоактивностью», а уран и торий «радиоэлементами».

Радиоактивность до такой степени увлекла Мари, что молодая ученая неустанно обследует все тем же методом самые различные вещества. Любознательность— главная добродетель ученого, а Мари обладала ею в высокой степени, чудесной женской любознательностью! Не ограничиваясь рассмотрением чистых элементов, солей и оксидов, она решила использовать собрание минералов в Институте физики и так, наобум, подвергнуть различные их образцы своего рода таможенному досмотру посредством электроскопа. Пьер одобрил ее намерение.

Идея Мари проста, как все талантливые находки. На той ступени работы, до какой дошла мадам Кюри, сотни исследователей застряли бы на месяцы? а может быть, и на годы. Пересмотрев все известные химические элементы и открыв, как она, излучение тория, они напрасно задавались бы вопросом, откуда берется это таинственное излучение. Мари тоже задается таким вопросом и тоже изумляется. Но ее недоумение преобразуется в ряд плодотворных действий. Все явные возможности ею исчерпаны, теперь она вступает в область

неведомого, неисследованного.

Она предвидит, что даст изучение минералов, или, лучше сказать, ей кажется, что она знает, какие будут результаты. Образцы, не содержащие урана или тория, окажутся полностью «недейственными». Другие же, содержащие уран или торий, будут радиоактивными.

Действительность оправдала ее предположения. Отбросив «недейственные» минералы, Мари принимается за другие и производит измерения их радиоактивности. И вдруг — полная неожиданность: радиоактивность, оказывается, гораздо интенсивнее, чем можно было ожидать, судя по количеству урана или тория в данных образцах!

«Какая-то ошибка в процессе опыта…» — думает молодая ученая, так как сомнение — первая, непременная реакция ученого при получении неожиданного результата.

Мари заново производит измерения и с тем же результатом. Десять, двадцать раз проверяет себя. В конце концов нельзя не покориться очевидности: количество урана или тория в данных минералах никаким образом не оправдывает такую исключительную силу наблюдаемого излучения.

Отчего происходит эта чрезвычайная, ненормальная радиоактивность? Остается единственное объяснение: вероятно, исследуемые минералы содержат в очень небольшом количестве некое вещество с гораздо большей радиоактивностью, чем торий и уран.

Но какое же это вещество? Ведь в предыдущих своих опытах Мари исследовала все известные химические элементы?

Молодая ученая дает уверенный ответ, с той исключительной смелостью, какая свойственна только большим умам. Она высказывает дерзкую гипотезу: данные минералы, несомненно, содержат радиоактивное вещество, а само это вещество — еще неизвестный химический элемент, новый химический элемент!

Новый элемент! Гипотеза чарующая, заманчивая, но… лишь гипотеза. Пока это радиоактивное вещество находится лишь в воображении Пьера и Мари. Но оно существует! И придет день, когда Мари в сдержанном тоне, но с увлечением скажет Броне:

— Послушай, то излучение, какое я не могла объяснить себе, происходит от неизвестного химического элемента. Он существует, надобно лишь его найти! Мы в нем уверены. Мы говорили об этом с некоторыми физиками, но они предполагают ошибку в опыте и советуют быть осторожнее. Но я убеждена, что у меня нет ошибки!

Исключительные минуты исключительной жизни. Об исследователе и его открытии профаны создают себе

представление романтическое… и совершенно ложное. Самый «момент открытия» бывает не всегда. В работе ученого столько тонкостей, столько тяжелого труда, поэтому невозможно, чтобы уверенность в достигнутом успехе вдруг вспыхнула как молния и ослепила своим блеском. Мари перед своими приборами едва ли сразу испытала упоение победой. Оно растянулось на несколько дней решающих усилий, подстегнутых блестящею надеждой.

Но тот момент, когда Мари, убежденная, что идет по горячим следам неведомого вещества, сообщила свою тайну старшей сестре, своей союзнице, — этот момент, наверно, был восторженным. Не говоря друг другу умилительных вещей, обе сестры, наверно, пережили в потоке волнующих воспоминаний годы былых тягостных ожиданий, взаимного самопожертвования, несладкую, но полную надежд и веры студенческую жизнь.

Прошло всего четыре года с той поры, когда Мари писала:

«Жизнь, как видно, не дается никому из нас легко. Ну что ж, надо иметь настойчивость, а главное — уверенность в себе. Надо верить, что ты на что-то годен, и этого «что-то» нужно достигнуть во что бы то ни стало».

Это «что-то» оказалось способностью направить науку на еще неизвестный путь.

В сообщении, представленном через профессора Липпманна академии и напечатанном в «Докладах» в связи с заседанием 12 апреля 1898 года, говорится: «Мари Склодовска-Кюри заявляет о том, что в минералах с окисью урана, вероятно, содержится новый химический элемент, обладающий высокой радиоактивностью».

«…Два урановых минерала: уранит (окись урана) и халколит (фосфат меди и уранила) значительно активнее, чем сам уран. Этот крайне знаменательный факт вызывает мысль о том, что в данных минералах может содержаться элемент гораздо более активный, чем уран…»

Это была первая ступень к открытию радия.

* * *

Силой собственной интуиции Мари пришла к убеждению, что неведомое вещество должно существовать. Она приказывает ему быть. Но требуется раскрыть его инкогнито. Гипотезу надо проверить опытом, выделить это вещество. Надо иметь возможность открыто заявить: «Оно там. Я видела его».

Пьер Кюри с горячим участием следил за успешными опытами своей жены. Не вмешиваясь в самую работу, он часто

помогает Мари советами и замечаниями. Учитывая поразительный характер уже достигнутого, Пьер Кюри решает оставить временно свою работу над кристаллами и принять участие в стараниях Мари обнаружить новое вещество.

Всякий раз, как только обширность поставленной задачи вызывала, требовала сотрудничества, великий физик становился рядом с физиком — спутником жизни.

Три года тому назад любовь соединила его с редкой женщиной. Любовь… а может быть, таинственное предвидение, непогрешимый инстинкт?

Теперь боевые силы удвоились. В сырой мастерской на улице Ломон два мозга и четыре руки ищут неведомый химический элемент. И с этих пор в творчестве супругов уже нельзя будет различить долю каждого из них. Мы знаем, что Мари, избрав себе темой лучи урана, открыла радиоактивность и других веществ. Мы знаем, что в результате исследования минералов она имела возможность заявить о существовании какого-то нового химического элемента с большой радиоактивностью и что этот результат первостепенной важности вызвал решение Пьера Кюри прервать свои работы в другой области и попытаться выделить этот новый элемент. Теперь, в мае или июне 1898 года, начинается их объединение в. работе, которое продлится восемь лет и будет так жестоко разрушено смертельным несчастным случаем.

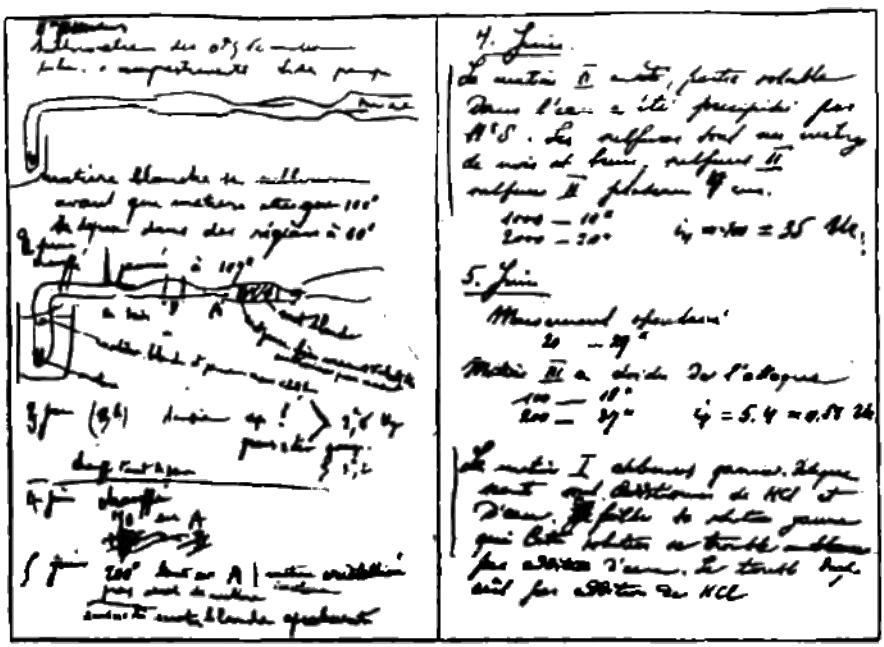
Мы не можем и не должны разыскивать, что в эти восемь лет относится к Мари, что — к Пьеру. Это противоречило бы желанию супругов. Талант Пьера Кюри известен благодаря его собственным творениям до сотрудничества с женой. Талант его жены нам выявляется в ее первом предчувствии открытия, в ее подходе к задаче. Этот талант себя проявит и в одиночестве, когда мадам Кюри, уже вдовой, будет нести на себе всю тяжесть новых открытий, не сгибаясь, и доведет их до гармоничного расцвета. У нас есть определенные свидетельства тому, что в этом прославленном союзе мужчины с женщиной их доли были равны.

Пусть вера в это удовлетворит и наше любопытство и наше восхищение. Не станем разделять пару, полную любви друг к другу, если их почерки, сменяясь, идут один вслед за другим в рабочих записях и формулах, — пару, которая подписывала вместе почти все научные работы, опубликованные ими. Они пишут: «мы нашли», «мы наблюдали», — и только изредка принуждены употребить такую трогательную формулу: «Некоторые минералы, содержащие в себе уран и торий (уранит, халколит), очень активны с точки зрения испускания лучей Беккереля. В одной предшествующей работе один из нас

обнаружил, что их активность даже больше, чем урана и тория, и высказал мнение, что это вызывается действием другого очень активного вещества, содержащегося в малом количестве в этих минералах…»

* * *

Супруги Кюри ищут это «очень активное вещество» в содержащем уран минерале — урановой смолке. В своем природном виде она проявляла радиоактивность вчетверо большую, чем чистая окись урана, входящая в состав самого минерала. Но состав минерала был достаточно хорошо изучен. Следовательно, новый элемент представлен в нем до такой степени слабо, что количество его ускользнуло от внимания ученых и строгой точности химических анализов.



Страницы из лабораторной записной книжки Пьера и Мари Кюри периода открытия радия и полония.

По самым пессимистическим расчетам (как и подобает настоящим физикам, всегда выбирающим из двух вероятностей

менее приятную), Пьер и Мари полагают, что количество нового вещества должно содержаться, как максимум, в пропорции один на сто по отношению к общей массе минерала. Они говорят себе, что это очень мало. Как бы изумились они, если бы знали, что новый радиоактивный элемент представлен в урановой смолке отношением даже меньшим, чем один к миллиону!

Терпеливо приступают они к исследованию по их собственному методу: обычными способами химических анализов выделяют все тела, входящие в состав уранита, а затем измеряют радиоактивность каждого из них в отдельности. Путем последовательного отбора они мало-помалу убеждаются, что необычная радиоактивность заключается только в определенных составных частях минерала. Чем дальше подвигаются они в своей работе, тем больше ограничивают поле этого исследования. Здесь та же техника, какую применяют детективы, обследуя-, один за другим, дома данного квартала, чтобы напасть на след и задержать преступника.

Но здесь преступник не один: радиоактивность сосредоточивается в двух химических фракциях минерала. Для супругов Кюри это обстоятельство являлось указанием на то, что существуют два новых элемента. В июле 1898 года они уже могут заявить об открытии одного из них.

— Ты должна придумать «ему» имя! — сказал Пьер своей жене. Бывшая пани Склодовская с минуту раздумывает. Перенесясь душою к своей родине, она робко предлагает:

— Не назвать ли нам его «полониум»?

В «Докладах» за июль 1898 года мы находим:

«…Мы полагаем, что вещество, которое мы извлекли из урановой руды, содержит в себе еще не описанный металл, по своим аналитическим свойствам близкий к висмуту. Если существование этого металла подтвердится, мы предлагаем назвать его «полони: ум» — по имени страны, откуда происходит один из нас».

Выбор такого наименования показывает, что Мари, став французским физиком, не отреклась от своей юности. Об этом же говорит и то, что, прежде чем заметка для академии «О новом радиоактивном веществе в составе урановой руды» появилась в «Докладах», Мари послала рукопись на родину, к Иосифу Богуцкому, руководителю той лаборатории Музея промышленности и сельского хозяйства, где начались ее первые научные опыты. Сообщение было опубликовано в «Swiatlo», ежемесячном иллюстрированном обозрении, почти одновременно с опубликованием в Париже.

* * *

Характер жизни в квартире на улице Гласьер не изменился. Только работают Пьер и. Мари больше, чем обычно. Когда наступила летняя жара, Мари нашла время закупить целые корзины ягод и, по обыкновению, заготовила на зиму варенье по рецепту, принятому в семье Кюри. Потом затворила ставни на окнах, сдала велосипеды в багаж на Орлеанском вокзале и, следуя примеру многих тысяч юных парижанок, уехала на летние каникулы с дочерью и мужем.

Супруги сняли крестьянский дом в Ору, в Оверни. Как легко дышится на чистом воздухе после вредной лабораторной атмосферы на улице Ломон! Кю-. ри делают экскурсии в Манд, Пюи, Клермон, Мон-Дор, поднимаются и спускаются по крутым склонам, купаются в речках, осматривают гроты. Одни среди деревенского простора, они беседуют о своих новых металлах — полониуме и о «другом», который еще предстоит найти. В сентябре они снова вернутся в сырую мастерскую, к тусклым минералам. И с новым пылом возьмутся за свои исследования.

Но упоение работой нарушается горестным событием: Длусские собрались уехать из Парижа. Они решили обосноваться в Польше и построить в Заколанах, среди Карпатских гор, туберкулезный санаторий. С большой грустью простились Мари и Броня. Мари теряет друга, покровительницу. Впервые она почувствовала себя изгнанницей.

* * *

Несколько выдержек из записей Мари Кюри в этом памятном 1898 году следует, по нашему мнению, привести здесь, несмотря на их прозаический характер, а может быть, именно поэтому.

Приведенные ниже записи нанесены на полях книги «Домашняя кухня» и касаются приготовления желе из крыжовника: «Я взяла восемь фунтов ягод и столько же сахарного песку. Прокипятив все вместе десять минут, я пропустила эту смесь сквозь очень тонкое сито. У меня получилось четырнадцать банок непрозрачного, но отличного желе, которое застыло превосходно».

В школьной тетради с парусиновым переплетом, куда записывает молодая мать, день за днем, вес маленькой Ирэн, ее режим и появление молочных зубок, читаем под датой 20 июля 1898 года — через неделю после опубликования открытия полония:

«Ирэн делает ручонкой «спасибо»… очень хорошо двигается на четвереньках. Произносит: «Гольи, го-льи, го». Весь день она проводит в саду (Со) на ковре. Валяется на нем, сама встает, садится…»

15 августа в Ору:

«У Ирэн прорезался седьмой зуб, внизу, слева. С полминуты может стоять совсем одна. Уже три дня, как начали купать ее в реке. Она кричит, но сегодня (четвертое купание) уже бросила кричать, а играет, шлепая по воде».

«Ирэн играет с кошкой и кидается за ней с воинственными криками. Перестала бояться чужих. Много поет. Со стула взбирается на стол». Три месяца спустя, 17 октября, Мари с гордостью отмечает: «Ирэн ходит очень хорошо и уже не ползает на четвереньках».

А 5 января 1899 года:

«У Ирэн 15-й зубок».

* * *

Между двумя заметками — от 17 октября 1898 года о том, что Ирэн перестала передвигаться на четвереньках, и от 5 января 1899 года о 15 зубках — несколько позже заметки о варенье — есть еще запись, достойная упоминания. Она составлена Пьером и Мари вместе с их сотрудником по имени Ж. Бемон. Написанная для Академии наук и опубликованная в «Докладах» о заседании 26 декабря 1898 года, она говорит о существовании в составе урановой рудыг второго радиоактивного химического элемента.

Вот несколько строк из этого сообщения:

«…В силу различных, только что изложенных оснований мы склонны к убеждению, что повое радиоактивное вещество содержит новый элемент, который мы предлагаем назвать *Радий.*

Новое радиоактивное вещество, несомненно, содержит барий и в очень большом количестве, но, несмотря на это, обладает значительной радиоактивностью. Радиоактивность же самого радия должна быть огромной».

Глава XIII

Четыре года в сарае

Обыкновенный человек толпы, прочитав сообщение об

открытии радия, уже ни на минуту не сомневается в его существовании: люди, у которых критическое чутье не обострено и в то же время не извращено узкой специальностью, обладают свежим непосредственным воображением. Они способны поверить любому неслыханному факту и восхищаться им, как бы необычен он ни казался.

Несколько по-другому воспринимает новость физик, какой-нибудь собрат супругов Кюри в области науки. Особенные свойства полония и радия разрушают основные теории, которым верили ученые в течение веков. Чем объяснить спонтанную радиоактивность элементов? Это открытие потрясает целый мир приобретенных знаний и противоречит крепко установившимся представлениям о строении материи. Поэтому физик ведет себя сдержанно. Его в высшей степени интересует работа Пьера и Мари Кюри, он понимает ее бесконечные возможности в дальнейшем, но, для того чтобы составить свое мнение, ждет решающих точных результатов.

Отношение химика еще придирчивее. По своему характеру химик поверит в существование какого-нибудь нового химического элемента только тогда, когда он увидит его, коснется, взвесит, исследует, подвергнет воздействию кислот, заключит в сосуд и определит его атомный вес.

А радия до сих пор никто не видал. Никто не знает атомный вес радия. И химики, верные своим принципам, делают вывод: «Нет атомного веса — нет и радия. Покажите радий, и мы поверим».

Чтобы показать скептикам радий и полоний, доказать миру существование их детищ и окончательно убедить самих себя, супругам Кюри понадобится четыре года большой работы.

* * *

Теперь их цель добыть радий и полоний в чистом виде. В тех наиболее радиоактивных продуктах, какие добыли эти ученые, оба вещества представлены только неуловимыми следами. Чтобы выделить новые металлы, предстояло обработать большие количества сырого материала.

Отсюда возникали три томительных вопроса:

Как добыть нужное количество минерала?

Где его обрабатывать?

Из каких средств оплачивать неизбежную подсобную работу?

Урановая смолка, таящая в себе полоний и радий, минерал очень дорогой; он добывается из руд Иоахимсталя в Богемии с

целью извлечения из него урановых солей, употребляемых в стеклянном производстве. Необходимые тонны обойдутся дорого. Чересчур дорого для самих Кюри!

Находчивость заменит им деньги. По соображениям обоих ученых, после извлечения урана из минерала те ничтожные количества полония и радия, которые в нем содержатся, должны оставаться в уже обработанном сырье. Следовательно, ничто не мешает им обнаружиться в отбросах, и если необработанная урановая смолка стоит очень дорого, то ее отходы после извлечения урана стоят гроши. А если попросить у австрийского коллеги рекомендацию к директору рудников Иоахимсталя, то не удастся ли получить большое количество этих отбросов по доступным ценам?

Все это просто, но надо еще подумать.

Необходимо закупить сырье и оплатить перевозку до Парижа. Пьер и Мари позаимствуют нужную сумму из своих весьма скромных сбережений. Они не так наивны, чтобы просить на это средства у правительства. Хотя оба физика находились на верном пути к огромному открытию, но, если бы они обратились к университету или правительству с просьбой о вспомоществовании на покупку отбросов урановой руды, им рассмеялись бы в глаза. Во всяком случае, их докладная записка затерялась бы в делах какой-нибудь канцелярии, а им пришлось бы целые месяцы ждать ответа, и, вероятно, отрицательного. Из всех традиций и принципов Французской революции, которая создала метрическую систему, основала Нормальную школу и не один раз поощряла науки, государство спустя век запомнило только прискорбные слова Фукье-Тенвиля, сказанные на заседании трибунала, отправившего Лавуазье на гильотину: «Республике не нужны ученые».

А можно ли найти, хотя бы в многочисленных зданиях, связанных с Сорбонной, подходящее место для работы и предоставить его супругам Кюри? Видимо, нет! После напрасных ходатайств Пьер и Мари возвращаются ни с чем к точке их отправления, то есть к Институту физики, в котором преподает Пьер, к той небольшой мастерской, где нашли себе приют первые опыты Мари. Мастерская выходит во двор, а по другую сторону двора стоит деревянное строение, заброшенный сарай со стеклянной крышей в таком жалком состоянии, что сквозь нее проходит дождевая вода. Некогда медицинский факультет использовал это помещение для вскрытий, но уже с давних пор оно считалось непригодным даже для хранений трупов. Пола нет: сомнительный слой асфальта покрывает землю. Обстановка — несколько ветхих кухонных столов, неизвестно как уцелевшая

черная классная доска, плавильная печь со ржавою трубой.

Простой рабочий не стал бы работать по доброй воле в таком месте. Пьер и Мари все-таки пошли на это. У этого сарая было свое преимущество: он был так плох, так мало соблазнителен, что никто и не подумал возражать против отдачи его в полное распоряжение Кюри. Директор института Шютценбергер всегда благоволил к Пьеру Кюри и высказал сожаление, что не может предложить ему ничего лучшего. Как бы то ни было, но лучшего он не предложил, а супруги, довольные уже тем, что не очутились на улице со всем своим оборудованием, благодарили, уверяя, «что это устроит дело, что они приспособятся».

Пока они входили во владение своим сараем, пришел ответ из Австрии. Вести добрые! Вопреки обыкновению, отбросы от последних извлечений урана еще не были рассыпаны. Ненужный производству материал ссыпали в кучу на пустыре, поросшем сосняком, окружающим рудник. Благодаря посредничеству профессора Зюсса и Венской академии наук австрийское правительство в качестве владельца этого государственного завода постановило отпустить безвозмездно тонну отбросов в распоряжение двух лунатиков в науке, уверяющих, что эти отбросы им необходимы. Если понадобится большее количество такого материала, рудник уступит его на самых выгодных условиях.

Однажды утром большая конная повозка, вроде тех, что развозят уголь, остановилась на улице Ломон, перед Институтом физики. Об этом известили Пьера и Мари. Без шляп, в лабораторных фартуках, они бегут на улицу. Пьер сохраняет обычное спокойствие, но Мари, увидав рабочих, выгружающих мешки, не может скрыть свою радость. Это же урановая руда, ее урановая руда! Еще несколько дней тому назад товарная станция известила о ее прибытии.

Лихорадочно волнуясь от любопытства и нетерпения, Мари не в состоянии ждать, ей хочется сейчас же вскрыть какой-нибудь мешок и взглянуть на свое сокровище. Разрезает бечеву и расправляет грубую парусину. Запускает обе руки в бурый, тусклый минерал с примесью хвойных игл.

Вот где таится радий! Вот откуда будет извлекать его Мари, хотя бы ей пришлось переработать гору этого вещества, похожего на дорожную пыль.

* * *

Мария Склодовская прожила самые упоительные времена

своего студенчества в мансарде. Мари Кюри предстоит вновь пережить много чудесных радостей в ободранном сарае. Странная повторяемость обстоятельств, когда суровое и утонченное счастье (наверно, не испытанное ни одной женщиной до Мари) оба раза выбирает для себя самое жалкое убранство.

Сарай на улице Ломон — образцовый по отсутствию удобств. Летом из-за стеклянной крыши в нем жарко, как в теплице. Зимой не знаешь, что лучше, дождь или мороз. Если дождь, то водяные капли с мягким, но раздражающим стуком падают на пол, на рабочие столы, в разные места, отмеченные физиками, чтобы не ставить там аппаратуру. Если мороз, то мерзнешь сам. А помочь нечем. Печка, даже раскаленная докрасна, одно разочарование. Когда подходишь к ней вплотную, немного согреваешься, но чуть отойдешь, как попадаешь в зону обледенения.

Мари и Пьер необходимо привыкать к жестоким условиям наружной температуры: из-за отсутствия в числе прочего необходимого оборудования колпаков для вывода наружу вредных газов большинство процессов обработки надо осуществлять под открытым небом, на дворе. Стоит разразиться ливню, и физики наспех переносят аппаратуру опять в сарай. А чтобы продолжать работу и не задыхаться, они устраивают сквозняк, отворяя дверь и окна.

«У нас не было ни денег, ни лаборатории, ни помощи, чтобы хорошо выполнить эту важную и трудную задачу, — запишет она позже. — Требовалось создать нечто из ничего, и если Казимир Длусский когда-то назвал мои студенческие годы «героическими годами жизни моей свояченицы», то я могу сказать без преувеличения, что этот период был для меня и для моего мужа героической эпохой в нашей совместной жизни.

…Но как раз в этом дрянном, старом сарае протекли лучшие и счастливейшие годы нашей жизни, всецело посвященные работе. Нередко я готовила какую-нибудь пищу тут же, чтобы не прерывать ход особо важной операции. Иногда весь день я перемешивала кипящую массу железным шкворнем длиной почти в мой рост. Вечером я валилась от усталости».

В таких условиях чета Кюри будет работать с 1898 по 1902 год.

В первый год они работают совместно над химическим выделением полония и радия, добывают активные продукты, а затем измеряют силу их излучения. Вскоре оба супруга находят более целесообразным действовать раздельно. Пьер стремится уточнить свойства радия, изучить новый металл. Мари продолжает обработку руд, чтобы получить чистые соли радия.

При этом разделении труда Мари избрала мужскую долю,

взяв на себя роль чернорабочего. В сарае ее супруг весь поглощен постановкой тонких опытов. Во дворе Мари с развевающимися по воле ветра волосами, в старом, запыленном, испятнанном кислотами фартуке, окруженная клубами дыма, разъедающего глаза и горло, и воплощающая в одной своей особе что-то вроде завода.

«Мне доводилось обрабатывать зараз до двадцати килограммов первичного материала, — пишет она, — и в результате уставлять сарай большими сосудами с химическими осадками и жидкостями; изнурительный труд — переносить мешки, сосуды, переливать жидкости из одного сосуда в другой, несколько часов подряд мешать кипящий материал в чугунном тазу».

Но радий упорно хранит свою тайну и не выражает ни малейшего желания знакомиться с людьми. Где та пора, когда Мари в душевной простоте определяла его содержание в отбросах урановой руды, как один к ста? Излучение нового вещества обладает такой силой, что ничтожное количество радия, рассеянное в минерале, является источником поразительных явлений, которые можно не только наблюдать, но и легко измерить. Вся трудность — в невозможности выделить даже ничтожное его количество, изъять его из той среды, с которой он прочно связан.

Рабочие дни превращаются в месяцы, а месяцы в годы. Пьер и Мари не теряют мужества. Это вещество завораживало их своим сопротивлением. Он и она, соединенные нежной любовью и умственными влечениями, оба созданы для той противоестественной жизни, какую они вели в их деревянном бараке.

«В ту пору мы с головой ушли в новую область, которая раскрылась перед нами благодаря неожиданному открытию, — будет писать Мари. — Несмотря на трудные условия работы, мы чувствовали себя вполне счастливыми. Все дни мы проводили в лаборатории. В нашем жалком сарае царил полный мир и тишина; бывало, когда нам приходилось только следить за ходом той или другой операции, мы прогуливались взад и вперед по сараю, беседуя о нашей теперешней и будущей работе; озябнув, мы подкреплялись чашкой чаю тут же у печи. В нашем общем, едином увлечении мы жили как во сне.

В лаборатории мы очень мало виделись с людьми; время от времени кое-кто из физиков и химиков заходил к нам — или посмотреть на наши опыты, или спросить совета у Пьера Кюри, уже известного своими познаниями в нескольких разделах физики. И перед классной доской начинались те беседы, что

оставляют по себе лучшие воспоминания, возбуждая еще больший научный интерес и рвение к работе, а в то же время не прерывают естественное течение мыслей и не смущают атмосферу мира и внутренней сосредоточенности, какой и должна быть атмосфера лаборатории».

Иногда Пьер и Мари бросают на несколько минут свою аппаратуру и начинают мирно разговаривать.

— Я спрашиваю себя, каков он будет с виду? — говорит в один прекрасный день Мари с нетерпеливым любопытством девочки, которой обещана игрушка. — Пьер, ты каким представляешь его себе?

— Кто его знает… — спокойно отвечает физик. — Видишь ли, мне бы хотелось, чтобы у него был красивый цвет.

* * *

Странно, что в переписке Мари Кюри мы не находим по поводу этой многотрудной работы ни одного картинного, прочувствованного замечания вроде тех, какие некогда врывались в содержание ее интимных писем. Оттого ли, что годы изгнанничества ослабили духовную близость с ее родными? Или спешная работа не оставляла времени для этого?

Действительная причина такой сдержанности заключалась, может быть, в другом. Не случайно то обстоятельство, что письма Мари Кюри теряют свою оригинальность как раз в то время, когда история ее жизни начинает приобретать исключительный характер. Будучи гимназисткой, учительницей, студенткой, невестой, Мари могла быть откровенной. Но теперь ее обособляют от других тайна и неизъяснимое чувство своего призвания. Среди тех, кого она любит, для нее уже нет собеседника, способного ее понять, постичь ее заботу, трудность цели. Только одному человеку может она поверить свои неотвязные думы: Пьеру Кюри, товарищу в жизни и в работе. Только ему она высказывает свои особенные мысли, свои мечты. Начиная с этого времени всем другим, как бы они ни были дороги ее сердцу, Мари будет представляться почти заурядной личностью. Будет описывать только будничную сторону своей жизни. Временами у нее найдутся и прочувствованные выражения, чтобы похвалиться своим женским счастьем. Но о работе скажет лишь несколько невыразительных коротких фраз в двух-трех строках.

«…Живем по-прежнему. Много работаем, но спим крепко, а поэтому работа не вредит нашему здоровью. По вечерам вожусь с

дочуркой. Утром ее одеваю, кормлю, и около 9 часов я уже обычно выхожу из дому. За весь год мы не были ни разу ни в театре, ни в концерте, ни в гостях. При всем том чувствуем себя хорошо… Очень тяжело только одно — отсутствие родной семьи, в особенности вас, мои милые, и папы. Часто и с грустью думаю о своей отчужденности. Ни на что другое я жаловаться не могу, поскольку состояние нашего здоровья неплохое, ребенок хорошо растет, а муж у меня — лучшего даже нельзя себе вообразить, это настоящий божий дар, и чем больше живем мы вместе, тем сильнее друг друга любим.

Наша работа подвигается вперед. Скоро я буду делать о ней доклад, он был назначен на прошлую субботу, но мне было нельзя, тогда он состоится непременно или в эту субботу, или же через две недели».

Работа, лишь сухо упомянутая в письме Мари, блестяще движется вперед. В течение 1899 и 1900 годов Пьер и Мари опубликовали статью об открытии индуцированной радиоактивности, вызываемой радием, другую статью — о явлениях радиоактивности и третью статью — о переносе электрического заряда посредством обнаруженных лучей. Наконец для Физического конгресса 1900 года они пишут общий обзор исследований о радиоактивных веществах, который вызывает огромный интерес в мире ученых.

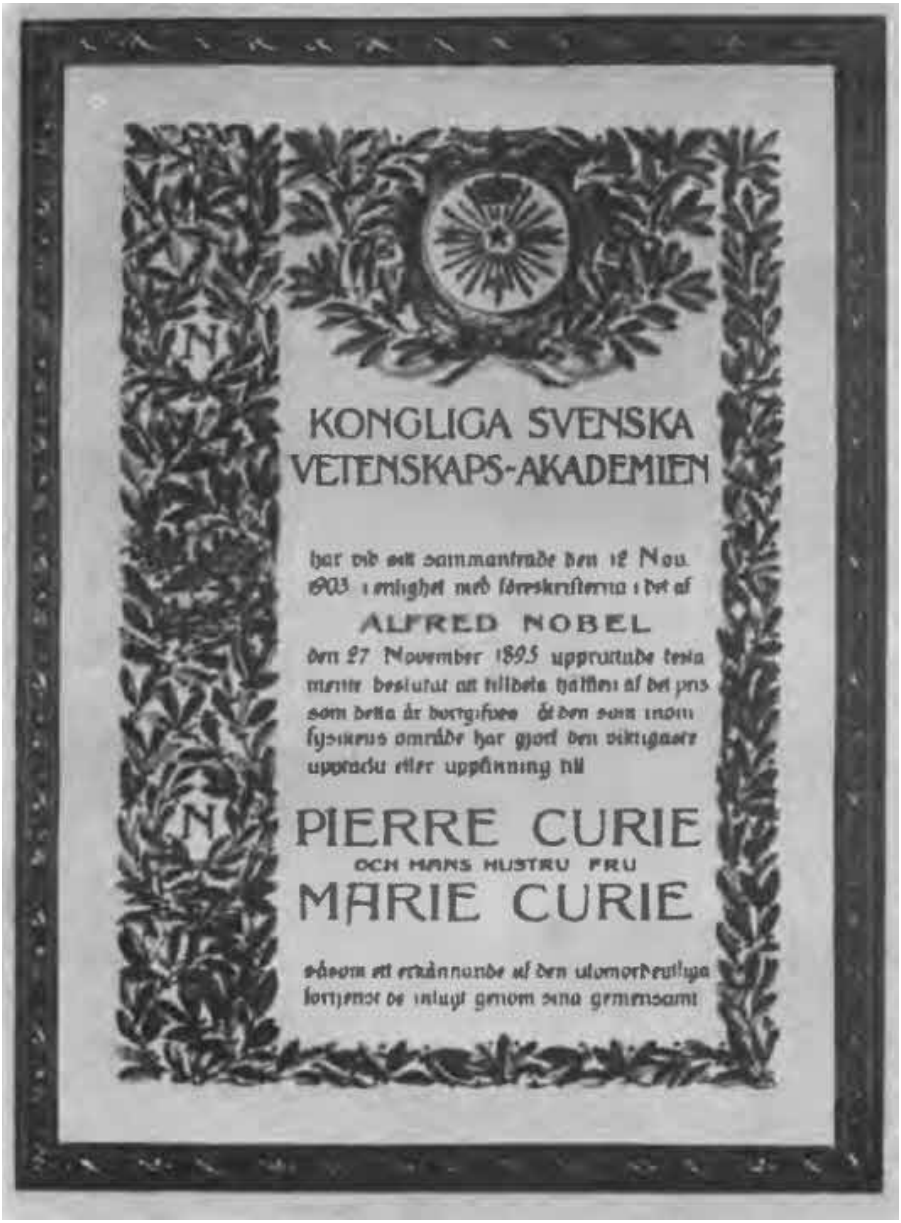
Развитие новой науки о радиоактивности обещает принять ошеломляющий размах. Чета Кюри нуждается в сотрудниках. До сих пор им помогал только один лабораторный служитель института по имени Пти, отличный человек, который по собственному увлечению и почти тайком заходил поработать с ними во внеслужебные часы. Но теперь им нужны технические сотрудники высокой квалификации. Их открытие предполагает дальнейшие, очень важные работы в области химии, которые требовали внимательного изучения. Кюри хотят объединиться со знающими исследователями.

«Нашу работу по радиоактивности мы начали в одиночестве, — будет писать Мари. — Но, ввиду широты самой задачи, все большее и большее значение для пользы дела приобретало сотрудничество с кем-нибудь еще. Уже в 1898 году начальник работ института Ж. Бемон оказал нам временную помощь. Около 1900 года Пьер Кюри завел сношения с молодым химиком Андре Дебьерном — препаратором у профессора Фриделя, очень ценившего его как ученого. На предложение Пьера Андре Дебьерн охотно выразил свое согласие заняться радиоактивностью: он предпринял исследование нового радиоэлемента, существование которого подозревалось в группе

железа и редких земель. Он открыл этот элемент, названный актинием. Хотя Андре Дебьерн работал в химико-физической лаборатории Сорбоннского университета, руководимой Жаном Перреном, он часто заходил к нам в сарай, вскоре став очень близким другом и нашим и доктора Кюри, а впоследствии наших детей».

Так, еще до выделения полония и радия французский химик Андре Дебьерн открыл для них их «брата» — актиний.

Все это время Мари обрабатывает, килограмм за килограммом, тонны урановой руды, присланные в несколько приемов из Иоахимсталя. Со страшным упорством в течение четырех лет она ежедневно превращалась в ученого, квалифицированного работника, инженера и чернорабочего. Благодаря ее мозгу и мускулам все более и более концентрированные продукты с большим и большим содержанием радия появлялись на ветхих столах сарая.



Диплом лауреатов Нобелевской премии, врученный Пьеру и Мари Кюри

Мари Кюри

Иосиф Склодовский с дочерьми (слева направо): Маней, Броней и Элей

Мари Кюри приближается к своей цели. Прошло то время, когда она стояла на дворе в клубах едкого дыма и следила за тяжелыми тазами, где плавился первичный материал. Наступает следующий этап в работе — очистка и дробная кристаллизация растворов большой радиоактивности. Теперь необходимо предельно чистое помещение с аппаратурой, изолированной от пыли и от влияния температурных перемен. В жалком, продуваемом со всех сторон сарае носится пыль с частицами железа и угля, которые примешиваются к старательно очищенным продуктам обработки, что приводит Мари в отчаяние. У нее болит душа от ежедневных случаев такого рода, попусту отнимающих и время и силы.

Пьеру так надоела эта борьба, что он готов отказаться от нее. Будем понимать его правильно: он и не думал бросать исследование радия и радиоактивности, но охотно бы приостановил в данный момент особые технические операции, имеющие цель выделить чистый радий. Препятствия к этой работе казались непреодолимыми. Разве нельзя возобновить ее позднее, в лучших условиях? Более склонный искать в природе значение ее явлений, чем их материальную реальность, Пьер Кюри выходит из себя при виде тех ничтожных результатов, какие получаются от изнурительных работ Мари. Он ей советует сделать передышку.

Но Пьер не учел характера своей жены. Мари хочет выделить радий и выделит. Она не обращает внимания ни на утомление, ни на трудности, ни на пробелы в своих знаниях, усложняющие ее задачу. В конце концов она еще очень молода в науке. В ней нет ни уверенности, ни научной культуры, как у Пьера, работающего уже двадцать лет: то и дело она наталкивается на явления и методы, мало ей знакомые, и тогда приходится наспех собирать сведения о них в литературе. Ну и пусть трудно! С упрямым взглядом из-под большого лба она хватается за свою аппаратуру и пробирки.

В 1902 году, спустя сорок восемь месяцев с того дня, когда супруги Кюри заявили о вероятном существовании радия, Мари, наконец, одерживает победу в этой воине на истощение. Ей удалось выделить один дециграмм чистого радия и установить его атомный вес, равный 225.

Неверующим химикам — такие еще оставались — приходилось только склониться перед фактами и перед сверхчеловеческим упорством женщины. Теперь радий существовал уже официально.

* * *

Девять часов вечера. Пьер и Мари в собственном доме на бульваре Келлермана. Дом очень им подходит. Со стороны бульвара, где тройной ряд деревьев наполовину заслоняет укрепления, видна только навевающая печаль стена и маленький подъезд, но за этим двухэтажным флигелем скрывается от посторонних глаз маленький садик провинциального вида, довольно милый и очень тихий. Оттуда можно через заставу Шантийи укатить на велосипедах в предместье, а затем в леса.

Старый доктор Кюри удалился к себе в комнату. Мари выкупала дочку и уложила ее спать, довольно долго постояла у кроватки. Это ритуал. Если Ирэн вечером не чувствует матери около себя, она без устали зовет ее тем «мэ!», которое навсегда заменит у ней «мама». Тогда Мари, склоняясь перед неумолимой волей четырехлетнего ребенка, взбирается на другой этаж, усаживается у изголовья дочки и сидит в темноте, пока детский голосок не перейдет в ровное дыхание.

Только тогда она сходит вниз к Пьеру, уже проявляющему нетерпение. Несмотря на всю мягкость своего характера, он до такой степени привык к постоянному обществу жены, что малейшее отклонение от этого мешает ему спокойно думать. Стоит Мари чуть дольше задержаться, как он встретит ее горьким упреком.

Пьер прохаживается по комнате, Мари садится и начинает подшивать незаконченный край нового фартучка для Ирэн. Одно из ее основных правил — никогда не покупать для девочки готовых платьев: по ее мнению, они слишком прикрашены и неудобны. В те времена, когда Броня жила еще в Париже, обе сестры шили вместе платья своим дочкам по выкройкам собственного изобретения. Эти выкройки служат Мари и до сих пор…

Но в этот вечер она не в состоянии сосредоточить свое внимание. Нервничая, она встает и кладет свою работу. И вдруг говорит:

— А не пойти ли нам туда?

Просительная интонация в ее вопросе оказывается лишней, потому что Пьеру также не терпится пойти в сарай, откуда они ушли два часа тому назад. Радий, причудливый, как живое существо, притягательный, как любовь, зовет их к себе, в свое жилище.

Рабочий день выдался трудный, и было бы разумнее для двух ученых дать себе отдых. Но Пьер и Мари не всегда разумны. Они накидывают на себя плащи, предупреждают доктора Кюри о

своем бегстве и скрываются. Идут пешком, под руку, изредка обмениваясь несколькими словами. Они минуют людные улицы этого отдаленного квартала, заводские мастерские, пустыри, бедные дома, доходят до улицы Ломон и пересекают двор. Пьер вкладывает ключ в замочную скважину, дверь скрипит, как тысячи раз прежде, и вот они в своих владениях, в царстве своей мечты.

— Не зажигай! — говорит Мари. И добавляет с тихим смешком: — Помнишь день, когда ты сказал: «Мне бы хотелось, чтобы у радия был красивый цвет»?

Действительность, уже несколько последних месяцев восхищающая Мари и Пьера, превзошла все пожелания. У радия есть нечто другое, важнее, чем красивый цвет: он светоносен! И среди темного сарая стеклянные сосудики с драгоценными частицами радия, разложенные, за отсутствием шкафов, просто на столах, на прибитых к стенам дощатых полках, сияют голубоватыми фосфоресцирующими силуэтами, как бы висящими во мраке.

— Гляди… гляди! — шепчет Мари.

Она осторожно продвигается вперед, нащупывает рукою соломенное кресло и садится. В темноте, в безмолвии два лица тянутся к бледным сияниям, к таинственным источникам лучей, к радию — их радию! Наклонив корпус вперед, с напряженным лицом Мари сидит в том же положении, как и час тому назад у изголовья своего заснувшего ребенка.

Рука друга тихо гладит ее по волосам.

Навсегда запомнится ей этот вечер…

Глава XIV

Трудное житье

Пьер и Мари жили бы вполне счастливо, если бы в горячий бой с природой, какой они вели на поле битвы их жалкого сарая, могли вложить все свои силы.

Увы! им приходится вступать в бои другого рода и терпеть в них поражения.

За пятьсот франков в месяц Пьер читает в Институте физики курс из ста двадцати лекций и сверх того руководит практическими занятиями студентов. Помимо этой утомительной педагогической работы, он занимается научными исследованиями. Пока у четы Кюри не было детей, пятисот франков хватало на домашние расходы. Но после рождения Ирэн наем служанки и кормилицы сильно отразился на бюджете. Пьер

и Мари предпринимают поход за новыми денежными средствами.

Трудно себе представить что-нибудь более прискорбное, чем те неловкие и неудачные попытки, какие делали два крупных ученых, стараясь добыть не хватавшие им две-три тысячи в год. Дело было не в том, чтобы просто получить какую-нибудь незначительную должность и покрыть этим дефицит. Как мы уже знаем, Пьер Кюри видел в научных исследованиях непреходящую потребность своей жизни. Работать в лаборатории — пусть хоть в сарае, раз нет настоящей, — было для Пьера более необходимо, чем есть или спать. Но его служебная работа в институте поглощала большую часть времени. Нельзя было брать на Себя новых нагрузок, а, наоборот, требовалось уменьшить уже существующую обязательную работу. Как тут быть?

Выход из положения мог бы быть простым, совсем простым. Если Пьера назначат профессором в Сорбонну, а сделанные им работы, совершенно очевидно, давали ему право на это место, он получал бы десять тысяч франков в год, читал бы меньше лекций, чем в институте, а его знания обогащали бы студентов и подняли бы значение университета. А если бы эта профессура была дополнена лабораторией, Пьеру было бы нечего просить у провидения. У него лишь два желания: профессорская кафедра для обеспечения своей семейной жизни и для образования молодых физиков, затем лаборатория для собственной работы, хорошая лаборатория, оснащенная электрическим и техническим оборудованием, с местами для нескольких ассистентов и теплая зимой.

Безумные требования! Профессорскую кафедру Пьер получит лишь в 1904 году, когда о нем заговорит весь мир. Лабораторию же он так и не получит до конца жизни. Больших людей смерть настигает раньше, чем их успевают признать власти.

Пьер, рожденный, чтобы раскрывать таинственные явления природы, чтобы бороться с противостоящей ему материей, оказывается воплощенной несуразностью, когда надо добиться какого-нибудь места. Первый минус: он талант, а в условиях личной конкуренции это вызывает тайную, непримиримую враждебность. Он невежда в области интриги, всяких комбинаций. Самые бесспорные его заслуги бесполезны: он не умеет пускать их в ход. «Всегда готовый стушеваться перед своими друзьями и даже перед своими соперниками, Кюри принадлежал к разряду так называемых «кандидатов-неудачников», — скажет впоследствии Анри Пуанкаре. — Но при нашей демократии таких кандидатов очень много…»

В 1898 году открылась кафедра физической химии в Сорбонне. Пьер Кюри решает ходатайствовать о предоставлении

этой кафедры ему. По справедливости назначение такое напрашивалось само собой. Но Пьер не окончил «Эколь нормаль», не кончал Политехнического института, а следовательно, у него не было той крепкой опоры, какую дают эти учреждения бывшим своим ученикам. Кроме того, некоторые дотошные профессора утверждают, что его работы, опубликованные за последние пятнадцать лет, не «точно» относятся к физической химии. Кандидатура Пьера отклонена.

«Мы потерпели поражение, — пишет Пьеру Кюри один из его сторонников, профессор Фридель, — и мне ничего не оставалось бы, как только сожалеть о том, что мы уговорили Вас выставить Вашу кандидатуру, не имевшую успеха, если бы само обсуждение ее не проходило гораздо благоприятнее для Вас, чем голосование. Но, несмотря на старания Липпманна, Бути, Пелла и мои, несмотря на похвалы Вам даже со стороны противников, несмотря на Ваши прекрасные работы, что можно было сделать против «нормального» кандидата и предвзятого отношения математиков?»

Конечно, благожелательное обсуждение кандидатуры Пьера является удовлетворением, но… платоническим. Проходят месяцы, а ни одного интересного места не освобождается, и супруги Кюри, всецело увлеченные большой работой по исследованию радия, предпочитают жить перебиваясь, вместо того чтобы терять время, толкаясь по передним. Однако же — и это надо подчеркнуть — они не унывают и не жалуются на судьбу. В конце концов пятьсот франков — это еще не бедность. Жизнь налаживается… плоховато.

Мари — Иосифу Склодовскому, 19 марта 1899 года:

«Нам приходится быть очень осмотрительными, так как жалованья мужа не вполне хватает на жизнь, но до сих пор ежегодно у нас бывали кое-какие неожиданные приработки, так что дефицита пока нет.

Впрочем, надеюсь, что муж или я получим вскоре место с определенною оплатой. Тогда мы сможем не только сводить концы с концами, но даже скопить немного денег для обеспечения будущности нашего ребенка. Но раньше чем искать себе место, я хочу защитить докторскую диссертацию.

В настоящее время у нас столько работы с нашими новыми металлами, что я не в состоянии писать докторскую диссертацию, хотя, правда, она должна основываться как раз на этих работах, но требует дополнительных изучений, а сейчас у меня нет возможности заняться ими.

Наше здоровье в хорошем состоянии. Мой муж меньше

страдает от ревматизмов. Я чувствую себя хорошо, совсем перестала кашлять, в легких нет ничего, как это установили и медицинское обследование и анализ мокроты.

Ирэн развивается нормально. После восемнадцати месяцев я отняла ее от груди, но, конечно, еще раньше подкармливала молочными супами. Теперь кормлю ее такими же супами и свежими яйцами — «прямо из-под курицы».

1900 год… В счетной тетрадке расходы все растут и превышают приход. Теперь старик доктор Кюри живет вместе с сыном, и Мари, чтобы разместить своих домашних — пять человек, считая служанку, — сняла флигель на бульваре Келлермана за тысячу четыреста франков в год. В силу необходимости Пьер ходатайствует о месте в Политехническом институте. Просьба его удовлетворена, и за свою работу он станет получать две тысячи пятьсот франков в год.

И вдруг совершенно неожиданное предложение… но не из Франции. Открытие радия не дошло до сведения широкой публики, но стало известно физикам. Женевский университет с целью привлечь мужа и жену, стоявших, по его мнению, в первом ряду европейских ученых, решил сделать исключительный шаг. Декан факультета предлагает Пьеру Кюри кафедру физики, жалованье десять тысяч франков в год, оплату квартиры и руководство лабораторией, причем «кредиты на нее будут увеличены по соглашению с профессором Кюри, и ему будут даны два ассистента. По рассмотрении наличных средств лаборатории набор физических инструментов будет пополнен». В той же лаборатории предоставлялось штатное место и Мари…

Женевское предложение было сделано с такой сердечностью, с таким уважением, что Пьер под первым впечатлением согласился. В июле он и Мари едут в Швейцарию, где их коллеги оказывают им наилучший прием. Но за лето рождаются сомнения. А не придется ли им потерять несколько месяцев, посвятив их подготовке к преподаванию такого важного предмета? Временно прекратить исследования радия, которые не легко перенести в другое место? Отложить работы по выделению его в чистом виде? Все это слишком большие требования для двух ученых, ярых, одержимых.

Тяжко вздыхая, Пьер Кюри пишет в Женеву письмо со всякими извинениями и благодарностями, отказываясь от кафедры. Он отклоняет соблазнительное облегчение и решает из любви к радию остаться в Париже. Он бросает Политехнический институт и переходит на лучше оплачиваемое преподавательское место в Институт физики, химии и естественных наук на улице Кювье, рядом с Сорбонной. Мари, желая принять участие в

жизненных заботах, выставляет свою кандидатуру на место преподавательницы в Высшей нормальной школе для девиц в Севре, близ Версаля. От помощника ректора она получает письменное уведомление о своем назначении:

«Мадам,

имею честь сообщить Вам, что, по моему предложению, на Вас возлагается в учебном 1900—01 году преподавание физики на первом и втором курсе Севрской нормальной школы.

Будьте любезны поступить в распоряжение мадемуазель Директрисы с будущего понедельника, 29 сего месяца».

Бюджет сбалансирован теперь надолго, но оба Кюри оказываются непомерно перегруженными работой как раз в то время, когда опыты по радиоактивности требовали от них напряжения всех сил. Пьеру не дают единственно подходящего для него места, — кафедры в Сорбонне. Но с большой готовностью поручают такому ученому отнимающие время занятия второстепенного значения.

Оба супруга Кюри сидят над учебниками, придумывают задачи, намечают курсовые опыты. На Пьера навалилось преподавание в двух местах и практические работы с двумя отделениями учеников. Мари, озабоченная своим дебютом на поприще французской педагогики, тратит множество сил на подготовку к урокам и на организацию ручного труда для севрских девиц. Она вносит обновление в методы преподавания и так своеобразно ведет уроки, что ректор Люсьен Пуанкаре изумляется и поздравляет ее с успехом. Мари не умеет делать что-нибудь иначе, как наилучшим образом.

Сколько растраченных сил, сколько времени, потерянного для настоящей работы! Набив портфель поправленными «уроками» своих учениц, Мари несколько раз в неделю ездит в Севр на трамвае, доводящем до отчаяния своей медленностью, вдобавок приходится ждать его по получасу, стоя на тротуаре. Пьер бегает с улицы Кювье на улицу Ломон в сарай. Едва начнет он какой-нибудь свой опыт, а уже надо бросать аппаратуру и бежать в другое место — спрашивать безбородых физиков.

Можно было бы надеяться, что на своем новом месте он получит лабораторию. Лаборатория утешила бы его вполне! Но нет… В институте физики, химии и естественных наук ему отводят две маленькие комнатки. Он так разочарован, что превозмогает свое отвращение ко всяким просьбам и пытается испросить себе помещение большего размера. Безуспешно.

«Каждый, кто предпринимал ходатайства такого рода, — будет писать Мари, — хорошо знает, сколько финансовых и административных препятствий встречает он при этом, сколько

нужно официальных писем, визитов, заявлений, чтобы добиться малейшего успеха. Пьер невыносимо уставал и приходил в уныние».

Эти усилия супругов Кюри отражаются на их работе и даже на здоровье. Пьер настолько утомился, что спешно требует уменьшить число его «часов». В Сорбонне оказывается свободной кафедра минералогии, и такой ученый, как автор основных работ по физике кристаллов, в особенности подходил для замещения ее. Пьер выступает кандидатом. Верх одерживает конкурент.

«При больших заслугах и при большой скромности можно долго пребывать в неизвестности», — писал Монтэнь.

Друзья Пьера Кюри стараются всеми способами продвинуть его на профессорское место. В 1902 году профессор Маскар настаивает на том, чтобы Пьер выставил свою кандидатуру в Академию наук. Выбор ему обеспечен, а это очень значительно улучшит его материальное положение.

Пьер колеблется, но потом соглашается без особого удовольствия. Он с трудом обрекает себя на необходимость сделать визиты академикам, выполняя традиционный обычай, который представляется ему унизительным и нелепым. Физическое отделение академии единогласно высказывается за Пьера. Он тронут этим и выступает кандидатом. Получив от профессора Маскара должное внушение, он просит каждого из членов знаменитого сообщества назначить ему аудиенцию.

Имя Пьера получит широкую огласку после того, как журналисты подыщут пикантные анекдоты об известном ученом, а один из них в мае 1902 года опишет объезд академиков Пьером Кюри в таких выражениях:

«…Подниматься по лестнице, звонить, просить доложить о себе, говорить, зачем пришел, — одно это невольно переполняет кандидата чувством стыда; но это еще не все: необходимо перечислить свои заслуги, хорошо отозваться о самом себе, похвалиться своими знаниями, работами, а ему кажется, что вся эта процедура превышает человеческие силы. Затем он искренне и щедро расхваливает своего конкурента, уверяя, что месье Амага имеет гораздо больше оснований войти в академию, чем он, Кюри!»

Результаты выборов опубликованы 9 июня. При обсуждении двух кандидатов — Пьера Кюри и Амага — академики предпочли последнего.

В письме к своему близкому другу Жоржу Гуи Пьер так сообщает ему эту новость:

«Дорогой друг, как вы и предвидели, выбор пал на Амага, получившего 23 голоса, тогда как я получил 20, а Жерне — 6.

В общем я сожалею, что потратил так много времени на визиты для получения столь блестящего результата. Отделение представило меня единогласно, из-за этого я и согласился.

Передаю вам эти сплетни, зная, что вы охотник до таких вещей, но не думайте, что я сильно огорчен таким маловажным обстоятельством.

Преданный Вам *Пьер Кюри».*

Новый декан, Поль Аппель, тот самый профессор, лекции которого слушала Мари с таким восторгом, вскоре пытается действовать в интересах Пьера другим образом.

Поль Аппель — Пьеру Кюри:

«Министр требует от меня представлений к награде орденом Почетного легиона. Вы должны стоять в этом списке. Я прошу Вас, как об услуге факультету, разрешить мне внести Вас в список. Я знаю, что человеку такого значения, как Вы, орден совсем не интересен, но мне важно представить наиболее достойных членов факультета, тех, кто наиболее отличился своими открытиями и работами. Это способ ознакомить министра с ними и показать, как мы работаем в Сорбонне. Если Вас наградят, то станете ли Вы носить орден или нет, это, конечно, будет зависеть только от Вашего желания, но я прошу Вас: разрешите представить Вас.

Извините меня, дорогой коллега, за надоедливость и будьте уверены в моей сердечной преданности».

Поль Аппель — Мари Кюри:

«…Несколько раз я говорил ректору Лиару о прекрасных работах господина Кюри, о непригодности его рабочего помещения, о том, как было бы важно дать, ему хорошую лабораторию. Господин ректор говорил о Кюри с министром и воспользовался для этого таким удобным случаем, как представление к награде орденом Почетного легиона в связи с Четырнадцатым июля. Министр, видимо, очень заинтересовался господином Кюри и, может быть, хотел бы для начала выказать свой интерес к господину Кюри, наградив его орденом. В этом предположении я просил бы Вас использовать все Ваше влияние для того, чтобы господин Кюри не отказался. Сама по себе эта награда не имеет явного значения, но по своим последствиям— лаборатории, кредиты и т. п. — имеет значение большое.

Прошу Вас воздействовать на господина Кюри во имя науки и высших интересов факультета, чтобы он предоставил мне свободу действий».

На этот раз Пьер Кюри не «предоставил свободы действий».

Всегдашнее отвращение ко всяким почестям вполне оправдывает его поведение. Пьера Кюри возмущает и другое. Ему действительно кажется смешным, что человеку науки отказывают в средствах для работы, а в то же время предлагают как поощрение, как «хорошую отметку» эмалевый крестик на красной ленточке.

Вот ответ Пьера Кюри декану:

«Прошу Вас, будьте любезны передать господину министру мою благодарность и осведомить его, что не имею никакой нужды в ордене, но весьма нуждаюсь в лаборатории».

* * *

Надежда на облегчение существования исчезла.

Не получив желанного помещения для своих опытов, супруги Кюри удовлетворяются сараем, и долгие часы горячей, увлекательной работы служат им утешением в их неудачах. Они продолжают преподавательскую деятельность. Делают это добросовестно, без огорчения. Не один юноша с благодарностью вспомнит живые, ясные лекции Пьера. Не одна «севрянка» будет обязана своей склонностью к знанию преподавательнице Мари.

Разрываясь на части между научным исследованием и преподаванием, Пьер и Мари забывают о пище и о сне. Правила «нормальной» жизни, когда-то установленные самой Мари, ее достижения как поварихи и хозяйки дома — все забыто. Оба супруга безотчетно перенапрягают свои силы, доходя до истощения. Повторные припадки невыносимой боли в руках и ногах вынуждают Пьера слечь в постель. Мари держится нервным напряжением и пока не сдается: излечив своеобразным методом презрения и ежедневного нарушения осторожности туберкулезный очаг, вызывавший столько опасений у ее родных, Мари считает себя неуязвимой. Но в маленькой записной книжке, куда она заносит систематически свой вес, с каждой неделей цифры становятся все меньше. За четыре года работы в их сарае Мари похудела на семь килограммов. Друзья дома отмечают ее бледность и нездоровый вид. Один молодой физик даже пишет Пьеру Кюри письмо, где умоляет его поберечь здоровье, и собственное и Мари. Его письмо рисует тревожную картину жизни четы Кюри, их самопожертвования.

Жорж Саньяк — Пьеру Кюри:

«…увидав мадам Кюри на заседании Физического общества, я поразился тем, насколько изменились черты ее лица. Мне хорошо

известно, что причиной ее переутомления является подготовка диссертации. Но мне эта причина ясно говорит об отсутствии у нее достаточных сил сопротивления, чтобы жить такой чисто умственной жизнью, какую вы ведете, и все, что я говорю, относится и к Вам лично.

В подтверждение моей мысли приведу только один пример: вы почти ничего не едите, ни тот, ни другой. Неоднократно я видел, как мадам Кюри наспех жует несколько кусочков колбасы и запивает чашкой чаю. Как Вы думаете, может ли организм, даже крепкий, не пострадать при таком недостаточном питании? А что будет с Вами, если мадам Кюри потеряет здоровье?

Возможно, что Вы и встретите с ее стороны пренебрежение или упрямство, но это не послужит Вам извинением. Я предвижу Ваше возражение такого рода: «Она не чувствует голода. Она взрослый человек н знает, что делает!» Нет, это не так. Сейчас она ведет себя как ребенок. Говорю Вам это дружески, с полным убеждением.

Вы не уделяете достаточно времени для принятия пищи. Вы кушаете, когда придется, а вечером ужинаете так поздно, что желудок, утомленный ожиданием, в конце концов отказывается действовать. Несомненно, может иной раз случиться, что какое-нибудь исследование отсрочит Ваш обед до вечера, но Вы не имеете права возводить это в привычку. Нельзя заполнять научными занятиями все моменты своей жизни, как это делаете Вы. Надо давать телу передышку. Надо спокойно сесть за стол и кушать медленно, избегая разговора о вещах грустных или утомительных для ума. Во время еды нельзя читать, нельзя говорить о физике…»

* * *

На все упреки и наставления такого рода Пьер и Мари наивно отвечают: «Мы же отдыхаем. Летом мы уезжаем на каникулы».

Летом они действительно пользуются отдыхом, или, вернее говоря, думают, что это отдых. В разгар лета они, как и прежде, ездят с места на место. По их мнению, отдыхать — это значит объехать на велосипедах все Севенны, как было в 1898 году. Спустя два года они проехали все побережье Ла-Манша от Гавра до Сен-Валери-де-Сомм, а затем отправились на остров Нуармутье. В 1901 году их встречают в Пульдю, в 1902 году— в Арроманше, в 1903 году — в Трэпоре, потом в Сен-Трожане.

Дают ли все эти разъезды необходимый им физический и духовный отдых? Можно сомневаться. И виноват в этом Пьер,

которому не сидится на одном месте. Пробыв где-либо два-три дня, он уже заговаривает о Париже и мягко обращается к жене:

— А уж давно мы ничего не делали!

В 1899 году Кюри предприняли поездку в далекие края, доставившую им много радостей. Впервые после своего замужества Мари приехала на родину, но не в Варшаву, а в австрийскую Польшу, в Закопане, где Длусские строили свой санаторий. Рядом со строительными лесами, на которых работало много каменщиков, в пансионе «Эгер» приютилась теплая компания. Тут остановился старик Склодовский, еще очень подвижной, помолодевший от радости, когда вокруг него собрались все его дети, четыре молодые семьи. Как быстро пронеслись годы! Еще недавно его три дочери и сын бегали в Варшаве по урокам… А теперь Иосиф — уважаемый врач, обзавелся женой, детьми; Броня и Казимир строят санаторий, Эля преуспевает в педагогике, а ее муж Станислав Шалай управляет большим фотографическим предприятием. Маня работает в лаборатории, и ее работы напечатаны! Милая «плутовка» — как звали ее в детстве, эту любимицу семьи…

Пьер Кюри, как иностранец, оказывается предметом всяческого внимания. Поляки с гордостью показывают ему Польшу. Сначала он не проявляет большого восхищения этой суровой страной с мрачными соснами, тянущимися к небу, но после экскурсии на вершины Ризи его затронула поэзия и величавость этих высоких гор. Вечером он говорит жене в присутствии ее родных:

— Красивая страна. Теперь я понимаю, что можно ее любить.

Пьер нарочно выразил это на своем только что усвоенном польском языке, чем и пленил своих свойственников, несмотря на плохое произношение. На сияющем лице Мари он уловил наивно-самодовольную улыбку.

Спустя три года, в мае 1902 года, Мари вновь села в поезд, отходящий в Польшу. Она получила несколько писем, извещавших ее о внезапной болезни отца, об операции желчного протока, откуда извлекли огромные желчные камни. Сначала приходили успокоительные вести, и вдруг — телеграмма. Это был конец. В тот же момент Мари собралась ехать. Но выправить заграничный паспорт — дело не простое: прошло несколько часов, пока все бумаги оказались в порядке. Через двое с половиной суток Мари приезжает в Варшаву, в дом к Иосифу, где проживал старик Склодовский. Слишком поздно.

Мысль, что она не увидит его лица, невыносимо мучила ее. Известие о смерти отца застало ее в дороге. Мари ответной телеграммой умоляла сестер задержать погребение. Она проходит

в комнату и с необычайной настойчивостью требует открыть уже заколоченный гроб. Ее желание исполнили. Глядя на безжизненное, спокойное отцовское лицо, Мари прощается с отцом и умоляет простить ее. В глубине своей души она не переставала упрекать себя за то, что осталась во Франции, обманув ожидания старика, который надеялся окончить свои дни в ее присутствии. Стоя перед раскрытым гробом, в полной тишине, она шепотом продолжает упрекать себя, пока, наконец, брат и сестры не прекращают тяжкой сцены.

Это мучительное самообвинение несправедливо. Последние годы жизни ее отца протекли спокойно, счастливо, и в особенности благодаря ей. Окруженный любовью близких, удовлетворенный как отец и дед, старик Склодовский успел забыть былые превратности своей жизни. Самые последние, наибольшие радости доставила ему как раз Мари. Открытие полония и радия, появление в «Докладах» Парижской академии наук поразительных сообщений за подписью его ребенка вызвали глубокое хорошее волнение в учителе физики, занятом ежедневным обязательным трудом, исключавшим возможность бескорыстного занятия наукой. Он следил за каждым шагом в работе своей дочери. Еще недавно Мари известила его о том, что после четырех лет настойчивой работы ей удалось добыть радий в чистом виде. И за шесть дней до своей смерти старик Склодовский начертал дрожащею рукой следующие строки уже не прежним четким, ровным почерком:

«Наконец ты владеешь солями чистого радия! Если принять во внимание, сколько потрачено труда, чтобы добыть его, то, конечно, это самый дорогой из химических элементов. Жаль одного, что работа эта имеет интерес, по-видимому, только теоретический.

У нас ничего нового. Погода — так себе, еще довольно холодно. Надо опять ложиться в постель, а потому кончаю, нежно тебя целуя…»

Как был бы горд и счастлив старик отец, если бы прожил еще два года и узнал, что имя его дочери приобрело громкую известность, что Нобелевская премия присуждена Анри Беккерелю, Пьеру Кюри и Мари Кюри — его ребенку, его Анчупечо!

Мари уезжает из Варшавы бледная, худая. В сентябре она вернется в Польшу. После горестной утраты Склодовские-«дети» чувствуют потребность собираться, как доказательство, что их братское единство продолжает жить.

* * *

Октябрь. Пьер и Мари вернулись в свою лабораторию. Оба устали. Мари помогает в исследованиях мужу и в то же время описывает результаты своих работ по выделению радия. Но она упала духом, у ней ни к чему нет охоты. То страшное напряжение, какому она так долго подвергала свою нервную систему, вызвало странные явления: по ночам на нее находили приступы сомнамбулизма; она вставала с постели и бессознательно бродила по дому.

Несколько позже, опять из Польши, приходит дурная весть: второй ребенок Брони, мальчик, умер в несколько дней от менингита.

«Я совершенно подавлена несчастьем, какое обрушилось на Длусских, — пишет Мари своему брату. — Этот ребенок был воплощенное здоровье. Если возможно потерять такого ребенка, несмотря на хороший уход, мыслимо ли надеяться сохранить других детей и воспитать их? Я не могу без дрожи ужаса смотреть на свою дочку: Горе Брони раздирает мне душу».

Эти печальные события омрачают существование Мари, а в то же время ее изводит другое тяжелое, мучительное обстоятельство: болеет Пьер. И раньше у него случались приступы болей, которые, вследствие неясных показаний, врачи называли ревматическими, теперь они усилились и жестоко угнетают Пьера. Мучительно страдая, он стонет целые ночи напролет, а перепуганная жена ухаживает за ним.

Однако ж Мари должна вести занятия в Севре, а Пьеру надо опрашивать своих многочисленных учеников и вести с ними практические работы. Не имея желанной лаборатории, необходимо продолжать кропотливые опыты.

Только один раз вырывается у него жалоба. Он тихо произносит:

— А все-таки тяжелую жизнь избрали мы с тобой.

Мари пытается возразить ему, но ей не удается скрыть свою тоску. Если так приуныл даже Пьер, разве это не значит, что уходят его силы? Уж не болен ли он какой-нибудь страшной, неизлечимой болезнью? А сможет ли она сама преодолеть ужасную усталость? Уже несколько месяцев, как образ смерти бродит вокруг нее и овладевает ее мыслью.

— Пьер!

Пораженный тоном отчаяния и сдавленным звуком голоса Мари, он резко оборачивается.

— В чем дело? Что с тобой, дорогая?

— Пьер… если кого-нибудь из нас не станет… другой не должен пережить его. Жить один без другого мы не можем. Правда?

Пьер отрицательно покачивает головой. Эти слова, подсказанные женщиной, притом влюбленной, забывшей о своем предназначении, вызывают в нем мысль, что ученый не имеет права покидать науку.

С минуту он вглядывается в изменившееся, горестное лицо Мари. Потом твердо произносит:

— Ты ошибаешься. Что бы ни случилось, хотя бы душа расставалась с телом, все равно — надо работать.

Глава XV

Докторская диссертация и пятиминутный разговор

Не все ли равно для науки, бедны ли, богаты ли, счастливы или несчастливы, здоровы или больны ее служители? Она знает, что они созданы искать и открывать и что до полного истощения своих сил будут искать и находить. Ученый не в состоянии бороться со своим призванием. Даже в дни упадка душевных сил ноги сами ведут его, как рок, в лабораторию.

Поэтому не станем удивляться результатам работы Пьера и Мари за годы трудной жизни. Молодая радиоактивность распускается и расцветает, истощая мало-помалу чету физиков, давших ей жизнь.

С 1899 по 1904 год супруги Кюри, то вместе, то раздельно, то в сотрудничестве с кем-нибудь из научных собратий, публикуют тридцать два научных сообщения. Заголовки у них непривлекательные, текст испещрен диаграммами и формулами, пугающими неспециалиста. Однако каждое из этих сообщений знаменует собой победу. Читая сухое перечисление наиболее важных работ, согласимся с тем, что все они — плод любознательности, настойчивости и дарования:

1. О химическом действии лучей радия (Мари Кюри и Пьер Кюри, 1899 год).
2. Об атомном весе бария, содержащего радий (Мари Кюри, 1900 год).
3. Новые радиоактивные вещества и их лучеиспускание (Мари Кюри и Пьер Кюри, 1900 год).
4. Об индуктивной радиоактивности, вызываемой солями радия (Пьер Кюри и Андре Дебьерн, 1901 год).
5. Физиологическое действие лучей радия (Пьер Кюри и Анри Беккерель, 1901 год).
6. О радиоактивных телах (Мари Кюри и Пьер Кюри, 1901 год).
7. Об атомном весе радия (Мари Кюри, 1902 год).

8. Об абсолютном измерении времени (Пьер Кюри, 1902 год).

9. Об индуктивной радиоактивности и эманации радия (Пьер Кюри, 1903 год).

10. О теплоте, самопроизвольно выделяемой солями радия (Пьер Кюри и А. Лаборд, 1903 год).

11. Исследование радиоактивных веществ (Мари Кюри, 1900 год).

12. О радиоактивности газов, выделяемых минеральными водами (Пьер Кюри и А. Лаборд, 1904 год).

13. Физиологическое действие эманации радия (Пьер Кюри, Ж. Бушар и В. Бальтазар, 1904 год).

Радиоактивность, зародившись во Франции, быстро переходит за границу. С 1900 года из Англии, Германии, Австрии, Дании поступают на улицу Ломон запросы, подписанные именами крупных ученых. Супруги Кюри обмениваются письмами с сэром Вильямом Круксом, с венскими профессорами Зюссом и Больцманом, с датским исследователем Паульсеном. «Родители» радия щедро дают своим коллегам всяческие разъяснения и технические советы. В нескольких странах ученые кидаются отыскивать новые радиоактивные элементы, надеясь на новые открытия. Охота за ними дает хорошую добычу, в ее итоги входят мезоторий, радиоторий, ионий, протактиний, радиосвинец…

В 1903 году два английских ученых, Рамзей и Содди, доказывают, что радий все время выделяет небольшое количество газа — гелия. Это первый пример ядерного превращения. Немного позже, и опять в Англии, Резерфорд и Содди, исходя из гипотезы, предположенной Мари в 1900 году, публикуют замечательную «Теорию радиоактивных превращений». Они утверждают, что радиоактивные элементы, даже когда они кажутся неизменными, находятся в состоянии самопроизвольной эволюции: чем быстрее процесс их превращения, тем сильнее их активность.

«Это настоящая теория превращения простых тел, но не такого, какое мыслили алхимики, — напишет по этому поводу Пьер Кюри. — Неорганическая материя будет веками непреложно эволюционировать по незыблемым законам».

Чудесный радий! Очищенный до хлористого состояния, он представляет собой белый, тусклый порошок, который легко принять за обычную поваренную соль. Но его свойства, чем лучше познаешь их, тем поразительнее кажутся. Излучение его, которое и обнаружило чете Кюри существование самого радия, по своей интенсивности превосходит все их предположения: оно в два миллиона раз сильнее, чем излучение урана. Наука анализировала радий, разложила его излучение на три рода,

установила, что эти лучи способны проходить, правда видоизменяясь, сквозь самые светонепроницаемые материалы. Лишь толстый свинцовый экран может остановить поток этих невидимых лучей.

У радия есть своя тень, свой фантом: он самопроизвольно вырабатывает особенное газообразное вещество — эманацию радия, тоже активное; и если даже заключить его в стеклянную трубку, то оно непрестанно разлагается со строгою закономерностью. Его присутствие обнаружится в многочисленных источниках минеральных вод.

Другой вызов радия теориям, как будто составляющим незыблемую основу физики: он самопроизвольно выделяет тепло. Количество тепла, выделяемого частицей радия в час, способно растопить равный по весу кусочек льда. Если вы изолируете радий от охлаждения извне, он нагревается, и его температура может подняться до десяти и больше градусов выше окружающей среды.

Да на что он не способен? Он действует на фотографическую пластинку сквозь черную бумагу; он превращает воздух в проводник электричества и таким образом разряжает на расстоянии электроскоп; стеклянную посуду, имеющую честь содержать его, он окрашивает в розовато-сиреневый и лиловый цвет; если его обернуть бумагой или ватой, он разъедает их и мало-помалу превращает в прах.

Что радий светоносен, мы уже знаем. «Эту светоносность нельзя видеть при дневном свете, — запишет Мари, — но легко наблюдать в полумраке. Излучаемый свет может иметь силу, достаточную, чтобы читать в темноте, освещая книгу небольшим количеством радия».

Радий пользуется своим чудесным свойством не только эгоистически, для самого себя. Он фосфоресцирует многие тела, которые сами по себе не способны излучать свет. Так, например, обстоит дело с алмазами:

«Если алмазу, путем воздействия на него радием, придать фосфоресцирующее свойство, то этим можно отличить алмаз от его подделки — страза, который будет светиться очень слабо».

Наконец излучение радия — «прилипчиво». «Прилипчиво» как стойкий запах, как болезнь. Нельзя оставить какой-нибудь предмет, растение, животное или человека рядом с пробиркой, заключающей радий, чтобы на них не отразилась сейчас же и заметно его активность. Эта «прилипчивость», путавшая результаты опытов большой точности, являлась повседневным врагом Пьера и Мари Кюри.

«При исследовании сильно радиоактивных веществ, — пишет

Мари, — надо принимать особо тщательные предосторожности, если хочешь продолжительно делать тонкие измерения. Различные предметы, употребляемые в химической лаборатории, и те, которые необходимы для физических экспериментов, незамедлительно сами становятся радиоактивными и начинают действовать на фотографические пластинки сквозь черную бумагу. Пыль, воздух в комнате, сама одежда делаются радиоактивными. Воздух превращается в проводник электричества. В той лаборатории, где мы работаем, эта напасть приобрела такую остроту, что мы уже не в состоянии иметь ни одного вполне изолированного аппарата».

Спустя тридцать-сорок лет после смерти обоих Кюри их рабочие записные книжки еще проявят живую, таинственную активность и будут действовать на измерительные приборы!

Радиоактивность, выделение теплоты, создание газа гелия и эманации, самораспад… Как далеки мы от теорий инертной материи, неизменного атома! Каких-нибудь пять лет тому назад ученые еще верили, что вселенная состоит из вполне определенных тел, из вечных элементов. А теперь частицы радия каждую секунду выталкивают из самих себя атомы газа гелия и бросают их в пространство с огромной силой. Этот микроскопический и страшный взрыв Мари назовет «катаклизмом ядерного превращения», осадок же его представляет собой атом эманации, который превратится в другое радиоактивное тело, а оно, в свою очередь, потерпит превращение. Теперь радиоактивные элементы образуют своеобразные семейства, где каждый из его членов создается самопроизвольным превращением материнского вещества; радий — потомок урана, полоний — потомок радия. Эти тела ежемгновенно создаются и саморазрушаются по вечным законам: каждый радиоэлемент теряет половину своего вещества в точно определенное, одно и то же время, которое зовут периодом его полураспада. Чтобы уменьшиться наполовину, урану нужно несколько миллиардов лет, радию — тысяча шестьсот, эманации радия — четыре дня, а «потомкам» эманации — лишь несколько секунд.

В неподвижной, по видимости, материи происходят рождения, столкновения, убийства и самоубийства. В ней заключены драмы, вызываемые беспощадным предопределением. В ней жизнь и смерть.

Таковы факты, открытые нам радием. Философам не остается ничего, как заново начать философию, а физикам — физику.

* * *

Последнее, волнующее чудо: радий будет кое-что значить и для здоровья человека. Он станет его союзником в борьбе с жестокой болезнью — раком.

Немецкие ученые Вальхов и Гизель заявили в 1900 году, что новое вещество действует физиологически, и Пьер, пренебрегая опасностью, тотчас подверг свое предплечье действию радия. К его радости, участок кожи оказался поврежденным! В заметке для Академии наук он спокойно описывает наблюдаемые симптомы: «Кожа покраснела на поверхности в шесть квадратных сантиметров; она имеет вид ожога, но не болит или болезненна чуть-чуть. Через некоторое время краснота, не распространяясь, начинает становиться интенсивнее; на двадцатый день образовались струпья, затем рана, которую лечили перевязками; на сорок второй день стала перестраиваться эпидерма от краев к центру, а на пятьдесят второй день остается еще ранка в квадратный сантиметр, имеющая сероватый цвет, что указывает на более глубокое омертвение тканей.

Добавим, что мадам Кюри, перенося в запечатанной пробирке несколько сантиграммов очень активного вещества, получила ожоги такого же характера, хотя маленькая пробирка лежала в тонком металлическом футляре.

Кроме таких резких воздействий, мы за время наших работ с очень активными веществами испытали на себе различные виды их воздействия. Руки вообще имеют склонность к шелушению; концы пальцев, державших пробирки или капсюли с сильно активными веществами, становятся затверделыми, а иногда очень болезненными; у одного из лас воспаление оконечностей пальцев длилось две недели и кончилось тем, что сошла кожа, но болезненная чувствительность исчезла только через два месяца».

Анри Беккерель нес в жилетном кармане пробирку с радием и тоже ожегся, но не по своей охоте. Он приходит в восторг и ярость, бежит к Кюри жаловаться на проделки их страшного детища. В виде заключения он говорит:

— Радий я люблю, но сердит на него!

…А затем спешно записывает результаты своего невольного эксперимента, которые появятся 3 июля

1901 года в «Докладах» академии рядом с наблюдениями Пьера Кюри.

Заинтересованный этой поразительной способностью, Пьер изучает действие радия на животных. Он работает вместе с известными учеными-медиками Бушаром и Бальтазаром. Вскоре они пришли к такому заключению: радий, разрушая больные клетки, излечивает волчанку, злокачественные опухоли и некоторые формы рака. Этот вид терапии будет называться

«кюритерапией». Французские практические врачи (Доло, Викам, Доминичи, Дегре и др.) с успехом применяют первые опыты этого лечения на своих больных. Они употребляют пробирки с эманацией радия, полученные от Пьера и Мари Кюри.

«Действие радия на кожу изучено доктором Доло в больнице Сен-Луи, — запишет Мари. — С этой точки зрения радий дает ободряющие результаты: эпидерма, частично разрушенная действием радия, преобразуется в здоровую».

Радий полезен, изумительно полезен! Нетрудно догадаться о прямых следствиях такого убеждения. Выделение нового элемента представляет интерес не только как научный опыт. Оно является необходимым, благодетельным. Должно начаться промышленное производство радия.

Пьер и Мари кладут начало такому производству. Собственными руками, больше всего руками Мари, они добывают первый явившийся на свет грамм радия, переработав для этого восемь тонн уранита разработанным ими способом. Мало-помалу свойства радия все больше возбуждают умы, и супруги Кюри находят действенную помощь для организации производства радия на широкой основе. Массовая обработка минералов под руководством Андре Дебьерна была начата «Центральным обществом химических продуктов», согласившимся производить всю обработку по себестоимости, без прибыли. В 1902 году Академия наук отпускает супругам Кюри кредит в двадцать тысяч франков «на выделение радиоактивных веществ». Сразу же была начата переработка пяти тонн минерала.

В 1904 году решительный и образованный Арме де Лиль надумал устроить завод для производства радия с целью снабжать им врачей, занимающихся лечением злокачественных опухолей. Он предлагает Пьеру и Мари помещение при заводе, где они могут с удобством вести свои работы, которые из-за тесноты сарая были до сих пор невыполнимы. Супруги подбирают себе таких сотрудников, как Ф. Одепин и Жак Данн, которым Арме де Лиль поручает извлечение драгоценного вещества.

Мари так и не расстанется со своим первым граммом радия. Позже она завещает его своей лаборатории. Он не имел и никогда не будет иметь другой ценности, кроме как воплощения ее нещадного труда. Когда сарай рухнет под ломами рабочих, а мадам Кюри уже не будет на свете, этот грамм останется лучистым символом подвига и героической поры двух жизней.

Другие граммы будут цениться по-иному — на вес золота. Радий, регулярно поступающий на рынок, становится самым дорогим веществом на всем свете. Один грамм радия стоит семьсот пятьдесят тысяч франков золотом.

Такое аристократическое вещество заслуживает того, чтобы о нем знали. В январе 1904 года выходит первый номер обозрения «Радий», посвященного только радиоактивным продуктам.

В торговле радий выступает как самостоятельная личность. У него своя котировка и своя пресса. На бланке с заголовком завода Арме де Лиля вскоре будет печататься большими буквами:

СОЛИ РАДИЯ — Р АДИОАКТИВНЫЕ ВЕЩЕСТВА

Адрес для телеграмм: Радий — Ножан-сюр-Марн.

* * *

Все эти плодотворные работы ученых в разных странах, организация производства радия и первые врачебные опыты осуществились в конце концов благодаря тому, что молодая блондинка, движимая горячей любознательностью, в 1897 году выбрала темой своей диссертации изучение лучей Беккереля. Благодаря тому, что она угадала в ураните присутствие нового химического элемента и, присоединив к своим силам силы своего мужа, доказала существование этого тела, выделив чистый радий.

И вот 25 июня 1903 года эта женщина стоит у черной доски в небольшой аудитории Сорбонны, в «студенческой аудитории», куда проникаешь по скрытой винтовой лестнице. Прошло больше пяти лет с тех пор, как Мари приступила к теме своей диссертации. Закружившись в вихре крупнейшего открытия, она долго откладывала испытание на докторскую степень, не имея времени соединить в целое необходимые для этого элементы. Теперь она является на суд ученых.

По обычаю она вручила своим оппонентам— Липпманну, Бути и Муасану — на их рассмотрение текст своей работы «Исследования радиоактивных веществ; мадам Склодовска-Кюри». И — событие невероятное — она купила себе новое платье, черное, «шелк с шерстью». Говоря точнее — Броня, приехавшая в Париж на защиту диссертации, устыдила Мари ее заношенными платьями и насильно повела в магазин. И уже сама вела переговоры с продавщицей, щупала материю, указывала переделки, не обращая внимания на хмурое лицо младшей сестры.

В солнечный июньский день, солнечный и торжественный, Броня сама нарядила Мари с такой же тщательностью, с тем же увлечением, как двадцать лет тому назад, в 1883 году, когда девочке Манюше, одетой, как и теперь, в черное платье, предстояло получить из рук русского чиновника золотую медаль по окончании гимназии в Краковском предместье.

Мадам Кюри стоит совершенно прямо. На ее бледном лице, на выпуклом лбу, совсем открытом благодаря зачесанным вверх волосам, заметны тонкие морщинки — следы того сражения, которое она дала и выиграла. Физики, химики теснятся в комнате, пронизанной солнцем. Пришлось поставить дополнительные стулья: исключительный интерес к тем исследованиям, о которых будет идти речь, привлек людей науки.

Старый доктор Кюри, Пьер Кюри, Броня сели в глубине зала, втиснувшись между студентами. Рядом с ними видна говорливая стайка юных девиц; это севрские ученицы Мари, явившиеся аплодировать своей преподавательнице.

Три оппонента во фраках сидят за длинным дубовым столом. Они по очереди задают вопросы кандидатке. И господину Бути, и Лйппманну, своему первому учителю с тонкими вдохновенными чертами лица, и господину Муасану Мари отвечает приятным, мягким голосом. Держа в руке кусочек мела, она рисует на доске схему какого-нибудь прибора или пишет основную формулу. Она излагает результаты своих работ сухими техническими фразами с тусклыми прилагательными. Но в умах окружающих ее физиков, молодых и старых, жрецов науки и учеников, все это преобразуется по-другому. Холодная речь Мари превращается в образ зажигательный, восхищающий, в образ одного из самых больших открытий XIX века.

Ученые не одобряют красноречия и разглагольствований. Присуждая Мари степень доктора, судьи, собравшиеся на факультете естествознания, тоже употребляют выражения простые, не блестящие, но, когда их перечитываешь через тридцать лет, эта крайняя простота придает им глубоко волнующее значение.

Председатель Липпманн произносит сакральную формулу:

— Парижский университет дарует вам звание доктора физических наук с «весьма почетным» отзывом.

Когда умолкли скромные аплодисменты, он добавляет просто, дружески, застенчивым голосом старого профессора:

— А от имени жюри, мадам, я должен выразить вам лучшие поздравления…

Эта строгая постановка защиты, этот серьезный и скромный церемониал, совершенно одинаковый и для талантливого искателя звания и просто добросовестного работника науки, не должны вызывать иронического отношения.

В них есть свой стиль, свое величие.

* * *

За несколько лет до защиты диссертации и до того, как заводское производство радия развилось во Франции и за границей, супруги Кюри приняли одно решение, не придавая ему особого значения, а между тем оно сильно отразится на всей остальной их жизни.

Очищая уранит и выделяя радий, Мари выработала для этого нужную технику и создала самый способ производства.

С тех пор как стали известны лечебные свойства радия, повсюду начались поиски радиоактивных минералов. В нескольких странах возникают проекты промышленного производства радия» между прочим в Америке и Бельгии. Однако же заводы не смогут производить «баснословный металл», пока их инженеры не узнают тайны, какими способами выделять чистый радий.

Как-то воскресным утром в домике на бульваре Келлермана Пьер излагает своей жене создавшееся положение вещей. Только что почтальон принес ему письмо из Соединенных Штатов. Пьер внимательно прочел его, сложил и бросил на письменный стол.

— Надо бы нам поговорить о нашем радии, — начал он спокойным тоном. — Теперь совершенно ясно, что производство радия широко распространится. Вот как раз послание из Буффало. Тамошние техники намереваются создать завод для добычи радия и просят меня дать им сведения.

— Дальше? — спрашивает Мари, не проявляя большого интереса к теме разговора.

— Дальше — у нас есть выбор между двумя решениями этого вопроса. Описать во всех подробностях результаты наших исследований, включая и способы очистки…

Мари утвердительно кивает головой и быстро говорит:

— Ну да, конечно.

— Или же, — продолжает Пьер, — мы можем рассматривать себя как собственников, как «изобретателей» радия. В таком случае прежде чем опубликовывать то, каким способом ты обрабатывала уранит, надо запатентовать эту технику и обеспечить свои права на заводскую добычу радия во всем мире.

Он делает усилие, чтобы вполне объективно уточнить положение. Если, произнося мало ему свойственные слова — «запатентовать», «обеспечить свои права», его голос звучал в тоне едва заметного презрения, то это не вина Пьера.

Несколько секунд Мари раздумывает. Потом говорит:

— Нельзя. Это противно духу науки.

Пьер сознательно настаивает:

— Я тоже так думаю… но не хочу, чтобы мы приняли это решение легкомысленно. Жизнь у нас тяжелая, и надо опасаться,

что она всегда такой и будет. А у нас есть дочь… Возможно, что у нас будут еще дети. Для них, да и для нас патент — это деньги, богатство. Это обеспеченная жизнь в довольстве, отсутствие забот о заработке.

С легким смешком он указывает еще на одну вещь, от которой ему тяжело отказаться:

— Мы могли бы иметь отличную лабораторию.

Мари смотрит в одну точку. Она практически обдумывает вопрос о выгоде, о материальном вознаграждении… И почти тотчас отвергает его:

— Физики публикуют результаты своих исследований всегда бескорыстно. Если наше открытие будет иметь коммерческое значение, то как раз этим не следовало бы пользоваться. Радий будет служить и для лечения больных людей. И мне кажется невозможным извлекать из этого выгоду.

Мари не пытается убеждать мужа. Она хорошо понимает, что о патенте Пьер заговорил лишь для очистки совести. Полная уверенность, звучавшая в ее словах, выражала чувства их обоих, их непреложное понятие о роли ученого.

В наступившем молчании Пьер, как эхо, повторяет фразу:

— Да. Это было бы противно духу науки.

На душе у него отлегло. И, в порядке разрешения как бы частного вопроса, Пьер добавляет:

— Вечером я напишу американским инженерам и дам им все указания, которые они просят.

«По соглашению со мной, — напишет Мари спустя двадцать лет, — Пьер отказался извлечь материальную выгоду из нашего открытия; мы не взяли никакого патента и, ничего не скрывая, обнародовали результаты наших исследований, а также способы извлечения чистого радия. Больше того, всем заинтересованным лицам мы давали требуемые разъяснения. Это пошло на благо производству радия, которое могло свободно развиваться, сначала во Франции, потом за границей, поставляя ученым и врачам продукты, в которых они нуждались. Это производство до сего времени использует почти без изменений указанные нами способы добычи радия.

…Общество естественных наук в Буффало прислало мне в знак памяти свое издание, посвященное развитию производства радия в Соединенных Штатах, с приложением фотокопий с писем Пьера, в которых он самым подробным образом ответил на вопросы, обращенные к нему со стороны американских инженеров».

* * *

Через четверть часа после этого пятиминутного разговора воскресным утром Пьер и Мари на велосипедах проезжают заставу Шантийи и, нажимая на педали, направляются в Кламарский лес.

Раз и навсегда они предпочли богатству бедность, а вечером усталые возвращаются домой с ветками деревьев и букетами цветов.

Глава XVI

Враг

Швейцария первой предложила супругам Кюри достойное их положение, как это нам известно из письма Женевского университета, а первые почести пришли к ним из Англии.

Франция несколько раз награждала их за научные заслуги. В 1895 году Пьер получил премию Планте, в 1901 году — премию Лаказа, а Мари три раза награждалась премией Жегне. Но имя их не было связано с отличиями высокого ранга до 3 июня 1903 года, когда знаменитый Королевский Институт официально пригласил Пьера Кюри сделать доклад а радии. Французский физик отправляется в Лондон на торжественное заседание вместе со своей женой.

Там их встречает знакомое лицо, светящееся дружбой и благожеланием, — лорд Кельвин. Великий старец считает их успех вопросом своей чести и так гордится их исследованиями, как гордился бы своими. Он ведет их осматривать свою лабораторию и на ходу отечески кладет свою руку на плечо Пьера. Показывает с трогательной радостью своим сотрудникам подарок из Парижа, настоящий подарок ученому: драгоценную частичку радия в стеклянной ампуле.

Вечером на заседании, посвященном докладу Пьера, лорд Кельвин сидит рядом с Мари, первой женщиной, присутствующей на заседаниях Королевского Института. В зале вся научная Англия: сэр Вильям Крукс, лорд Ралей, лорд Эйвбери, сэр Фредерик Брамуэлл, сэр Оливер Лодж, профессора Дьюар, Рей Лэнкстер, Айртон, С.-П. Томпсон, Армстронг… Неторопливо Пьер на французском языке излагает свойства радия. Затем он просит погасить свет и производит ряд поразительных опытов: волшебной силой радия разряжает на расстоянии электроскоп,

заставляет фосфоресцировать экран, пропитанный сернокислым цинком, действует на фотографические пластинки, завернутые в черную бумагу, доказывает самопроизвольное выделение теплоты чудесным веществом…

Восхищение, царившее на этом вечере, сказалось и на следующий день. Весь Лондон пожелал увидеть «родителей» радия. «Профессор и мадам Кюри» приглашаются на обеды, на банкеты. Пьер и Мари присутствуют на блестящих приемах, слушают тосты, произносимые в их честь. Пьер, одетый в чуть лоснящийся черный фрак, в котором он ходил на лекции, производит впечатление «отсутствующего», с трудом сознающего, что все эти поздравления и похвалы относятся к нему. Мари чувствует себя неловко под взглядом множества глаз, направленных на нее, на такое редчайшее существо, на такой феномен, как женщина-физик.

Мари Кюри

Пьер Кюри

Мари в темном, слегка открытом платье без рукавов, попорченные кислотами руки обнажены, никаких украшений, нет даже обручального кольца. А рядом с ней на открытых шеях сверкают самые красивые бриллианты Британской империи. Мари с искренним удовольствием разглядывает сверкающие драгоценности и с удивлением замечает, что обычно рассеянный

ее супруг тоже уставился глазами на эти ожерелья и бриллиантовые нити…

— Я и не воображала, что существуют такие украшения, — говорит Мари Пьеру вечером, раздеваясь. — Как это красиво!

Физик смеется:

— Представь себе, я за обедом, не зная, чем заняться, придумал себе развлечение: стал высчитывать, сколько лабораторий можно выстроить за камни, обвивающие шею каждой из присутствующих дам. К концу обеда, когда начался общий разговор, я уже выстроил астрономическое количество лабораторий!

Через несколько дней супруги Кюри возвращаются в Париж, в свой сарай. В Лондоне завязались надежные дружеские отношения, наметились возможности сотрудничества. Вскоре Пьер совместно с английским коллегой Дьюаром опубликовывает работу о газах, выделяемых бромистым соединением радия.

Англосаксы верны тем, кого они ценят. В ноябре 1903 года Королевское общество в Лондоне известило письмом «месье и мадам Кюри» о том, что в знак своего уважения оно присудило им одну из высших наград — медаль Дэви.

Мари, по нездоровью, отправляет одного Пьера на эту церемонию. Пьер привозит из Англии тяжелую золотую медаль, где выгравированы имена их обоих. Он ищет места, куда бы ее спрятать во флигеле на бульваре Келлермана. Неуклюже вертит ее в руках, роняет, теряет и опять находит… Наконец, по внезапному наитию, отдает ее Ирэн, еще не переживавшей за свои шесть лет такого празднества.

Когда друзья приходят навестить Пьера, он им указывает на дочку, играющую этой новой игрушкой.

— Ирэн обожает свой новенький «большой сантим», — добавляет он в виде заключения.

Блестящий успех двух коротких путешествий, маленькая девочка, играющая золотым диском… Такова прелюдия к симфонии, которая вскоре закончится мощным аккордом.

* * *

На этот раз знак оркестру подает дирижер из Швеции. На своем торжественном общем собрании 10 декабря 1903 года Академия наук в Стокгольме публично объявляет, что Нобелевская премия по физике присуждается Анри Беккерелю и супругам Кюри за открытия в области радиоактивности.

Никто из Кюри не присутствовал на заседании. От их имени

французский посол принял из рук короля диплом и золотые медали.

Пьер и Мари, плохо себя чувствуя и будучи перегруженными работой, уклонились от долгого пути среди зимы.

Профессор Ауривилиус — мадам Кюри, 14 ноября 1903 года:

«Месье и мадам Кюри, как я уже имел честь сообщить Вам телеграммой, Шведская академия наук, в заседании 12 ноября, приняла решение присудить Вам половину Нобелевской премии по физике на этот год — в знак высокой оценки ваших выдающихся совместных работ по исследованию лучей Беккереля.

10 декабря в общем торжественном собрании будут обнародованы державшиеся до этого в строгой тайне решения различных корпораций, которым было поручено назначение премии, и в этом же заседании будут розданы дипломы, а также золотые медали.

От имени академии я приглашаю Вас соблаговолить явиться на данное собрание, чтобы получить лично Вашу премию.

На основании статьи девятой Устава о Нобелевской премии Вам предстоит сделать в Стокгольме публичный доклад, касающийся темы премированной работы, в течение шести месяцев со дня торжественного собрания. Если бы Вы приехали к указанному числу, для вас было бы, несомненно, лучше выполнить это обязательство в первые же дни после собрания, если такой порядок Вам удобен.

В надежде, что Академия будет иметь удовольствие видеть Вас в Стокгольме, прошу Вас и Вашу супругу принять уверения в моих отменных чувствах».

Пьер Кюри — профессору Ауривилиусу, 19 ноября 1903 года:

«Господин Непременный секретарь, мы крайне признательны Академии наук в Стокгольме за ту большую честь, какую она нам оказала, назначив нам половину Нобелевской премии. Мы просим Вас быть столь любезным и передать Академии нашу самую искреннюю признательность и благодарность.

Нам очень трудно приехать в Швецию на торжественное собрание 10 декабря.

Нам нельзя уезжать отсюда в это время года, так как это внесло бы большую путаницу в преподавание, порученное каждому из нас двоих. В случае, если бы мы и поехали на данное заседание, мы смогли бы остаться лишь на очень короткий срок, так что едва успели бы познакомиться со шведскими учеными.

Кроме того, мадам Кюри болела все это лето и не совсем еще поправилась.

Я просил бы Вас отложить на более поздний срок наше путешествие и доклад. Например, мы могли бы приехать в Стокгольм на Пасхе или, еще удобнее, — в середине июня.

Соблаговолите, господин Непременный секретарь, принять уверение в нашем уважении».

После этих выражений официальной любезности приведем другое письмо — неожиданное и поразительное. Оно написано самой Мари по-польски и адресовано ее брату. Дата письма достойна замечания: II декабря 1903 года. На следующий день после торжественного заседания в Стокгольме. В первый день ее славы! В этот момент Мари, наверно, была упоена своим торжеством. Разве ее судьба не исключительна? Еще никогда ни одна женщина не достигала известности в требовательной среде науки. Она первая и до той поры единственная во всем мире знаменитая ученая!

Мари Кюри — Иосифу Склодовскому, 11 декабря 1903 года:

«Дорогой Иосиф.

Нежно благодарю вас обоих за ваши письма. Не забудь поблагодарить Манюсю (дочь Иосифа. — *Пер.)* за ее письмецо, так хорошо написанное, что оно доставило мне большое удовольствие. Отвечу ей, как только у меня будет свободная минута.

В начале ноября у меня было что-то вроде гриппа, после чего у меня остался небольшой кашель. Я ходила к доктору Ландрие, который выслушал мои легкие и не нашел ничего плохого. Зато он обвиняет меня в малокровии. Между тем я чувствую себя крепкой и в настоящее время способна работать больше, чем осенью, не очень утомляясь.

Муж мой ездил в Лондон получать медаль Дэви, которую нам дали. Я не сопутствовала ему, боясь утомиться.

Нам дали половину Нобелевской премии. Точно не знаю, сколько это будет, но думаю, что около семидесяти тысяч франков. Для нас это большая сумма. Не знаю, когда мы получим эти деньги; возможно, лишь когда мы сами поедем в Стокгольм. Мы обязаны сделать там доклад в течение шести месяцев, считая с 10 декабря.

На торжественное заседание мы не поехали, так как устроить это было бы очень сложно. Я не чувствовала себя достаточно крепкой для такого длительного путешествия (48 часов без пересадки, а с пересадкой дольше) в такое суровое время года, да еще в холодную страну, и не имея возможности пробыть там дольше трех-четырех дней. Мы не могли бы без больших неудобств прервать наши лекции на долгое время. Вероятно,

поедем туда на Пасху и лишь тогда получим деньги.

Нас завалили письмами, и нет отбою от журналистов и фотографов. Хочется провалиться сквозь землю, чтобы иметь покой. Мы получили предложение из Америки прочесть там ряд докладов о наших работах. Они нас спрашивают, сколько мы желаем получить за это. Каковы бы ни были их условия, мы склонны отказаться. Нам стоило большого труда избежать банкетов, предполагавшихся в нашу честь. Мы отчаянно сопротивлялись этому, и люди, наконец, поняли, что с нами ничего не сделаешь. Моя Ирэн здорова. Ходит в школу довольно далеко от дома. В Париже очень трудно найти хорошую школу для маленьких детей.

Целую всех вас нежно и умоляю не забывать меня».

«Нам дали половину Нобелевской премии… Я не знаю, когда мы получим эти деньги».

Эти слова, написанные женщиной, еще недавно отказавшейся от возможного богатства, приобретают особое значение. Молниеносно приобретенная известность, почетное мнение широкой публики и печати, официальные приглашения, золотой мост, предложенный Америкой, — все это Мари упоминает лишь как повод для своих горьких жалоб. Нобелевская премия представляется ей только наградой в семьдесят тысяч франков, выданной шведскими учеными двум собратьям по науке за их труды, а следовательно, ее можно принять, не совершая ничего «противного духу науки». Это единственный способ облегчить Пьеру нагрузку его обязательных занятий и сохранить его здоровье.

2 января 1904 года благодетельный чек поступил в отделение банка на проспекте Гобленов, туда же, где хранились скромные сбережения супругов Кюри. Наконец Пьер может бросить преподавание в Институте физики, где его заменит прежний ученик, выдающийся физик Поль Ланжевен. Кюри берут себе за свой счет собственного препаратора: так проще и быстрее, чем ждать призрачных сотрудников, обещанных университетом. Мари посылает под видом займа двадцать тысяч австрийских крон Длусским, чтобы ускорить открытие их санатория. Оставшееся небольшое состояние вскоре увеличится благодаря премии Озириса в пятьдесят тысяч франков, полученной Мари пополам с Эдуардом Бранли, и все деньги будут равными частями помещены во французскую ренту и в облигации города Варшавы.

В черной счетной тетрадке можно найти и другие чрезвычайные расходы: подарки вещами, денежные пособия сестрам Мари и брату Пьера, денежные подарки польским студентам, одной подруге детства Мари, лабораторным

служителям, одной нуждавшейся ученице в Севре… Вспомнив об очень бедной женщине, когда-то преподававшей ей французский язык, некой мадемуазель де Сэнт-Обэн, а теперь — мадам Козловской, которая родилась в Диэппе, затем обосновалась и вышла замуж в Польше, но все время мечтала побывать на родине, Мари пишет ей письмо, приглашает приехать во Францию, принимает у себя в доме, оплачивает ей проезд из Варшавы в Париж, а из Парижа в Диэпп. Милая дама со слезами на глазах рассказывала об этой огромной, нежданной для нее радости.

Все эти добрые дела Мари совершает без всякого шума и разумно. Никаких чрезмерно широких жестов, никаких капризов. Она решила, пока она жива, помогать всем, кто в ней нуждается. Она поступает, сообразуясь со своими средствами, чтобы иметь возможность делать это постоянно.

Мари думает и о самой себе. Она распорядилась сделать во флигеле на бульваре Келлермана настоящую «современную» ванную комнату и в одной комнатке заменить выцветшие обои новыми. Но ей не приходит в голову, даже по случаю Нобелевской премии, купить себе новую шляпку. Настояв на том, чтобы Пьер бросил Институт физики, она оставляет за собой преподавание в Севре. Она любит своих учениц и чувствует себя достаточно крепкой, чтобы продолжать уроки, которые обеспечивают ей определенный собственный доход.

* * *

Скажут, что за странная мысль перечислять подробно расходы двух ученых, в то время когда слава открывает им свои объятия! Следовало бы описать, как толпа любопытных и журналистов осаждает дом Кюри и сарай на улице Ломон. Следовало бы перечислить все телеграммы, грудой лежавшие на их рабочем столе, множество статей, изобразить лауреатов, позирующих перед фотографическими аппаратами.

Не имею никакого желания делать это. Такая шумиха вызвала бы только неудовольствие со стороны моих родителей. Их удовлетворение мы должны искать не в таких внешних признаках, а в другом. Пьер и Мари чувствуют себя счастливыми тем, что члены Шведской академии наук оценили их открытие по достоинству. Их трогает радость близких людей, а семьдесят тысяч франков, облегчающие тяжесть их обязательных занятий, являются желанными гостями. Все же остальное, то «остальное», ради чего другие люди способны делать столько усилий, а

нередко и столько низостей, лишь изводит и стесняет двух ученых.

Между ними и публикой, желающей высказать им свою приязнь, установилось длительное недоразумение. В этот тысяча девятьсот третий год супруги Кюри переживают, пожалуй, самый возвышенный период их жизни. Они достигают того возраста, когда дарование, опираясь на опыт, способно проявлять максимум своих возможностей. В своем сарае с протекающей крышей они благополучно завершили открытие радия, изумившее весь мир. Но миссия их не закончена. В их мозгах содержится запас еще неведомых богатств. Они хотят работать и должны работать!

Слава мало заботится о будущем, которое влечет к себе Мари и Пьера. Слава набрасывается на выдающихся людей, наваливается всей своей тяжестью, стремится остановить их движение вперед. Присуждение Нобелевской премии сосредоточило на двух супругах внимание миллионов мужчин и женщин, философов, рабочих, мещан и людей светских. Эти миллионы выражают Кюри свои пылкие чувства. Но чего они требуют от них взамен? Те достижения — умственные затраты на открытие, его лечебная сила против страшной болезни, — которые дали ученые авансом этим людям, их не удовлетворяют. Радиоактивность они относят к числу уже достигнутых побед, хотя она находится еще в зачатке, и заняты не столько тем, чтобы помочь ее развитию, сколько смакованием подробностей ее рождения. Они стремятся вторгнуться в интимную жизнь удивительной пары, вызывающей легендарные толки своим обоюдным дарованием, прозрачно-чистой жизнью и бескорыстием. Жадное преклонение этой толпы копается в жизни ее кумиров — ее жертв — и отнимает у них единственные драгоценности, которые хотелось бы им сохранить: внутреннюю сосредоточенность и тишину.

В газетах наряду с фотографиями Пьера и Мари и заметками вроде «Молодая женщина, необычного вида, тонкого сложения», «Очаровательная мать, сочетающая замечательную чувствительность с умом, любознательным к непостижимому», «Их восхитительная дочка» или упоминаниями о Диди — их коте, свернувшемся перед печкою в столовой, появляются красноречивые описания их флигеля или их лаборатории, тех убежищ, где оба Кюри хотели бы одни чувствовать их прелесть и знать их стыдливое убожество. Домик на бульваре Келлермана оказывается «жилищем мудреца», «кокетливым домом, вдалеке от центра, в Париже незнаемом, особенном, под сенью укреплений, — домом, где приютилось искреннее счастье двух

великих ученых».

В почете оказался и сарай:

> «За Пантеоном, на узкой, мрачной и безлюдной улице, какие изображаются на офортах, иллюстрирующих старинные и мелодраматические романы, улице Ломон, среди темных, потрескавшихся домов, у шаткого тротуара стоит жалкий, дощатый барак: это Городской институт физики и химии…
>
> Я прошел двором с дрянным забором, жестоко пострадавшим от превратностей погоды, затем под каким-то одиноким сводом и очутился в сыром тупике, где умирало втиснутое в дощатый угол кривое дерево.
>
> Здесь вытянулись в ряд похожие на хижины строения, длинные, низкие, застекленные, где я заметил маленькие, прямые язычки пламени и стеклянную аппаратуру разных видов… Никакого звука: полная и грустная тишина, которую не нарушал даже шум города. Наугад я постучал в дверь и вошел в лабораторию, поражающую своею незатейливостью: пол земляной, бугристый, стены покрашены известкой, крыша из дранки, свет слабо проникает сквозь запыленные окна. Какой-то молодой человек, склонившийся над сложным аппаратом, приподнял голову. «Месье Кюри — там», — сказал он. И тотчас снова принялся за работу. Прошло несколько минут. Было холодно. Из крана падали капли воды. Горели два-три газовых рожка.
>
> Наконец появился высокий, худой мужчина, с костлявым лицом, с жесткой седоватой бородой, в маленьком потрепанном берете. Это и был месье Кюри…»

(Поль Акер, «Парижское эхо»)

Кюри напрасно стараются отказывать репортерам, не пускать их к себе в дом, запираться в своей жалкой лаборатории, ставшей исторической: ни их работа, ни они сами не принадлежат уже им одним. Их быт, вызывавший своею скромностью удивление и уважение самых прожженных газетчиков, приобретает известность, становится общественным достоянием, превосходной темой газетной статьи:

> «Мне хочется отметить здесь одну черту характера месье Кюри. А именно — его полное бескорыстие й скромность во всем. Это высокий блондин, немного

сутулый, с выражением исключительной кротости в глазах; он пришел к славе еще молодым, но известность не опьянила его; кроме своих работ и круга своих теплых семейных отношений, этот ученый, этот мастер науки занят только одной заботой. Ему хотелось бы, чтобы его ученики и те молодые люди, которые придут вслед за ними с целью посвятить себя тяжелому научному труду, не были остановлены в своем стремлении прискорбными заботами о материальной жизни. Он забывает о собственных трудностях, о напряженных усилиях совместно со своей супругой, мадам Кюри, и думает лишь об одном: быть может, где-нибудь в Франции существуют научные исследователи, достойные внимания, никому неведомые дарования, которые никогда не будут в состоянии что-либо создать только потому, что они вынуждены забрасывать свои научные занятия из-за необходимости добывать хлеб насущный…

Я не в силах передать ни истинную красноречивость, ни тон горячего волнения, с каким месье Кюри сказал мне это. Заметьте, никто другой не говорит так просто, я бы сказал — так добродушно. Вот почему Пьер Кюри заслуживает большего, чем наше удивление, он имеет право на всеобщую симпатию».

(Эжен Тебо, «Маленькая Республика»)

Слава — какое это странно-изумляющее зеркало! То отображает верно, то искажает, как кривые зеркала в аттракционах общественных садов, рассеивая в пространстве множество изображений отдельных лиц со всеми малейшими их жестами… Жизнь обоих Кюри доставляет модным кабаре материал для сценок в обозрениях: газеты объявили, что Кюри нечаянно потеряли частицу из их запаса радия, и тотчас Монмартрский театр ставит скетч, где изображается, как оба Кюри, запершись в своем сарае, не впускают никого, сами готовят себе пищу и комически обыскивают каждый уголок, чтобы найти пропавшую частицу вещества…

Вот как описывает само событие Мари.

Мари — Иосифу Склодовскому:

«Недавно у нас произошло большое несчастье. Во время одной тонкой процедуры с радием пропала значительная часть нашего запаса радия, и мы до сих пор не можем понять причину такой большой беды. Из-за этого происшествия мне придется отложить работу об атомном весе радия, которую я должна была

начать на Пасхе. Мы оба приуныли».

В другом письме, говоря о радии, своей единственной заботе, она пишет.

Мари — Иосифу Склодовскому, 23 декабря 1903 года:

«…Возможно, нам удастся добыть большее количество нашего незадачливого вещества. Для этого нужны минеральное сырье и деньги. Деньги у нас теперь имеются, но до сего времени нельзя было достать сырье. В настоящее время нас обнадеживают, и, вероятно, мы сможем закупить нужный нам запас руды, в чем нам отказывали. Итак, наше производство разовьется. Если бы ты знал, сколько надо времени, терпения и денег, чтобы выделить малюсенькое количество радия из нескольких тон материала!»

Вот что занимало Мари спустя тринадцать дней после присуждения Нобелевской премии. В течение этих тринадцати дней университет тоже сделал открытие: он открыл Кюри — «Великую чету»!

* * *

Бедность, переутомление, людскую несправедливость оба Кюри перенесли без жалоб, но теперь они впервые проявляют странную нервозность. Чем больше растет их известность, тем сильнее обостряется эта нервозность.

Пьер Кюри — Жорэщ Гуи, 20 марта 1902 года:

«…Как вы могли заметить, в данный момент судьба нам благоприятствует; но ее милости сопровождаются множеством всяческих беспокойств. Никогда мы не были в такой степени лишены покоя. Бывают дни, когда нет времени передохнуть. А ведь мы мечтали жить дикарями, подальше от людей!»

Пьер Кюри — Ш.-Эд. Гийому, 15 января 1904 года:

«…От нас требуют статей, докладов, а пройдет несколько лет, и те самые лица, которые их требуют, с удивлением увидят, что мы не работали…»

Пьер Кюри — Ш.-Эд. Гийому, 15 января 1904 года:

«Дорогой друг.

Мой доклад состоится 18 февраля, — газеты были плохо осведомлены. Из-за этого ложного известия я получил двести просьб о пропуске, на которые я отказался отвечать.

Чувствую полнейшую, непреодолимую инертность по

отношению к своему докладу во Фламмариновском обществе. Мечтаю о более спокойном времени в какой-нибудь тихой стране, где воспрещены доклады и изгнаны газетчики».

Мари Кюри — Иосифу Склодовскому, 14 февраля 1904 года:

«Все время суматоха. Люди, как только могут, мешают нам работать. Теперь я решила стать храброй и не принимаю никого, но все-таки мне мешают. Вместе с почетом и славой порушилась вся наша жизнь».

Мари Кюри — Иосифу Склодовскому, 19 марта 1904 года:

«Дорогой Иосиф, шлю тебе самые горячие пожелания в день твоих именин. Желаю тебе здоровья, успеха всему твоему семейству, а также никогда не утопать в таком потоке писем, каким залиты сейчас мы, и не выдерживать таких атак, как мы.

Мне немножко жаль, что я выкинула полученную корреспонденцию: она довольно поучительна… Там были сонеты, стихи о радии, письма разных изобретателей, письма спиритов и письма философские. Вчера один американец прислал мне письмо с просьбой, чтобы я разрешила ему назвать моим именем скаковую лошадь. Ну и, конечно, сотни просьб об автографах и фотографиях. На все такие письма я не отвечаю, но теряю время на их чтение.

Мари — своей двоюродной сестре Генриэте, весна 1904 года:

«Наша мирная трудовая жизнь совершенно расстроена: не знаю, достигнет ли она когда-нибудь прежней уравновешенности».

Раздражение, пессимизм, пожалуй, горечь в этих письмах не обманчивы. Оба физика утратили внутренний покой.

«Усталость, как результат перенапряжения сил, вызванного малоудовлетворительными материальными условиями нашей работы, увеличилась вторжением общественности, — напишет Мари позже. — Нарушение нашего добровольного отчуждения стало для нас причиной действительного страдания и носило характер бедствия».

Но слава должна была бы дать Кюри в качестве вознаграждения кафедру, лабораторию, сотрудников и столь желанные кредиты. Но когда придут эти благодеяния? Тоскливое ожидание все длится.

Тут мы подходим к одной из основных причин волнения Пьера и Мари. Франция оказалась последней страной, которая признала их; потребовались медаль Дэви и Нобелевская премия, чтобы Парижский университет предоставил Пьеру Кюри кафедру

физики. Заграничные награды только подчеркивают те прискорбные условия, среди которых они успешно совершили свое открытие, — условия, по-видимому далекие от изменения.

Пьер перебирает в памяти те должности, в которых ему отказывали четыре года, и полагает долгом своей чести выразить признательность единственному учреждению, которое поощрило его и помогло его работе, насколько позволяли бедные средства учреждения, — Институту физики и химии. Делая доклад в Сорбонне и вспоминая свой голый сарай, он скажет: «Я хочу здесь напомнить, что все наши исследования мы сделали в Институте физики и химии города Парижа».

Отвращение обоих Кюри к известности имело и другие источники, кроме пристрастия к работе или страха за потерю времени.

У Пьера, с его природной отчужденностью, этот наплыв известности наталкивается на его всегдашние убеждения. Он ненавидит всякие иерархические и классовые разделения. Он находит нелепым выделение «первых учеников», а ордена, которых добиваются большие лица, кажутся ему ненужными, как и золотые медали в школах. В силу этого убеждения он отказался от ордена, оно же руководило им и в области науки. Ему чуждо стремление к соревнованию, и в скачке открытий он не печалится, если его обгонит кто-нибудь из собратий по науке. «Какое значение имеет, что я не опубликовал такой-то работы, — обычно говорил он, — раз это сделал другой».

Его почти нечеловеческое равнодушие имело глубокое влияние на Мари. Но не из подражания Пьеру, не из повиновения ему Мари всю свою жизнь избегает знаков восхищения. У нее борьба с известностью не убеждение, а инстинкт. Она непреодолимо робеет и вся сжимается, когда должна встретиться с толпой, а иной раз приходит в такое замешательство, что чувствует головокружение, общее физическое недомогание.

Кроме того, весь уклад ее жизни забит множеством обязанностей, не допускающих напрасной траты ни одного атома энергии. Взвалив на свои плечи всю тяжесть своей научной работы, материнства, забот о доме, самообразования, мадам Кюри движется по своему трудному пути, как эквилибрист. Еще одна лишняя «роль» — и равновесие нарушено: она свалится с туго натянутого каната. Мари — жена, мать, ученая, преподавательница — не имеет ни одной свободной секунды, чтобы разыгрывать еще роль знаменитой женщины.

Мари, получив звание «знаменитой мадам Кюри», будет временами счастливой, но только в тишине лаборатории или в тесном кругу своей семьи. Изо дня в день она становится тусклее,

бесцветнее для того, чтобы не стать той «звездой», в которой не узнала бы самой себя. Всем незнакомцам, подходящим к ней с настойчивым вопросом: «Не вы ли мадам Кюри?» — она в течение ряда лет будет отвечать безразличным тоном, подавляя вспышку страха и обрекая себя на бесстрастие: «Нет… вы ошибаетесь».

В присутствии своих поклонников или власть имущих, которые теперь обращаются с ней, как с высочайшей особой, она, как и ее супруг, выказывает удивление, усталость и более или менее удачно скрываемое нетерпение, а кроме того — скуку; смертельная, давящая скука пригнетает ее, когда навязчивые люди говорят ей об ее открытии и об ее таланте.

Из множества анекдотов один прекрасно выражает отношение обоих Кюри к тому, что Пьер называет «благостынями судьбы». Супруги обедают в Елисейском дворце у президента Лубе. Вечером одна дама подходит к Мари и говорит:

— Хотите, я вас представлю греческому королю?

Мари наивно, вежливо, в мягком тоне отвечает чересчур откровенной фразой:

— Не вижу в этом надобности.

Заметив, что дама опешила, и разглядев, к своему ужасу, что эта сначала не узнанная ею дама не кто иная, как мадам Лубе, Мари краснеет, спохватывается и поспешно говорит:

— Да… конечно, да, я исполню ваше желание!.. И когда вам будет угодно.

* * *

У Кюри появляется другой повод жить «дикарями»: они просто убегают от любопытных. Больше, чем прежде, они ездят по безвестным деревням, а если приходится им ночевать в каком-нибудь деревенском трактире, записываются под вымышленной фамилией.

Однако лучшим способом переодевания оказывается их естественный вид. Глядя на неуклюжего, плохо одетого мужчину, который ведет руками велосипед по проселку где-нибудь в Бретани, и на его спутницу в крестьянском наряде, кто бы мог себе представить, что это нобелевские лауреаты.

Даже самые осведомленные люди сомневаются, они ли это. Одному ловкому американскому газетчику удалось напасть на их след. Нагнав их в Пульдю, он останавливается в полной растерянности перед рыбачьим домиком. Газета отправила его проинтервьюировать известную ученую мадам Кюри. Где же она может быть? Надо у кого-нибудь спросить… хотя бы у этой милой

женщины, которая сидит босиком на каменных приступках к двери и высыпает песок из деревенских холщовых туфель.

Женщина поднимает голову, пристально вглядывается в непрошеного гостя серо-пепельными глазами… и вдруг становится похожей на сотни фотографий, появлявшихся в печати. Это она! Репортер с минуту стоит как пораженный громом, затем усаживается рядом с Мари и вытаскивает записную книжку.

Увидев, что бегство невозможно, Мари покоряется судьбе и отвечает на вопросы короткими, отрывочными фразами. Да, Пьер Кюри и она открыли радий. Да, они продолжают свои исследования…

Тем не менее она не перестает вытряхивать свои туфли и для верности колотит ими о каменный приступок, затем надевает на свои красивые ноги, исцарапанные колючками и камнями. Какой превосходный случай для журналиста! Какой благоприятный повод набросать с натуры «интимно-бытовую» сценку. И милый репортер спешно запускает свое жало глубже. Как бы хотелось получить несколько откровенных сведений о юности Мари, о методах ее работы, о психологии женщины, посвятившей себя научным изысканиям!

Но в ту же минуту поразительное лицо делается каменным и только одной фразой, той самой, какую она будет повторять, как свой девиз, одной фразой, рисующей ее характер, жизнь и призвание более выразительно, чем целая книга, Мари прекращает разговор: «В науке мы должны интересоваться вещами, а не личностями».

Глава XVII

Будни

Имя Кюри стало «большим именем». У Пьера и Мари стало больше денег, но меньше счастливых минут.

Мари в особенности утратила свой пыл и чувство радости. Наука не поглощает ее целиком, как Пьера. Всякие происшествия текущего дня действуют на ее чувствительность и плохо отражаются на ее нервах.

Торжественная шумиха вокруг радия и Нобелевской премии раздражает Мари, не избавляя ни на минуту от заботы, отравляющей ей жизнь: болезни Пьера.

Пьер Кюри — Жоржу Гуи, 31 января 1905 года:

«В данное время мои ревматизмы оставили меня в покое, но

летом у меня был такой жестокий приступ, что я вынужден был отказаться от поездки в Швецию. Как видите, мы ни в какой степени не выполнили нашу обязанность по отношению к Шведской академии наук. Говоря правду, я держусь только тем, что избегаю всякого физического напряжения. Моя жена в таком же положении, и о работе по целым дням, как прежде, не приходится и думать».

Пьер Кюри — Жоржу Гуи, 24 июля 1905 года:

«Мы продолжаем жить в качестве людей, очень занятых тем, чтобы не делать ничего интересного. Вот уже год, как мной не сделано ни одной работы, я ни одной минуты не принадлежу себе. Очевидно, я еще не придумал средства оградить нас от траты времени на мелочи, а между тем совершенно необходимо это сделать. В этом вопрос жизни или смерти для умственной деятельности.

Причиною моих болей является, по-видимому, не настоящий ревматизм, а какой-то вид неврастении; мне стало лучше с тех пор, как я питаюсь более прилично и принимаю стрихнин».

Пьер Кюри — Жоржу Гуи, 19 сентября 1905 года:

«…Я ошибся, когда писал вам, что состояние моего здоровья стало лучше. У меня было несколько новых приступов, — их вызывает малейшая усталость. Я задаю себе вопрос, смогу ли я при таком состоянии здоровья когда-нибудь работать в лаборатории».

О прежних днях каникул, очаровательных, безрассудных, опрометчивых, когда супруги носились по дорогам, точно школьники, — об этом не возникало и вопроса. Мари наняла маленький деревенский домик под Парижем, в долине Шеврезы. Там она ухаживает за мужем и за дочкой.

Страдая телом и чувствуя нависшую над ним грозную опасность, Пьер мучится сознанием того, как быстро уходит время. Не боится ли этот еще молодой мужчина смерти? Он точно соревнуется с преследующим его невидимым врагом. Все время куда-то неистово торопится. Надо ускорить темп исследований, пользоваться каждой минутой, уделять больше времени работе в лаборатории.

Мари считает своим долгом работать с большим напряжением, но оно переходит границы ее нервной выносливости. На ее долю выпал суровый жребий. Двадцать лет тому назад шестнадцатилетняя полька, еще с шумом в голове от всяких празднеств, вернулась из деревни в Варшаву зарабатывать себе на хлеб, и с этих пор она не прерывала тяжелый труд. Всю

свою юность прожила она в холодной мансарде, согнувшись над учебниками физики. А когда пришла любовь, и та оказалась неразрывно связанной с работой.

Соединив в одном горячем увлечении любовь к науке и к мужчине, Мари обрекла себя на непримиримое существование. Нежное чувство Пьера к ней и ее к нему были одной силы, их идеалы были одинаковы. Но в своем прошлом Пьер пережил и приступы находившей на него лени, и кипучую юность, и сильные страсти. Мари же со времени замужества ни на минуту не отклонялась от своей цели, своих обязанностей, и временами ей хотелось просто наслаждаться жизнью. Она нежная жена и мать. Она мечтает о приятных, мирных передышках, о днях спокойной, беззаботной жизни.

Такие настроения Мари поражают и обижают Пьера. Ослепленный своей находкой, талантливой подругой, он ждет от нее такого же самопожертвования, как его собственная жертвенность самим собой, во имя тех идеалов, которые он зовет «их господствующими мыслями».

Она повинуется ему, как и всегда, но чувствует себя усталой и душой и телом. Она в унынии, винит себя за умственную немощность, за свою «глупость». Ее душевное состояние в действительности гораздо проще. Обычные человеческие желания, так долго пригнетаемые в этой тридцатишестилетней женщине, предъявляют свои права. Мари следовало бы на некоторое время перестать быть «мадам Кюри», забыть о радии, а есть, спать и ни о чем не думать.

Это невозможно. Каждый день приносит все но-, вые обязанности. 1904 год окажется крайне хлопотливым, в особенности для Мари, из-за ее беременности. Как единственное снисхождение к себе она просит Севрскую школу освободить ее на время от занятий.

К концу беременности Мари впадает в полную прострацию. Кроме мужа, здоровье которого мучительно ее тревожит, ей ничто не мило: ни жизнь, ни наука, ни будущий ребенок. Броня, приехавшая к родам, была потрясена, увидев эту другую, побежденную Мари.

— Зачем вводить мне в мир новое человеческое существо? — Мари все время задает этот вопрос. — Жизнь тяжка, бесплодна. Зачем наказывать ею невинных?..

Роды проходят трудно и долго. Наконец 6 декабря 1904 года родится пухлый ребеночек с черными волосиками. Опять девочка: Ева.

Броня с рвением помогает младшей сестре. Ее наружное спокойствие, здравый ум немного разгоняют грусть Мари. Когда

она уедет, после нее останется более ясное настроение.

Улыбки, игры новорожденной развеселяют молодую мать. Ее умиляют очень маленькие дети. Так же, как после рождения Ирэн, Мари заносит в серую тетрадку первые жесты, первые зубки Евы, и, по мере развития ребенка, улучшается и нервное состояние самой Мари. Оправившись благодаря вынужденному отдыху после родов, она вновь приобретает вкус к жизни. С прежним, забытым было удовольствием она берется за лабораторную аппаратуру, а вскоре ее опять встречают в Севре. На одну минуту пошатнувшись, она снова налаживает свой крепкий шаг. И вновь вступает на жестокий путь.

Все ее интересует заново: дом, лаборатория. Страстно следит она за событиями, потрясающими ее родину. В России вспыхивает революция 1905 года, и поляки в безумной надежде на освобождение поддерживают движение против царя.

Мари — Иосифу Склодовскому, 23 марта 1905 года:

«Ты, как я вижу, надеешься, что это тяжкое испытание будет иметь для нашей родины некоторые благие следствия. Броня и Казимир того же мнения. Лишь бы наша надежда не обманула нас! Я пламенно желаю этого и беспрестанно думаю об этом. По моему мнению, во всяком случае, надо поддержать революцию. Для этой цели я вышлю Казимиру деньги, так как лично, увы, не могу ничем помочь».

* * *

Погода отличная, Пьер чувствует себя лучше, Мари в хорошем настроении. Самая удобная пора для того, чтобы исполнить уже не раз отложенное обязательство: поехать в Стокгольм и сделать доклад. Супруги Кюри предпринимают торжественное путешествие в Стокгольм, и это путешествие станет в нашей семье традиционным.

6 июня 1905 года Пьер выступает от себя и от имени своей жены перед Стокгольмской академией наук. Он говорит о последствиях открытия радия: в физике оно изменило основные представления; в химии породило смелые гипотезы об источнике той энергии, которая вызывает радиоактивные явления. В геологии, метеорологии оно дало ключ к явлениям, до сих пор необъяснимым. Наконец в биологии действие радия на раковые клетки дало положительные результаты.

Радий обогатил Знание и послужил Благу. Но не может ли он послужить и Злу?

«…Можно себе представить и то, — говорит Пьер, — что в преступных руках радий способен быть очень опасным, и в связи с этим можно задать такой вопрос: является ли познание тайн природы выгодным для человечества, достаточно ли человечество созрело, чтобы извлекать из него только пользу, или же это познание для него вредоносно? В этом отношении очень характерен пример с открытиями Нобеля: мощные взрывчатые вещества дали возможность производить удивительные работы. Но они же оказываются страшным орудием разрушения в руках преступных властителей, которые вовлекают народы в войны.

Я лично принадлежу к людям, мыслящим как Нобель, а именно, что человечество извлечет из новых открытий больше блага, чем зла».

Прием шведскими учеными порадовал обоих Кюри. Они боялись пышности, но эта дальняя поездка оказалась неожиданно приятной. Никакой толпы, мало официальных представителей. Пьер и Мари по своему желанию осматривают страну, оставившую о себе пленительное впечатление, и. беседуют с учеными. Уезжают они полные восхищения.

* * *

На бульваре Келлермана, во флигеле, охраняемом от непрошеных гостей, как крепость, Пьер и Мари живут все той же простой и скрытной жизнью. Хозяйственные заботы сведены к самым существенным. Одна и та же прислуга готовит кушанья и подает на стол. Она посматривает на странных хозяев и напрасно ждет какого-нибудь лестного замечания о жареной говядине или картофельном пюре.

Как-то раз она, не в силах больше сдерживать себя, сама спрашивает Пьера твердым тоном, вызывая его на похвалы бифштексу, только что съеденному Пьером с большим аппетитом. Но получает ошеломляющий ответ.

— Разве это был бифштекс? — говорит ученый. Потом успокоительно добавляет: — Вполне возможно!

Даже в дни сильного переутомления Мари уделяет время заботам о своих детях. По своей профессии она вынуждена оставлять детей на попечение прислуги, но пока она сама не удостоверится, что Ирэн и Ева хорошо выспались, покушали, умыты и причесаны, что у них не начинается насморк или какая-нибудь другая болезнь, Мари не успокоится. Впрочем, если бы она обратила на них меньше внимания, Ирэн сумела бы напомнить о себе! Этот ребенок — деспот. Она ревниво

завладевает матерью и с неудовольствием переносит ее заботы о «маленькой». Зимою Мари делает длинные концы по Парижу, чтобы найти любимые Ирэн яблоки — ранет или бананы, и не смеет приезжать без них домой.

Вечера супруги большей частью проводят дома. Надев халаты и ночные туфли, они просматривают появившиеся научные статьи или делают в своих записных книжках какие-нибудь вычисления. Тем не менее их видят и на художественных выставках, а семь-восемь раз в году они бывают на концертах и в театре.

В начале XX столетия в Париже можно было видеть чудесных драматических артистов. Пьер и Мари ждут проходящих, как видение, выступлений Дузе. Красноречие Моне-Сюлли, мастерство Сары Бернар затрагивают супругов меньше, чем естественная игра Жюли Барте, Жанны Гранье или внутренняя сила Люсьена Гетри.

Они следят за спектаклями «Авангарда», пользующегося неизменными симпатиями людей университетского круга. В «Творческом театре» Сюзанна Депре играет в драмах Ибсена, Люнье Пое ставит «Власть тьмы». С таких спектаклей Пьер и Мари приходят довольные и… омраченные на несколько дней. Доктор Кюри встречает их с коварною улыбкой. Старый вольтерьянец не признает болезненных средств и, устремив свои синие глаза на вытянутые лица супружеской четы, постоянно говорит:

— Прежде всего не забывайте, что вы туда ходили ради удовольствия.

Супруги Кюри избегают приемов и не бывают в свете. Но не всегда возможно отделываться от официальных обедов или же от банкетов в честь иностранных ученых. Поэтому бывают случаи, когда Пьер снимает свою грубошерстную одежду, в какой он ходит каждый день, и надевает фрак, а Мари вечернее платье.

Это вечернее платье живет у нее годами и только время от времени переделывается какой-нибудь портнихой — оно из черного гренадина с рюшевой отделкой на фаевом подбое.

Какая-нибудь франтиха посмотрела бы на нее с жалостью: Мари невежественна в модах. Но скромность, сдержанность, присущие ее характеру, спасают Мари от зоркого наблюдателя и создают как бы особый стиль в ее внешности. Когда она снимает свою лабораторную одежду, действительно не эстетичную, и надевает «туалет», зачесывает свои пепельные волосы и робко окружает шею филигранным золотым колье, Мари изысканна. Тонкий стан, вдохновенное лицо сразу обнаруживают свою прелесть. В присутствии Мари, с ее огромным, бледным лбом, с ее выразительным взглядом, другие женщины не теряют своей красоты, но многие из них кажутся вульгарными и неумными.

Однажды вечером, перед выездом, Пьер с необычным вниманием вглядывается в силуэт Мари, в ее шею, в ее обнаженные, такие женственные и благородные руки. Какая-то тень грусти, сожаления пробегает по лицу этого согбенного наукой мужчины.

— Жаль… — тихо произносит он. — Как идет к тебе нарядный вид!

И со вздохом добавляет:

— Но, что поделаешь, у нас нет времени…

* * *

В тех редких случаях, когда Мари зовет к себе гостей, она прилагает все усилия к тому, чтобы угостить достойно, а пребывание у нее в доме сделать приятным. Озабоченно бродит среди тележек с первой зеленью на улице Муфтар или Алезии. Выбирает красивые фрукты, расспрашивает хозяина молочной лавки, какие сорта сыра лучше. Затем набирает в цветочном ларьке тюльпаны, лилии… Вернувшись домой, она делает букеты, пока служанка с волнением готовит несколько более сложные, чем обычно, блюда, а местный кондитер приносит с большой пышностью мороженое.

В этом трудовом жилище самому скромному сборищу предшествует суматоха. В последнюю минуту Мари осматривает накрытый стол, передвигает мебель…

Да, в конце концов у Кюри есть мебель! Семейные кресла, от которых отказались на улице Гласьер, пришлись кстати на бульваре Келлермана. Выгнутые оттоманки красного дерева, обитые переливчатым зеленоватым бархатом «цвета воды», из которых одна служит кроватью для Ирэн, а также кресла в стиле Реставрации придают изящество гостиной, оклеенной светлыми обоями.

Созывают избранных: проезжающих через Париж иностранных ученых или же поляков, приехавших к Мари с новостями. Чтобы развлечь дикарку Ирэн, Мари устраивает и сборища детей. Рождественская елка, собственноручно украшенная гирляндами, золочеными орехами и разноцветными свечками, оставит большое впечатление в памяти юного поколения.

Бывают и такие случаи, что дом Кюри становится обрамлением зрелища еще фееричнее, чем горящая огнями елка. Являются машинисты, устанавливают театральные прожекторы и рампу с электрическими лампочками. После обеда в присутствии

двух-трех друзей прожекторы будут ласкать своим светом развевающиеся покрывала танцовщицы, когда она изображает то пламя, то цветок, то птицу, то волшебницу…

Танцовщица Лои Фуллер, «фея света», чарующая Париж своими фантастическими выдумками, связана колоритной дружбой с физиками. Прочитав в газетах о том, что радий светится, эта звезда из Фоли-Бержер задумала сделать себе сенсационный фосфоресцирующий костюм, чтобы заинтриговать публику. Она обратилась за сведениями к супругам Кюри. Ее наивное письмо развеселило ученых: они объяснили Лои, в чем ее проект «крылышек бабочки из радия» химеричен.

Американка Лои Фуллер, с шумным успехом выступавшая каждый вечер, поразила своих благожелательных консультантов. Она не стала хвалиться перепиской с Кюри, не приглашала их приехать и поаплодировать ей в Фоли-Бержер, а написала Мари: «У меня есть только один способ поблагодарить Вас за Ваш ответ. Разрешите мне когда-нибудь вечером потанцевать у Вас для Вас двоих».

Пьер и Мари изъявили свое согласие. И вот весьма своеобразная, небрежно одетая девушка с калмыцким лицом без всякой краски, с детскими голубыми глазами звонит в парадную дверь, сопровождаемая толпой электриков с их аппаратурой.

Супруги Кюри несколько встревожены, но уступают место действия захватчикам, отправившись в лабораторию. А Лои в течение нескольких часов трудится, регулируя освещение, размещая привезенные с собой занавеси и ковры, чтобы воссоздать в небольшой столовой у двух ученых свой восхитительный спектакль.

Так степенный флигель с замкнутой для посторонних дверью впустил к себе богиню мюзик-холла. Случилось это потому, что Лои была человеком тонкой души. По отношению к Мари она всегда питала то редкостное восхищение, которое ничего не требует взамен, а ищет случая принести пользу, доставить удовольствие. Также инкогнито она еще раз танцевала в домике на бульваре Келлермана. Когда Пьер и Мари узнали Лои лучше, они, в свою очередь, бывали у нее. Там они встретились с Огюстом Роденом и завязали с ним дружеские отношения. В эти годы можно было иной раз видеть, как Пьер, Мари, Лои Фуллер и Роден мирно беседуют в студии скульптора среди его произведений из мрамора и глины.

* * *

Семь-восемь самых дружеских людей вхожи во флигель на бульваре Келлермана: Андре Дебьерн, Жан Перрен с женой, самой близкой подругой Мари, Жорж Урбен, Поль Ланжевен, Эме Коттон, Жорж Саньяк, Шарль-Эдуард Гийом, несколько учениц из Севрской школы… Ученые, одни ученые!

По воскресеньям, в хорошую погоду, после полудня эта группа ученых собирается в саду. Мари с каким-нибудь рукоделием садится в тени у колясочки Евы. Но штопка и шитье не мешают ей следить за общим разговором, который для всякой другой женщины оказался бы таинственней беседы на китайском языке.

Это время обмена последними новостями: животрепещущие высказывания о лучах радия «альфа», «бэта», «гамма». Перрен, Дебьерн и Урбен говорят с жаром. Они доискиваются до происхождения той энергии, которую выделяет радий. Чтобы объяснить ее, приходится отбросить либо принцип Карно, либо закон сохранения энергии, либо закон неизменности элементов. Пьер выдвигает гипотезу радиоактивных превращений. Урбен протестует во весь голос. Он ничего не хочет слушать и с жаром защищает свою точку зрения. А до чего продвинулась работа у Саньяка? Что нового в опытах Мари по установлению атомного веса радия?

Радий!.. Радий!.. Радий!.. Иногда это магическое слово, переходя из уст в уста, вызывает у Мари грусть: судьба распорядилась неудачно, сделав радий веществом чудодейственным, а полоний — первый открытый супругами Кюри элемент — неустойчивым элементом второстепенного значения. Польской патриотке хотелось бы, чтобы полоний с его символическим именем привлек на себя всю славу.

Эти заумные беседы время от времени прерываются, когда доктор Кюри говорит о политике с Дебьерном и Ланжевеном. Урбен дружески дразнит Мари, критикует чрезмерную строгость ее платья, упрекает в отсутствии кокетства, и молодая женщина слушает, наивно удивленная такой неожиданной проповедью. Жан Перрен, бросив атомы и бесконечно малые, приподнимает свое красивое вдохновенное лицо и, будучи ярым поклонником Вагнера, поет во весь голос арии из «Золота Рейна» или из «Мейстерзингеров». Немного дальше, в глубине сада, мадам Перрен рассказывает волшебные сказки Алине и Франсуа, а также их подруге — Ирэн.

Перрены и Кюри видятся каждый день. Их дома рядом, и лишь простая решетка, обвитая ползучей розой, разделяет их сады. Когда Ирэн необходимо сообщить что-то спешное своим друзьям, она подзывает их к решетке. Они обмениваются

плиточками шоколада, игрушками, детскими тайнами — в ожидании возможности, по примеру старших, говорить о физике.

* * *

Для Кюри наступает новая эпоха. Франция заметила их существование и намеревается поддержать их работы.

Первой и непременной ступенью должно быть вступление Пьера в Академию наук. Ученый вторично соглашается на томительный объезд академиков. Друзья Пьера, опасаясь за исполнение им роли «благоразумного кандидата», осыпают его тревожными советами.

Е. Маскар — Пьеру Кюри, 22 мая 1905 года:

«Дорогой Кюри.

…Вы, естественно, стоите в первом ряду, не имея серьезного соперника, и Ваше избрание вне сомнения.

Однако же Вам необходимо взять себя в руки и объехать с визитами членов академии, а в случае, если не застанете никого дома, оставить Вашу визитную карточку с загнутым уголком. Начните со следующей недели, и через две недели эта каторга закончится».

Е. Маскар — Пьеру Кюри, 25 мая 1905 года:

«Дорогой Кюри, устраивайтесь, как хотите, но круговую визитную жертву академикам надо закончить до двадцатого июня, хотя бы Вам пришлось для этого нанять автомобиль на целый день.

Ваши доводы в своем принципе превосходны, но надо делать некоторые уступки требованиям практической жизни. Вы должны подумать также о том, что звание академика облегчит Вам возможность оказывать услуги другим людям».

3 июля 1905 года Пьер Кюри избирается в академию, но двадцать два академика голосовали за его конкурента.

Пьер Кюри — Жоржу Гуи, 24 июля 1905 года:

«…Я очутился в академии помимо собственного желания и помимо желания академии. Я один раз объехал всех с визитами, оставляя визитные карточки отсутствовавшим, и все уверяли меня, что мне обеспечено пятьдесят голосов. А я чуть не провалился!

Что поделаешь? В этом учреждении ничего нельзя сделать просто, без интриг. Кроме небольшой, хорошо направляемой

кампании, против меня действовало несочувствие ко мне со стороны клерикалов и тех, кто находил, что я сделал слишком мало визитов. С. спросил меня, кто из академиков будет голосовать за меня, я ответил: «Не знаю, я не просил их об этом». — «Ага, вы не снизошли до того, чтобы просить!» И был пущен слух, что я «гордец»…»

Пьер Кюри — Жоржу Гуи, 6 октября 1905 года:

«…В понедельник я был в академии, но откровенно спрашиваю себя, что мне там делать. Я ни с кем не близок, интерес самих заседаний ничтожный, я прекрасно чувствую, что эта среда чужда мне».

Пьер Кюри — Жоржу Гуи, октябрь 1905 года:

«Я еще не постиг, для чего нужна академия».

Оставаясь весьма умеренным поклонником знаменитого сообщества, Пьер живо интересуется благоприятными для него решениями университета, так как от них будет зависеть его работа. Ректор Лиар добился для него учреждения кафедры физики. Вот, наконец, столь желанное место штатного профессора! Раньше чем принять это повышение, Пьер спрашивает, где будет лаборатория для занятий кафедры.

Лаборатория? Какая лаборатория? О лаборатории нет и речи!

В одну минуту нобелевским лауреатам становится ясно, что если Пьер бросит свое старое место в Институте физики, химии и естественных наук, чтобы преподавать в Сорбонне, то его научная работа станет совершенно невозможной. Новому профессору нет места для работы, а его две комнаты в Институте физики, естественно, перейдут к его наследнику. Пьеру предоставляется возможность делать свои опыты на улице.

Отличным почерком Пьер пишет вежливое, но решительное письмо. Раз предлагаемое место не предполагает ни рабочего помещения, ни кредитов для исследований, он отказывается от кафедры.

Новая канитель. Университет делает широкий жест и хлопочет в Палате депутатов о создании лаборатории и об отпуске кредита в сто пятьдесят тысяч франков. Проект принят… или почти принят. В Сорбонне решительно нет помещения для Пьера, но здание с двумя лабораториями будет построено на улице Кювье. Самому Кюри будет отпускаться на работы двенадцать тысяч в год, кроме того, он получит единовременно тридцать четыре тысячи по статье оборудования.

По своей наивности Пьер воображает, что на эти «расходы по оборудованию» он купит аппаратуру и пополнит материальную

часть. Да, он сможет это сделать, но лишь на то, что останется за вычетом из этой небольшой суммы стоимости постройки самого здания. В представлении властей постройка и оборудование одно и то же!

Так на практике обуживаются официальные проекты.

Пьер Кюри — Жоржу Гуи, 31 января 1905 года:

«В Институте физики я сохранил за собой две комнаты, где мы работали; кроме того, мне строят во дворе две другие. Они обойдутся в двадцать тысяч франков, которые вычтут из моего кредита на закупку инструментов».

Пьер Кюри — Жоржу Гуи, 7 ноября 1905 года:

«Завтра я начинаю свой курс лекций, но условия для подготовки опытов крайне неудовлетворительны; аудитория-амфитеатр находится в Сорбонне, а моя лаборатория — на улице Кювье. Сверх того, в амфитеатре читается много других курсов…

Чувствую себя ни хорошо, ни плохо. Но утомляюсь быстро и сохранил только очень слабую работоспособность. Моя жена, наоборот, ведет очень деятельную жизнь; занята и с детьми, и школой в Севре, и лабораторией. Она не теряет ни минуты и гораздо регулярнее, чем я, следит за ходом работы в лаборатории, где проводит большую часть дня».

Скаредное правительство мало-помалу уделяет Пьеру Кюри место в кадрах своих служащих, но две неудобные и слишком маленькие комнаты удалось вытянуть с большим трудом.

Пройдет еще восемь лет до той поры, когда Мари получит достойное помещение — то помещение, которого уже не видел Пьер. И Мари будет всю жизнь терзаться мыслью, что ее товарищ до своего смертного конца ждал такой лаборатории — его единственной честолюбивой мечты в жизни.

О тех двух залах, которые были даны Пьеру перед его последним часом, Мари впоследствии напишет:

«Нельзя подавить в себе чувства горечи, когда подумаешь, что эта милость оказалась для него первой и последней, что первоклассный французский ученый в конечном счете никогда не имел подходящей лаборатории, хотя его большое дарование проявилось уже тогда, когда ему было только двадцать лет. Конечно, проживи он дольше, то, раньше или позже, ему создали бы удовлетворяющие условия работы, — но еще в возрасте сорока семи лет он был лишен их. Представляют ли себе люди всю скорбь восторженного и бескорыстного творца большого дела, когда осуществление его мечты все время тормозится недостатком средств? Можно ли, не испытывая чувства глубокой

горести, думать о самой непоправимой растрате величайшего народного блага — таланта, сил и мужества лучших сынов нации?

Правда, открытие радия было сделано в условиях, не обеспечивающих успеха: сарай, приютивший его открытие, оказался овеянным чарующей легендой. Но этот романтический элемент не принес пользы: он только измотал нас и задержал осуществление работы. При лучших средствах всю нашу работу за первые пять лет можно было бы свести к двум годам, и облегчить ее напряженность».

* * *

Из всех постановлений министерства только одно доставило Кюри истинное удовольствие. У Пьера будут три сотрудника: руководитель работ, препаратор, служитель. Руководителем работ будет Мари.

До сих пор присутствие этой женщины только терпелось. Работы по исследованию радия Мари производила, не имея никакого звания и не получая никакого жалованья. Только в ноябре 1904 года прочное положение с оплатой в две тысячи четыреста франков в год впервые дало ей законное право входить в лабораторию своего мужа.

«Мадам Кюри, доктор наук, назначается с первого ноября 1904 года руководителем физических работ (при кафедре м. Кюри) на факультете естествознания Парижского университета.

В этом звании мадам Кюри будет получать ежегодное содержание в размере двух тысяч четырехсот франков, начиная с первого ноября сего 1904 года».

Прощай сарай!.. Пьер и Мари переносят на улицу Кювье свою аппаратуру, еще пребывавшую в старом бараке. Он так им дорог, отображает столько дней труда и счастья, что они, гуляя под руку, еще неоднократно зайдут туда, чтобы вновь повидать его сырые стены и гнилые доски.

Оба супруга приспосабливаются к новым условиям их жизни. Пьер готовится к своему курсу. Мари, как и прежде, дает уроки в Севре. Они встречаются в тесной лаборатории на улице Кювье, где Андре Дебьерн, Альбер Лаборд, один американец — профессор Дьюен, несколько ассистентов или учеников занимаются исследованиями, склонясь над хрупкими установками для своих текущих опытов.

«Мы, я и мадам Кюри, работаем над точной дозировкой радия путем выделяемой им эманации, — записывает Пьер Кюри 14

апреля 1906 года. — Это как будто пустяки, а вот уже несколько месяцев, как мы принялись за это дело, и только начинаем добиваться правильных результатов».

«Мы, я и мадам Кюри, работаем…»

Эти слова, написанные Пьером за пять дней до своей смерти, выражают всю сущность и всю красоту их неразрывного союза. Каждый шаг в их работе, всякое разочарование и каждая победа только связывают друг с другом мужа и жену. Между этими равными, взаимно любующимися людьми царит непринужденное товарищество в работе, что, может быть, является наиболее тонким выражением глубины их любви.

Их ассистент Альбер Лаборд писал:

«В лаборатории на улице Кювье я работал с ртутной аппаратурой, там в это время был и Пьер Кюри. Входит мадам Кюри, рассматривает одну деталь механизма и сначала не понимает, хотя деталь совсем простая. Получив объяснение, она все-таки настаивает на своем и отвергает ее. Тогда Пьер Кюри веселым и нежным тоном выражает возмущение: «О! Послушай, Мари!», которое засело у меня в ушах, и мне хотелось бы дать вам почувствовать его оттенок.

Мари Кюри с дочерьми Ирэн и Евой (1905 г.).

Мари Кюри в старой лаборатории

Несколько дней спустя мои товарищи увязли в какой-то математической формуле и попросили своего учителя помочь им. Последний посоветовал им дождаться мадам Кюри, которая, по его уверению, настолько сильна в интегральном исчислении, что быстро выведет их из затруднения. И в самом деле, мадам Кюри в несколько минут решила трудную задачу».

Когда Пьер и Мари наедине, теплота нежных чувств отражается и на их лицах и в их взаимных отношениях. Эти сильные личности, эти различные характеры, — он — безмятежнее, мечтательнее, она — горячее, более земная, — не подавляют друг друга.

В течение одиннадцати лет им очень редко приходилось прибегать к взаимным уступкам, без чего, как говорят, никакая семейная жизнь невозможна. Вполне естественно, что они думают об этом одинаково, и даже в мелочах жизни они действуют в согласии.

Однажды друг их дома мадам Перрен, зайдя к Кюри, спрашивает Пьера, не может ли он взять с собой Ирэн на прогулку, он отвечает с застенчивой, почти робкой улыбкой: «Не знаю… Мари еще не вернулась, а, не спросив Мари, я ничего не могу сказать вам». В другой раз, когда у них собрались ученые, Мари, обычно неразговорчивая, с жаром начала рассуждать по одному научному вопросу, но вдруг покраснела, сконфуженно умолкла и обернулась к мужу, предоставляя ему слово, — настолько сильно было в ней убеждение, что мнение Пьера в тысячу раз ценнее, нежели ее.

«Все сложилось так и даже лучше, чем я мечтала в момент нашего союза, — напишет она позже. — Во мне все время нарастало восхищение его исключительными достоинствами, такими редкими, такими возвышенными, что он казался мне существом единственным в своем роде, чуждым всякой суетности, воякой мелочности, которые находишь и в себе, и в других и осуждаешь снисходительно, а все же стремишься к большему совершенству, как идеалу».

* * *

Солнечная, лучезарная погода торжествует в пасхальные дни 1906 года. Пьер и Мари проводят несколько дней на свежем воздухе, в мирном доме в Сен-Реми-лэ-Шеврез. Они возвращаются

к своим деревенским привычкам. Каждый вечер ходят за молоком на соседнюю ферму, и Пьер смеется, глядя на четырнадцатимесячную Еву, в то время как она, неуклюже шатаясь, упрямо топает по высохшим колеям дороги.

По воскресеньям, как только доносится далекий благовест, супруги отправляются на велосипедах в лес Пор-Рояля. Привозят оттуда ветки цветущей магонии и букеты лютиков. На следующее утро Пьер, утомленный накануне, никуда не едет, а лежит, растянувшись, на лугу. Нежаркое божественное солнце разгоняет мало-помалу туман, накрывающий долину. Ева пищит, сидя на одеяле, Ирэн, размахивая зеленой сеточкой, охотится за бабочками и приветствует радостными криками свою редкую удачу. Ей жарко, она снимает вязаную фуфаечку, а Пьер и Мари, лежа на траве рядом, любуются грациозностью своей дочери, забавно одетой в девчачью рубашечку и в мальчишеские штанишки.

Под влиянием ли сегодняшнего утра, или вчерашнего дня Пьер, умиротворенный прелестью и тишиной упоительного весеннего дня, смотрит на кувыркающихся по траве дочек, потом на неподвижно лежащую жену, гладит ее по щеке, по белокурым волосам и тихо говорит: «С тобой, Мари, жизнь хороша».

После полудня супруги гуляют в лесу, таская Еву по очереди на своих плечах. Они ищут то озеро с кувшинками, которым любовались во времена больших прогулок в первые дни их союза. Озерцо высохло, кувшинки исчезли. Вокруг грязной впадины разросся жестким, колючим венком терновник, цветущий ярко-желтыми цветами. Рядом на обочине дороги супруги собирают фиалки и трепетные барвинки.

Быстро пообедав, Пьер садится на обратный поезд в Париж. Оставив семью в Сен-Реми, он едет с единственным спутником — букетом лютиков, который поставит в стеклянном стакане на свой письменный стол в домике на бульваре Келлермана.

Еще один солнечный день в деревне, и в среду вечером Мари привозит Ирэн и Еву в Париж, оставляет их у себя дома и идет в лабораторию к Пьеру. При входе в первую комнату лаборатории Мари видит, что Пьер стоит у окна и рассматривает какой-то аппарат. Он ждал ее. Пьер надевает пальто и шляпу, берет под руку жену и направляется в ресторан Фуайо, где по традиции в этот день бывает обед Физического общества. С собратьями по науке, с Анри Пуанкаре, своим соседом по столу, он беседует о тех проблемах, которыми занят в данное время: о дозировке эманации радия, о сеансах спиритизма, на которых недавно присутствовал; о воспитании девочек, высказывая на их счет своеобразные теории и желание направить их образование в

сторону естественных наук.

Погода изменилась. Нельзя поверить, что еще вчера лето казалось совсем близким. Холодно, дует резкий ветер, дождь хлещет по окнам. На мостовых мокро, грязно, скользко.

Глава XVIII

19 апреля 1906 года

В тот четверг собирается быть угрюмым. Все время идет дождь, мрачно; супругам Кюри нельзя отвлечься от апрельских налетов ливня, даже углубившись в работу. Пьеру необходимо присутствовать на завтраке в Обществе профессоров факультета естествознания, потом идти править корректуру к своему издателю Готье-Вилл ару, затем побывать в академии. Мари надо сделать несколько концов по городу.

В утренней суетне супруги едва успели повидаться. Пьер кричит из передней снизу на второй этаж, спрашивая Мари, пойдет ли она в лабораторию. Одевая второпях Ирэн и Еву, Мари отвечает, что у нее, наверно, не будет времени, но слова ее теряются в общем шуме. Входная дверь хлопает. Пьер спешит и быстро уходит.

Пока Мари завтракает с дочерьми и доктором Кюри, Пьер дружески беседует с коллегами в Доме ученых обществ на улице Дантона. Он любит эти мирные собрания, где говорят о Сорбонне, научных исследованиях, технике работы. Общий разговор касается несчастных случаев, возможных при лабораторных работах. Пьер тотчас предлагает свою помощь для выработки правил в целях устранения тех опасностей, каким подвергаются исследователи.

Около половины третьего он встает, улыбаясь, прощается с товарищами, жмет руку Жану Перрену, с которым должен встретиться еще раз вечером. На пороге он машинально взглядывает на небо, затянутое густой пеленою туч, и делает гримасу. Раскрывает большой зонтик и под проливным дождем идет в сторону Сены.

У Готье-Вилл ара он натыкается на запертую дверь: типографии бастуют. Идет в обратную сторону и доходит до улицы Дофины, шумной от криков извозчиков и лязганья трамваев, идущих по соседней набережной. Какое столпотворение на этой улице, втиснутой в старый Париж! Экипажи едва могут разминуться, а для множества пешеходов в этот послеполуденный час тротуар становится чересчур узок. Пьер инстинктивно ищет свободного места для прохода. Неровной поступью человека,

занятого какой-то мыслью, он идет то по каменной обочине тротуара, то по самой мостовой. Взгляд сосредоточен, лицо серьезно — о чем он думает? О каком-нибудь опыте на предстоящей лекции? О работе своего друга Урбена? О Мари?..

Уже несколько минут он шествует по асфальту мостовой сзади закрытого фиакра, медленно едущего по направлению к Новому мосту. На скрещении улицы и набережной шум особенно силен. Трамвай, идущий к площади Согласия, только что прошел по набережной. Перерезая ему путь, тяжелая грузовая фура спускается с моста и въезжает на улицу Дофины.

Пьер намеревается пересечь мостовую и добраться до тротуара на другой стороне улицы. Со свойственной рассеянным людям неожиданностью движений он вдруг выходит из-за прикрытия фиакра, который загораживает ему горизонт своим четвероугольным ящиком, делает несколько шагов влево и наталкивается на одну из лошадей грузовой фуры, пересекающей в эту секунду путь фиакру. Пространство между двумя экипажами сокращается с головокружительной быстротой. Пьер, застигнутый врасплох, делает неуклюжую попытку повиснуть на груди у лошади; лошадь вздыбливается, подошвы ученого скользят по мокрой мостовой. Крик двадцати голосов сливается в один вопль ужаса. Пьер падает под копыта першерона. Прохожие кричат: «Остановите! Остановите!» Кучер натягивает вожжи… напрасно: лошади продолжают бежать.

Пьер лежит на земле, живой, неповрежденный. Он не кричал и не тронулся с места. Копыта даже не задели его тела, лежавшего между ногами лошадей; благополучно миновали его и два передних колеса. Возможно чудо. Но громадная махина, увлеченная шестью тоннами своего веса, проезжает еще несколько метров. Заднее левое колесо натыкается на какое-то слабое препятствие и сокрушает его на ходу. Это человеческая голова…

Уличные полицейские поднимают еще теплое тело, мгновенно покинутое жизнью. Они кличут извозчиков, но ни один не хочет принимать к себе в карету испачканный грязью и кровоточащий труп. Бегут минуты, собираются и теснятся любопытные. Все более и более густая толпа обступает остановленную фуру, яростные крики летят по адресу ее кучера Луи Манена, невольного виновника этой драмы. Наконец двое мужчин приносят носилки. На них кладут умершего и после совершенно бесполезного захода в аптеку несут в полицейский комиссариат, где раскрывают бумажник Пьера и просматривают содержащиеся в нем бумаги. Когда разнесся слух, что жертва — Пьер Кюри, профессор, знаменитый ученый, смута усиливается, и

полицейским приходится вмешаться, чтобы защитить Манена от кулачной расправы.

Врач месье Друе обмывает запачканное лицо, исследует зияющую рану в голове и насчитывает шестнадцать костных осколков, которые еще двадцать минут тому назад составляли череп. По телефону извещают факультет естествознания. Скоро в безвестном полицейском участке на улице Гран-Огюстэн участковый комиссар и секретарь, почтительно взволнованные, видят перед собою склоненные над трупом силуэты рыдающего месье Клера — препаратора Пьера Кюри — и тоже рыдающего ломового извозчика Манена с красным, распухшим от слез лицом.

Между ними лежит Пьер с забинтованным лбом, с открытым неповрежденным лицом — безразличный ко всему.

Фура длиной в пять метров, груженная до верху тюками военного обмундирования, стоит перед подъездом. Дождь мало-помалу смывает кровяные пятна с одного из ее колес. Грузные молодые лошади, обеспокоенные отсутствием хозяина, фыркают и бьют копытом в землю.

* * *

Горе стучится в дом Кюри. Автомобили, фиакры нерешительно проезжают вдоль укреплений и останавливаются на безлюдном бульваре Келлермана. Посланный от Управления президента республики звонит в дверной колокольчик, затем, узнав, что «мадам Кюри еще не возвращалась», удаляется, не выполнив данного ему поручения. Еще звонок: декан факультета Поль Аппель и профессор Жан Перрен входят во флигель.

Доктор Кюри, остававшийся вместе со служанкой в доме, удивлен такими важными гостями. Он идет встретить вошедших двух людей и замечает огорченное выражение их лиц. Поль Аппель, приехавший с целью заранее осведомить Мари, смущенно стоит перед ее тестем. Но трагическое двусмысленное молчание продолжается недолго. Высокий старик еще раз вглядывается в их лица. И, не спрашивая, говорит сам:

— Мой сын умер.

Во время рассказа о несчастном случае сухое морщинистое лицо доктора Кюри бороздится рытвинами, которые промывают слезы у пожилых людей. В этих слезах сказывается и скорбь и возмущение. В порыве нежности и отчаяния он винит сына за рассеянность, стоившую ему жизни, и упорно повторяет горький упрек:

— О чем опять он размечтался?

Шесть часов. Ключ лязгает в замке парадной двери. В дверях гостиной появляется оживленная, веселая Мари. В чересчур почтительных позах своих друзей она смутно чувствует суровый признак сострадания. Поль Аппель снова передает события. Мари стоит так неподвижно, так застыла, что можно подумать, будто она ничего не поняла. Она не падает на дружеские руки, не стонет и не плачет. Можно принять ее за бесчувственный, неодушевленный манекен. После долгого растерянного молчания губы ее, наконец, зашевелились, и она спрашивает совсем тихо, в безумной надежде на какое-то опровержение:

— Пьер умер?.. Умер?.. Совсем умер?..

Было бы не ново, даже пошло доказывать, что внезапная катастрофа навсегда перевертывает человека. Тем не менее решающее влияние этих минут на характер моей матери, на ее судьбу и на судьбу ее детей нельзя обойти молчанием. Мари Кюри не просто стала из счастливой молодой женщины неутешной вдовой. Переворот гораздо глубже. Внутренняя смута, терзавшая ее в эти минуты, несказанный ужас безумных представлений были слишком жгучи, чтобы их выражать в жалобах и откровенных излияниях. С того момента, как два слова: «Пьер умер» — дошли до ее сознания, покров одиночества и тайны навсегда лег на ее плечи. В этот апрельский день мадам Кюри стала не только вдовой, но несчастной одиночкой.

Свидетели ее драмы чувствуют между нею и собой это невидимое средостение. Слова сочувствия и ободрения скользят по Мари, которая стоит с сухими глазами и сероватой бледностью в лице. Она едва их слышит и с трудом отвечает на самые необходимые вопросы. Несколькими отрывистыми фразами она отвергает вскрытие, обычно завершающее судебное расследование, и требует перевезти тело Пьера на бульвар Келлермана. Просит своего друга, мадам Перрен, приютить у себя Ирэн в течение ближайших дней и отправляет в Варшаву коротенькую телеграмму: «Пьер умер несчастного случая». Потом выходит в мокрый сад, садится, уперев локти в колени и охватив руками лицо с отсутствующим взглядом. Глухая ко всему, недвижная и молчаливая, она ждет спутника жизни.

Сначала приносят найденные в карманах Пьера его стилограф, ключи, бумажник и еще идущие часы с уцелевшим стеклом. Наконец в восемь часов вечера карета скорой помощи останавливается у дома. Мари взбирается в нее и видит умиротворенное, кроткое лицо.

Носилки медленно, с трудом протискиваются в узкую входную дверь. Андре Дебьерн, ездивший в полицейский участок за телом своего учителя; своего друга, поддерживает зловещую

ношу. Умершего помещают в одной из комнат нижнего этажа, и Мари остается наедине со своим мужем.

Она целует его лицо, его почти теплое, не успевшее окоченеть тело, еще податливую руку. Ее силой уводят в соседнюю комнату, чтобы она не видела обряжения покойного. Мари уступает, но затем ее вдруг обуревает мысль, что она не должна лишить себя этих минут, что не должна никому уступать права трогать кровавые останки. Тогда Мари возвращается назад и припадает к трупу.

Пройдет еще несколько недель, и Мари, не умея высказывать свое горе перед людьми, готовая кричать от ужаса в окружающем ее безмолвии и пустоте, откроет свою серую тетрадь и начертает дрожащим почерком те мысли, которые ее душат. На этих страницах с помарками и пятнами от слез она обращается к Пьеру, зовет его и говорит с ним. Она пытается запечатлеть каждую подробность разлучившей их драмы, чтобы мучиться ею всю жизнь. Короткий дневник — первый и единственный дневник Мари — отражает самые трагичные часы этой женщины.

«…Пьер, мой Пьер, ты лежишь там, как бедняга раненый, с забинтованной головой, забывшись сном. Лицо твое кротко, ясно, это все ты, погруженный в сон, но ты уже не можешь пробудиться. Те губы, которые я называла вкусными, стали бескровны, бледны. Твоих волос не видно, они начинаются там, где рана, а справа, ниже лба, виден осколок кости. О! Как тебе было больно, сколько лилось из тебя крови, твоя одежда вся залита кровью. Какой страшный удар обрушился на твою бедную голову, которую я гладила так часто, держа в своих руках. Я целовала твои глаза, а ты закрывал веки, чтобы я могла их целовать, и привычным движением поворачивал свою голову ко мне…

Мы положили тебя в гроб в субботу утром, и я поддерживала твою голову, когда тебя переносили. Мы целовали твое холодное лицо последним поцелуем. Я положила тебе в гроб несколько барвинок из нашего сада и маленький портрет той, кого ты звал «милой разумной студенткой» и так любил. Этот портрет будет с тобой в могиле, портрет той женщины, которая имела счастье понравиться тебе настолько, что, повидав ее лишь несколько раз, ты, не колеблясь, предложил ей разделить с тобой жизнь. Ты часто говорил мне, что это был единственный случай в твоей жизни, когда ты действовал без всяких колебаний, с полной уверенностью, что поступаешь хорошо. Милый Пьер, мне думается, ты не ошибся. Мы были созданы, чтобы жить вместе, и наш брак должен был осуществиться.

Гроб заколочен, и я тебя не вижу. Я не допускаю накрывать его ужасной черной тряпкой. Я покрываю его цветами и сажусь

рядом.

…За тобой пришла печальная группа провожатых, я смотрю на них, но не говорю. Мы провожаем тебя в Со и смотрим, как опускают тебя в глубокую, большую яму. Потом ужасная прощальная очередь людей перед могилой. Нас хотят увести. Мы с Жаком не подчиняемся, мы хотим видеть все до конца; могилу оправляют, кладут цветы, все кончено, Пьер спит в земле последним сном, это конец всему, всему, всему…»

* * *

Мари потеряла спутника жизни, мир потерял большого человека. Жестокий уход среди дождя и грязи поразил общественное мнение. Газеты всех стран на нескольких столбцах патетически описывают несчастный случай на улице Дофины. На бульваре Келлермана накапливается груда сочувственных посланий, где подписи королей, министров, поэтов и ученых перемешиваются с именами простых людей. Среди связок таких писем, статей и телеграмм находим отклики истинного чувства.

Лорд Кельвин:

«Тяжко огорчен ужасной вестью о смерти Кюри. На похороны прибудем завтра утром в гостиницу Мирабо».

Марселин Бертло:

«Ужасное сообщение поразило нас, как громом. Столько заслуг, уже оказанных Науке и Человечеству, и столько будущих заслуг, каких мы ждали от этого талантливого исследователя. Все это исчезло в одно мгновение или стало уже воспоминанием».

Г. Липпманн:

«Мне кажется, что я потерял брата: я до сих пор не понимал, что связывало меня так тесно с Вашим мужем; теперь я знаю что. Страдаю и за Вас, мадам».

Ш. Шенво, препаратор Пьера Кюри:

«Для некоторых из нас он был предметом истинного преклонения. Что касается меня лично, то после моей семьи я больше всех любил этого человека, настолько он умел окружить своего скромного сотрудника большим и тонким участием. Его безграничная доброта простиралась на самых мелких служащих, которые его обожали: я никогда не видел таких искренних и таких трогательных слез, как те, что проливали лабораторные

служители при вести о внезапной кончине их начальника».

В этом случае, как и в других, та, кого будут называть теперь «знаменитой вдовой», уклоняется от наплыва почестей. Во избежание официальной церемонии Мари торопит с погребением, назначенным на субботу 11 июля. Отвергает торжественную процессию, делегации, речи и требует, чтобы Пьера похоронили как можно проще, в Со, рядом с могилой его матери. Бывший тогда министром просвещения Аристид Бриан нарушает это распоряжение: в порыве великодушия, он лично присоединяется к толпе родных и близких друзей Кюри и молча сопровождает тело Пьера до маленького кладбища в предместье.

Газетчики, прячась за могилами, высматривают силуэт Мари, окутанной матово-черной траурной вуалью.

> «…Мадам Кюри, под руку со своим тестем, шла за гробом своего мужа до самой могилы, вырытой у ограды кладбища, в тени каштанов. Там она постояла одну минуту неподвижно все с тем же жестким, устремленным в одну точку взглядом; но как только к могиле принесли охапку цветов, она резким движением схватила ее и, выбирая один цветок вслед за другим, стала засыпать ими гроб.
>
> Она делала это медленно, деловито, казалось, совсем забыв о провожатых, стоявших под глубоким впечатлением этого зрелища совершенно тихо, даже не перешептываясь.
>
> Однако распорядитель похорон счел нужным предупредить мадам Кюри, что сейчас ей предстоит выслушать сочувственные речи от присутствующих; тогда она выронила из рук букет цветов на землю, отошла от могилы, не сказав ни слова, и снова присоединилась к своему тестю».
>
> *(«Журналь», 22 апреля 1906 г.)*

В последующие дни происходили заседания, посвященные памяти умершего ученого, — в Сорбонне, в научных обществах и во французских и в тех заграничных, где Пьер Кюри состоял членом. В Академии наук превозносит память о своем друге Анри Пуанкаре:

«Все, кто был знаком с Пьером Кюри, знают, какой приятной, какой надежной была всякая связь с ним, каким тонким обаянием веяло от его кроткой скромности, его чистосердечной простоты, от его изощренного ума.

Кто мог бы думать, что под этой мягкостью крылась

непримиримая душа? Он не мирился ни с какими отклонениями от тех благородных принципов, в которых был воспитан, от того нравственного идеала, какой ему внушили, идеала безусловной чистоты души, возможно, слишком возвышенного для мира, в котором мы живем. Ему было неведомо множество мелких уступок совести, какими потворствуем мы нашу слабость. Вместе с тем служение такому идеалу он никогда не отделял от идеала своего служения Науке и показал нам на себе блестящий пример того, что самое высокое понятие о долге может исходить из простой и чистой любви к истине. Важно не то, в какого бога верят люди: чудеса творит не бог, а сама вера».

* * *

Дневник Мари:

«…На другой день после похорон я все сказала Ирэн, жившей у Перренов… Сначала она не поняла, и я ушла, не получив ответа, но после она, по-видимому, плакала и просилась к нам. Дома она много плакала, затем ушла к своим маленьким друзьям, чтобы забыться. Она не спрашивала ни о каких подробностях и поначалу боялась говорить о своем отце. Тревожным взглядом широко раскрытых глаз она смотрела на принесенные мне черные предметы одежды… Сейчас, судя по ее виду, она уже не думает обо всем этом.

Приехали Броня и Иосиф. Хорошие они люди. Ирэн играет со своими дядями, Ева, которая все это время весело, беспечно топала по дому, тоже играет и смеется, все разговаривают. А я вижу Пьера, Пьера на смертном одре.

В ближайшее воскресенье после твоей смерти, Пьер, утром я с Жаком пошла в первый раз в лабораторию. Я попыталась сделать измерения для кривой, которую ты и я наметили отдельными точками. Но почувствовала себя не в состоянии продолжать работу.

Иду по улице, как в гипнозе, без всяких дум. Я не покончу жизнь самоубийством, меня даже не тянет к этому. Но среди всех этих экипажей не найдется ли какой-нибудь один, который доставит мне возможность разделить участь моего любимого?»

* * *

Доктор Кюри, его сын Жак, Иосиф Склодовский и Броня со страхом наблюдают движения застывшей, спокойной женщины,

одетой в черное, того автомата, каким стала Мари. Даже присутствие детей не вызывает в ней никаких чувств. Казалось, что эта оцепенелая, где-то витающая супруга, не присоединясь к умершему, ушла и от живых.

Но живые заботятся о ней, тревожатся за ее будущее, о котором она почти не думает. Что станется с незаконченными, внезапно прерванными исследованиями Пьера? С его преподаванием в Сорбонне? Каково будущее самой Мари?

Ее близкие шепотом обсуждают эти вопросы, прислушиваются к мнению представителей министерства и университета, приезжавших на бульвар Келлермана. На следующий же день после похорон французское правительство предложило дать вдове и ее детям национальную пенсию. Жак передал это предложение Мари, но она отказалась наотрез. «Я не хочу пенсии, — сказала она. — Я еще достаточно молода, чтобы заработать на жизнь себе и моим детям».

В окрепшем голосе впервые прозвучало слабое эхо былого мужества.

При обмене взглядами между властями и семьей Кюри возникли некоторые колебания. Университет склонялся к тому, чтобы включить Мари в кадры своих работников. Но в каком звании и в чьей лаборатории? Можно ли эту даровитую женщину отдать под чье-нибудь начальство? И где найти такого компетентного профессора, который мог бы ведать лабораторией Пьера Кюри?

Когда спросили самое мадам Кюри о ее желаниях, она ответила, что она не в состоянии обдумывать и ничего сказать не может…

Жак, Броня, самый верный друг Пьера — Жорж Гуи чувствуют, что им придется решать все за Мари и взять на себя инициативу. Жак Кюри и Жорж Гуи делятся с деканом факультета своим твердым мнением: Мари — единственный французский физик, способный продолжать работы, начатые ею и Пьером. Мари — единственный профессор, достойный наследовать Пьеру Кюри. Мари — единственный руководитель лаборатории, способный заменить Пьера. Надо стряхнуть традиции и привычки и назначить _доадам Кюри профессором Сорбонны.

Под влиянием Марселина Бертло, Поля Аппеля и помощника ректора Лиара общественные власти делают широкий, великодушный жест. 13 мая 1906 года совет факультета естествознания решает сохранить кафедру, созданную для Пьера Кюри, и передать ее Мари, присвоив ей звание «профессор».

«Французский университет.

Вдова Пьера Кюри, доктор наук, руководитель научных работ

при факультете естествознания Парижского университета, назначается профессором на вышеозначенном факультете. В этом звании мадам Кюри будет получать десять тысяч франков в год, начиная с первого мая 1906 года».

Впервые должность профессора во французской высшей школе отдается женщине.

Ее свекор доктор Кюри обстоятельно излагает Мари все трудности той задачи, какую ей предстоит взять на себя, но она слушает рассеянно и отвечает только одним словом: «Попробую».

Фраза, некогда сказанная Пьером, представлявшаяся его моральным завещанием, приказом, всплывает в ее памяти и определяет дальнейший путь Мари: «Что бы ни случилось, хотя бы расставалась душа с телом, надо работать».

Дневник Мари.

«Милый Пьер, мне предлагают принять на себя твое наследство: твой курс лекций и руководство твоей лабораторией. Я согласилась. Не знаю, хорошо ли это, или плохо. Ты часто выражал желание, чтобы я вела какой-нибудь курс в Сорбонне. Хотелось бы по крайней мере двигать дальше наши работы. Иногда мне кажется, что благодаря этому мне будет легче жить, а временами, что браться за это, с моей стороны, безумно».

7 мая 1906 года:

«Милый Пьер, думаю о тебе без конца, до боли в голове, до помутнения рассудка. Не представляю себе, как буду теперь жить, не видя тебя, не улыбаясь нежному спутнику моей жизни.

Уже два дня, как деревья оделись листьями и наш сад похорошел. Сегодня утром я любовалась в нем нашими детьми. Я думала, что все это показалось бы тебе красивым и ты меня позвал бы, чтобы показать расцветшие барвинки и нарциссы. Вчера на кладбище я не могла никак понять значение слов «Пьер Кюри», высеченных на могильном камне. Красота деревенского простора вызывала во мне душевную боль, и я опустила вуаль, чтобы смотреть на все сквозь черный креп…»

11 мая:

«Милый Пьер, я спала довольно хорошо и встала сравнительно спокойной. Но едва прошло каких-нибудь четверть часа, и я опять готова выть, как дикий зверь».

14 мая:

«Миленький Пьер, мне бы хотелось сказать тебе, что расцвел альпийский ракитник и начинают цвести глицинии, ирисы,

боярышник, — все это полюбилось бы тебе.

Хочу сказать также и о том, что меня назначили на твою кафедру и что нашлись дураки, которые меня поздравили.

Хочу сказать тебе, что мне уже не любы ни солнце, ни цветы, — их вид причиняет мне страдание, я лучше чувствую себя в пасмурную погоду, такую, какая была в день твоей смерти, и если я не возненавидела ясную погоду, то лишь потому, что она нужна детям».

22 мая:

«Работаю в лаборатории целыми днями — единственно, что я в состоянии делать. Там мне лучше, чем где-либо. Я не постигаю, что могло бы порадовать меня лично, кроме, может быть, научной работы, да и то нет; ведь если бы я в ней и преуспела, мне было бы невыносимо, что ты этого не знаешь».

10 июня:

«Все мрачно. Житейские заботы не дают мне даже времени спокойно думать о моем Пьере».

* * *

Жак Кюри и Иосиф Склодовский уехали из Парижа. Вскоре и Броня должна ехать к мужу в их Закопанский санаторий.

Нечто вроде «нормальной жизни» водворяется во флигеле, где все до такой степени насыщено памятью о Пьере, что в определенные вечера, как только зазвенит звонок парадной двери, у Мари на четверть секунды возникает безумная мысль, не была ли катастрофа только дурным сном и не войдет ли сейчас Пьер Кюри. Юные и старые лица окружающих Мари выражают ожидание чего-то. От нее ждут плане®, предположений на будущее. Эта тридцативосьмилетняя измученная горем женщина оказалась теперь главой семьи.

И она принимает несколько решений: остаться на все лето в Париже, чтобы работать в лаборатории и подготовить курс физики, который ей придется начать в ноябре. Ее курс должен быть достоин курса, читанного Пьером Кюри. Мари собирает все его тетради, книги, сводит вместе заметки, оставшиеся после ученого.

В течение этих мрачных для нее каникул дети резвятся на чистом воздухе: Ева в Сен-Реми-лэ-Шеврез у своего деда, Ирэн на морском берегу с другой сестрой Мари — Элей Шалай, приехавшей помочь сестре и провести лето во Франции. Осенью,

чувствуя себя не в силах оставаться на бульваре Келлермана, Мари начинает подыскивать новую квартиру. Ей хочется обосноваться в Со, где жил Пьер, когда она с ним встретилась, и где он покоится теперь.

Когда встал вопрос о переезде, доктор Кюри, может быть впервые оробев, сказал своей невестке:

— Мари, теперь, когда нет Пьера, у вас нет никакой причины жить со стариком. Я вполне могу оставить вас и жить один или у старшего сына. Решайте!

— Нет, решайте вы!.. — говорит Мари. — Ваш отъезд огорчит меня. Но вы должны сами решить, что для вас лучше.

Голос ее звучит тоскливо. Неужели ей предстоит утратить и этого друга, этого верного товарища ее жизни? Будет естественно, если доктор Кюри предпочтет жить у Жака, а не оставаться с ней — иностранкой, полькой. Но тотчас слышится желанный ей ответ:

— Мари, для меня лучше остаться с вами и навсегда.

Он добавляет: «если вы согласны» — фразу, проникнутую скрытым волнением, в котором ему не хочется признаться. И, быстро повернувшись, уходит в сад, куда его зовут радостные крики Ирэн.

Вдова, семидесятилетний старик, девочка и малышка— вот теперешний состав семьи Кюри.

* * *

«Мадам Кюри, вдова известного ученого, назначенная профессором на кафедру, которую занимал ее муж в Сорбонне, прочтет свою первую лекцию 5 ноября 1906 года в половине второго дня…

В этой вводной лекции мадам Кюри изложит теорию ионов в газах и рассмотрит вопрос радиоактивности.

Мадам Кюри будет читать лекции в лекционном амфитеатре. В нем около ста двадцати мест, из них большую часть займут студенты. Публике и печати, тоже имеющим некоторые права, придется делить между собой самое большее двадцать мест! Ввиду этого события — единственного в истории Сорбонны — нельзя ли изменить существующие правила и предоставить мадам Кюри, только для первой лекции, большой амфитеатр?»

Эти извлечения из тогдашних газет отражают тот интерес и то нетерпение, с которыми Париж ждал первого публичного появления «знаменитой вдовы». Репортеры, светские люди, хорошенькие женщины, артисты, осаждающие секретариат факультета естествознания и негодующие на то, что им не дали

«пригласительных билетов», руководствовались вовсе не сочувствием и не стремлением к образованию. Им было очень мало дела до «теории ионов в газах», и страдание Мари в этот жестокий для нее день представлялось их любопытству только как новая пикантность. Даже у скорби бывают свои снобы.

Первый раз в Сорбонне будет говорить женщина, одновременно и талантливый ученый и безутешная супруга. Вот что влечет публику «первых представлений», непременное общество «больших дней».

В полдень, когда Мари еще стоит у могилы на кладбище в Со и разговаривает шепотом с тем, кому она наследует сегодня, толпа уже забила маленький ступенчатый амфитеатр факультета естествознания и растянулась до площади Сорбонны. В самой аудитории перемешались невежды с большими умницами, близкие друзья Мари с чужими. В самое незавидное положение попали настоящие студенты, которые пришли слушать лекцию, записывать, а должны цепляться за свои скамейки, чтобы их не ссадили посторонние.

Час двадцать пять минут. Рокот голосов нарастает. Все шепчутся, перекидываются вопросами, вытягивают шеи, чтобы ничего не упустить при входе Мари в амфитеатр. У всех одна мысль: с чего начнет новый профессор, единственная женщина, когда-либо допущенная Сорбонной в среду своих ученых? Станет ли она благодарить министра просвещения, благодарить университет? Будет ли говорить о Пьере Кюри? Разумеется, да: обычай требует произнести похвальное слово своему предшественнику. Но в данном случае предшественник — муж, товарищ по работе. Какое «казусное» положение! Минута животрепещущая, единственная в своем роде…

Половина второго. Дверь в глубине аудитории отворяется, и под шквал аплодисментов мадам Кюри подходит к кафедре. Она делает кивок головой — этот сухой жест должен обозначать приветствие. Мари стоит, крепко сжав руками край длинного стола, уставленного приборами, и ждет конца оваций. Они сразу обрываются: перед этой бледной женщиной, которая пытается придать своему лицу соответственное выражение, какое-то неведомое волнующее чувство заставляет умолкнуть эту толпу, пришедшую полюбоваться зрелищем.

Глядя прямо перед собой, Мари произносит:

«Когда стоишь лицом к лицу с успехами, достигнутыми физикой за последние десять лет, невольно поражаешься тем сдвигом, какой произошел в наших понятиях об электричестве и о материи…»

Мадам Кюри начала свой курс точно с той фразы, на которой

его оставил Пьер Кюри.

Что трогательного могут заключать в себе эти холодные слова: «Когда стоишь лицом к лицу с успехами, достигнутыми физикой…»? Но слезы навертываются на глаза и текут по лицам.

Тем же ровным, почти монотонным голосом ученая доводит до конца сегодняшнюю лекцию. Говорит о новых теориях структуры электричества, о ядерной дезинтеграции, о радиоактивных телах. Не понижая тона, она доводит до конца сухое изложение предмета и уходит в маленькую дверь так же быстро, как вошла.

Глава XIX

Одна

Нас удивляла Мари в ту пору, когда благодаря поддержке такого талантливого ученого, как ее муж, ей удавалось одновременно и вести дом и делать свое дело в большой научной работе. Нам казалось, что более трудной жизни и большего напряжения сил нельзя себе представить, но это положение вещей являлось еще легким в сравнении с тем, что ждало ее впереди. Обязанности «вдовы Кюри» испугали бы человека даже крепкого, мужественного, счастливого.

Она должна воспитывать маленьких детей, и зарабатывать на жизнь, и с блеском носить звание профессора. Она должна, уже не имея могучей научной опоры в лице Пьера Кюри, продолжать работы, начатые совместно с ним, сама давать все указания, советы ассистентам и студентам и, наконец, осуществить важную миссию: создать лабораторию, достойную обманутых мечтаний Пьера, такую, где молодые исследователи смогут развивать новую науку о радиоактивности.

* * *

Первой заботой Мари было создание здоровых условий жизни для своих дочерей и тестя. В Со на Железнодорожной улице она снимает дом № 6. Дом неказистый, но его красит уютный сад. Доктор Кюри занимает в доме отдельное крыло. Ирэн, к своей радости, получает во владение квадратик земли, на котором имеет право насаждать, что ей угодно. Ева под надзором гувернантки разыскивает в густой траве лужайки любимую черепаху и бегает по узеньким дорожкам то за черной, то за тигровой кошкой.

За все это мадам Кюри платится лишним утомлением: полчаса езды поездом до лаборатории. Каждое утро можно видеть, как она идет на станцию красивым быстрым шагом, точно стараясь неутомимым ходом наверстать опоздание куда-то. Эта женщина в глубоком трауре неизменно садится в один и тот же поезд, в одно и то же отделение второго класса и вскоре становится знакомою фигурой для пассажиров на этой линии.

По вечерам, иногда очень поздно, Мари опять садится в поезд и возвращается к себе, в светящийся огнями дом. Зимой она первым делом обследует большую печь в передней, подбрасывает угля и регулирует тягу. В ее голове прочно засела мысль, что никто в мире, кроме нее, не способен хорошо развести огонь, и, правда, она умеет артистически, как химик, распределить бумагу, щепки, положить сверху антрацит или дрова. Когда печь начинает гудеть по ее вкусу, Мари ложится на диван и отдыхает от изнурительного дня.

Она слишком скрытна, чтобы высказывать свое горе, никогда не плачет на людях, не хочет быть предметом жалости и утешений. Никому не поверяет ни своих приступов отчаяния, ни страшных кошмаров, которые терзают ее по ночам. Но близкие с тревогой посматривают на ее потухший взгляд, все время устремленный куда-то в пустоту, на ее руки с признаками тика: нервные, воспаленные ожогами радия пальцы неотвязным движением все время трутся друг о друга.

Бывают моменты, когда физические силы вдруг изменяют ей. Как одно из первых моих детских воспоминаний запечатлелся образ моей матери в ту минуту, когда она среди нашей столовой упала на пол, потеряв сознание, ее бледность, неподвижность.

В эти скорбные для Мари годы два человека становятся ее помощниками. Это Мария Каменская, свояченица Иосифа Склодовского, которая по настоянию Брони приняла на себя обязанности гувернантки и домоправительницы в семье Кюри. Ее присутствие частично внесло в жизнь Мари тот польский дух, которого недоставало ей вдали от родины. Впоследствии, когда пани Каменская по состоянию здоровья будет принуждена уехать опять в Варшаву, то другие гувернантки-польки, хотя и не такие надежные и не такие очаровательные, как она, заменят ее при Еве и Ирэн.

Другим и самым ценным союзником Мари был доктор Кюри. Смерть Пьера стала и для него тяжким испытанием. Но старик черпает в своем строгом рационализме известную долю мужества, на что Мари оказывалась неспособна. Он не признает бесплодных сожалений и поклонения могилам. После погребения он ни разу не ходил на кладбище. Раз от Пьера не остается ничего, старик не

хочет мучить себя призраком.

Его стоическая безмятежность действует благотворно на Мари. В присутствии своего свекра, считающего нужным вести нормальный образ жизни, говорить, смеяться, ей стыдно за свою тупость, вызванную горем. И она старается придать своему лицу выражение спокойствия.

Общество доктора Кюри, приятное для Мари, было отрадой для ее дочерей. Не будь этого старика с голубыми глазами, детство девочек заглохло бы в атмосфере траурного настроения. При матери, всегда отсутствующей, занятой в лаборатории, название которой прожужжало им все уши, старик является для девочек товарищем их игр и наставником гораздо больше, чем мать. Ева была слишком мала, чтобы между ним и ею возникла настоящая близость, но он становится незаменимым другом Ирэн, медлительного и нелюдимого ребенка, так похожего характером на его погибшего сына.

Он не только преподает Ирэн начальные сведения по естественной истории, ботанике, передает ей свое восхищение Виктором Гюго, пишет ей летом письма, разумные, поучительные и забавные, в которых отражается и его насмешливое остроумие и изящный стиль, но и дает всему умственному ее развитию определенное направление. Духовная уравновешенность Ирэн Жолио-Кюри, ее отвращение к унынию, ее непререкаемая любовь к реальному, ее антиклерикализм, даже ее политические симпатии пришли прямым путем от ее деда по отцу.

Мадам Кюри окружает этого замечательного старика теплыми, нежными заботами. В 1909 году, заболев воспалением легких, он пролежал в постели целый год, и Мари проводит все свои свободные минуты у изголовья трудного, нетерпеливого больного, стараясь его развлечь.

25 февраля 1910 года он умирает. На оголенном зимой промерзшем кладбище в Со Мари требует от могильщиков произвести неожиданную для них работу — вынуть из могилы гроб Пьера. На дно могилы ставят гроб доктора Кюри, а на него опускают гроб Пьера. Не желая расставаться с мужем после своей смерти, Мари велит оставить место для себя и долго, бесстрашно смотрит в эту пустоту.

* * *

Теперь воспитание Ирэн и Евы перешло в руки самой Мари. О первоначальном детском воспитании у нее были свои установившиеся представления, которые и проводились

менявшимися гувернантками более или менее удачно.

Каждый день начинается часом умственной и ручной работы, которую Мари старается делать привлекательной. Она ревностно следит за каждым пробуждением способностей у дочерей и заносит в свою серую тетрадь успехи Ирэн в вычислениях или раннее проявление музыкальности у Евы.

Как только кончаются занятия на данный день, девочек отправляют гулять на чистый воздух. В любую погоду они делают длинные прогулки и физические упражнения. В саду, у себя в Со, Мари велит построить портик, где вешают трапецию, кольца и канат для лазания. Поупражнявшись у себя дома, обе девочки станут рьяными ученицами гимнастической школы, где завоюют первые призы по упражнениям на снарядах.

Мари нельзя надолго покидать Париж, и Ирэн с Евой проводят большую часть летних каникул под наблюдением Эли Шалай. Вместе со своими двоюродными сестрами они резвятся на каком-нибудь мало-посещаемом побережье Ла-Манша или Атлантического океана. В 1911 году первое путешествие в Польшу, где Броня устраивает их у себя в Закопанском санатории. Девочки учатся ездить верхом, уходят на несколько дней в горы, останавливаются в избушках карпатских горце?. С мешком за плечами, в подбитых гвоздями ботинках, Мари шествует впереди по горным тропам.

Она не допускает дочерей до занятий акробатикой, рискованными упражнениями, но хочет развить в них смелость. Она не терпит, чтобы Ирэн и Ева «боялись темноты», чтобы они во время грозы прятали головы под подушки, чтобы они боялись воров или заразных болезней. Когда-то эти страхи были знакомы самой Мари: она избавит от них своих дочерей. Даже воспоминание о несчастном случае с Пьером не сделало ее боязливой воспитательницей. Девочки уже в раннем возрасте, одиннадцати-двенадца-ти лет, выходят из дому одни. А вскоре они станут и путешествовать без провожатых.

Здоровая нравственность не менее близка сердцу Мари. Она старается предохранить дочерей от тоскливых мыслей, от чрезмерной чувствительности. У ней возникло своеобразное решение: никогда не говорить сироткам об их отце. В подобном решении сказывалась просто физическая невозможность для нее говорить на эту тему. До конца своей жизни Мари с громадным трудом произносит слова «Пьер» или «Пьер Кюри», «твой отец» или «мой муж» и в разговорах будет прибегать к невероятным маневрированиям, стараясь обойти определенные островки своих воспоминаний. Она не мыслит свое молчание о муже преступным в отношении детей. По ее мнению, лучше не вызывать в них, да и

в самой себе волнующих благородных чувств, чем ввергать детей в трагическую атмосферу.

Мари хочется, чтобы Ирэн и Ева выучились польскому языку, чтобы они знали и любили свою родину. Но решительно делает из них француженок. Ах! Только бы они не чувствовали мучительного раздвоения между двумя отечествами.

Девочек не крестили и не воспитывали в благочестии. Мари сознавала свою неспособность преподавать им догмы, в которые сама уже не верит. В особенности она боится для них той скорби, какую сама перенесла, потеряв веру. Тут не было никакого антирелигиозного сектантства: Мари отличалась полной терпимостью и не один раз будет говорить своим детям, что, если у них явится потребность в какой-нибудь религии, она предоставляет им полную свободу. Ее радует, что девочки не знают ни скудного детства, ни трудного отрочества, ни убогой юности, какие выпали на ее долю. Несколько раз ей представлялся случай обеспечить Ирэн и Еву крупным состоянием. Мари не сделала этого. Став вдовой, ей надо было решить вопрос о применении того грамма радия, который Пьер и она добыли своими руками и принадлежащего ей как ее собственность. Вопреки мнению доктора Кюри и нескольких членов семейного совета, она решает подарить лаборатории эту драгоценную частицу радия, стоящую свыше миллиона франков золотом.

По ее понятию, если быть бедным неприятно, то быть очень богатым и ненужно и обидно для других. То, что ее дочерям придется самим зарабатывать себе на жизнь, представляется ей и здоровым и естественным.

* * *

Когда Ирэн получила свидетельство о законченном низшем образовании и достигла возраста, необходимого для поступления в лицей, Мари вознамерилась дать дочери образование выше обычных застарелых его форм.

Эту заядлую труженицу преследует мысль о переутомлении, на которое обречены дети. Ей кажется варварством запирать молодые существа в плохо вентилируемые классы, отнимать у них бесчисленные и бесплодные часы «сидения» в школе, когда их возраст требует движения, беготни. Она пишет своей сестре Эле:

«…Иной раз у меня создается впечатление, что детей лучше топить, чем заключать в современные школы»…

Ей хочется, чтобы Ирэн училась очень немного, но очень

хорошо. Она раздумывает, советуется с друзьями — такими же профессорами Сорбонны и такими же главами семьи, как и она. По ее почину рождается проект своего рода образовательного кооператива, где крупные ученые применят к своим объединенным детям новые методы образования.

Для десятка мальчиков и девочек открывается эра, полная возбуждающего интереса и занимательности, когда эти ребята ходят каждый день только на один урок, который им дает кто-нибудь из лучших знатоков предмета. Утром в определенный день они завладевают лабораторией в Сорбонне, где Жан Перрен преподает им химию. На следующий день маленький батальон переправляется в Фонтенэ-о-Роз: урок математики у Поля Ланжевена. Мадам Перрен, мадам Шаван, скульптор Магру, профессор Мутон преподают литературу, историю, иностранные языки, естественную историю, моделирование, рисование. И, наконец, в одном из помещений Института физики по четвергам во второй половине дня сама мадам Кюри преподает им курс физики, самый элементарный.

Ее ученики, а из них некоторые станут потом учеными, сохранят восторженную память об ее увлекательных уроках, об ее дружеском, милом обращении. Благодаря ей физические явления, описанные в учебниках отвлеченно, скучно, иллюстрируются живым, наглядным образом.

Шарики от велосипедных подшипников обмакивают в чернила, затем бросают на наклонную плоскость, и таким образом наглядно проверяется закон падения тел. Маятник записывает свои регулярные движения на закопченном листе бумаги. Термометр, сделанный и разделенный на градусы самими учениками, действует к великой гордости ребят в соответствии с термометрами установленного образца.

Мари внушает им свою любовь к науке и влечение к труду. Передает свои методы работы. Обладая виртуозной способностью считать в уме, она заставляет своих питомцев упражняться в умственных подсчетах: «Надо добиваться делать это, никогда не ошибаясь», «тайна успеха — не торопиться». Если кто-нибудь из ее учеников конструирует электрическую батарею и при этом мусорит на столе, Мари, вся вспыхнув от негодования, накидывается: «Не говори мне, что очищу все «потом»! Нельзя захламлять стол, когда делаешь установку или опыт».

Время от времени эта лауреатка Нобелевской премии давала своим честолюбивым ребятишкам урок простого здравого смысла.

— Как вы поступите, чтобы сохранить жидкость теплой в этом сосуде? — спрашивает Мари.

Сейчас же Франсис Перрен, Жан Ланжевен, Изабелла Шаван,

Ирэн Кюри — ученые светила этого курса физики — предлагают изобретательные решения: окутать сосуд шерстью, изолировать его способами сложными… и неосуществимыми.

Мари улыбается и говорит:

— Что касается меня, то я прежде всего накрыла б его крышкой.

На этом заключении домашней хозяйки и закончился урок в тот четверг.

Дверь отворяется, служанка вносит огромный запас хлебных рожков, плиток шоколада, апельсинов — для коллективной закуски.

Подстерегая малейшие поступки Мари Кюри, газеты весело подсмеиваются над введением (очень скромным и под строгим наблюдением) сыновей и дочерей ученых в научные лаборатории:

«Это маленькое общество, едва умеющее читать и писать, — говорит один обозреватель, — имеет полное право пользоваться приборами, конструировать аппаратуру, производить опыты с химическими реакциями… Сорбонна и дом на улице Кювье пока не взорвались, но надежда на это еще не потеряна!»

Через два года наступил конец коллективному обучению. Родители слишком перегружены собственной работой, чтобы уделять время этой затее. Детям предстоит сдача экзамена на аттестат зрелости, и они должны пройти установленную программу обучения. Мари выбрала для старшей дочери частную школу — Коллеж Севинье, — где количество уроков значительно сокращено. В этом превосходном заведении Ирэн и закончит свое среднее образование, а позже будет учиться Ева.

* * *

Не без опасения я попыталась определить те принципы, которыми руководилась Мари в своих первоначальных отношениях с нами. Я боюсь, что они вызовут представление о ней как о человеке методичном, сухом, с предвзятой точкой зрения. На самом деле она была совсем другой. Женщина, желавшая сделать нас неуязвимыми, сама по своей нежности, утонченности была слишком предрасположена к страданию. Та, что отучала нас быть ласковыми, несомненно, хотела бы, не признаваясь себе в этом, чтобы мы еще больше целовали и нежили ее. Желая сделать нас нечувствительными, Мари вся сжималась от огорчения при малейшем признаке равнодушия к ней самой. Она никогда не испытывала нашу «нечувствительность», подвергая нас наказанию за наши выходки.

Классические наказания в виде невинного шлепка, «постановки в угол», лишения сладкого не имели у нас места. Не бывало также ни домашних сцен, ни криков: наша мать не терпела повышенного тона ни в радости, ни в гневе. Как-то раз Ирэн надерзила, тогда Мари решила «дать ей урок» и не говорить с ней ни слова в течение двух дней. И для нее и для Ирэн все это время стало тяжким испытанием, но из них двух наказанной казалась Мари: расстроенная, она жалко бродила по мрачному дому и страдала больше, чем ее дочь.

Милая, очень милая мэ, почти неслышная, говорившая с нами чуть не робко, не стремившаяся внушать ни страха, ни обожания к себе. Милая мэ. которая в течение длинной череды годов нисколько не заботилась открыть нам, что она не обычная мать семьи, как прочие, и не обычный профессор, подавленный своей работой, а исключительное существо здесь, на земле.

Никогда Мари Кюри не старалась возбудить в нас гордость ее научными успехами, ее славой. Да разве это могло прийти ей в голову, если она при всей своей чудесной карьере являлась олицетворением сомнения в себе, самоотречения и самоунижения?

Глава XX

Успех — испытания

Очень бледная, сильно похудевшая, с чуть осунувшимся лицом и белокурыми, подернутыми сединой волосами, женщина-физик входит утром в помещение на улице Кювье, снимает с крюка блузу из толстой парусины, надевает поверх черного платья и принимается за работу.

В эту тусклую пору своей жизни Мари, неведомо для самой себя, достигла совершенства во внешнем облике. Говорят, что люди приобретают с возрастом достойное их выражение лица. Как это верно в отношении мадам Кюри! В ранней юности она была только мила, студенткой и молодой женой — прелестна, а в зрелой, убитой горем женщине-ученом проступает изумительная красота. Ее славянское лицо, озаренное живым умом, не нуждалось в добавочных украшениях: свежести и жизнерадостности. После сорока лет выражение печального мужества и все более и более обозначающаяся хрупкость становятся благородными особенностями ее красоты. Эта идеальная видимость останется в глазах Ирэн и Евы такой же еще много лет, до того дня, когда они с ужасом заметят, что их мать

превратилась в старуху.

Профессор, исследователь, директор лаборатории, Мари Кюри работает с огромным напряжением. Она продолжает давать уроки в Севре. В Сорбонне, куда зачислена штатным профессором, она читает первый и в то время единственный в мире курс радиоактивности. Великие усилия! Если среднее образование во Франции казалось ей неправильным, высшее образование вызывало у нее искреннее восхищение. Ей хотелось бы сравниться с теми мастерами в науке, которые некогда ослепили своим блеском Маню Склодовскую.

Вскоре Мари задумывает издать курс своих лекций. В 1910 году она выпускает свое основное «Руководство по радиоактивности». Девятьсот одиннадцать страниц едва хватило, чтобы свести воедино знания, приобретенные в этой области, начиная с того, еще недавнего дня, когда супруги Кюри заявили об открытии радия.

Мари не приложила своего портрета в начале этой книги. Против титульного листа она поместила фотографию своего мужа. Двумя годами раньше эта фотография украшала том в шестьсот страниц — «Труды Пьера Кюри», приведенные в порядок и отредактированные Мари.

Вместо предисловия к этой книге вдова составила очерк научного пути Пьера. Она стыдливо жалуется на несправедливость его смерти:

«Последние годы Пьера Кюри были очень плодотворны; Умственные способности его достигли своего полного развития, так же, как и его искусство ставить опыты.

Перед ним открывалась новая эпоха жизни: ей предстояло при более действенных возможностях работы стать естественным продолжением его удивительной ученой карьеры. Судьба решила по-другому, и мы вынуждены склониться перед ее непостижимым приговором».

* * *

Число учеников мадам Кюри все время возрастает. Американский филантроп Эндрыо Карнеджи, начиная с 1907 года, предоставляет Мари ежегодные дотации, что дает возможность приютить на улице Кювье начинающих ученых. Они присоединяются к ассистентам, получающим жалованье от университета, и к сотрудникам-добровольцам. Среди последних выделяется своими способностями высокий юноша Морис Кюри, сын Жака Кюри. В этой лаборатории он начинает свою ученую

карьеру. Мари гордится успехами своего племянника и всю жизнь питает к нему чувство материнской нежности.

Всем составом из восьми-десяти сотрудников руководит вместе с Мари бывший сотрудник Пьера, верный друг и выдающийся ученый Андре Дебьерн.

У Мари есть программа новых исследований. И она проводит ее благополучно, несмотря на какое-то общее недомогание. Она выделяет несколько дециграммов хлористого радия и вторично определяет атомный вес этого вещества. Затем приступает к выделению самого металла-радия. До этих пор, всякий раз, когда она добывала «чистый» радий, в действительности дело ограничивалось солями радия (хлористыми или бромистыми), представлявшими собой его единственно стойкую форму. Андре Дебьерну и Мари удается выделить самый металл, не изменяющийся от воздействия атмосферы. Это одна из самых тонких операций, которая никогда больше не повторялась

Андре Дебьерн помогает Мари изучать радиоактивность полониума. Наконец Мари, уже в самостоятельной работе, устанавливает способ дозировки радия путем измерения его эманации.

Всеобщее развитие радиотерапии требует, чтобы мельчайшие частицы драгоценного вещества могли быть отделены с большой точностью. Там, где дело идет о тысячных долях миллиграмма, от весов мало толку. Мари придумывает «взвешивать» радиоактивные вещества на основании силы их излучения. Она доводит эту трудную технику до желанной цели и создает у себя в лаборатории «измерительный отдел», куда ученые, врачи и просто частные люди смогут отдавать для проверки радиоактивные продукты или минералы и получать удостоверение о количестве содержащегося в них радия.

Опубликовывая «Классификацию радиоэлементов» и «Таблицу радиоактивных констант», она заканчивает также работу общего характера: получение первого международного эталона радия. В этой легонькой стеклянной трубочке, которую Мари с волнением запечатала собственноручно, содержится 21 миллиграмм чистого хлористого радия. Впоследствии этот эталон послужит образцом для эталонов на всех пяти континентах и будет торжественно водворен в Бюро мер и весов в Севре, под Парижем.

* * *

После общей славы четы Кюри известность самой мадам

Кюри взлетает и рассыпается огнями, как ракета. Дипломы на звание доктора honoris causa, члена-корреспондента заграничных академий наук заполняют ящики письменного стола в Со, но лауреатка не выставляет их напоказ и даже не составляет списка этих званий.

Франция чтит своих выдающихся людей при их жизни только двумя способами: орденом Почетного легиона и званием академика. В 1910 году Мари предложили крест Почетного легиона, но, руководясь отношением Пьера к этому вопросу, она отказалась.

Почему же, несколько месяцев спустя, она не оказывает такого же сопротивления своим слишком рьяным коллегам, которые советуют ей выставить свою кандидатуру в Академию наук? Разве она забыла унизительное количество голосов, поданных за Пьера и при его провале и даже при его избрании? Разве она не знает, какая сеть зависти расставлена вокруг нее?

Да, не знает. А главное, в качестве наивной польки она боится выказать себя притязательной, неблагодарной, если откажется от высокого отличия, предложенного ей другим отечеством, каким она считает Францию.

У нее есть конкурент — выдающийся физик и заведомый католик Эдуард Бранли. Возгорается борьба между «кюристами» и «бранлистами», между вольнодумцами и церковниками, между защитниками и противниками такого сенсационного нововведения, как допущение женщины в члены академии. Беспомощная, испуганная Мари присутствует при полемике, которой она не ожидала.

Крупнейшие ученые — Анри Пуанкаре, доктор Ру, Эмиль Пикар, профессора Липпманн, Бути и Дарбу — стоят за нее. Но другой лагерь организует могучее сопротивление.

«Женщины не могут быть членами академии!» — восклицает в добродетельном негодовании академик Амага, оказавшийся восемь лет тому назад счастливым соперником Пьера Кюри. Добровольные осведомители, вопреки очевидности, говорят католикам, что Мари — еврейка, если не напоминает вольнодумцам, что она католичка. Двадцать третьего января 1911 года, в день выборов, президент, открывая заседание, говорит служителям:

— Впускайте всех, кроме женщин.

Один из академиков, горячий сторонник мадам Кюри, но почти слепой, жалуется, что чуть было не голосовал против нее, так как ему подсунули не тот избирательный листок.

Мари Кюри в одном из организованных ею рентгеновских военных кабинетов

Поль Ланжевен (1872–1946)

В четыре часа дня переволновавшиеся газетчики сбегаются писать о выборах разочарованные или торжествующие «отчеты». Мари Кюри не хватило одного голоса для избрания.

Ее ассистенты, даже лабораторный служитель с большим нетерпением, чем сама кандидатка, ждут на улице Кювье решения академии. Уверенные в успехе, они с утра купили большой букет цветов и спрятали под столом, на котором стояли точные весы. Провал Мари ошеломил их. Механик Луи Раго с тяжелым чувством уничтожает ненужный теперь букет. Молодые физики подготовляют ободряющие фразы. Но говорить их не придется.

Мари появляется из маленькой комнаты, служившей ей кабинетом. Ни слова о своем провале, не огорчившем ее нисколько.

В истории супругов Кюри, по-видимому, на долю заграницы выпало исправлять действия Франции. В декабре того же тысяча девятьсот одиннадцатого года Академия наук в Стокгольме, с целью отметить блестящие работы, осуществленные мадам Кюри по смерти своего мужа, присуждает ей Нобелевскую премию по химии. Никогда ни один мужчина или женщина не был и не будет дважды удостоен такой награды.

Мари просит Броню сопровождать ее в Швецию. Берет с собой и старшую дочь, Ирэн. Девочка присутствует на торжественном заседании. Спустя двадцать четыре года она в том же зале получит ту же премию.

Делая публичный доклад, Мари посвящает все выпавшие на ее долю почести Пьеру Кюри.

«Прежде чем излагать тему моего доклада, я хочу напомнить, что открытие радия и полония было сделано Пьером Кюри вместе со мною. Пьеру Кюри наука обязана целым рядом основополагающих работ в области радиоактивности, сделанных им самим, или сообща со мной, или же в сотрудничестве со своими учениками.

Химическая работа, имевшая целью выделить радий в виде чистой соли и характеризовать его как элемент, была сделана лично мной, но тесно связана с нашим совместным творчеством. Мне думается, я точно истолкую мысль Академии наук, если скажу, что дарование мне высокого отличия обосновывалось этим совместным творчеством и, следовательно, является почетной данью памяти Пьера Кюри».

* * *

Большое открытие, мировая известность, две премии Нобеля вызывают у многих современников удивление личностью Мари, а у многих других — враждебное к ней отношение.

И злостный шквал внезапно налетает на Мари, стремясь ее уничтожить. Против этой женщины сорока четырех лет, такой хрупкой, измотанной трудом, предпринимается вероломный поход.

Мари, занятую мужской профессией, окружали друзья, приятели-мужчины. Она приобретает большое влияние на близких к ней людей, в особенности на одного из них. Чего же больше! И вот преданная своему делу ученая, жившая достойно,

замкнуто, а за последние годы жалкой жизнью, обвиняется в разрушении чужих семейных уз, в том, что она совершенно открыто позорит имя, которое носит.

Не мое дело судить тех, кто дал сигнал к нападению, или рассказывать о том, с каким отчаянием и трагической неловкостью Мари старалась защититься. Оставим в покое и журналистов, имевших смелость оскорблять беззащитную женщину в то время, как ее травили и терзали анонимными письмами, публично грозили ей насильственными действиями, когда сама ее жизнь подвергалась опасности. Позже некоторые из них приходили к Мари просить у нее прощения, с раскаянием и слезами… Но преступление свершилось: Мари была на краю самоубийства, сумасшествия, лишилась сил, и ее сразила тяжелая болезнь.

Запомним лишь один, наименее убийственный, но наиболее гнусный способ действия, который преследовал Мари на всем ее пути. Всякий раз, когда представлялся случай принизить эту единственную в своем роде женщину, как, например, в тягостные дни 1911 года, не дать ученого звания, награды или отказать в приеме в академию, ей ставили в упрек ее происхождение; она была то полькой, то немкой, то русской, то еврейкой, вообще иностранкой, явившейся в Париж с целью нечистым способом захватить высокое положение. Но всякий раз, когда дарования Мари Кюри приносили честь науке, всякий раз, как другая страна чествовала Мари, ее осыпали небывалыми похвалами и в тех же газетах, подписанных теми же редакторами, ее называли «посланницей Франции», «чистейшей представительницей французского гения», «национальной славой». Однако и в этом случае так же несправедливо замалчивали ее польское происхождение, которым она гордилась.

Великие личности всегда подвергались яростному нападению со стороны людей, стремившихся отыскать под бронею гения несовершенные человеческие существа. Если бы не страшная магнетическая сила известности, привлекавшая к Мари и симпатии и ненависть, то никогда бы она не подвергалась ни критике, ни клевете. Теперь у нее были основания ненавидеть свою славу.

* * *

Друзья познаются в беде. Мари получает сотни писем за подписью известных и неизвестных лиц, выражающих свое сожаление и возмущение по поводу постигших ее нападок. За нее

сражаются Андре Дебьерн, месье и мадам Шаванн, замечательный друг — англичанка миссис Айртон и многие другие, в числе их ассистенты и ученики Мари. В университетском мире люди едва знакомые сами сближаются с ней, а такие, как математик Эмиль Борель и его жена, окружают Мари утонченной заботливостью, увозят с собой в Италию на отдых, чтобы поддержать ее здоровье. Наряду с Иосифом, Броней и Элей, спешно приехавшими помочь ей, самым стойким защитником ее оказывается брат Пьера Жак Кюри.

Все эти теплые чувства и участие несколько подбадривают Мари. Но ее физическая слабость с каждым днем дает себя знать все больше. Она уже не в состоянии ездить из Со в Париж и снимает в Париже, на набережной Бетюн, 36, квартиру, где рассчитывает поселиться с января 1912 года. Но не дотягивает до этой даты: 29 декабря ее, умирающую, обреченную, перевозят в больницу. После двух месяцев борьбы Мари побеждает свою болезнь, но сильно поврежденные почки требуют хирургического вмешательства. Узнав об этом, Мари просит отложить операцию до марта. Ей хочется присутствовать на физическом конгрессе в конце февраля.

Больную превосходно оперировал и вылечил крупный хирург Шарль Вальтер. Тем не менее ее здоровье остается подорванным надолго. Она до жалости худа, не может стоять прямо. Приступы лихорадочного состояния и боли в почках вынудили бы всякую другую женщину вести образ жизни инвалида.

Как загнанный зверь, она прячется от преследующих ее физических болей и людской низости. Сестра сняла для нее на имя Длусской дом в Брюнуа, под Парижем. Больная Мари живет там недолго, а затем на все мрачное время своего лечения поселяется в То-ноне инкогнито. Летом близкий друг миссис Айртон устраивает ее у себя в тихой вилле на английском морском берегу. Там ее встретили заботы и участие.

* * *

Как раз в ту пору, когда Мари особенно мрачно смотрела на свое будущее, она получает неожиданное предложение, оживившее и вместе с тем смутившее ее.

Царизм, потрясенный революцией 1905 года, пошел в России на некоторые уступки в отношении свободы мысли, даже Варшава избавилась от строгих ограничений. Одно сравнительно независимое и очень деятельное научное общество еще в 1911 году избрало Мари своим «почетным членом». Несколько месяцев спустя интеллигентные круги задумывают большое начинание — создать в Варшаве лабораторию для изучения радиоактивности, предложить руководство ею мадам Кюри и таким образом вернуть навсегда в свое отечество первую в мире ученую.

В мае 1912 года к Мари явилась делегация польских профессоров, и среди них — писатель Генрих Сенкевич, самый известный, самый популярный человек в Польше; не будучи знаком с Мари лично, он обращается к ней с призывом, где фразы, проникнутые глубоким уважением, соединяются с патетическими обращениями на «ты».

«Глубокоуважаемая пани, соблаговолите перенести вашу блестящую деятельность в нашу страну и в нашу столицу. Вам известны причины, в силу которых наша наука пришла за последнее время в упадок. Мы теряем веру в наши умственные способности, мы падаем во мнении врагов, и мы теряем надежду на наше будущее…

…Наш народ восхищается тобой, но он хотел бы видеть, что ты работаешь у себя в родной стране. Это пламенное желание всего народа. Имея тебя в Варшаве, мы почувствуем себя сильнее, мы вновь поднимем свои головы, склоненные под гнетом стольких бедствий. Да будет услышана наша просьба. Не отталкивай рук, протянутых к тебе».

Для человека менее совестливого — какой это удобный случай уехать из Парижа с блеском, повернуться спиной к клевете и злобе!

Но Мари никогда не следовала советам затаенной обиды. Она мучительно и честно обдумывает, на чьей стороне ее долг. Мысль вернуться к себе на родину и влечет ее и пугает. В том физическом состоянии, в каком находилась эта женщина, всякое решение страшит. Но было и другое обстоятельство: постройка лаборатории, которой добивались супруги Кюри, была решена. Бежать из Парижа значило превратить в ничто эту надежду, убить

великую мечту.

Как раз в ту пору, когда Мари чувствовала себя негодной ни к чему, ей приходилось раздираться надвое между двумя предназначениями, исключавшими друг друга. После тоскливых колебаний она с душевной болью шлет в Варшаву свой отказ.

Мари, однако, не отказывается руководить издалека новой лабораторией под контролем своих двух лучших ассистентов-поляков, Даниша и Вертенштейна.

В 1913 году Мари, еще больная, едет в Варшаву на открытие здания, построенного для исследований радиоактивности. Русские власти делают вид, что не знают о ее приезде: ни одно официальное лицо не принимает участия в торжественных чествованиях Мари. Прием в родной земле не стал от этого менее бурным. Первый раз в своей жизни Мари делает научный доклад на польском языке в битком набитом зале.

«Прежде чем уехать, я стараюсь здесь оказать возможно больше услуг для пользы дела, — пишет она одному из своих коллег в Париже. — В среду я делала публичный доклад. Кроме того, я была и еще буду на разных собраниях. Я встретилась с хорошими намерениями и надо извлечь из них пользу. Эта несчастная страна, изуродованная варварской, нелепой властью, делает очень много для того, чтобы отстоять свою собственную нравственную и умственную жизнь. Возможно, что настанет день, когда угнетению придется отступить, а до этих пор надо продержаться. Но что это за жизнь! В каких условиях!

Я снова повидала те места, с которыми связаны у меня воспоминания из моего детства и юности. Я повидала и Вислу, побывала и на кладбище, на родной могиле. Эти поездки и сладостны и печальны, а воздержаться от них невозможно».

Один из торжественных приемов состоялся в Музее промышленности и сельского хозяйства, в том же доме, где двадцать два года тому назад Мари делала свои первые опыты по физике. На следующий день польские женщины дают банкет в честь Марии Склодовской-Кюри. Среди присутствующих сидит очень пожилая, седая дама и с восторгом смотрит, на ученую: это пани Сикорская, директриса того пансиона, куда ходила малютка Маня с белокурыми косичками. Мари встает с места, проходит меж столов, украшенных цветами, подходит к старой даме и, как в далекие дни раздачи наград, робко целует ее в обе щеки. Пани Сикорская плачет, а присутствующие восторженно аплодируют.

* * *

Здоровье мадам Кюри поправилось. Летом 1913 года Мари пробует свои силы и, надев на спину рюкзак, путешествует пешком по Энгадину. Ее сопровождают дочери с гувернанткой. К этой компании экскурсанток присоединяется ученый Альберт Эйнштейн с сыном. Очаровательное «содружество талантов» уже несколько лет связывает мадам Кюри и Эйнштейна. Они в восторге друг от друга, между ними верная, искренняя дружба, они оба любят вести нескончаемые беседы по теоретическим вопросам физики.

В авангарде резвятся дети, совершающие это путешествие с огромным удовольствием. Несколько позади шествует вдохновенный словоохотливый Эйнштейн и излагает ученой спутнице свои заветные теории, которые Мари с ее исключительным математическим развитием ума, одна из немногих в Европе, способна понимать.

Ирэн и Ева иногда ловят на лету отдельные фразы, которые им кажутся немного странными. Эйнштейн, занятый своими мыслями, незаметно для себя переходит через трещины, взбирается на отвесные скалы. Вдруг он останавливается, хватает Мари за руку и восклицает:

— Вы понимаете, мадам, что мне надо знать, а именно, что происходит с пассажиром в лифте, если лифт падает в пространство…

Такая трогательная озабоченность переживаниями пассажира вызывает безумный смех у юного поколения, не подозревающего, что это воображаемое падение лифта иллюстрирует отвлеченную проблему «относительности».

После коротких каникул Мари едет в Англию, оттуда в Брюссель, куда ее приглашают ученые светила. В Бирмингаме она получает еще одно звание — «почетного доктора». Против обыкновения Мари принимает это испытание добродушно и описывает его Ирэн в живописном стиле:

«Меня одели в красивое красное платье с зелеными отворотами, так же, как и моих товарищей по несчастью, то есть тех ученых, которым предстояло получить степень доктора. Каждому из нас была посвящена коротенькая речь, прославляющая наши заслуги, затем вице-канцлер университета объявил каждому, что он избран университетом. После этого мы вышли, приняв участие в своего рода процессии, состоявшей из профессоров и докторов наук Бирмин-гамского университета, в костюмах, очень похожих на наши. Все это было довольно занятно. Я должна была дать торжественное обещание соблюдать законы и обычаи Бирмингамского университета».

Во Франции все бури забыты. Мари Кюри в зените своей

славы. Уже два года архитектор Нено строит для нее Институт радия на отведенном для этого участке по улице Пьера Кюри.

Устроилось это дело не так просто. На другой день после смерти Кюри официальные власти предложили Мари открыть народную подписку на постройку лаборатории. Вдова, не желая добывать деньги за счет несчастного случая на улице Дофины, отказалась от этого проекта. Тогда власти впали в свое обычное летаргическое состояние. Но в 1909 году доктор Ру, директор Пастеровского института, великодушно предложил Мари Кюри устроить для нее особую лабораторию. В таком случае она ушла бы из Сорбонны и стала бы звездой Пастеровского института.

Лица, возглавляющие Сорбоинский университет, насторожились… Отпустить Мари Кюри? Немыслимо! Надо во что бы то ни стало удержать ее в своих штатах.

Соглашение между доктором Ру и проректором Лиаром положило конец пререканиям. На общие средства — по четыреста тысяч франков с каждой стороны — университет и Пастеровский институт создают Институт радия с двумя отделениями: радиоактивную лабораторию под руководством Мари Кюри; лабораторию биологических исследований и радиотерапии, где крупный ученый-медик профессор Клод Рего организует изучение рака, а также лечение больных.

Оба учреждения будут работать сообща над развитием науки о радии.

И вот Мари расхаживает по строительным лесам, рисует планы, спорит с архитектором.

В голове у этой седеющей женщины мысли самые новые, самые современные. Конечно, она думает и о своей работе. Но в особенности ей хочется построить такую лабораторию, которая могла бы служить с пользой еще тридцать, а то и пятьдесят лет, когда сама Мари будет только прахом. Она требует просторных помещений, больших окон, таких, чтобы солнце заливало светом залы для научных исследований. И как бы ни негодовали инженеры на дорогое новшество, ей нужен лифт…

Что касается сада, самого дорогого предмета забот этой сельской жительницы, она проектирует его с любовью.

Не слушая веских доводов со стороны тех, кто желал сэкономить место, она резко защищает каждый метр земли, отделяющий одно здание от другого. Мари как знаток отбирает по одному молодые деревца, велит сажать их при себе еще задолго до закладки фундаментов. Своим сотрудникам конфиденциально говорит:

— Если я покупаю «мои» липы и платаны сейчас, то я выгадываю этим два года. Когда мы откроем лабораторию,

деревца подрастут, и наши зеленые массивы будут во всей красе. Только — ш-ш-ш! Я ничего не говорила месье Нено!

И в ее пепельно-серых глазах вновь загорается веселый, юный огонек.

Мари сама, орудуя заступом, сажает ползучие розы вдоль еще незаконченных стен и собственноручно уминает землю. Каждый день она их поливает. Когда Мари разгибается и стоит, овеваемая ветром, то кажется, будто она следит глазами за ростом каменных мертвых стен и живых деревьев.

Однажды утром к ней пришел бывший служитель лаборатории Пти. Этот милый человек был сильно взволнован: в Институте физики строят новые рабочие кабинеты и амфитеатр для лекций. А бедный сарай, заплесневевший барак Пьера и Мари, будет снесен.

Вместе с этим скромным другом, свидетелем былых времен, Мари идет на улицу Ломон, чтобы сказать сараю «последнее прости». Сарай еще цел. Из благоговения никто не прикасался к черной доске, еще хранившей несколько строк, написанных рукою Пьера, казалось, что дверь сейчас отворится и в ней покажется высокий силуэт друга.

* * *

Улица Ломон, улица Кювье, улица Пьера Кюри… Три адреса — три этапа жизни. В этот день Мари, сама не замечая этого, мысленно прошла весь прекрасный и тяжкий путь своей научной жизни. Будущее рисовалось ей ясно. В только что отстроенной биологической лаборатории уже работают ассистенты профессора Рего, и по вечерам новое здание сверкает освещенными окнами. Через несколько месяцев придет очередь Мари — она бросит Институт физики и химии и перенесет свои приборы на улицу Пьера Кюри.

Эта победа достается героине к тому времени, когда ушли и молодость и силы, когда личное счастье покинуло ее. Но так ли это важно, если ее окружают свежие молодые силы, если эти научные энтузиасты готовы бороться вместе с ней! Нет, еще не поздно!

По всем этажам небольшого белого здания насвистывают и поют стекольщики. Над входной дверью красуется высеченная по камню надпись: «Институт радия — отделение имени К ю р и».

Глядя на крепкие стены и волнующую надпись, Мари вспоминает слова Пастера:

«Если завоевания для пользы человечества волнуют вашу

душу, если вас потрясают изумительные достижения науки, такие, как электрический телеграф, дагерротип, анестезия и целый ряд других замечательных открытий; если участие вашего отечества в расцветании этих чудес пробуждает в вас чувство соревнования, то, заклинаю вас, проникнитесь интересом к тем священным обителям, которым дано выразительное наименование — лаборатории. Требуйте, чтобы умножали их число и украшали. Это храмы будущего богатства и благосостояния. В них человечество возвеличивается, обретает силу и делается лучше. Там оно учится читать произведения природы, творить ради прогресса и всеобщей гармонии, тогда как собственные деяния человечества очень часто идут от варварства, от фанатизма и от инстинкта разрушения».

В чудесные июльские дни «храм будущего» на улице Пьера Кюри закончен.

Но это июль 1914 года.

Глава XXI

Война

Мари сняла на лето дачу в Бретани. Ирэн и Ева уже там, с гувернанткой и кухаркой. Мать обещала приехать к ним 3 августа. Ее задерживает в Париже конец учебного года. Она привыкла оставаться во время каникул одна в пустой квартире на Бетюнской набережной, отказываясь на это время даже от горничной. Целый день она в лаборатории, к себе возвращается поздно вечером; порядок в доме, весьма относительный, поддерживает привратница.

Мари — дочерям, 1 августа 1914 года:

«Дорогие Ирэн и Ева, дела, кажется, принимают дурной оборот: с минуты на минуту ждем мобилизации. Не знаю, смогу ли я уехать. Не тревожьтесь, будьте спокойны и мужественны. Если война не грянет, я выеду к вам в понедельник. В противном случае останусь здесь и перевезу вас сюда, как только представится возможность. Мы с тобой, Ирэн, постараемся быть полезными».

6 августа:

«Дорогая Ирэн, мне очень хочется привезти вас сюда, но в настоящее время это невозможно. Запаситесь терпением. Немцы с боями проходят через Бельгию. Доблестная маленькая страна не

согласилась беспрепятственно пропустить их… Французы, все до одного, твердо надеются, что схватка будет хоть и жестокая, но недолгая.

Польская земля в руках немцев. Что останется на ней после них? Я ничего не знаю о своих родных».

Вокруг Мари образовалась небывалая пустота. Все ее коллеги — работники лаборатории — ушли в армию. С ней остались только ее механик Луи Раго, не мобилизованный из-за болезни сердца, и уборщица ростом с ноготок.

Полька забывает, что Франция для нее только отечество по избранию. Мать семейства не думает о том, как ей соединиться с дочерьми. Болезненное, хрупкое создание забывает о недугах, женщина-ученая откладывает до лучших времен незаконченные труды. Мари помышляет только об одном: служить своей второй родине. В грозном событии еще раз проявляется ее чуткость, ее инициативность.

Она не приемлет простой выход: запереть лабораторию и надеть на себя, как это делали в то время многие отважные француженки, белую косынку сестры милосердия. Немедленно ознакомившись с организацией санитарной службы, она находит в ней пробел, который, по-видимому, мало заботит власти, но ей кажется трагичным: госпитали передовой линии почти совсем лишены рентгеновских установок!

Как известно, Х-лучи, открытые в 1895 году Рентгеном, позволяют исследовать, не прибегая к хирургии, внутренность человека, «увидеть» и сфотографировать его кости и органы. В 1914 году во Франции имелось еще очень мало рентгеновских аппаратов, да и те находились в руках отдельных врачей-рентгенологов. Военно-санитарная служба предусмотрела на время войны оборудование госпиталей рентгеновскими аппаратами только в некоторых крупных центрах, признанных достойными подобной роскоши. Вот и все.

Это ли роскошь — волшебный прибор, позволяющий точно определить местонахождение засевшей в ране пули или осколка снаряда?

Мари никогда не работала в области Х-лучей, но в Сорбонне она каждый год посвящала им несколько лекций. Она отлично разбиралась в этом вопросе. Свободно переключив свои научные познания, она предвидит, чего потребует эта ужасная резня: нужно без промедления делать одну рентгеновскую установку за другой.

Разведав местность, она бросилась вперед. За несколько часов она составила опись аппаратов, имеющихся в лабораториях университета, включая и свой, и обошла всех конструкторов. Все

пригодное рентгеновское оборудование было собрано и затем распределено по госпиталям Парижского округа. В лаборанты завербованы добровольцы из профессоров, инженеров, ученых.

Но как оказывать помощь раненым, которые с ужасающей быстротой стекаются в еще не оборудованные для рентгеноскопии полевые госпитали? Некоторые из них не имеют даже электроэнергии для питания рентгеновских аппаратов…

Мадам Кюри нашла выход. На средства Союза женщин Франции она создает первый «радиологический автомобиль». В обыкновенном автомобиле Мари помещает рентгеновский аппарат и динамо, которое приводится в действие автомобильным мотором и дает необходимый ток. С августа 1914 года эта передвижная станция объезжает госпиталь за госпиталем. Во время битвы на Марне одна эта установка дает возможность подвергнуть рентгеновскому исследованию всех раненых, эвакуированных в Париж.

* * *

Быстрое продвижение немцев ставит перед Мари вопрос совести: ехать ли ей в Бретань к дочерям, или оставаться в Париже? А в случае угрозы столице со стороны захватчиков должна ли она уходить вместе с отступающими санитарными учреждениями?

Мари спокойно взвешивает все возможности и принимает решение: что бы ни случилось, она останется в Париже. Ее удерживает в Париже не только предпринятое ею благое начинание. Она думает о лаборатории, о тонких приборах, хранящихся на улице Кювье, о новых кабинетах на улице Пьера Кюри.

Если Мари так спокойно готовится не покидать Париж и в случае его окружения, бомбардировки или даже его захвата, то это потому, что в нем есть одно сокровище, которое ей хочется спасти от захватчиков: грамм радия, хранящийся в лаборатории. Ни одному посланцу не дерзнула бы мадам Кюри доверить драгоценную крупицу, и она решает сама отвезти ее в Бордо.

И вот Мари уже в битком набитом вагоне переполненного поезда, эвакуирующего официальных лиц и чиновников. На ней пыльник из черного альпага, в руках — небольшой вьюк со спальными вещами, а среди них… грамм радия, тяжелый ларчик, где под защитой свинцовой оболочки хранятся крохотные пробирки. Каким-то чудом мадам Кюри находит свободный краешек скамьи и ставит около себя тяжелый вьюк.

Намеренно не слушая пессимистические вагонные разговоры, она смотрит в окно на залитую солнцем равнину. Вдоль железнодорожного полотна стелется шоссе, а по нему бегут на запад автомобили бесконечной вереницей.

Бордо наводнен беженца-ми. Носильщик, такси, номер в гостинице — все в одинаковой степени недоступно. Уже смеркается, а Мари все еще стоит на привокзальной площади, подле своей ноши, которую у нее нет сил поднять. Ей кажется забавным положение, в какое она попала. Уж не придется ли ей до завтра стоять на часах у тюка ценою в миллион франков? Нет. Один из спутников Мари, чиновник министерства, узнал ее и пришел на выручку. Этот спаситель предоставил ей комнату в частной квартире. Радий укрыт. Утром Мари помещает в сейф свое громоздкое сокровище и, наконец освободившись, едет назад, в Париж.

Воинский состав, куда пробралась эта единственная «штатская», движется невероятно медленно. Не один раз он останавливается среди голого поля на целые часы. Какой-то солдат дает Мари большой ломоть хлеба из своего походного мешка. Со вчерашнего утра, с той минуты, как она вышла из лаборатории, у нее не было времени поесть. Она умирает с голоду.

В мягком свете первых дней сентября Париж, затихший под угрозой, приобретает в ее глазах особую недосягаемую доселе красоту и ценность. И вдруг лишиться такой жемчужины? Но какая-то весть разливается по улицам Парижа бушующим прибоем. Мадам Кюри, покрытая дорожной пылью, спешит узнать, в чем дело: немецкое наступление сломлено, началась битва на Марне!

Мари встречается со своими друзьями Аппелем и Борелем. Она намерена теперь же предложить свои услуги основанной ими санитарной организации «Национальная помощь». Поль Аппель, председатель этого учреждения, проникается жалостью к бледной, изнуренной женщине. Он заставляет Мари прилечь на кушетку и упрашивает ее дать себе отдых на несколько ближайших дней. Мари не слушает. Она хочет действия, действия! «Лежа на кушетке, бледная, с широко раскрытыми глазами, она была одно горение», — расскажет позднее Аппель.

Мадам Кюри предугадала все: что война будет затяжной, кровопролитной, что все чаще и чаще придется оперировать раненых на месте, что хирурги и рентгенологи должны будут находиться на своем посту в полевых госпиталях и, наконец, что рентгеновские автомобили окажут неоценимые услуги.

Один за другим снаряжает Мари у себя в лаборатории эти

автомобили, прозванные на фронте «кюричками», не обращая внимания на равнодушие и глухую враждебность всяких бюрократов. Наша «трусиха» стала вдруг требовательной и властной особой. Она тормошит беспечных чиновников, требует у них пропуска, наряды, визы, а те чинят препятствия, потрясают уставами… «Пусть штатские не лезут к нам!» — так рассуждают многие из них. Но Мари пристает, спорит, ставит на своем.

Она беспощадно «грабит» и частных лиц. Великодушные женщины, вроде маркизы де Ганэй и принцессы Мюрат, дарят или одалживают ей свои лимузины, а она сразу превращает их в рентгеновские станции. «Я верну вам автомобиль после войны, — с чистосердечной уверенностью обещает она. — Право, я вам верну его, если он уцелеет».

Из двадцати автомобилей, приспособленных таким образом, Мари один оставляет для себя: это «рено» с тупым капотом и с кузовом в виде товарной фуры. Разъезжая в этом ящике защитного серого цвета с красным крестом и французским флагом, нарисованными прямо на листовом железе кузова, она ведет жизнь былых вольных капитанов.

Телеграмма, телефонный звонок уведомляют мадам Кюри о том, что полевому госпиталю, переполненному ранеными, требуется немедленно рентгеновская установка. Мари проверяет оборудование. Пока солдат-шофер заправляет машину горючим, она идет за своим темным плащом, дорожной шляпкой, круглой, мягкой, утратившей цвет и форму, берет свое имущество: саквояж из желтой кожи, весь в трещинах и ссадинах. Садится рядом с шофером на открытое для ветра сиденье, и вскоре доблестный автомобиль несется на полной скорости — пятьдесят километров в час — по направлению к Амьену, Ипру, Вердену.

После неоднократных остановок, долгих объяснений с недоверчивыми часовыми они добираются до госпиталя. За работу! Мадам Кюри поспешно выбирает одну палату под рентгеновский кабинет и велит принести ящики. Распаковывает приборы, монтирует съемные части. Развертывается провод, который соединяет аппарат с динамо, оставшимся в машине. Один знак шоферу — и Мари проверяет силу тока. Перед началом исследования она приготовляет рентгеноскопический экран, раскладывает перчатки, защитные очки, специальные карандаши для разметок, свинцовую проволоку, предназначенную для локализации попавших снарядов, чтобы все было под рукой. Она затемняет кабинет, закрывая окна черными шторами или же попросту больничными одеялами. Рядом с импровизированной фотографической лабораторией помещаются «ванные», в которых будут проявляться пластинки. Не прошло и получаса, как

приехала Мари, а уже все готово.

Начинается печальное шествие. Хирург и Мари запираются в темной комнате, где пущенные в ход приборы окружаются таинственным световым кольцом. Приносят носилки за носилками со страждущими человеческими телами. Мари регулирует аппарат, наведенный на израненную часть тела, чтобы получить. ясную видимость. Вырисовываются очертания костей и органов, между ними появляется какой-то темный непроницаемый предмет: пуля, осколок снаряда.

Ассистент записывает наблюдения врача. Мари снимает копию с изображения на экране или делает снимок, которым хирург будет руководствоваться при извлечении осколка. Бывают даже случаи, что операция производится тут же «под лучами», и тогда хирург сам видит на рентгеновском экране, как в ране движется его пинцет, обходя кость, чтобы достать проникнувший осколок.

Десять раненых, пятьдесят, сто… Проходят часы, а иногда и дни. Все время, пока есть пациенты, Мари живет в темной комнате. Прежде чем покинуть госпиталь, она обдумывает, как можно устроить в нем постоянный рентгеновский кабинет. Наконец, упаковав свое оборудование, она занимает место в волшебном фургоне и возвращается в Париж.

Вскоре госпиталь увидит ее снова. Она перебудоражила всех и все, чтобы раздобыть аппарат, и приезжает установить его. Ее сопровождает лаборант, откопанный неизвестно где и неведомо как обученный. Отныне госпиталь, оснащенный Х-лучами, обойдется и без нее.

Кроме двадцати автомобилей, Мари оборудовала таким образом двести рентгеновских кабинетов. Более миллиона раненых прошли через эти двести двадцать постоянных и передвижных станций, созданных и оборудованных мадам Кюри.

Ей помогают не только ее знания и мужество. Мари в высшей степени одарена способностью «выходить» из затруднений, она в совершенстве владеет тем высшим методом, который в войну окрестили системой «выверта». Нет ни одного свободного шофера? Она садится за руль своего «рено» и с грехом пополам ведет его по разбитым дорогам. Можно видеть, как в стужу она изо всех сил вертит рукоятку заупрямившегося мотора. Можно видеть, как она нажимает ка домкрат, чтобы переменить колесо, или же, сосредоточенно нахмурив брови, осторожным движением ученого чистит засорившийся карбюратор. А если надо перевезти приборы поездом? Она сама грузит их в багажный вагон. По прибытии на место назначения она же все сгружает, распаковывает, следит, чтобы ничего не потерялось.

Равнодушная к комфорту, Мари не требует ни особого внимания к себе, ни привилегий. Вряд ли какая-нибудь другая женщина с именем причиняла бы так мало хлопот. Она забывает о завтраке и обеде, спит, где придется — в комнатушке медицинской сестры или же, как это было в Гугштадтском госпитале, под открытым небом, в походной палатке. Студентка, когда-то мужественно переносившая холод в мансарде, легко превратилась в солдата мировой войны.

Мари — Полю Ланжевену, 1 января 1915 года:

«День моего отъезда еще не установлен, но он не за горами. Я получила письмо с сообщением, что рентгеновский автомобиль, действовавший в районе Сен-Поль, потерпел аварию. Другими словами, весь Север остался без рентгеновской аппаратуры. Я хлопочу, чтобы ускорить свой отъезд. Не имея сейчас возможности служить своей несчастной отчизне, залитой кровью после ста с лишним лет страданий, я решила отдать все силы служению своей второй родине».

В один апрельский вечер 1915 года Мари, вернувшись домой, была несколько бледнее обычного и не такая оживленная, как всегда. Не отвечая на тревожные вопросы близких, она заперлась у себя в комнате. Она была не в духе.

Не в духе потому, что на обратном пути из форжского госпиталя шофер резко рванул руль и автомобиль свалился в ров. Автомобиль перевернулся, а Мари, которая сидела, кое-как примостившись между приборами, оказалась засыпанной лавиной ящиков. Она была крайне раздосадована. Не болью от ушиба, а от мысли — и это было первое ее соображение, — что рентгеновские снимки, вероятно, разбились вдребезги. Тем не менее, лежа под грудой ящиков, она не могла удержаться от смеха. Ее молодой шофер, потеряв присутствие духа и способность рассуждать, бегал вокруг разбитого автомобиля и вполголоса справлялся:

— Мадам! Мадам! Вы еще живы?

Не сказав никому об этом приключении, она заперлась, чтобы подлечить раны, впрочем легкие. Газетная статья в отделе происшествий и окровавленные бинты, найденные в ее туалетной комнате, выдали ее. Но Мари уже снова уезжает со своим желтым саквояжем, круглой шляпкой и с бумажником в кармане, с большим мужским бумажником из черной кожи, который она купила «для войны».

У мадам Кюри не было никакого особенного костюма для такого необыкновенного образа жизни. Старые ее платья украсились повязкой Красного Креста, кое-как приколотой булавкой к рукаву. Она никогда не носит косынки: в госпитале

Мари работает с непокрытой головой, в простом белом лабораторном халате.

«Ирэн сказала мне, что вы находитесь в окрестностях Вердена, — писал ей из Вокуа ее племянник Морис Кюри, артиллерист. — Я сую нос во все проходящие по дороге санитарные машины, но всегда вижу только кепи, густо расшитые галунами, а я не думаю, чтобы военные власти захотели упорядочить состояние вашего головного убора, не предусмотренного уставом…»

У «кочевницы» совершенно нет времени заниматься домашними делами. Ирэн и Ева вяжут фуфайки для подопечных фронтовиков и отмечают на большой карте, висящей в столовой, ход боевых действий, вкалывая маленькие флажки в стратегические пункты. Мари требует, чтобы дети отдохнули на каникулах без нее, но на этом и кончаются ее попечения. Она не запрещает Ирэн и Еве при воздушных налетах ночью оставаться в постели, вместо того чтобы уходить в погреб и там дрожать от страха. Не запрещает им в 1916 году войти в бригаду бретонских жнецов, чтобы заменить мобилизованных мужчин и целые две недели вязать снопы или работать на молотилке; не запрещает им в 1918 году остаться в Париже, при обстреле города «бертами». Она не стала бы любить слишком осторожных, слишком требовательных дочерей.

Ева еще не может приносить пользу, но Ирэн в свои семнадцать лет посвятила себя радиологии, не отказавшись при этом от сдачи экзамена на аттестат зрелости и от слушания лекций в Сорбонне. Вначале она была лаборанткой своей матери, затем стала получать задания. Мари посылает ее в госпитали и считает естественным, что Ирэн, на которую возложены слишком ответственные для ее юного возраста поручения, пребывает в действующих армиях в Фурне, Гугштадте, Амьене. Тесная дружба связывает мадам Кюри с дочерью-подростком, Полька уже не одинока. Она может теперь беседовать по-польски о своей работе и личных делах с сотрудницей, с подругой.

В первые месяцы войны она советуется с Ирэн по очень важному вопросу.

— Правительство просит частных лиц отдать ему свое золото, скоро будет выпущен заем, — говорит она дочери. — У меня есть немного золота, и я хочу вручить его государству. К этому я присоединю свои медали, которые мне совсем не нужны. Есть у меня и еще кое-что. По лености я оставила вторую Нобелевскую премию — наш самый верный капитал — в Стокгольме, в шведских кронах. Я бы хотела репатриировать эти деньги и вложить их в военный заем. Это нужно государству. Но я не строю

никаких иллюзий: деньги наши, по всей вероятности, пропадут. Поэтому я не хочу совершить такую «глупость» без твоего согласия.

Шведские кроны, обмененные на франки, становятся французской государственной рентой, «национальной подпиской», «добровольной контрибуцией»… и понемногу распыляются, как и предвидела Мари. Мадам Кюри сдает свое золото во Французский банк. Служащий, принимавший его, берет у нее монеты, но с негодованием отказывается отправить в переплавку знаменитые медали. Мари нисколько не чувствует себя польщенной. Она считает подобный фетишизм нелепостью и, пожав плечами, уносит коллекцию своих наград в лабораторию.

* * *

Иногда, если выпадает свободный час, мадам Кюри садится на скамью в саду на улице Пьера Кюри, где растут ее любимые липы. Смотрит на новый пустой Институт радия. Думает о своих сотрудниках, ныне фронтовиках, о своем любимом ассистенте, геройски погибшем поляке Жане Даниче. Она вздыхает. Когда же кончится этот кровавый ужас? И когда можно будет снова взяться за научную работу?

Мари не томится в бесплодных мечтах и, не переставая воевать, подготовляет мир. Она находит средства перевезти лабораторию с улицы Кювье на улицу Пьера Кюри. Упаковывая, грузя и разгружая, ведя свой рентгеновский автомобиль от одного помещения к другому, она выполняет труд муравья, который вскоре дает результат: новая лаборатория готова! Мадам Кюри завершает свое дело, защитив внушительным укреплением из мешков с песком пристройку, укрывшую радиоактивные вещества. В начале 1915 года она перевезла из Бордо свой запас радия и отдала его на службу стране.

Радий, подобно Х-лучам, оказывает на человеческое тело различные терапевтические действия. Мари посвящает свой грамм радия «службе эманации». Каждую неделю она посылает пробирки с эманацией радия в госпиталь Большого дворца и другие лечебные центры. Они способствуют лечению «порочно» зарубцевавшихся ран и многих повреждений кожи.

Рентгеновские автомобили, рентгеновские станции, служба эманации… Этого недостаточно. Мари заботит отсутствие специалистов-лаборантов. Она предлагает правительству организовать и обеспечить обучение радиологии. Вскоре около двадцати слушателей первого курса собираются в Институте

радия. В программе теоретические занятия по электричеству и Х-лучам, практические занятия и анатомия. Преподаватели— мадам Кюри, Ирэн Кюри и одна очаровательная женщина-ученая, мадемуазель Клейн.

Сто пятьдесят сестер-радиологов, которых Мари обучает с 1916 по 1918 год, завербованы из разных слоев. Многие из них почти совсем не имеют образования. Престиж мадам Кюри вначале отпугивает учениц, но сердечный прием, оказанный им ученой-физиком, покоряет девушек. Мари обладает даром делать науку доступной простым умам. Она относится с такой любовью к хорошо выполненной работе, что когда ученице — бывшей прислуге — удается безукоризненно проявить рентгеновскую пленку, это ее радует, как личный успех.

Союзники Франции, в свою очередь, обращаются к знаниям мадам Кюри. Начиная с 1914 года она часто посещает бельгийские госпитали. В 1918 году она командирована в Северную Италию, где изучает местные радиоактивные источники. Немного позднее она примет в своей лаборатории человек двадцать солдат американского экспедиционного корпуса, которых познакомит с явлениями радиоактивности.

* * *

Новая специальность приводит Мари в соприкосновение с самыми различными людьми. Некоторые хирурги, которые понимают пользу Х-лучей, считают мадам Кюри ценным сотрудником и крупным ученым. Другие, более невежественные, относятся к ее приборам с чертовским недоверием. Но после нескольких убедительных просвечиваний они дивятся, что это «дело стоящее», и едва верят своим глазам, когда находят под скальпелем, в месте, точно указанном Мари, осколок снаряда, который они тщетно искали в поврежденном теле. И, сразу уверовав, они готовы видеть в этом чудо…

Мадам Кюри, нередко холодная и недоступная, бывает очаровательной в обращении с ранеными. Крестьяне, рабочие пугаются рентгеновского аппарата и спрашивают, не будет ли им больно при просвечивании. Мари успокаивает: «Вот увидите, что это та же фотография». Ей это удается вполне, этому способствует красивый тембр ее голоса, легкая рука, большое терпение и огромное, благоговейное уважение к человеческой жизни. Чтобы спасти человека, избавить его от ампутации, от увечья, она готова на самые тяжкие усилия. Она не отступает от больного, пока не использованы все возможности.

Мари никогда не говорит о трудностях и риске, которым подвергается. Не говорит ни о несказанном утомлении, ни о смертельной опасности, ни об убийственном действии Х-лучей и радия на ее слабый организм. Перед товарищами у нее беззаботное, даже веселое лицо, более веселое, чем когда-либо прежде. Война предписала ей хорошее настроение как лучшую личину мужества.

А на душе у нее невесело. Ее гнетут глубокая тоска по своей прерванной работе, по родным в Польше, от которых нет известий, и ужас от охватившего весь мир бессмысленного исступления. Воспоминания как очевидицы о тысячах искромсанных тел, о стонах и рыданиях надолго омрачат ей жизнь.

Пушечный салют в знак перемирия застает Мари в лаборатории. Ей хочется украсить флагами Институт радия, и она вместе с сотрудницей Мартой Клейн бежит искать по магазинам французские знамена. Их нигде нет. Тогда она покупает три отреза ткани нужных цветов, а уборщица, мадам Бардине, наспех сшивает их и вывешивает на окнах. Мари трепещет от волнения и радости и не может усидеть на месте. Она и мадемуазель Клейн садятся в старый «радиологический» автомобиль, измятый, изрубцованный за эти четыре года всяких приключений. Служитель Института физики и химии берется за руль и ведет машину наудачу по улицам, в водовороте счастливого и торжественно настроенного народа. На площади Согласия толпа не дает проехать. Люди влезают на крылья «рено», взбираются к нему на крышу. Когда же автомобиль вновь трогается в путь, то уже везет на себе десяток лишних пассажиров, которые и просидят на импровизированном «империале» все утро.

У Мари не одна, а две победы. Польша возрождается из пепла после полуторавекового рабства и делается независимой.

Урожденная пани Склодовская вспоминает свое детство под ярмом, свою юношескую борьбу. Не зря она когда-то прибегала к скрытности и хитрости с царскими чиновниками, не зря вместе с товарищами тайком посещала «Вольный университет», собиравшийся в бедных комнатках Варшавы, и учила грамоте крестьянских детей в Щуках… «Патриотическая мечта», во имя которой она много лет тому назад чуть было не пожертвовала своим призванием и даже любовью Пьера Кюри, на ее глазах становится действительностью.

Мари— Иосифу Склодовскому, декабрь 1920 года:

«Итак, мы, «рожденные в рабстве, в цепях с колыбели» [20], увидели то, о чем мечтали: возрождение нашей страны. Мы не

надеялись дожить до этой минуты, мы думали, что ее увидят разве только наши дети, — и эта минута наступила. Правда, страна наша дорого заплатила за это счастье, и ей придется еще расплачиваться за него. Но можно ли сравнивать сегодняшние тучи с горечью и унынием, которые мы испытали бы после войны, останься Польша по-прежнему в цепях и раздробленной на кусочки? Я, так же как и ты, верю в будущее».

Эта надежда, эта мечта утешает Мари Кюри в ее личных невзгодах. Война расстроила ее научную работу. Война подорвала ее здоровье. Война разорила ее. Деньги, которые она вручила государству, растаяли, как снег на солнце, и, задумываясь над своим материальным положением, она грустит. Ей за пятьдесят, и она почти бедный человек. У нее только профессорское жалованье — двадцать тысяч в год. Хватит ли у нее сил еще несколько лет, до получения пенсии, совмещать преподавательскую работу с директорством в лаборатории? Не оставляя своей новой военной профессии (еще два года предстояло учащимся слушать курс рентгенологии в Институте радия), Мари вновь отдается страсти всей своей жизни— физике. Мари подговаривают написать книгу «Радиология и война». В ней она превозносит благо научных открытий, их общечеловеческую ценность. Трагический опыт войны дал ей новые основания для преклонения перед наукой.

«История военной радиологии дает разительный пример неожиданного размаха, какой может получить, в определенных условиях, практическое приложение чисто научных открытий.

В довоенное время Х-лучи имели весьма ограниченное применение. Великая катастрофа, разразившаяся над человечеством, накапливала такое страшное количество человеческих жертв, что вызвала горячее желание спасти все, что только можно, и употребить для этого все средства, способные сберечь и защитить человеческие жизни.

И тотчас, как мы видим, рождается стремление взять от Х-лучей предельно все, чем они могут быть полезны. Казавшееся трудным оказывается легким и сразу получает нужное решение. Оборудование, штат — все множится, как по волшебству; люди несведущие обучаются, а равнодушные отдаются делу. Так научное открытие в конце концов завладеет своим настоящим полем действия. Такой же путь развития прошла и радиотерапия, то есть применение в медицине радиолучей.

Какой же вывод мы можем сделать из этой неожиданной удачи, выпавшей на долю новым радиациям, открытым в конце XIX столетия? По-моему, она должна вселить в нас еще большее доверие к бескорыстным исследованиям и усилить наше

восхищение и преклонение перед наукой».

В этом сухом техническом произведении невозможно уловить все значение личной инициативы Мари Кюри. Сколько в нем дьявольски безличных формул, сколько упорства в желании стушеваться, остаться в тени! Мари не враждебна своему «я»: оно просто не существует. Кажется, что вся ее работа сделана какими-то таинственными сущностями, которых она называет то «лечебными учреждениями», то просто «они», или же в крайнем случае «мы». Само открытие радия маскируется под «новыми радиациями, открытыми в конце XIX столетия». А если мадам Кюри вынуждена говорить о себе, она пытается слиться с безыменной толпой:

«Изъявив желание, как и многие другие, послужить делу национальной обороны в пережитые нами годы, я сразу обратилась к области радиологии».

И все же одна мелочь доказывает нам, что Мари отлично сознает, какую помощь оказала она Франции. Когда-то она отказалась — и впоследствии снова откажется — от ордена Почетного легиона. Но близким ее известно, что если бы в 1918 году ее представили к награде «За военные заслуги», это был бы единственный орден, который она бы приняла.

Ее избавили от необходимости поступиться своими правилами. Многие «дамы» получили знаки отличия, орденские розетки… Моя мать — ничего. Несколько недель спустя роль, сыгранная ею в великой трагедии, изгладилась у всех из памяти. И, несмотря на ее исключительные заслуги, никто не подумал приколоть солдатский крестик к платью мадам Кюри.

Глава XXII

Мир

Мир снова обрел покой. Мари все менее и менее доверчиво следит издали за теми, кто налаживает мир.

Мари — участница мировой войны не стала ни милитаристкой, ни сектанткой. Это чистой воды ученая, и в 1919 году мы снова видим ее во главе своей лаборатории.

Она с горячим нетерпением ждала минуты, когда здание на улице Пьера Кюри наполнится рабочим гулом. Первая ее забота — не ослаблять дела исключительной важности, совершенного во время войны. Обслуживание эманацией, распределение «активных» пробирок по госпиталям продолжается под руководством доктора Рего, который, демобилизовавшись, снова вступил во владение зданием биологического отделения. В

здании физического отделения мадам Кюри и ее сотрудники занимаются опытами, прерванными в 1914 году, и приступают к новым.

Более правильный образ жизни позволяет Мари заняться будущим Ирэн и Евы, двух крепких девушек, таких же крепких, как она сама. Старшая, студентка двадцати одного года, спокойная, удивительно уравновешенная, ни на минуту не сомневается в своем призвании. Она намерена быть физиком, она намерена, и это уже точно, изучать радий. Удивительно просто и естественно Ирэн Кюри вступает на путь, по которому следовали Пьер и Мари Кюри. Она не задается вопросом, займет ли она в науке такое же большое место, какое заняла ее мать, и не чувствует тяготеющего над ней слишком громкого имени. Ее искренняя любовь к науке, ее дарование внушают ей только одно честолюбивое желание: работать всю жизнь в лаборатории, которая строилась на ее глазах и где с 1918 года она значится как «прикомандированная лаборантка».

Благодаря удачному примеру Ирэн у Мари создается уверенность, что молодым существам просто найти дорогу в лабиринте жизни. Ее озадачивают какое-то томление и резкие перемены настроения у Евы. Благородное, но чрезмерное уважение к воле детей, переоценка их благоразумия не позволяют ей самой воздействовать на подростка. Она хотела бы, чтобы Ева стала врачом и изучила применение радия в лечебных целях. Однако Мари не навязывает ей этот путь. С неослабным сочувствием поддерживает она любой из капризно-изменчивых проектов дочери. Радуется ее занятиям музыкой, предоставляя ей выбор преподавателей и метода занятий… Она перегружает свободой существо, разъедаемое сомнениями и нуждавшееся в подчинении строгим предписаниям. Как было заметить свою ошибку этой женщине, которую все время направлял безошибочный инстинкт таланта и, наконец, довел до ее предназначения, несмотря на все препятствия?

* * *

Летом Мари приезжает к дочерям в Бретань. В Ларкуэсте, восхитительном краю, не наводненном пошлой толпой, три подруги проводят отпуск.

Население этой деревушки, расположенной на берегу Ла-Манша, возле Пэмпола, состоит исключительно из моряков, земледельцев и… профессоров Сорбонны. Открытие Ларкуэсты в 1895 году историком Шарлем Сеньобосом и биологом Луи

Лапиком получило в университетских кругах значение открытия Америки Христофором Колумбом. Мадам Кюри, явившаяся с опозданием в колонию ученых, которую один остроумный журналист окрестил: «Форт Наука», сперва ютилась у местного жителя, затем сняла дачу, а потом ее купила. На возвышенном песчаном побережье, над безмятежным морем, усеянным бесчисленными большими и маленькими островами, которые не дают морским валам набегать прямо на берег, Мари выбрала место, наиболее безлюдное, наиболее защищенное от ветров. Она любит такие дома-маяки. Все летние дачи, какие она нанимала, да и те, какие она впоследствии строила сама, похожи друг на друга: на большом участке — жалкий дом. Неудобно расположенные комнаты, почти ободранные, бедно обставленные, а вид из дома — превосходный.

Редкие прохожие, которых Мари встречает по утрам, — сгорбленные старухи, медлительные крестьяне, улыбающиеся дети — все звучно приветствуют ее: «Добрый день, мадам Кю-ю-юри!» — по-бретонски растягивая гласный звук. Мари не избегает этих встреч и с улыбкой отвечает в тон: «Добрый день, мадам Ле Гофф… Добрый день, месье Кэнтэн»— или просто: «Добрый день», — если, к стыду своему, не узнает приветствующего. Деревенские жители вполне сознательно обращаются к ней с простыми, спокойными приветствиями, как равные к равной, без назойливости или любопытства, а выражающими только дружбу. Не радий, не тот факт, «что о ней пишут в газетах», снискали ей такое уважение. Ее сочли достойной женщиной лишь после двух или трех летних сезонов, когда бретонки, прячущие волосы под белыми остроконечными чепцами, признали в ней свою, крестьянку.

Дом мадам Кюри ничем не отличается от десятка других. Центром же колонии, великосветским дворцом в Ларкуэсте считается низкая хижина, доверху увитая диким виноградом, пассифлорой, вьющейся фуксией. Хижина эта зовется по-бретонски «Taschen Vigan» — «маленький виноградник». При нем по склону разбит садик, где цветы, посаженные без затей, растут длинными полосами яркой окраски. Дверь домика всегда растворена настежь, кроме дней, когда дует восточный ветер. Здесь живет юный чародей семидесяти лет — Шарль Сеньобос, профессор истории в Сорбонне. Это очень маленький, очень подвижной старичок, чуть горбатый, одетый в неизменный костюм из белой фланели в черную полоску, заплатанный и пожелтелый. Местные жители зовут его «месье Сеньо», а друзья «Капитан». Словами не выразить того восторженного поклонения, каким он окружен, а тем более не объяснить, какими чертами

своего характера он заслужил всеобщее обожание и нежность.

По извилистой и крутой тропинке Мари сходит к «винограднику». Человек пятнадцать приверженцев уже сидят и расхаживают перед домом в ожидании поездки на острова. Появление мадам Кюри не вызывает никаких чувств у собравшихся, напоминающих колонну эмигрантов или цыганский табор. Шарль Сеньобос (чей чарующий, но близорукий взор прячется за стеклами), посматривая своим прелестным, но скрытым за очками взглядом близоруких глаз, приветствует Мари любезно-ворчливой фразой: «А! Вот и мадам Кюри. Здравствуйте!» — «Здравствуйте!» Раздается эхом еще несколько приветствий, и Мари присоединяется к кругу людей, сидящих на земле.

На Мари выгоревшая полотняная шляпа, старая юбка и не знающая износа матросская блуза из черного мольтона; такую блузу, одного покроя для мужчин и женщин, для ученых и рыбаков, мастерит за несколько франков деревенская портниха Элиза Лефф. Мари носит сандалии на босую ногу. Свой мешок, раздувшийся от впихнутых купального костюма и халата, она кладет перед собой на траву, где валяется еще пятнадцать точно таких же мешков.

Вот была бы находка для репортера, если бы он неожиданно нагрянул в этот мирный кружок! Тут гляди в оба, чтобы буквально не наступить на какого-нибудь академика, лениво растянувшегося на земле, или ие задеть какую-нибудь «Нобелевскую премию». Учености здесь хоть отбавляй. Вы хотите поговорить о физике? Вот Жан Перрен, Мари Кюри, Андре Дебьерн, Виктор Оже. О математике, об интегралах? Обратитесь к Эмилю Борелю, задрапированному в купальный халат, как римский император в тогу. О биологии? Астрофизике? Вам ответят Луи Лапик, Шарль Морен. А что касается до чародея Шарля Сеньобос, то полчище ребят этой колонии с ужасом заверит вас, что «он знает всю Историю».

Но удивительней всего то, что в этом университетском обществе никогда не говорят о физике, истории, биологии или математике, что здесь нет места для почтения, для иерархии и даже для условной вежливости. Здесь человечество не делится на жрецов и учеников науки, на старых и молодых.

Шарль Сеньобос пересчитывает свою паству и подает знак к отправлению. Матросская команда — Ева Кюри и Жан Морен, отделив от стоящей у берега флотилии судов два парусника, пять-шесть весельных лодок, «большую» и «английскую» лодки, подводят их кормой вперед к причалу, туда, где зубчатые скалы образуют естественную пристань. Сеньобос отрывисто,

насмешливо и весело кричит: «Садитесь! Садитесь!» А покамест пассажиры усаживаются в лодки, он продолжает: «Где первая команда? Я головной! Мадам Кюри сядет на носовое весло, Перрен и Борель на большие весла, а Франсис на руль».

Приказания эти, которые поставили бы в тупик многих интеллигентов, немедленно выполняются. Четверо гребцов — четверо профессоров Сорбонны, четверо знаменитостей — садятся по местам и, держа, в руке по тяжелому морскому веслу, покорно ждут команду, которую даст юный Франсис Перрен: на. борту он всемогущ оттого, что держит руль. Шарль Сеньобос загребает первым, указывая должный ритм своим товарищам. Сзади него Жан Перрен налегает на весло с такой силой, что лодка поворачивается на месте. За Перреном сидит Эмиль Борель, а за ним на носу — Мари Кюри «нажимает» в темпе.

Белая с зеленым лодка мерно движется вперед по залитому солнцем морю. Тишину нарушают лишь строгие окрики рулевого. «Второе весло справа бездействует». (Эмиль Борель пытается отрицать свою вину, но быстро смиряется и, во искупление своей небрежности, сильнее налегает на весло.) «Носовое весло не следит за загребным!» (Пристыженная Мари Кюри выправляет движения и старается попасть в такт.)

Мадам Шарль Морен своим красивым, душевным голосом затягивает «гребную песню», сразу подхваченную хором пассажиров на корме.

Отец велел построить дом
(Дружней работайте веслом).
Кладут кирпич за кирпичом…

Легкий северо-западный «нормандский» ветер, ветер хорошей погоды, доносит мерно текущую мелодию до второй лодки, которая ушла вперед и уже виднеется на другой стороне бухты. Гребцы «английской» лодки, в свою очередь, запевают одну из трех-сот-четырехсот старинных песен, составляющих репертуар колонии, которому Шарль Сеньобос обучает каждое поколение ларкуэстидов.

Трое крепких парней плывут на острова,
Плывут они все веселей,
Трое крепких парней.

Двух-трех песен «большой» лодке хватает на дорогу до косы Св. Троицы. Взглянув на часы, рулевой кричит: «Смена!» Мари

Кюри, Перрен, Борель и Сеньобос уступают место четырем другим деятелям высшего образования. Нужно сменить гребцов, чтобы пересечь наискось очень сильное морское течение и достичь большой фиолетовой скалы «Рок-Врас», — пустынного острова, куда ларкуэстиды почти каждое утро приезжают купаться.

Мужчины раздеваются возле пустых лодок, на берегу, покрытом коричневыми водорослями, женщины в укромном уголке, устланном упругим ковром густой травы, и во все времена именуемом «дамской кабиной». Мари в черном купальном костюме появляется одна из первых и входит в море. Берег отвесный, и нога, едва ступив, уже не достает до дна.

Мадам Кюри чрезвычайно гордится своей ловкостью, своими мореплавательными талантами. Между нею и ее коллегами по Сорбонне существует скрытое соперничество. Мари наблюдает за учеными и их женами, плавающими в маленьком заливчике у скалы «Рок-Врас» почтенными стилями брассом или на боку. Если они не в состоянии уплывать далеко, то и не барахтаются беспомощно на одном месте. Мари с беспощадной точностью измеряет расстояние, пройденное ее соперниками, и, никогда открыто не вызывая на заплыв, тренируется, чтобы поставить рекорд на скорость и дальность с преподавательским составом университета. Дочери являются одновременно ее тренерами и поверенными.

— Мне думается, — я плаваю лучше месье Бореля, — невинно замечает Мари.

— О, гораздо лучше, мэ… Даже нечего и сравнивать!

— Сегодня у Жана Перрена большое достижение. Но я вчера заплыла дальше его, помнишь?

— Я видела, это было отлично. С прошлого года ты сделала большие успехи.

Мари обожает такие комплименты, зная, что они искренни. Она один из лучших пловцов в колонии.

Полдень. Море опустело, и лодки, двигаясь Антереннским проливом, осторожно лавируют среди водорослей, имеющих вид каких-то мокрых пастбищ. Песни сменяются песнями, гребцы сменяются гребцами. А вот и берег под домом в «винограднике», вот и причал, или, вернее, отмель с водорослями, которая во время отлива заменяет пристань. Мари одной рукой приподнимает юбку и, размахивая другой рукой с сандалиями и халатом, бодро вязнет по щиколотку голыми ногами в пахучей черной тине, чтобы достичь твердой земли. Если бы какой-нибудь ларкуэстид, из уважения к ее возрасту, предложил ей помочь или попросил бы разрешения нести ее мешок, то вызвал бы у нее лишь недоумение. Здесь никто никому не помогает, и первая

заповедь клана говорит: «Не усердствуй!»

Моряки расстаются, идут завтракать. В два часа они снова соберутся в «винограднике» для ежедневной прогулки на «Шиповнике» — яхте с белыми парусами, без которой Ларкуэст был бы не Ларкуэст. На этот раз мадам Кюри отсутствует на перекличке. Ее утомляет ленивое безделье на яхте. Одна у себя в доме-маяке, она либо вытравляет рукопись какой-нибудь научной статьи, либо, вооружившись садовыми ножницами и лопатой, работает в саду. Из своих сражений с терновником и ежевикой, из таинств древонасаждения она выходит в кровавых ссадинах; ноги ее исполосованы царапинами, руки в земле, исколоты шипами. Счастье еще, если все увечья ограничиваются только этим. Ирэн и Ева иногда застают свою предприимчивую мать, успевшую вывихнуть себе лодыжку или наполовину раздробить палец неудачным ударом молотка…

Около шести часов вечера Мари спускается к причалу и, искупавшись во второй раз, входит в «виноградник», минуя никогда не запирающуюся дверь. У большого окна с видом на бухту сидит в кресле очень старая, очень умная, очень красивая женщина — мадам Марилье. Она живет в самом доме и с этого места каждый вечер караулит возвращение мореплавателей. Мари ждет вместе с ней, когда на побледневшем море всплывут позлащенные закатом паруса «Шиповника».

После обеда мадам Кюри, укутанная в пушистую пелерину пятнадцатилетней, а то и двадцатилетней давности, прогуливается широкими шагами, взяв под руки обеих дочерей. Три силуэта спускаются по чуть заметным в темноте тропинкам к «винограднику», неизменному «винограднику». В большой комнате собрались в третий раз за день ларкуэстиды. За круглым столом играют в «буквы». Мари принадлежит к числу наиболее способных составлять сложные слова из картонных букв, извлекаемых из мешочка. Все оспаривают друг у друга такую партнершу, как мадам Кюри.

Остальные колонисты, усевшись вокруг керосиновой лампы, читают или играют в шахматы.

В торжественные дни актеры-любители, они же авторы, исполняют перед «шикарной» публикой шарады, забавные песенки, обозрения, в которых прославляются героические события сезона: бурное состязание между двумя соперничающими лодками; чреватая опасностями передвижка огромной скалы, мешающей причалу — операция большого размаха, успешно проведенная сверхревностными исполнителями; позорные злодеяния восточного ветра; трагикомическое кораблекрушение; преступления призрачного

барсука, обвиняющегося в периодических опустошительных набегах на огород «виноградника».

Читатель, — я много раз задавала себе такой вопрос, — не бросите ли вы читать эту биографию, подумав о других книгах и прошептав с иронической улыбкой: «Боже мой, что за славные люди!.. Сколько прямодушия, сочувствия, доверия!»

Ну что ж, да… Эта повесть изобилует «положительными типами». Но я ничего не могу поделать: они существовали и были такими, какими я пытаюсь их изобразить. Все жизненные спутники Мари, начиная с тех, кто знал ее со дня рождения, и кончая друзьями ее последних дней, предоставили бы нашим романистам, любящим мрачные тона, бедный материал для анализа.

В Ларкуэсте самый проницательный наблюдатель не мог бы отличить крупного ученого от скромного исследователя, богатого от бедного. Под небом Бретани — было ли оно ясным, или хмурым — я ни разу не слыхала разговоров о деньгах. Наш старейшина Шарль Сеньобос подавал нам самый высокий, самый благородный пример. Не выставляя себя поборником каких-либо теорий или доктрин, этот старый либерал сделал свое имущество достоянием всех. Всегда открытый дом, яхта «Шиповник», лодки принадлежали ему, но их хозяином был он меньше всех. А когда в его освещенной фонариком даче давался бал, то под аккордеон, игравший польки, лансье и местный танец «Похищение», вертелись вперемежку хозяева и слуги, ученые и дочери крестьян, бретонские моряки и парижанки.

Наша мать молча присутствовала на этих праздниках. Ее подруги, знавшие уязвимое место этой застенчивой женщины, сдержанной в обращении, почти суровой, иной раз скажут ей, что Ирэн хорошо танцует, а на Еве хорошенькое платье. И тогда прелестная улыбка гордости внезапно озаряла усталое лицо Мари.

Глава XXIII

В Америке

Однажды майским утром 1920 года в малюсенькой приемной Института радия появилась какая-то дама. Она назвалась миссис Уильям Броун Мелоней, представителем большого журнала в Нью-Йорке. Невозможно себе представить ее деловой женщиной. Маленькая, хрупкая, почти калека: из-за несчастного случая в юности она прихрамывает. У ней седоватые волосы и огромные черные поэтические глаза на красивом бледном лице. Она с

трепетом спрашивает у открывшей дверь прислужницы, не забыла ли мадам Кюри о том, что назначила ей свидание. Этого свидания она добивается уже несколько лет.

Миссис Мелоней принадлежит к все возрастающему числу людей, которых восхищает жизнь и работа Мари Кюри. А так как американская идеалистка вместе с тем и крупный репортер, то изо всех сил стремилась приблизиться к своему кумиру.

Мари приняла ее у себя в лаборатории.

«Дверь отворяется, — напишет после миссис Мелоней, — и входит бледная, застенчивая женщина с таким печальным лицом, какого мне еще не приходилось видеть. На ней черное платье из бумажной материи. На ее прекрасном, кротком, исстрадавшемся лице запечатлелось отсутствующее, отрешенное выражение, какое бывает у людей, всецело поглощенных научною работой. Я сразу почувствовала себя непрошеною гостьей.

Я стала еще застенчивее, чем мадам Кюри. Уже двадцать лет я профессиональный репортер, а все-таки я растерялась и не смогла задать ни одного вопроса этой беззащитной женщине в черном бумажном платье. Я пыталась объяснить ей, как интересуются американцы ее великим делом, старалась оправдать мою нескромность. Чтобы вывести меня из замешательства, мадам Кюри заговорила об Америке.

— Америка имеет около пятидесяти граммов радия, — сказала мне она. — Четыре в Балтиморе, шесть в Дэнвере, семь в Нью-Йорке… — она перечислила все остальное, назвав местонахождение каждой частицы радия.

— А во Франции? — спросила я.

— У меня в лаборатории немного больше одного грамма.

— У вас только один грамм радия?

— У меня? О, у меня лично нет совсем! Этот грамм принадлежит лаборатории.

…Я заговорила о патенте, о доходах, которые обогатили бы ее. Она спокойно ответила:

— Радий не должен обогащать никого. Это элемент. Он принадлежит всему миру.

— Если бы вы имели возможность наметить себе во всем мире вещь, самую желанную для вас, то что вы выбрали бы? — спросила я безотчетно.

Вопрос был глупый, но оказался вещим.

…В течение этой недели я узнала, что товарная цена одного грамма радия была сто тысяч долларов. Узнала также, что новой лаборатории мадам Кюри не хватает средств для настоящей научной работы и весь ее запас радия предназначен для изготовления трубок с эманацией для лечебных целей».

Можно себе представить, как это ошеломило культурную американку! Миссис Мелоней лично посетила и потому знает мощные лаборатории Соединенных Штатов, вроде лаборатории Эдисона, похожей на дворец. Рядом с этими грандиозными сооружениями Институт радия, новый, приличный, но построенный в скромных масштабах французских университетских зданий, кажется жалким. Миссис Мелоней знакома и с заводами Питтсбурга, где обрабатывают минералы, содержащие радий. Она помнит черные столбы дыма над их трубами и длинные поезда, груженные карнотитом, содержащим драгоценное вещество…

И вот она в Париже, в бедно обставленном кабинете, с глазу на глаз с женщиной, открывшей радий. И она спрашивает:

— Что бы хотелось вам иметь?

Мадам Кюри спокойно отвечает:

— Мне был бы нужен один грамм радия для продолжения моих исследований, но купить его я не могу. Радий мне не по средствам.

У миссис Мелоней возникает блестящий проект: пусть ее соотечественники подарят мадам Кюри грамм радия. По возвращении в Нью-Йорк она пытается убедить десять богатых семейств, десять миллиардеров, дать по десяти тысяч долларов, чтобы сделать этот подарок. Но безуспешно. Нашлось только три мецената, готовых сделать такой жест. Тогда она себе сказала: «Зачем искать десять богачей? Почему не открыть подписку среди всех американских женщин?»

В Соединенных Штатах не может быть невозможного. Миссис Мелоней создает комитет, куда входят: миссис Уильям Вог Муди, миссис Роберт Г. Мид, миссис Николас П. Брэйди, доктор Роберт Абб и доктор Фрэнсис Картер Вуд. В каждом городе нового мира она организует национальную подписку в «Фонд радия Мари Кюри». Не прошло и года со времени ее свидания с «женщиной в черном бумажном платье», как она пишет Мари Кюри: «Деньги собраны, радий — ваш!»

Американки оказывают Мари щедрую помощь, они любезно, дружески спрашивают: «Почему бы вам не приехать к нам? Нам хочется с вами познакомиться».

Мари колеблется. Она всегда боялась толпы. Ее страшит парадность и торжественность предстоящей поездки в Америку, страну самую жадную до мировых сенсаций.

Миссис Мелоней настаивает. Отметает все возражения.

— Вы говорите, что не хотите расставаться с дочерьми? Мы приглашаем ваших дочерей. Вас утомляют торжественные приемы? Мы составим наиболее разумную программу приемов.

Приезжайте! Мы обеспечим вам прекрасное путешествие, а грамм радия будет передан вам в Белом доме самим президентом Соединенных Штатов.

Мадам Кюри тронута. Превозмогая свои страхи, она впервые за пятьдесят четыре года своей жизни соглашается на неизбежные последствия большой официальной поездки.

Спустя несколько дней мадам Кюри уже на борту «Олимпика». Обе дочери едут вместе с ней. На трех женщин, на весь их гардероб только один сундук, но они сами занимают самое роскошное отделение на пароходе. Мари, как простая крестьянка, инстинктивно делает гримасу по поводу чересчур пышной обстановки и слишком сложного состава блюд. Она запирается у себя на ключ, чтобы избавиться от назойливых людей, и пытается забыть о своей официальной миссии, вызывая в памяти скромные и покойные черты своей обычной жизни,

В дымке солнечного дня показывается стройный, смелый, восхитительный Нью-Йорк. Миссис Мелоней предупреждает Мари, что ее поджидают журналисты, фотографы и кинооператоры. Густая огромная толпа на пристани ждет прибытия ученой. Любопытные шли пять часов пешком, чтобы увидеть ту, которую гигантские газетные столбцы называют «благодетельницей человеческого рода». Виднеются батальоны девочек-скаутов и студентов, делегация от трехсот тысяч женщин, машущая красными и белыми розами: это представительницы польских организаций в Соединенных Штатах.

Яркие цвета флагов, американских, французских и польских, реют над тысячами тесно сдвинутых плеч и устремленных лиц.

Мари поместили в кресле на верхней палубе «Олимпика». С нее сняли шляпу и взяли у нее ручной мешочек. Повелительные крики фотографов: «Глядите сюда, мадам Кюри! Поверните голову направо!.. Приподнимите голову! Глядите сюда! Сюда! Сюда!» — покрывают беспрестанное шелканье сорока фото- и киноаппаратов, наставленных грозным полукругом на изумленное и усталое лицо Мари.

* * *

Отчаянные усилия мадам Кюри держаться в тени имели некоторый успех во Франции: Мари удалось убедить своих соотечественников и даже своих близких в том, что личность большого ученого сама по себе не имеет значения. С прибытием Мари в Нью-Йорк завеса падает, истина обнаруживается. Ирэн и Ева вдруг обнаруживают, что представляет собой для всего мира

эта стушевавшаяся женщина, близ которой они все время жили.

Каждая речь, каждый порыв толпы, каждая газетная статья несет одну и ту же весть. Еще до знакомства с мадам Кюри американцы сделали ее предметом преклонения, выдвинули ее в первый ряд живых людей. Теперь же, в ее присутствии, тысячи людей покорены «простым очарованием усталой гостьи», поражены, как громом, этой «робкой женщиной небольшого роста», этой «бедно одетой ученой».

В квартире миссис Мелоней, где все заставлено цветами (один садовод, излеченный от рака радием, два месяца выращивал великолепные розы с целью дарить их Мари), состоялся военный совет, на котором была установлена программа путешествия. Все города, все школы, все университеты Америки приглашают к себе мадам Кюри. Ей предназначены десятки медалей, почетные звания, докторские степени.

— Вы, конечно, привезли с собой ваше торжественное университетское облачение? — спрашивает миссис Мелоней. — На таких торжествах без него не обойтись!

Наивная улыбка Мари вызывает общую растерянность. Мари не привезла одеяния по той простой причине, что его у нее никогда и не было. Профессора Сорбонны обязаны иметь фрак. Но мадам Кюри, единственный профессор-женщина, предоставляла мужчинам удовольствие заказывать себе парадную одежду.

Спешно вызванный портной наскоро шьет из черного фая с бархатными отворотами величественное одеяние, поверх которого будут накидываться яркие мантии, соответственные докторским званиям. На примерках Мари сердится, уверяет, что рукава неудобны, материя слишком тяжела, а главное, шелк раздражает ее несчастные пальцы, поврежденные радием.

Наконец 13 мая все готово. После завтрака у миссис Мелоней и после короткой поездки в Нью-Йорк мадам Кюри, миссис Мелоней, Ирэн и Ева отправляются в путешествие, подобное полету метеора.

* * *

Девочки в белых платьях стоят шпалерами на залитых солнцем дорогах, тысячи девочек бегут по луговинам встречать автомобиль с мадам Кюри, девушки машут цветами и знаменами, кричат «виват!» и поют хором… Вот ослепительные видения первых дней путешествия, посвященных женским школам Смита, Вассара, Брин Маура, Маунт-Холиока. Хорошая, очень хорошая

мысль — приручить Мари Кюри прежде всего общением с восторженной молодежью, со студентками, похожими на нее самое! Через неделю делегатки от тех же школ идут процессией в Карнеджи-Холл в Нью-Йорке, во время колоссальной манифестации Университетских объединений женщин. В присутствии избранных американских профессоров, послов Франции и Польши, Игнация Падеревского, приехавшего аплодировать своей подруге давних дней, Мари Кюри получает звания, премии, медали и редкое отличие — «гражданство города Нью-Йорка».

На приемах следующих двух дней, когда пятьсот семьдесят три представителя американских научных обществ объединились в Уолдорф-Астории, чтобы чествовать Мари Кюри, она уже шаталась от усталости. Между крепкой, шумной толпой и хрупкой женщиной, жившей до этих пор монастырской жизнью, — борьба неравная. Мари оглушена приветственными криками и гамом. Ее пугают неисчислимое количество обращенных на нее глаз и беззастенчивое скопление публики на ее пути. Она боится, что этот страшный людской водоворот сотрет ее в порошок. Вскоре какой-то фанатик так калечит ей руку чересчур восторженным пожатием, что ученая вынуждена закончить путешествие с вывихнутой кистью и рукой на перевязи — как раненная славой.

* * *

Большой день. «Дань уважения гению… Блестящее общество в Белом доме чествует прославленную женщину…» 20 мая в Вашингтоне президент Соединенных Штатов Гардинг дарит мадам Кюри грамм радия или, вернее, его символ — специально сделанный окованный свинцом ларец для хранения пробирок с радием. Но содержание пробирок настолько драгоценно, а вместе с тем настолько опасно своим излучением, что их оставили в безопасности на заводе. Ларчик, содержащий только «имитацию радия», выставлен на столе посреди Восточной палаты, где толпятся дипломаты, высшие чины государственного управления, армии, флота и представители университета.

Привилегированные журналисты, допущенные на это торжество и трескуче объявившие: «Изобретатель радия получает от своих американских друзей бесценное сокровище», — были бы очень поражены, узнав, что мадам Кюри заранее лишила себя того грамма, который преподнес ей президент Гардинг. Накануне торжества, когда миссис Мелоней дала ей на одобрение

дарственный пергаментный свиток, Мари внимательно его прочла. Потом решительно сказала:

— Надо изменить этот акт. Радий, который дарит Америка мне, должен навсегда принадлежать науке. Пока я жива, я буду пользоваться им только для научных работ. Но если оставить акт в такой форме, то после моей смерти подаренный мне радий окажется наследственной собственностью частных лиц — моих дочерей. Это недопустимо. Я хочу подарить его моей лаборатории. Нельзя ли позвать адвоката?

— Да… конечно! — ответила миссис Мелоней с некоторым замешательством. — Раз вы так хотите, то мы займемся этими формальностями на следующей неделе.

— Не на следующей неделе, не завтра, а сегодня вечером. Дарственный акт войдет в силу немедленно, а я могу умереть через несколько часов.

Один законник, с большим трудом добытый в такой поздний час, составил вместе с Мари передаточный акт. Она тут же его подписывает.

* * *

Филадельфия. Почетные звания. Докторские степени. Обмен подарками между мадам Кюри и высшими представителями как науки, так и промышленности. Директор одного завода преподносит ученой пятьдесят миллиграммов мезотория.

Члены знаменитого Американского философского общества награждают ее медалью имени Джона Скотта. В знак благодарности Мари дарит обществу «исторический» пьезоэлектрический кварц, которым она пользовалась в первые годы своих исследований.

Она посетила радиевый завод в Питтсбурге, где был выделен пресловутый грамм.

В университете получение еще одной степени доктора! Мари опять надевает свое профессорское, очень идущее к ней платье, и носит его вполне непринужденно, но отказывается накрыть свои седеющие волосы квадратной шапочкой, — она находит ее ужасной и обвиняет в нежелании «держаться». Среди толпы студентов и профессоров в черных жестких квадратных шапочках она стоит с непокрытой головой, держа свою шапочку в руке. Самой ловкой кокетке не додуматься до такого ловкого хода!

Она подтягивается, чтобы не упасть в обморок во время церемонии, принимает цветы, слушает речи, гимны… Но на следующее утро разносится зловещий слух: мадам Кюри

чувствует себя слишком слабой, чтобы продолжить путешествие. Она отказывается от поездки по городам Запада, и предполагаемые там приемы отменяются.

Американские журналисты, в порыве сознания своей вины, сейчас же начинают обвинять свою страну за то, что пожилую и хрупкую женщину подвергли непосильным испытаниям. Их статьи очаровательны своей непринужденностью и живописностью.

Чрезмерное гостеприимство! — так заявляет одна газета громадными буквами. «Американские женщины доказали свое высокое умственное развитие, придя на помощь этой ученой. Но злые критики могут нас упрекнуть в том, что мы заставили мадам Кюри отплатить своим здоровьем за подарок, ради удовлетворения нашего самолюбия».

Мари играла со своими поклонниками в открытую игру, и они выиграли первый тур. Теперь устроители ее путешествия применяют все уловки, чтобы оградить ее покой. Мадам Кюри усвоила привычку сходить с поездов с противоположной стороны и прокрадываться по шпалам, чтобы избежать взволнованной толпы, которая ждет ее на перроне.

Объявлено ее прибытие в Буффало! Она сходит на предыдущей станции «Ниагарский водопад». Ей хочется спокойно посмотреть на знаменитые каскады. Короткая передышка! Комитет по ее приему в Буффало не отказывается от намерения видеть у себя Мари Кюри. Автомобили мчатся в «Ниагарский водопад» и захватывают беглянку.

Но самые упоительные дни приходятся на путешествие по Западу. Миссис Мелоней, хотя и отказалась от мысли провезти мадам Кюри по всей Америке, все же решила показать ей самое удивительное чудо своей страны — Большой Каньон в Колорадо. Мари слишком устала, чтобы горячо проявлять свое удовольствие, зато дочери ее в восторге. Все занимает их: три дня в поезде до Санта-Фе через пески Техаса, питание на маленьких, одиноко стоящих станциях, под испанским солнцем; гостиница «Большой Каньон», островок комфорта на краю этой необычайной расселины в земной коре — пропасти в сто километров длиной и пятнадцать шириной, так что при первом взгляде на нее делается страшно и замирает голос…

Остались только наиболее значительные, неизбежные торжества, но и таких хватило бы, чтобы измотать самого выносливого силача! 28 мая в Нью-Йорке Мари вручают диплом доктора honoris causa Колумбийского университета. В Чикаго ей присваивают звание «почетного члена» местного университета, она получает еще несколько почетных званий и присутствует на

трех приемах. На первом — широкая лента, протянутая в качестве барьера, отделяет мадам Кюри и ее дочерей от толпы, которая проходит перед ними.

На втором приеме, где пели «Марсельезу», Польский национальный гимн и «Звездный флаг», Мари почти скрылась за целым холмом из цветов, положенных к ее ногам поклонниками. Последний прием по своей бурности превзошел все остальные: он был устроен в польском квартале города Чикаго и лишь для польской публики. Здешние польские эмигранты чествовали не только ученую, она была символом их отдаленного отечества. Мужчины и женщины со слезами пытались целовать у Мари руки, дотронуться до ее платья…

17 июня мадам Кюри должна была вторично признаться в своем бессилии и прервать поездку. Угрожающее падение кровяного давления встревожило врачей; Мари делает передышку и вновь находит силы съездить еще в Бостон, в Нью-Хавен, посетить колледжи Уэллслея, Йела, Гарварда, Симонса, Радклифа. А 28 июня она садится на «Олимпии», где ее каюта завалена кучами телеграмм и заставлена букетами цветов.

На газетных столбцах имя ее готово смениться именем другой «звезды», прибывшей из Франции. Боксер Жорж Карпантье, уже завоевавший себе большое имя, только что прибыл в Соединенные Штаты, и репортеры приходят в отчаяние из-за того, что не могут вырвать у мадам Кюри никакого предсказания о предстоящем мачте Карпантье с Демпси.

* * *

Мари очень устала, но в конечном счете очень довольна. Она радостно пишет в своих письмах, что «получила небольшую контрибуцию с Америки в пользу Франции и Польши», приводит сочувственные фразы по поводу двух ее отечеств, сказанные президентом Гардингом и вице-президентом Кулиджем. Но при всей ее скромности, для Мари ясно, что она лично имела огромный успех в Соединенных Штатах, что она завоевала миллионы американских сердец, а также искреннюю привязанность к себе со стороны всех, кто с ней встречался близко. Миссис Мелоней так и останется до последнего часа Мари самым преданным, самым нежным ее другом.

От всего путешествия у Мари Кюри остались смутные и путаные впечатления, среди которых проступают блестящими точками особо яркие воспоминания. Ее поразила большая, деятельная жизнь американских университетов, пышность и

веселье традиционных торжеств, а больше всего превосходные условия, созданные для развития спорта среди учащихся.

Сильное впечатление произвело на нее огромное значение женских объединений, чествовавших ее на протяжении всего путешествия.

Наконец совершенное оборудование лабораторий и тех многочисленных больниц, где применяется радиотерапия, вызвали у Мари горькое чувство: она с унынием думала, что в этом же 1921 году во всей Франции нет еще ни одной больницы, предназначенной для лечения радием.

Запас радия, ради которого Мари ездила в Америку, уезжает вместе с нею на том же пароходе, надежно спрятанный в корабельном несгораемом шкафу.

Этот символический грамм наводит на определенные размышления о карьере Мари Кюри. Чтобы купить ничтожную частичку радия, надо было клянчить по всей Америке. Мари пришлось лично являться в города-благотворители и приносить благодарность.

Как не появиться неотвязной мысли о том, что простая подпись, проставленная в свое время под патентом «а производство радия, изменила бы все по-другому! Разве двадцать лет борьбы и всяческих препятствий не вызывали у Мари сожалений, разве они не убедили ее в том, что, пренебрегая богатством, она тем самым жертвовала химере развитием собственного творчества?

В кратких автобиографических заметках, написанных по возвращении из Америки, мадам Кюри ставит себе эти вопросы и дает на них ответ:

«…Значительное количество моих друзей утверждают, и не без веских оснований, что, если бы Пьер Кюри и я узаконили наши права, мы приобрели бы средства, достаточные для того, чтобы самим создать хороший Институт радия, а не упираться в разные препятствия, которые ложились вредным грузом на нас обоих, а теперь лежат на мне. И все-таки я думаю, что мы были правы.

Человечество, конечно, нуждается в практических людях, которые извлекают максимум из своего труда и, не забывая об общих интересах, соблюдают и собственные выгоды. Но человечеству необходимы и мечтатели, для которых бескорыстное служение какому-нибудь делу настолько увлекательно, что им немыслимо предаваться заботам о личных материальных благах.

Нет сомнения, что такие мечтатели и не заслуживают богатства, раз они сами не стремятся к достижению его. Во всяком случае, правильно организованное человеческое общество

должно обеспечить таким работникам все средства для осуществления их работы, избавить их жизнь от материальных забот и дать им возможность свободно отдаваться научному исследованию».

Глава XXIV

Расцвет

Я думаю, что для моей матери путешествие в Америку было поучительным.

Оно доказало, что ее добровольное отчуждение от окружающего мира парадоксально. Студентка может запираться у себя в мансарде со своими книгами, какой-нибудь безвестный исследователь может отрешиться от современности и всецело сосредоточиться на своих личных работах, — он даже должен это делать; но пятидесятилетняя мадам Кюри — это уже не студентка, а совсем другое. На мадам Кюри лежит ответственность за новую науку. Значение ее имени такое, что одним жестом, одним своим присутствием она может осуществить любой проект, имеющий общеполезное значение и близкий ее сердцу. Со времени путешествия она уделяет время и для внешних сношений и для миссий.

Я не стану описывать каждое путешествие Мари: они похожи одно на другое. Научные конгрессы, конференции, университетские торжества, посещение лабораторий приводят ее в столицы многих стран. Ее шумно встречают, чествуют, она старается быть полезной. Очень часто ей приходится превозмогать слабость своего здоровья.

Когда все официальные обязательства бывают ею выполнены, то лучшей наградой для нее является возможность отыскивать красивые пейзажи и удовлетворять свою любовь к природе. Тридцать лет работы только усилили ее языческое обожание красоты мира. Переезд через Атлантику на итальянском пароходе доставляет ей ребяческое удовольствие.

«Мы видели летучих рыб! — пишет она Еве. — Мы убедились, что нашей тени может не быть почти совсем, так как солнце стоит прямо над самой головой. Мы наблюдали, как всем известные светила тонут в море: Полярная звезда, Большая Медведица. А на юге всплывает Южный Крест, очень красивое созвездие. Я почти ничего не знаю о звездах на небе…»

Италия, Голландия, Англия принимают у себя Мари по нескольку раз. В 1931 году она вместе с Евой совершает незабываемое, ослепительное путешествие по Испании.

Президент Масарик, такой же, как она, любитель деревни, приглашает ее в Чехословакию, в свой деревенский дом.

В Брюсселе, куда периодически приглашает ее Конгресс имени Сольвея, ее принимают не как известную иностранку, а как своего человека, хорошую соседку. Она любит эти собрания, где все, кого она называет в одном из своих писем «влюбленными в физику», обсуждают новые открытия и новые теории. Чаще всего ее посещения Бельгии сопровождаются обедом у короля и королевы. Король Альберг и королева Елизавета, с которыми Мари встречалась еще на бельгийском фронте, оказывают ей честь своей изысканной дружбой.

В мире нет больше уголка, где бы не знали ее имени. Разве нет портрета мадам Кюри в старинном китайском городе, в «Храме Конфуция» Той Юан-фу? Мудрые ученые этой страны поместили ее портрет среди «благодетелей человечества», рядом с Декартом, Ньютоном, Буддой и великими императорами Китая…

Преподавание в университетах и лабораториях надолго приковывает внимание Мари. Она стремится улучшить методы. Провозглашает необходимость «целенаправленной работы», координирующей деятельность исследователей, и предлагает установить связь между руководителями научных учреждений, настоящий генеральный штаб, призванный управлять всеми научными операциями на европейском континенте.

Всю жизнь ею владела одна мысль — о тех дарованиях, которые остаются неведомыми и неиспользованными среди слоев населения, не избалованных судьбой. В лице какого-нибудь крестьянина или рабочего, быть может, кроется писатель, художник, ученый или музыкант.

Вынужденная ограничивать свою практическую деятельность, Мари посвящает себя более широкому развитию международных научных стипендий.

«В чем заинтересовано человеческое общество? — пишет она в одной из своих докладных записок. — Разве не его долг способствовать расцвету научных дарований? Разве оно так богато ими, что может приносить в жертву те, которые готовы проявиться? Я же думаю, что совокупность способностей, необходимых для настоящего научного призвания, — явление бесконечно ценное и тонкое, редкое сокровище, было бы нелепо и преступно давать ему гибнуть, а нужно заботливо ухаживать за ним, предоставляя все возможности для его расцвета…»

Наконец — какой парадокс!.. — ученая-физик, всегда чуждавшаяся материальной выгоды, становится ради своих коллег борцом за «научную собственность»: она стремится

установить «авторское право» ученых, право вознаграждения за бескорыстные труды, послужившие основанием для заводской промышленности. Ее мечта — найти средство против бедности лабораторий в виде субсидий на научные исследования за счет коммерческих прибылей.

Один раз Мари оставляет практические вопросы и едет в 1933 году в Мадрид председательствовать на обсуждении проблемы «Будущность культуры», с участием писателей и артистов всех стран, «Донкихотов духа, сражающихся с ветряными мельницами», как сказал о них Поль Валери, зачинщик этого собрания. Мари удивляет товарищей по конгрессу своей любезной властностью и оригинальностью выступлений. Члены конгресса кричат об опасности «специализации», «стандартизации» и возлагают на науку часть ответственности за «кризис культуры», охвативший весь мир. Интересно видеть, как Мари Кюри, по своей натуре самый типичный Донкихот из всех присутствующих здесь Донкихотов, с таким же убеждением, как защищала раньше любовь к науке, защищает теперь личное дерзание и предприимчивость — одним словом, сильные чувства, которые всегда и управляли ею в жизни.

Своим возражателям она говорит:

«Я принадлежу к числу людей, которые думают, что наука — это великая красота. Ученый у себя в лаборатории не просто техник: это ребенок лицом к лицу с явлениями природы, действующими на него, как волшебная сказка. Мы не должны допускать, чтобы люди думали, будто прогресс науки сводится к механизмам, машинам, передачам сил, хотя и в них есть своя красота.

…Не думаю я также, что дух смелой предприимчивости рискует исчезнуть из нашего мира. Если я вижу в окружающем меня нечто жизненное, то это как раз дух смелой предприимчивости, по-видимому неискоренимый и родственный любознательности…»

Борьба за международную культуру, соединенную с уважением к различным национальным культурам, защита личности и таланта, где бы они ни обнаружились, борьба за «укрепление великой духовной силы науки во всем мире», борьба за «моральное разоружение», за мир во всем мире. Таковы области борьбы, которую ведет мадам Кюри, не льстя себе суетной надеждой на скорую победу.

Мари Кюри — Еве Кюри, июль 1929 года:

«Я полагаю, что международная работа — это задача очень нелегкая, однако приступать к ней необходимо путем больших

усилий и с готовностью на жертвы: при всем своем несовершенстве дело Женевы — очень большое дело и заслуживает поддержки».

* * *

Две, три, четыре поездки в Польшу…

Не ради отдыха, забвения тревог едет мадам Кюри к своим близким. С того времени, как Польша стала свободной, Мари носится с большим проектом: создать в Варшаве Институт радия, как центр научного исследования и лечения от рака.

Но одного ее упорства недостаточно, чтобы преодолеть все затруднения. Выздоравливающая от долгого порабощения Польша бедна: бедна и деньгами и техническими силами. А у Мари нет времени самой хлопотать и отыскивать средства. Нужно ли называть союзницу, которая по первому зову становится с ней плечом к плечу? Броня, хотя и обремененная годами, но такая же энтузиастка и такая же деятельная, как и тридцать лет тому назад, берется за это дело. Она и архитектор, и ходатай, и казначей. В скором времени всю страну наводнили плакаты и марки с изображением Мари. Требуются деньги или, вернее, кирпичи: «Покупайте по одному кирпичу, чтобы построить Институт имени Мари Склодовской-Кюри!» — взывают тысячи почтовых открыток, воспроизводящих факсимиле собственноручного заявления ученой: «Мое самое пламенное желание— создать в Варшаве Институт радия». Это предприятие пользуется щедрой поддержкой государства, города Варшавы и наиболее значительных польских учреждений.

Запас кирпичей все увеличивается… И в 1925 году Мари приезжает в Варшаву на закладку института. Торжественная встреча: воспоминания прошлого, обещания на будущее… Горячая любовь всего народа сопровождает ту, которую один из ораторов называет «первой фрейлиной нашей прелестной владычицы Польской республики». Университеты, академии, города преподносят Мари самые пышные почетные звания…

В один из солнечных дней президент республики кладет первый кирпич института, мадам Кюри — второй, президент города Варшавы — третий…

Никакой официальной натянутости при торжествах! Глава государства Станислав Войцеховский не только из любезности восхищается совершенством, с каким Мари говорит на родном языке после стольких лет отсутствия. А разве он не был в Париже товарищем Мари Склодовской? Сыплются анекдоты:

— А вы помните, что тридцать лет тому назад вы дали мне дорожную подушечку, когда я возвращался в Польшу с тайной миссией? — спрашивает президент. — Она мне очень пригодилась!

— Я даже помню, — со смехом отвечает Мари, — что вы забыли мне ее вернуть!

Пан Катарбинский, очень известный и очень старый актер, вскочив на сцену Народного театра, приветствует мадам Кюри комплиментом, тот самый Катарбинский, которому веселый подросток Маня оплела когда-то в Зволе венок из полевых цветов.

Годы идут, кирпичи выстраиваются в стены. Но это не конец трудам Мари и Брони. Каждая из них дала на это дело большую часть своих сбережений, а все же не хватает денег на покупку такого количества радия, чтобы предпринять лечение от рака.

Мари не унывает. Обследует горизонт и останавливает взгляд на западе… на Соединенных Штатах, где уже один раз ей помогли так щедро, — на миссис Мелоней. Великодушная американка знает, что Институт в Варшаве так же дорог Мари, как ее собственная лаборатория. Миссис Мелоней совершает новое чудо, собрав деньги, необходимые на покупку грамма радия, — второго грамма, подаренного Америкой мадам Кюри. Все начинается сызнова! Так же, как в 1921 году, Мари садится іТа пароход в октябре 1929 года и направляется в Нью-Йорк. Она едет благодарить Соединенные Штаты от имени Польши. Так же, (как е 1921 году, ее изводят всякими чествованиями. В этот приезд она является гостьей президента Гувера и живет несколько дней в Белом доме.

«Мне подарили маленького слоника, выточенного из слоновой кости, очень миленького, и еще одного совсем крошечного, — пишет она Еве. — Кажется, слон — это символ республиканской партии, и Белый дом переполнен слонами всяких размеров, и одиночными и целыми группами…»

Америка, разоренная экономическим кризисом, имеет более серьезный вид, чем в 1921 году. Но прием, оказанный Мари, становится не менее горячим. В день своего рождения мадам Кюри получает сотни подарков, присланных неведомыми друзьями: цветы, книги, вещи, денежные чеки на нужды ее лаборатории и даже гальванометры, ампулы с радоном, образцы редкоземельных элементов. Накануне отъезда Мари под дружеским руководством Оуэна Д. Юнга посещает университет Св. Лаврентия, на фронтоне которого высечено из камня горельефное изображение мадам Кюри. Она присутствует на юбилее Эдисона: во всех речах и даже в послании с Южного полюса от капитана Бэрда звучат приветствия Мари Кюри.

29 мая 1932 года завершается дело Мари Кюри, Брони и Польского государства. В присутствии президента республики Мощинского коллега и друг мадам Кюри — профессор Рего открывает в Варшаве Институт радия — внушительного вида здание, обширное благодаря практическому уму Брони и гармоничное по своим линиям благодаря ее вкусу. Уже несколько месяцев тому назад в него стали поступать больные для лечения радиотерапией.

Мари в последний раз видит Польшу, старинные улицы родного города и Вислу, которой любуется при каждом своем приезде, глядя на нее с тоской, почти с угрызениями совести. В своих письмах Еве она снова и снова описывает ее воды, берега и камни, привязанная к ним самым сильным из инстинктов.

«Вчера утром я пошла одна прогуляться в сторону Вислы… Река лениво вьется в своем широком ложе, серо-зеленая вблизи и голубая вдали, где отражается в ней небо. Очаровательные песчаные отмели блестят на солнце, то там, то здесь выступая из воды и направляя прихотливое течение реки. Ослепительно сверкающие кромки вдоль края отмелей указывают границу наиболее глубоких мест. У меня является непреодолимое желание побродить по этим великолепным лучезарным пляжам. Я сознаю, что такой вид моей реки не соответствует виду судоходной, уважающей себя реки. Когда-нибудь придется немного сократить ее фантазию в ущерб красоте…

Есть краковская песенка, где говорится о Висле: «В этой польской реке столько очарования, что всякий, способный это понимать, будет любить ее до гроба». В отношении меня это, по-видимому, верно.

Что-то смутное по своему происхождению, но глубокое влечет меня к этой реке.

До свидания, дорогая; поцелуй свою сестру Ирэн. Обнимаю вас обеих от всего преданного вам сердца.

Твоя Мари»

* * *

В 1922 году тридцать пять членов Медицинской академии вручили своим коллегам следующую петицию:

«Мы, нижеподписавшиеся, полагаем, что академия оказала бы себе честь, если бы избрала мадам Кюри своим членом-корреспондентом в знак признательности за ее участие в открытии радия и нового способа лечения — кюритерапии».

Петиция была революционной. Академики не только

соглашаются избрать женщину, но, порывая с обычаями, сами хотят избрать ее независимо от нее самой. Шестьдесят четыре члена знаменитого сообщества подписывают свой манифест, давая этим урок своим собратьям по Академии естествознания. Все кандидаты на свободное кресло отказываются от него в пользу мадам Кюри.

Блестяще прошедшее избрание состоялось 7 февраля 1922 года. Президент академии месье Шоффар с высоты трибуны обращается к Мари:

«Мы приветствуем в вашем лице крупного ученого и мужественную женщину, посвятившую свою жизнь бескорыстному научному труду, патриотку, которая и во время войны и в мирные времена всегда делала больше, чем требовал долг. Ваше присутствие вносит благотворное моральное действие вашего примера и славы вашего имени. Мы благодарны вам за это. Мы гордимся вашим пребыванием среди нас. Вы первая из французских женщин стали академиком, но разве была другая, достойная того же?»

В 1923 году Фонд имени Кюри решает торжественно отпраздновать двадцать пятую годовщину со дня открытия радия. Правительство тоже участвует в этом празднестве, и по его инициативе обе палаты единогласно принимают закон об ассигновании мадам Кюри, как «национальной награды», ежегодной пенсии в сорок тысяч франков, переходящей на Ирэн и Еву Кюри.

Через двадцать пять лет после заседания Академии естествознания от 26 декабря 1898 года, когда зачитывалось сообщение Пьера Кюри, мадам Кюри и Ж- Бемона «О веществе большой радиоактивной силы, содержащемся в ура-ните» в тот же день 26 декабря, но 1923 года, огромная толпа заполнила собой большой амфитеатр Сорбонны.

Французские и заграничные университеты, ученые общества, общественные и военные власти, парламент, высшие школы, студенческие землячества, печать прислали делегации на это торжество. На эстраде разместились: президент Французской республики Александр Мильеран, министр народного образования Леон Берар, ректор академии и председатель Фонда имени Кюри Поль Аппель, профессор Лоренц, выступающий от имени заграничных ученых, профессор Жан Перрен, выступающий от факультета естествознания, и доктор Антуан Беклер от Медицинской академии.

В группу «особ» замешались седой мужчина с серьезным лицом и две пожилые женщины, отирающие свои глаза от слез: это Иосиф, Эля и Броня, явившиеся из Варшавы, чтобы

присутствовать на торжестве Мани. Слава, свалившаяся на голову младшей Склодовской, нисколько не отразилась на братских чувствах. Никогда еще волнение и гордость не красили с таким великолепием эти три лица.

Андре Дебьерн зачитывает научные сообщения об открытиях в области радиоактивных тел. Руководитель научных исследований Института радия Фернанд Хольвек показывает с помощью Ирэн несколько опытов с радием. Президент Французской республики преподносит Мари Кюри национальную пенсию «как скромное, но искреннее свидетельство общего восхищения, уважения и благодарности», а Леон Берар остроумно замечает, что правительство и палаты, предлагая и принимая этот закон, должны были оставить без внимания или, по выражению юристов, «признать недействительными скромность и бескорыстие мадам Кюри».

Последней встает мадам Кюри, приветствуемая громом аплодисментов. Тихим голосом, стараясь никого не забыть, она благодарит всех, кто ее чествовал. Говорит о Пьере Кюри. Заглядывает в будущее. Не в свое, а в будущее Института радия, горячо убеждает оказывать ему помощь и поддержку.

* * *

Я изобразила Мари Кюри в вечернюю пору ее жизни, когда она стала предметом восхищения народных толп, когда ее принимали главы государств, посланники и короли на всех широтах земного шара.

В моем воспоминании обо всех торжествах и сборищах в ее честь господствует всегда все тот же образ: бескровное, невыразительное, почти равнодушное лицо моей матери.

Когда-то она высказала мысль: «В науке нас интересуют вещи, а не личности». Прошедшие с тех пор годы научили ее, что народы, даже правительства, интересуются вещами через посредство личностей. Волей-неволей она усвоила, что ее личная история послужила к чести науки, способствовала расцвету научных учреждений. Она стала средством для пропаганды любимого ею дела.

Но в ней самой ничто не изменилось: все тот же страх перед толпой, все та же робость, от которой холодеют руки, пересыхает в горле, а главное, такая же безнадежная неспособность к суете сует. Несмотря на все старания, ей не удалось войти в соглашение со славой. Она и впредь не будет одобрять того, что называет проявлениями фетишизма.

Во время одного из своих путешествий она мне пишет:

«Я нахожусь вдали от вас обеих и являюсь предметом многих манифестаций, которых я не люблю и не могу ценить, потому что они меня утомляют, — от этого я сегодня с утра чувствую себя немного грустно.

Когда я сошла с поезда в Берлине, с того же поезда сошел боксер Демпси, и собравшаяся толпа с приветственными криками бежала вслед за ним по платформе. А, в сущности, есть ли разница между шумными приветствиями по отношению к Демпси и ко мне? Мне думается, что такой способ приветствия нельзя одобрить, кто бы ни был предметом манифестации. Впрочем, я не представляю себе ясно, как это должно происходить и в какой степени допустимо смешивать человека с той идеей, какую он представляет».

Разве неумеренные приветствия открытию двадцатипятилетней давности могли удовлетворить ту страстную студентку, которая еще жила в этой престарелой женщине? В унылом тоне ее высказываний слышится возмущение преждевременными похоронами, какими является «известность». Не раз она проговаривается: «Когда они мне говорят о моих «блестящих работах», мне кажется, что я умерла, что я вижу себя в гробу». И добавляет: «Также мне думается, что те услуги, какие я еще могла бы оказать, их не интересуют, что, если бы я исчезла, им было бы легче расхваливать меня».

В этом сопротивлении, в этом отрешении и заключается сила исключительного воздействия мадам Кюри на людей. В противоположность большим популярным светилам — политическим деятелям, монархам, театральным или кинематографическим актерам, — которые с момента своего появления на эстраде делаются сообщниками их обожателей, Мари таинственно «отсутствует» на торжествах с ее участием. То потрясающее впечатление, какое производит эта недвижная, одетая в черное фигура, конечно, получается от полного отсутствия какого-либо общения между публикой и ею.

Из всех людей, пользовавшихся почетом, быть может ни один не появлялся с таким замкнутым выражением лица, с таким отсутствующим видом. Среди бурных приветствий никто не казался таким одиноким.

Глава XXV

Остров Св. Людовика

Всякий раз по возвращении Мари из блестящего путешествия обе дочери встречают ее на вокзале. В руках ученой все тот же большой коричневый кожаный мешок, когда-то подаренный обществом польских женщин; он набит бумагами, папками, футлярами. В сгибе локтя у Мари зажат целый сноп увядших цветов, поднесенный где-то на пути, и, хотя он ее стесняет, она не смеет его бросить.

Передав вещи дочерям, Мари взбирается на четвертый этаж своего дома на острове Св. Людовика. Пока она просматривает почту, Ева, став на колени, выкладывает из чемоданов вещи.

Среди знакомых предметов одеяния она находит мантию из бархата и фая, эмблемы вновь полученной степени доктора honoris causa, футляры с медалями, пергаментные свитки и — самое драгоценное из всего прочего — меню банкетов, которые Мари старательно хранит. Так удобно на оборотной стороне этих карточек из толстого и крепкого картона записывать карандашом физико-математические вычисления.

Наконец в шорохе шелковой бумаги появляются на свет подарки для Ирэн и Евы и купленные самой Мари сувениры, выбранные ради их своеобразия и скромности. Они сберегутся навсегда.

Кусочки окаменелых деревьев из Техаса послужат в качестве пресс-папье; дамасские клинки из Толедо будут играть роль закладок в научных книгах; шерстяные коврики, вытканные руками польских горцев, покроют столики. По вороту черных кофт Мари приколоты крошечные украшения, собранные в «Большом Каньоне»: кусочки серебряной руды, на которых индейцы выгравировали молнии в виде зигзагов, гранатовые брошки из Богемии, золотое филигранное ожерелье, старомодная, очень миленькая брошь из аметистов — вот единственные драгоценности моей матери. Не думаю, чтобы за них за все дали триста франков.

Странный вид у этой семейной квартиры на Бетюнской набережной — большой, неудобной, прорезанной коридорами и внутренними лестницами, а мадам Кюри прожила в ней двадцать два года! Внушительные комнаты этого здания XVII века тщетно ждут парадных пышных кресел и диванов, соответствующих их пропорциям и стилю. В громадной гостиной, где можно уместить человек пятьдесят гостей, а бывает редко больше четырех, стоит

на вощеном красивом паркете, который поскрипывает и потрескивает при каждом шаге, унаследованная от доктора Кюри мебель красного дерева. Никаких плюшевых штор, сквозь тюлевые занавески просвечивают высокие окна с всегда отворенными ставнями. Мари не выносит матерчатых украшений. Она любит блестящие поверхности, оголенные окна, не скрадывающие ни одного солнечного луча. Она желает любоваться всем чудесным видом — Сеной, набережной, а справа — древним ледорезом.

Мари слишком долго жила в бедности, чтобы уметь устраивать себе красивое жилище, и теперь у нее нет к этому охоты, да, впрочем, нет и времени менять общий характер домашнего устройства, который останется таким до конца ее жизни. Однако постоянный приток всяких подарков способствует украшению пустых и светлых комнат. Тут и акварельные рисунки различных цветов, поднесенные анонимным поклонником, и копенгагенская ваза самая большая и самая красивая па этом фарфоровом заводе, и коричневый с зеленым ковер — подарок одной румынской фабрики, и серебряная ваза с пышной надписью… Единственным собственным приобретением Мари является черное фортепьяно, купленное для Евы, на котором младшая дочь упражняется часами, причем мадам Кюри никогда не жалуется на поток ее арпеджио.

Только одна комната из всех носит характер действующей и обжитой — это рабочий кабинет Мари. Портрет Пьера Кюри, застекленные шкафы с научными книгами и кое-какая старинная мебель придают ему благородный тон.

Эта квартира, выбранная самой Мари из множества других в целях своего спокойствия, — самое шумное жилище, какое можно себе представить. Гаммы пианистки Евы, резкие звонки телефона, стремительный галоп черного кота, любителя кавалерийских атак в коридорах, могучий звон колокольчика на входной двери, назойливые свистки буксирных пароходов на Сене отдаются усиленным эхом от высоких стен.

Еще до восьми часов утра шумная деятельность служанки, не очень стильной, легкой на ногу и подгоняемой распоряжениями мадам Кюри, поднимает на ноги всю квартиру. Без четверти девять скромное такси останавливается на набережной и дает тройной сигнал. Мари бросается надевать шляпку, манто и торопливо сходит с лестницы. Пора в лабораторию.

Благодаря государственной пенсии и постоянному пособию от американских благодетелей исчезли материальные заботы. Доходы мадам Кюри, хотя некоторые и сочли бы их смехотворными, вполне обеспечивали ей комфорт, которым она

плохо умела пользоваться. Она никогда не могла усвоить привычку прибегать к услугам горничной. Если она заставляла шофера ждать себя более нескольких минут, то чувствовала себя виноватой. Когда Мари входила вместе с Евой в магазин, она, не глядя на цены, а по наитию, безошибочно указывала рукой на самое простое платье, на самую дешевую шляпку, единственные ей по нраву.

Мадам Кюри не жалеет денег только на деревья, на цветы, на дачи. Выстроила себе две дачи: одну в Ларкуэсте, другую на Средиземном море. С возрастом она стала искать более горячего солнца на юге и более теплого моря, чем в Бретани. Ей доставляло новые радости — спать на чистом воздухе на террасе своей виллы в Кальвере, любоваться видом на бухту и Иерские острова, сажать у себя в саду на крутом берегу эвкалипты, мимозы, кипарисы. Два ее друга, мадам Сальнав и мадемуазель Клеман, с некоторым страхом любуются ее купальными проделками. Мари купается в протоках между скалами, плавая от одной скалы к другой, и подробно описывает свои достижения дочерям:

«Купание здесь хорошее, но до удобных мест надо ходить довольно далеко. Сегодня купалась у скал, выступающих в Ля-Виже — но сколько надо карабкаться! Уже три дня море спокойно, и я уверилась, что могу плавать на хорошее расстояние. При гладком море проплыв в триста метров меня нисколько не пугает, я, несомненно, способна и на большее».

По-прежнему ее мечта уехать из Парижа и жить зимою в Со. Она купила там участок с намерением строить дом. Проходят годы, но окончательного решения не принимает. И каждый день, в час завтрака, она пешком возвращается домой, переходит мост Турнель почти таким же быстрым шагом, как и прежде, и, немного запыхавшись, поднимается по лестницам старинного здания на острове Св. Людовика.

* * *

В одно прекрасное утро 1926 года Ирэн спокойно объявила родным о своей помолвке с Фредериком Жолио, самым блестящим и самым кипучим из работников Института радия. Вся жизнь в доме взбудоражилась. В квартиру, населенную лишь женщинами, вдруг вторгся мужчина, молодой человек, вторгся туда, куда вообще не проникал никто, кроме Андре Дебьерна, Мориса Кюри, Перренов, Борелей и Моренов. Молодожены жили сначала на Бетюнской набережной, а затем наняли себе

отдельную квартиру.

Мари, хотя и была довольна счастьем дочери, все же расстроилась нарушением привычной жизни со своей постоянной сотрудницей в работе и плохо скрывала тайное смятение.

Но затем благодаря ежедневной близости она лучше узнала Фредерика Жолио, своего ученика, ставшего зятем, лучше оценила исключительные достоинства этого красивого молодого человека, говорливого, преисполненного жизни, и тогда убедилась, что все к лучшему. Два ассистента вместо одного больше могли помочь ей в ее заботах, в обсуждении текущих работ, в осуществлении ее советов, а вскоре они стали делать свои предложения и вносить новые идеи. Чета Жолио усвоила привычку четыре раза в неделю приходить завтракать к мадам Кюри.

* * *

— Мэ, ты поедешь в лабораторию?

Пепельные глаза, с недавнего времени обычно прикрытые очками в черепаховой оправе, а сейчас разоруженные, ласково остановились на Еве:

— Да, сейчас. Но раньше побываю в Медицинской академии. Впрочем, заседание академии только в три часа, и, думаю, у меня еще будет время… Да, я проеду на цветочный рынок и, может быть, заеду на минуту в Люксембургский сад.

Троекратный гудок «форда» у подъезда. Через несколько минут Мари уже прохаживается между рядами горшков с цветами и ящиками с перегнойной землей, выбирает растения для посадки в саду лаборатории и, завернув их в газетную бумагу, осторожно кладет на сиденье в автомобиле.

Она знакома с садовниками и садоводами, но почти никогда не бывает в цветочных магазинах. Не знаю, по какому инстинкту или же по привычке к бедности, она дичится очень дорогих цветов. Очаровательные друзья мадам Кюри — Жан Перрен, Морис Кюри — часто врываются к ней с большими букетами в руках. И совершенно так же, как если бы она дивилась на какие-нибудь драгоценности, она удивленно, немного робко смотрит на большие махровые гвоздики и прекрасные розы.

Половина третьего. «Форд» высадил Мари у ограды Люксембургского дворца, и ученая спешит на свидание у «левого льва». Среди сотен детей, играющих в саду, бывает маленькая девочка, которая, завидев Мари, бежит к ней во всю прыть своих малюсеньких ножек: Элен Жолио, дочь Ирэн. По виду мадам

Кюри— бабушка сдержанная, не склонная к излияниям. Но она тратит много времени на всякие обходные маневры, чтобы поговорить несколько минут с этой малюткой, одетой в ярко-красное платьице и спрашивающей деспотическим тоном: «Мэ, ты куда идешь? Мэ, почему ты не остаешься со мной?»

Часы на Сенате показывают без десяти минут три. Надо расставаться с Элен и ее пирожками из песка. В строгом зале заседаний на улице Бонапарта Мари садится на свое обычное место рядом со своим старым другом, доктором Ру. Она единственная женщина среди шестидесяти своих почтенных коллег, участвующая вместе с ними в работе Медицинской академии.

* * *

— Ах! Как я устала! — говорит почти каждый вечер Мари Кюри с бледным лицом, осунувшимся и постаревшим от утомления. Ее задерживают в лаборатории до половины восьмого, иногда и до восьми. Автомобиль довез ее до дома, и три этажа показались ей труднее, чем обычно. Она надевает ночные туфли, накидывает на плечи курточку из черного ратина. Бесцельно бродит по дому, еще более безмолвному в конце дня, и ждет, когда горничная доложит, что обед подан.

Напрасный труд, если бы дочь стала говорить ей: «Ты слишком много работаешь. Женщина в шестьдесят пять лет не может, не должна работать, как ты, по двенадцать или четырнадцать часов в день». Ева отлично знает, что мадам Кюри не способна работать меньше, что такой довод рассудка был бы для нее страшным указанием на одряхление. В этих условиях все пожелания дочери могли сводиться только к одному — чтобы у матери хватило подольше сил работать четырнадцать часов в день.

Ирэн Жолио-Кюри

Фредерик Жолио-Кюри (1900–1958)

С тех пор как Ирэн перестала жить на Бетюнокой набережной, мадам Кюри и Ева обедают вдвоем. Множество обстоятельств протекшего рабочего дня занимают ум Мари, и она не может удержаться, чтобы не обсуждать их вслух. Так от вечера к вечеру из ее не связанных между собой замечаний вырисовывается таинственная, волнующая картина напряженной деятельности лаборатории, которой Мари предана душой и телом. Хотя Ева никогда и не увидит всех этих аппаратов, но они становятся для нее чем-то дружественным, близким, как и сотрудники лаборатории, о которых Мари говорит тепло, почти нежно, с

большим упором на притяжательные местоимения:

— Я очень довольна «моим» молодым Грегуаром. Я знала, что он очень даровит… *(Кончив суп.)* Представь себе, что сегодня я застала «моего» китайца в физическом кабинете. Мы говорили по-английски, и наш разговор продолжался бесконечно. В Китае неприлично противоречить, и, когда я высказываю гипотезу, в неточности которой он перед этим убедился, он все-таки любезно поддакивает мне. А я должна сама догадываться, что у него есть возражения. Перед моими учениками с Дальнего Востока мне приходится стыдиться своих плохих манер. Они более цивилизованны, чем мы! *(Приступая к компоту.)* Ах, Евочка, надо бы пригласить к нам на вечер «моего» поляка нынешнего года. Боюсь, как бы он не пропал в Париже.

В такой Вавилонской башне, как Институт радия, различные национальности сменяются одна другой. Но среди них всегда есть один поляк. Если мадам Кюри не может дать университетскую стипендию своему соотечественнику в ущерб более способному кандидату, она за свой счет оплачивает занятия молодого человека, приехавшего из Варшавы, но он никогда не будет знать об этом.

Марн сразу прерывает овладевающие ею мысли. Наклонившись к дочери, она говорит другим голосом:

— Теперь, дорогая, расскажи мне что-нибудь. Какие новости в мире?

С ней можно говорить обо всем, в особенности о вещах детски наивных. Рассказ довольной Евы о достижении средней скорости в семьдесят километров на автомобиле находит в Мари понятливую слушательницу. Сама мадам Кюри хотя и осторожная, но страстная автомобилистка и с волнением следит за спортивными возможностями своего «форда».

Анекдоты о ее внучке Элен, какое-нибудь детское ее словцо вызывают у Мари смех до слез, нежданно молодой.

Она умеет говорить и о политике без резкости. «Ах, этот успокоительный либерализм!» Когда французы хвалят преимущество диктатуры, она мягко говорит им: «Я жила под политическим гнетом. Вы — нет. Вы не понимаете вашего собственного счастья жить в стране свободы…» Сторонники революционного насилия встречают у нее отпор:

«Вам никогда не убедить меня, что было полезно отправить Лавуазье на гильотину…»

У Мари не было времени стать настоящей воспитательницей своих дочерей. Но благодаря ей Ирэн и Ева каждодневно пользуются одним несравненным благом: счастьем жить совместно с исключительным человеком — исключительным не

только по таланту, но и по своей гуманности, по своему внутреннему противлению всякой пошлости, всякой мелочности. Мадам Кюри избегает даже такого проявления тщеславия, какое было бы вполне простительно: ставить себя в пример для других женщин. «Нет необходимости вести такую противоестественную жизнь, какую вела я, — говорит она своим чересчур воинственным поклонницам. — Я отдала много времени науке потому, что у меня было к ней стремление, потому что я любила научное исследование… Все, чего я желаю женщинам и молодым девушкам, это простой семейной жизни и работы, какая их интересует».

* * *

Во время этих тихих обедов вечером бывает, что Мари и Ева заводят разговор о любви. Эта женщина, пострадавшая так трагически, так несправедливо, не питает большого уважения к страсти. Она б охотно присоединилась к формулировке одного большого писателя: «Любовь — чувство не почтенное».

«Я думаю, — пишет она Еве, — что нравственную силу мы должны черпать в идеализме, который, не развивая в нас самомнения, внушает нам высокие стремления и мечты; я также думаю, что обманчиво ставить весь жизненный интерес в зависимость от таких бурных чувств, как любовь».

Она умеет воспринимать всякие тайные признания, хранить их в полной тайне так тонко, как если бы она их никогда не слыхала. Умеет бежать на помощь своим близким, если им угрожает несчастье или опасность. Но разговоры с ней о любви никогда не удаются.

В ее суждениях и философии все личное упорно исключается, и Мари ни при каких обстоятельствах не открывает дверей в свое горестное прошлое с целью извлечь из него какие-нибудь назидания или воспоминания. Это ее внутренний мир, куда никто, даже самый близкий человек, не имеет права проникать.

Обеим дочерям она дает понять только свою тоску из-за того, что старится вдали от своих сестер и брата, к которым по-прежнему питает нежную привязанность. Сначала изгнание, а потом вдовство лишили ее былой ласкающей теплоты семейного уюта. Она пишет грустные письма своим друзьям, жалуясь, что видится с ними слишком редко: Жаку Кюри, живущему в Монпелье, брату Иосифу, Эле, наконец Броне, — тоже с разбитой жизнью, она потеряла обоих детей, а в 1930 году и своего мужа Казимира Длусского.

Мари — Броне, 12 апреля 1932 года:

«Дорогая Броня, я тоже грущу оттого, что мы разлучены. Хотя ты чувствуешь себя одинокой, у тебя все же есть утешение: в Варшаве вас трое, и ты можешь находить содружество и заботу о себе. Поверь мне, семейная связь все же единственное благо. Я это знаю потому, что у меня его нет. Старайся извлечь из него нравственную поддержку и не забывай свою парижскую сестру: давай видеться почаще…»

* * *

Если после обеда Ева собралась уйти из дому, поехать в какой-нибудь концерт, Мари приходит к ней в комнату и ложится на диван. Смотрит, как одевается дочь.

— …Мажешь удирать, дочка. Доброго вечера… Ах, да! Нет ли у тебя чего-нибудь мне почитать?

— Конечно! Чего тебе хочется?

— Не знаю… Ну, чего-нибудь полегче. Только в твоем возрасте можно читать тяжкие, угнетающие романы.

Несмотря на разные литературные вкусы, у них с Евой есть общие любимцы: Коллет, Киплинг. В «Книге джунглей», в «Рождении дня», в «Сидо», в «Киме» Мари неустанно перечитывает великолепные, живые отражения природы, которая всегда являлась для нее началом бодрости и силы. Она знает наизусть множество стихов французских, немецких, английских, русских, польских…

Взяв выбранный Евой том, она уединяется у себя в кабинете, усаживается на красном бархатном шезлонге, подкладывает под голову мягкую пуховую подушку и перевертывает несколько страниц.

Но через полчаса, может быть, через час она откладывает книгу. Выпрямляется, берет карандаш, тетради, научные пособия. И, как обыкновенно, будет работать до двух, до трех часов утра.

Вернувшись домой, Ева видит сквозь круглое окошко узенького коридора свет в комнате у матери. Она проходит коридором, толкает дверь… Каждый вечер картина одна и та же. Мадам Кюри, окруженная листами бумаги, счетными линейками, брошюрами, сидит на полу. Она никогда не могла привыкнуть работать за письменным столом, усевшись в кресло, по традиции «мыслителей». Ей требуется неограниченное место, чтобы разложить свои записи, таблицы, чертежи диаграмм.

Она поглощена трудным теоретическим расчетом и не

поднимает головы при входе дочери, хотя и почувствовала ее присутствие. Выражение лица сосредоточенное, брови сдвинуты. На коленях тетрадь, карандашом она набрасывает знаки, формулы. Губы что-то шепчут.

Вполголоса прорываются цифры. И так же, как шестьдесят лет тому назад в классе арифметики у пани Сикорской, мадам Кюри, профессор Сорбонны, ведет счет по-польски.

Глава XXVI

Лаборатория

Мадам Кюри у себя?

— Я к мадам Кюри. Она приехала?

— Не видали, где мадам Кюри?

Такие вопросы задают молодые люди и молодые женщины в белых лабораторных халатах, сталкиваясь в вестибюле, которым должна пройти ученая, чтобы попасть в Институт радия. Пятьдесят научных сотрудников каждое утро ждут здесь ее прибытия. Всякий стремится, «не беспокоя ее», спросить совета, получить на ходу какое-нибудь указание. Так образуется то, что Мари в насмешку зовет «совет».

В девять часов старенький автомобиль въезжает за ограду со стороны улицы Пьера Кюри, заворачивает на аллею. Дверка в автомобиле хлопает. Садовым входом появляется мадам Кюри. Группа просителей радостно окружает ее кольцом. Робкие, почтительные голоса докладывают о том, что такое-то измерение закончено, сообщают новости о растворении полониума, вкрадчиво замечают: «Если бы мадам Кюри зашла посмотреть на аппарат Вильсона, то увидела бы интересное достижение».

Мари хотя и жалуется иногда на это, но очень любит этот вихрь энергии и любознательности, налетающий на нее с самого утра. Вместо того чтобы ускользнуть, бежать к собственной работе, она остается, как была — в шляпе и мантилье, в кругу своих сотрудников. Среди этих лиц, жадно смотрящих на нее, каждый взгляд напоминает ей о каком-нибудь опыте, который она обдумывала в одиночестве.

В ее замечаниях нет ни беспорядочности, ни недоговоренности. В течение нескольких минут, которые она посвящает кому-нибудь из научных работников, мадам Кюри целиком сосредоточивается на изучаемой проблеме, известной ей во всех подробностях. Через минуту она уже говорит с другим о другой работе. Ее ум чудесно приспособлен к такой своеобразной гимнастике. В лаборатории, где молодые умы напрягают все свои

силы, она похожа на чемпиона по шахматам, который играет одновременно тридцать-сорок партий.

Люди проходят, здороваются, останавливаются. Дело кончается тем, что Мари садится на ступеньку лестницы, не прерывая заседания, мало пригодного для протокола. Сидя на лестнице и глядя снизу вверх на сотрудников, стоящих перед ней или прислонившихся к стене, она мало похожа на классический тип начальника. И тем не менее!..

Это она сама, тщательно изучив способности каждого, подобрала младших сотрудников лаборатории. И почти всегда она же назначает им работы. К ней приходят ее ученики в минуты своего отчаяния, твердо веря, что мадам Кюри обнаружит ошибку в опыте, которая навела их на ложный путь.

За сорок лет научной работы эта седовласая ученая приобрела огромный запас знаний. Мадам Кюри является живой библиографией по радию: владея в совершенстве пятью языками, она перечитала все печатные работы об исследованиях в этой области.

В явлениях уже известных она открывает возможность дальнейших исследований. Благодаря своему здравому суждению Мари обладает бесценною способностью — разбираться в запутанных клубках познания и- гипотез. Расплывчатые теории и соблазнительные, но произвольные предложения некоторых ее учеников встречают отрицание и в выражении ее красивых глаз и в твердом, как металл, обосновании. С какой уверенностью работаешь у такого учителя, и смелого и остроумного!

Сборище у лестницы мало-помалу распыляется. Получившие от Мари указания на данный день исчезают со своими записными книжками. Мадам Кюри провожает кого-нибудь из них в «физическую» или в «химическую» и, наконец освободившись, идет в свою особую лабораторию, надевает рабочий черный халат и отдается собственным работам.

Ее сосредоточенность в себе самой длится недолго. Кто-то стучит в дверь. Появляется один из научных работников, держа в руках исписанные листы бумаги. За ним ждет очереди другой сотрудник… Сегодня понедельник — обычный день заседаний Академии точных наук, и авторы сообщений, которые должны быть зачитаны сегодня во второй половине дня, приносят к мадам Кюри их тексты.

Для чтения этих рукописей Мари уходит в очень светлую, небольшую комнату, которую посторонний человек вряд ли без колебаний признает кабинетом известной ученой. Большой дубовый письменный стол, стенная полка для бумаг, книжные шкафы, старенькая пишущая машинка, кожаное кресло, похожее

на сотни других таких же кресел, придают комнате достойный вид. На столе мраморная чернильница, стопка брошюр, бокал, откуда щетиною торчат ручки и остро очиненные карандаши, какая-то хорошенькая вещица — подарок общества студентов… и — о чудо! — восхитительная матово-коричневая маленькая урна из раскопок в Ишии.

Нередко случается, что руки, подающие мадам Кюри заметки для академии, дрожат от волнения. Авторы знают, что суд будет суровый! По мнению Мари, изложение их никогда не бывает достаточно ясным, достаточно изящным. Она преследует не только технические погрешности, но переделывает фразы целиком, исправляет синтаксические ошибки. «Ну вот теперь я думаю, что сойдет», — говорит она, возвращая «ни живу, ни мертву» юному ученому его «мазню».

Но когда Мари довольна работой своего ученика, то ее улыбка, выражение довольства: «Очень хорошо… Превосходно», — вознаграждают работника за его труд, и, окрыленный, тот летит в лабораторию профессора Перрена, так как обычно он докладывает академии сообщения Института радия.

Тот же Жан Перрен говорит всем: «Мадам Кюри не только знаменитый физик, «о и лучший директор лаборатории из мне известных».

* * *

В чем тайна этого превосходства Мари? Прежде всего необычайный, вдохновляющий патриотизм по отношению к Институту радия. Она пламенный служитель и защитник достоинства и интересов этой любимой ею обители.

_ Она сама терпеливо добывает радиоактивные вещества в количестве, необходимом для исследований широкого размаха. Обмены любезностями и кокетничанье мадам Кюри с директорами бельгийского завода радия «Рудное объединение Горной Катанги» заканчиваются неизменно одним и тем же: «Рудное объединение» любезно посылает мадам Кюри тонны отработанной руды, а Мари с восторгом сейчас же принимается за извлечение желанных элементов.

Из года в год Мари обогащает свою лабораторию. Вместе с Жаном Перреном она бегает по министерствам, требует субсидий, ассигнований на научные работы. Таким путем она добивается в 1930 году особого кредита в пятьсот тысяч франков.

Временами она чувствует себя утомленной и несколько

униженной этими хлопотами и тогда описывает Еве свои ожидания в приемных, свои страхи, а в заключение говорит с улыбкой:

— По-моему, в конце концов нас выпроводят за дверь, как нищих.

Научные работники лаборатории имени Кюри под руководством такого надежного рулевого вторгаются в еще не обследованные участки учения о радиоактивности.

С 1919 года по 1930 год физики и химики Института радия опубликовали четыреста восемьдесят три научные работы, из них тридцать четыре дипломные и диссертации. Из этих четырехсот восьмидесяти трех исследований тридцать одно падает на долю мадам Кюри.

Здесь необходимо пояснение. В последний отрезок своей жизни мадам Кюри подготовляет будущее, может быть чересчур жертвуя собой, и отдает лучшую часть своего времени обязанностям директора, руководителя. Что бы она создала сама, если бы могла, подобно окружающей ее молодежи, посвятить каждую минуту научной работе? И кто может сказать, какая часть Мари заключена в работах, внушенных и руководимых ею шаг за шагом?

Мари не ставит себе таких вопросов. Она радуется победам, одержанным той коллективной личностью, которую она зовет даже не «моей лабораторией», но тоном затаенной гордости просто «лабораторией». Она произносит это слово так, как будто на земле не существует никакой другой лаборатории.

* * *

Духовные, гуманные качества этой одинокой ученой помогают ей стать вдохновительницей других. Не очень общительная мадам Кюри умеет внушать преданность к себе своим товарищам по работе, продолжая и после многих лет ежедневного сотрудничества звать их «мадемуазель» или «месье».

Стоит Мари, увлекшись научным спором, задержаться где-нибудь в саду, на скамейке, как встревоженный, нежный голос одной из ассистенток возвращает Мари к действительности: «Мадам, вы простудитесь! Мадам, умоляю вас, идите в помещение!» Если Мари забывает пойти завтракать, чьи-то руки тихо подкладывают ей ломтик хлеба и фрукты…

И слушатели и рабочие лаборатории также испытывают на себе силу ее обаяния, единственного в своем роде. Когда Мари наняла себе отдельного шофера, то институтский «мастер на все

руки» Жорж Буатё — и чернорабочий, и механик, и шофер, и садовник — плакал горькими слезами от одной мысли, что теперь не он, а другой будет возить мадам Кюри с улицы Пьера Кюри на набережную Бетюн.

Чувство привязанности к своим соратникам, малозаметное внешне, помогает Мари отмечать в этой большой семье самых больших энтузиастов своего дела, людей с наиболее возвышенной душой. Я редко видела свою мать такой подавленной, как при известии о неожиданной смерти одного из ее учеников в августе 1932 года:

«Прибыв в Париж, я была крайне огорчена, — пишет она сама. — Молодой химик Реймонд, которого я так любила, утонул в реке в Ардеше. Его мать пишет мне, что годы, проведенные им в лаборатории, были лучшими годами в его жизни. А для чего, раз это имело такой конец? Сколько в нем было прекрасной юности, прелести, благородства и обаяния — все это исчезло из-за какого-то дрянного купания в холодной воде».

Своим ясным взглядом она видит изъяны и достоинства, неумолимо отмечает недостатки, которые будут всегда мешать научному исследователю стать большим ученым. Больше, чем тщеславных, она боится неудачников. Материальные разрушения, причиненные неловкою рукой какой-нибудь установке, приводят ее в отчаяние.

* * *

Если кто-нибудь из сотрудников защищает диссертацию, получает диплом или удостаивается премии, то в честь его устраивается «лабораторный чай». Летом такие собрания организуются в саду, под липами. Зимою мир и тишина в библиотеке, самом большом помещении института, вдруг нарушаются звоном посуды. А какова посуда! Стеклянные стаканы для осаждения растворов служат и чашками для чая и кубками для шампанского, мешалки заменяют чайные ложки. Студенты обслуживают и угощают пирожными своих товарищей, руководителей, весь небольшой состав служащих. Среди присутствующих мы видим и Андре Дебьерна, начальника учебной части, и Фернанда Гольвека, главного руководителя научно-исследовательских работ, и оживленную, разговорчивую Мари, которая защищает руками свой стакан чаю от окружающей толкотни.

Но вдруг наступает тишина. Мадам Кюри собирается поздравить сегодняшнего лауреата. Несколькими теплыми

фразами она характеризует оригинальность его работы, раскрывает те трудности, какие он преодолел. Гром аплодисментов сопровождает ее милые заключительные фразы: любезный комплимент по адресу родителей героя торжества или же, если это иностранец, то по адресу далекого отечества. «Когда вернетесь вы на вашу прекрасную, мне знакомую родину, где меня принимали так хорошо, вы сохраните, я надеюсь, добрые воспоминания об Институте радия. Вы сможете там подтвердить, что работаем мы много, стараемся делать как можно лучше…»

Некоторые из таких «чаев» приносили Мари особое волнение. На одном из них праздновали защиту докторской диссертации ее дочерью Ирэн, а на другом — ее зятем Фредериком Жолио. Мадам Кюри видела, как под ее руководством расцветают дарования этих двух работников науки. Изучив явления ядерного превращения, Ирэн и Фредерик Жолио открывают искусственную радиоактивность: бомбардируя спонтанно возникающими лучами радиоактивных элементов определенные вещества, например алюминий, они превращали эти вещества в новые, еще неизвестные в природе, радиоактивные элементы, которые сами становятся источником лучей. Нетрудно угадать последствия такого поразительного создания атомов для химии, биологии, медицины. Быть может, недалеко то время, когда для целей радиотерапии будут заводским способом вырабатывать тела, имеющие свойства радия!

На том заседании физического общества, когда молодые супруги излагают свои работы, Мари слушает внимательно и гордо, сидя среди публики. Встретив Альберта Лаборда, бывшего когда-то ассистентом Пьера Кюри, она обращается к нему с необычною восторженностью: «Здравствуйте! Как они хорошо говорили, не правда ли? Вот мы и вернулись к прекрасным временам старой лаборатории!»

Мари слишком взволнованна, возбуждена, чтобы остаться дольше на этом вечере. Она идет домой пешком, по набережным, в обществе нескольких коллег. И без конца говорит об успехе «своих молодых людей».

* * *

По другую сторону сада на улице Пьера Кюри сотрудники профессора Рего, которых Мари зовет «соседями визави», на основе своих исследований создают терапию для войны против рака. С 1919 по 1935 год восемь тысяч триста девятнадцать больных прошли лечение в Институте радия.

Клод Рего тоже патриот своей лаборатории. Он лез из кожи, чтобы собрать все средства вооружения, необходимые для его дела: радий, аппаратуру, помещения, больницу. Ввиду огромного количества больных и неотложных материальных нужд ему пришлось брать радий в долг: «Рудное объединение» поверило ему десять граммов! Пришлось взывать к правительству о субсидиях и прибегать к частным пожертвованиям. Барон Анри Ротшильд и братья Лазар являлись главными благотворителями. Некий необычайно щедрый и деликатный жертвователь, прибегший к сложным мерам предосторожности, чтобы скрыть свое имя, подарил фонду имени Кюри три миллиона четыреста тысяч франков.

Так создался самый крупный научный центр Франции по изучению и применению радиотерапии. Он приобрел огромный научный вес: более двухсот врачей с пяти континентов обращаются с просьбой пройти в нем практику для изучения нового способа лечения рака.

Мадам Кюри не принимает никакого участия в биологических и медицинских работах института, но горячо следит за ними. Она в лучших отношениях с профессором Рего, исключительным товарищем в работе, человеком высокой чести и полного бескорыстия. Подобно Мари, он ненавидит славу. Так же, как она, всегда отказывается от благодеяний по отношению к себе. Если бы он «практиковал», то заработал бы большое состояние, но эта мысль даже не приходила ему в голову.

Хотя успехи радиотерапии в руках квалифицированных специалистов поражали обоих содиректоров института, но их мучило одно и то же обстоятельство. Они были свидетелями, бессильными и полными отчаяния, недобросовестного использования радия невежественными врачами, которые вслепую лечили больных радиоактивными веществами, даже не подозревая об опасности подобною «лечения». Публике предлагались лекарства или косметические средства «на радии», иной раз даже с упоминанием имени Кюри.

Но бросим их судить… Скажем просто, что моя мать, семейство Кюри, профессор Рего и Институт радия никогда не имели никакого отношения к подобным предприятиям.

* * *

Эти блестящие плодотворные годы были и временем драматических событий: мадам Кюри угрожала слепота.

Еще в 1920 году врач предупредил ее, что в результате

катаракты на обоих глазах она мало-помалу очутится в темноте. Мари скрыла от других свое отчаянное будущее. Не падая духом, сказала об этом только дочерям и тут же указала на возможность изт лечения: операцию через два-три года… А до этого потускнение хрусталиков создает между нею и окружающим миром постоянный туман.

Мари — Броне, 10 ноября 1920 года:

«Самые большие неприятности причиняют мне глаза и уши. Мое зрение очень ослабло, и этому, вероятно, мало чем поможешь. Что касается до слуха, то меня преследует постоянный шум в ушах, иногда очень сильный. Это меня сильно тревожит: моя работа может затормозиться или же стать просто невозможной. Быть может, радий и помог бы чем-нибудь в моих недомоганиях, но никто этого не знает наверно.

Вот мои несчастья. Не говори об этом никому. Главное, чтобы об этом не пошел слух. А теперь поговорим о другом…»

«Не говори никому об этом». Это лейтмотив всех разговоров Мари с Ирэн и Евой, с братом, с сестрами — единственными поверенными ее тайны. У нее одна навязчивая мысль — не допустить, чтобы по чьей-нибудь нескромности распространилась эта новость, чтобы в какой-нибудь газете появилась заметка: «Мадам Кюри — инвалид».

Врачи Морас и Пти стали ее сообщниками. Больная называлась подставным именем. Это «мадам Карре», пожилая, неведомая дама, больная двойным катарактом, а не мадам Кюри.

Ева заказывает очки для мадам Карре.

Если Мари, блуждая, как в тумане, непроницаемом для ее глаз, собирается перейти улицу или взойти на лестницу, то одна из дочерей берет ее за локоть и незаметным нажатием своих пальцев предупреждает об опасности или препятствии. За столом надо подсовывать ей прибор, солонки, в то время как она шарит по скатерти якобы уверенной рукой.

Но как разыгрывать эту жестокую трагикомедию в лаборатории? Ева посоветовала ей довериться своим непосредственным сотрудникам, чтобы они заменяли ее у измерительных приборов и микроскопов. Мари сухо ответила: «Никто не обязан знать, что у меня испорчены глаза».

Для таких тонких работ мадам Кюри изобрела «технику слепца». Она пользуется гигантскими лупами, ставит на шкалах приборов цветные, хорошо видные метки. Выписывает огромными буквами свои отметки для справок при чтении лекций, и ей удается разбирать их даже в плохо освещенной аудитории-амфитеатре.

Чтобы скрыть свою болезнь, она прибегает к бесчисленным уловкам. Например: кто-нибудь из учеников должен показать ей снимок со своих опытов, на котором есть тоненькие процарапанные черточки-отметки. Мари путем лицемерных, замечательно ловких расспросов добивается от ученика необходимых ей сведений, чтобы мысленно представить себе вид данного клише. Только тогда она берет в руку стеклянную пластинку и притворяется, что видит эти черточки.

Несмотря на все предосторожности, сотрудники лаборатории подозревают ее драму. И лабораторий молчит, делая вид, что ничего не знает, разыгрывая свою роль не хуже, чем Мари.

Мари Кюри — Еве, 13 июля 1923 года:

«Милочка, я предполагаю оперироваться в среду 18-го, утром. Достаточно, если ты приедешь накануне. Ужасная жара, и я боюсь, что ты сильно устанешь.

Нашим друзьям по Ларкуэсту скажи, что я не в состоянии одна справиться с редактурой, которую мы делали с тобой, и что ты нужна мне, так как от меня требуют закончить эту работу спешно.

Целую, твоя *мэ*.

P. S. Говори им как можно меньше!»

В клинике страшно жарко, Ева с чайной ложечки кормит неподвижную, ничего не видящую мадам Кюри с забинтованными лицом и головой. Мучительное настроение от неожиданных осложнений, от кровотечений, длившихся несколько недель и заставлявших терять надежду на выздоровление. Еще две операции в марте 1924 года. Четвертая операция в 1930 году. Едва освободившись от повязок, Мари учится смотреть своими ненормальными глазами, лишенными кристалликов и неспособными к аккомодации.

Через несколько месяцев после первой операции она пишет Еве из Кальвэра:

«Я привыкаю передвигаться без очков и сделала успехи. Я участвовала в двух прогулках по горным тропинкам, каменистым и не очень удобным для ходьбы. Все обошлось благополучно, и я могу ходить быстро, без неприятных случаев. Больше всего мешает мне раздвоенность зрения, от этого мне трудно различать встречных людей. Каждый день я упражняюсь в чтении и в письме. Пока это дается труднее, чем ходьба. Конечно, тебе придется помочь мне в составлении статьи для Британской энциклопедии».

Мало-помалу Мари одерживает победу над злой судьбой. Благодаря сильным очкам она приобретает почти нормальное

зрение, выходит из дому одна, сама правит своим автомобилем, а в лаборатории ей снова удаются тонкие измерения… Последнее чудо чудодейственной жизни: Мари воскресает из мрака, вновь обретает столько света, сколько нужно, чтобы работать, работать до конца.

Маленькое письмо мадам Кюри к Броне в сентябре 1927 года открывает тайну этой победы: «Временами я теряю мужество и говорю себе, что мне надо бросать работу, ехать в деревню и заниматься садоводством. Но множество связей держит меня здесь, и я не знаю, когда смогу поступить таким образом. Не знаю и того, смогу ли жить без лаборатории, даже если буду писать научные книги».

* * *

«Не знаю, смогу ли жить без лаборатории…»

Чтобы понять это признание, надо видеть Мари у приборов в то время, когда, закончив свои дневные дела, она может, наконец, отдаться своей страсти. Независимо от важности той или другой операции осунувшееся лицо Мари выражает высшее самопоглощение работой.

Трудная работа стеклодува, которую Мари умеет совершать артистически, или точно сделанное измерение способны вызвать у нее огромную радость. Одна внимательная сотрудница, мадемуазель Шамье, впоследствии опишет эту будничную мадам Кюри в ее пленительных чертах, не увековеченных ни одной фотографией.

«…Она сидит у аппарата и делает измерения в полутемной комнате, нарочно нетопленной, чтобы избежать колебаний температуры. Последовательность действий в данной операции — пуск аппарата, хронометра, взвешивание и тому подобное — осуществляются мадам Кюри поразительно точно и гармонично. Ни одному пианисту не сделать с большей виртуозностью того, что делают руки мадам Кюри. Это совершенная техника, стремящаяся свести к нулю коэффициент личной ошибки.

Мари Кюри

Когда мадам Кюри, быстро закончив вычисления для проверки сделанной ею операции, убедится, что отклонения меньше допустимого предела и подтверждают точность взвешиваний, лицо ее выражает искреннюю, нескрываемую радость».

Если мадам Кюри садилась за какую-нибудь научную работу, весь остальной мир переставал существовать. В 1927 году, когда Ирэн тяжело болела, что очень беспокоило и приводило в уныние Мари, кто-то из друзей зашел к ней в лабораторию справиться о. здоровье дочери. Его встретил леденящий взгляд и лаконический

ответ. Едва он вышел из лаборатории, как Мари в негодовании сказала ассистенту: «Не дают даже спокойно поработать!»

Та же мадемуазель Шевье описывает мадам Кюри, всецело занятую очень важным опытом: получением актиния X для спектра альфа-лучей — последней работой Мари перёд смертью:

«Требуется получить актиний X чистый и в таком химическом состоянии, чтобы он не давал эманации. Дня не хватало для этой операции. Мадам Кюри, не обедая, остается в лаборатории и вечером. Но выделение этого элемента идет медленно: значит, придется работать ночью, чтобы получаемый источник радиоактивности не успел потерять часть своей силы.

Два часа ночи, остается произвести последнюю операцию: в течение часа центрифугировать жидкость на специальной установке. Вращение центрифуги производит утомительный шум, но Мари сидит рядом с ней и не желает уходить из помещения. Она смотрит на машину так, как будто страстное желание Мари получить удачный результат может путем внушения ускорить осаждение актиния X. Для Мари в этот момент не существует ничего, кроме центрифуги: ни ее завтрашний день, ни ее усталость. Это полный отказ от своей личности, сосредоточение всей души на выполняемой работе».

Если опыт не дает желаемого результата, у Мари вид человека, сраженного неожиданным несчастьем.

Она сидит на стуле, скрестив руки, сгорбившись, с пустым взглядом, и в это время похожа на старую, очень старую крестьянку, молчаливую, убитую горестной утратой. Сотрудники, глядя на нее, предполагают какой-нибудь несчастный случай, драму, спрашивают, в чем дело. Мари мрачным тоном дает исчерпывающее пояснение: «Не удалось «осадить» актиний *X…»,* а то прямо обвинит данного врага: «На меня сердит полоний!»

Но при успехе она становится трепетной, живой, веселой. Счастливая, она мирится с Наукой, готова смеяться и приходить в восхищение.

Если кто-нибудь из исследователей воспользуется явно хорошим настроением и попросит показать процесс какого-нибудь опыта, она с готовностью проведет его к прибору, где происходит «нумерация» атомов, и сама будет любоваться внезапной иррадиацией минерала виллелита под действием радия.

При таких знакомых чудесах ее пепельные глаза светятся от полноты удовольствия. Можно подумать, что Мари созерцает Боттичелли или Вермеера.

— Ах, какое красивое явление!.. — шепчет Мари.

Глава XXVII

Конец миссии

Мадам Кюри нередко заговаривает о своей смерти. Внешне спокойно обсуждает это непреложное событие и представляет себе реальные его последствия. Не смущаясь, произносит фразы: «Ясно, что долго я не проживу», или: «Меня беспокоит судьба Института радия после того, как меня уже не будет».

Но на самом деле в ней не было ни безмятежности, ни примирения. Всем своим существом она отталкивает от себя мысль о конце. Те, кто ею восхищается издалека, воображают прожитую ею жизнь бесподобной. С точки же зрения Мари ее прошлая жизнь пустяки по сравнению с предпринятым ею делом.

Тридцать лет тому назад Пьер Кюри, предвидя смерть, ускоренную несчастным случаем, с трагическим пылом уходит весь в научную работу. Мари, в свой черед, принимает вызов смерти. Для защиты от ее набега Мари лихорадочно воздвигает вокруг себя укрепления из проектов и самообязательств. Не обращает внимания на увеличивающуюся с каждым днем усталость, на угнетающие хронические болезни: плохое зрение, ревматизм в одном плече, раздражающий шум в ушах.

Разве в этом дело? Есть вещи поважнее. Мари только что построила в Аркейе завод для массовой обработки радиоактивных минералов. Она с увлечением организует в нем первые опыты. Она занята работой над своей книгой — целым монументом, какого после ее смерти, не сможет создать никто. А вот исследования по семейству элементов типа актиния идут недостаточно успешно! А не надо ли ей заняться изучением «тончайшей структуры» альфа-лучей? Мари встает рано, бежит в лабораторию, возвращается домой вечером, после обеда…

Она работает с большой поспешностью и с присущей ей неосторожностью. В отношении себя самой она не соблюдает мер безопасности, которые строго предписывает своим ученикам: трогать пробирки с радиоактивными телами только щипчиками, не прикасаться к неизолированным пробиркам, пользоваться свинцовыми щитами во избежание вредных облучений. Она, конечно, допускает исследовать кровь и у себя, так как это общее правило в Институте радия. Формула состава ее крови ненормальна. Неудивительно! Уже тридцать лет Мари Кюри имеет дело с радием, вдыхает его эманацию. Четыре года войны она подвергалась более опасным излучениям рентгеновских аппаратов. Небольшое изменение состава крови, неприятная болезненность в кистях рук, обожженных радием, то сохнущих, то

мокнущих, являются в конце концов уже не таким жестоким наказанием за столь рискованные действия.

В декабре 1933 года приступ какой-то болезни одолевает Мари еще больше. Рентгеновский снимок обнаруживает довольно значительный желчный камень. Та же болезнь, что унесла и старика Склодовского! Мари боится операции и во избежание ее подвергает себя определенному режиму и лечится.

Уже давно ученая не обращает внимания на внешние удобства жизни и все откладывает осуществление своих личных заветных планов — постройку собственного летнего дома в Со и перемену зимней квартиры в Париже, а теперь вдруг проявляет бурную деятельность. Просматривает сметы и, не колеблясь, идет на крупные расходы. Решено летом выстроить виллу в Со. А в октябре Мари уедет с набережной Бетюн и займет квартиру в новом современном доме, построенном в Университетском городке.

Она чувствует усталость, но старается убедить себя, что здоровье ее неплохо. Она ездит в Версаль кататься на коньках, отправляется к Ирэн в Савойю, чтобы походить вместе с ней на лыжах. Радуется, что ее тело сохранило еще гибкость и подвижность. На пасху она пользуется приездом Брони и совершает вместе с ней путешествие на юг в автомобиле.

Эта затея имела гибельные последствия. Мари захотелось ехать не прямо, а с заездами в стороны, чтобы показать Броне красивые места. Когда, наконец, после нескольких переездов она доехала до своей виллы в Кавалере, то вся измучилась и прозябла. В вилле стоял мороз, и наспех затопленные калориферы прогрели дом нескоро. Мари, дрожа от холода, сразу впала в отчаяние. Она рыдала в объятиях Брони, как больной ребенок. Ее одолевал страх, что из-за какого-нибудь бронхита у ней не хватит сил закончить свою книгу. Броня ухаживает за сестрой и успокаивает ее. На следующий день Мари преодолела упадок духа, и он больше не возобновлялся.

Несколько солнечных дней ободрили ее и утешили. При возвращении в Париж она уже чувствует себя гораздо лучше. Врач говорил, что у нее грипп и, как все врачи за последние сорок лет, что она переутомлена. Легкий жар, не прекращавшийся все время, Мари считает пустяком. Броня уезжает в Варшаву со смутным чувством тревоги. Перед отходом варшавского поезда на вокзальной платформе, где они так часто прогуливались раньше, сестры целуются в последний раз.

Состояние здоровья Мари шаткое — то лучше, то хуже. В дни, когда она чувствует себя крепче, она ходит в лабораторию. В дни подавленного состояния, слабости, она сидит дома и пишет свою

книгу. Несколько часов в неделю посвящает новой квартире и планам виллы в Со.

Но коварный враг действует быстрее. Лихорадочное состояние и озноб усиливаются. Еве приходится терпеливо пускать в ход всю свою дипломатию, чтобы мать согласилась принять доктора. Под предлогом, что люди этой профессии надоедливы, что им нельзя платить (ни один врач не принимал платы от мадам Кюри), Мари все время отказывалась от постоянного врача. Эта ученая, этот друг прогресса восстает против лечения как простая крестьянка.

Профессор Рего сам заходит к Мари с дружеским визитом. Он предлагает посоветоваться со своим другом — доктором Раво, а этот рекомендует пригласить профессора Булена, главного врача городских больниц. Последний же, только взглянув на бескровное лицо Мари, сразу говорит: «Лежать в постели. Вам нужен отдых!»

Сколько раз мадам Кюри слыхала такие восклицания! И не внимала. Она продолжает утомляться, бегая по лестницам с этажа на этаж на набережной Бетюн, почти каждый день работает в Институте радия. В солнечный майский день 1934 года после полудня она остается в физическом зале до половины четвертого, устало касается пробирок, приборов — своих неизменных спутников. Обменивается несколькими фразами с сотрудниками. «У меня жар, — говорит она слабым голосом, — поеду домой». Она еще раз обходит сад, где яркими пятнами проступают вновь распустившиеся цветы. Вдруг она останавливается перед чахлым розовым кустом и зовет своего механика:

— Жорж, взгляните на этот куст: необходимо заняться им теперь же!

К ней подходит один из учеников, заклинает ее ехать домой на набережную Белон. Она слушается, но, перед тем как сесть в автомобиль, еще раз оборачивается и говорит:

— Так не забудьте, Жорж, о розовом кусте.

Ее тревожный взгляд на хилое растение был и последним прости лаборатории.

* * *

Она уже не встает с постели. Малодейственная борьба с неопределенной болезнью, называемой то гриппом, то бронхитом, ведет к утомительным способам лечения. Мари подчиняется им с неожиданной, пугающей кротостью, позволяет перевезти себя в клинику для полного обследования. Два рентгеновских снимка, пять или шесть анализов ставят в тупик

специалистов, приглашенных к больной. По-видимому, ни один из органов не затронут, никаких характерных признаков определенной болезни. Но поскольку давнишние зарубцевания и небольшой воспалительный процесс затуманивают снимки с легких, доктора предписывают Мари компрессы и банки. Когда же она, чувствуя себя ни хуже ни лучше, возвращается на набережную Бетюн, среди окружающих начались шептания о санатории.

Ева робко подает ей мысль о таком изгнании. И тут Мари слушается, готова ехать. Она надеется на чистый воздух, думает, что ее выздоровлению мешает городской шум и пыль. Строятся планы. Ева поедет с матерью и проживет с ней в санатории несколько недель, затем приедут из Польши ее сестра и брат, чтобы не оставлять ее одну, на август приедет к ней Ирэн. А к осени она поправится.

В комнате больной сидят Ирэн и Фредерик Жолио, говорят с мадам Кюри о работах в лаборатории, о доме в Со, о правке гранок ее книги, которую она недавно кончила писать. Один из молодых сотрудников профессора Рего, Жорж Грикуров, который заходит почти каждый день справляться о здоровье Мари, расхваливает ей всю приятность и пользу санатория. Ева занимается устройством новой квартиры, выбирает цвет обоев, занавесок и обивки.

Несколько раз Мари с легким смешком говорит, посматривая в глаза дочери:

— Может быть, мы делаем много шума из ничего?

Но у Евы для таких случаев заготовлены возражения и шутки; и ради успокоения Мари она изо всех сил тормошит подрядчиков. Вместе с тем она не надеется умилостивить судьбу: хотя врачи и не глядят на дело пессимистически, а в доме никто не выказывает тревоги, Ева без всяких определенных оснований уверена в худшем.

За время ясных дней этой солнечной весны Ева проводит целые часы у обреченной на бездействие матери, в близком общении с ней. И перед Евой обнажается цельная душа Мари, ее чуткое и благородное сердце, ее безграничная нежность, почти нестерпимая в такой момент. Она становится прежней «миленькой мэ». А главное, остается все той же юной девой, которая писала сорок шесть лет тому назад в своем маленьком письме по-польски:

«Люди, так живо чувствующие, как я, и не способные изменить это свойство своей натуры, должны скрывать его как можно больше».

В этом — разгадка ее стыдливой, чрезмерно чувствительной,

скрытной, легко ранимой души. В течение всей славной жизни Мари запрещала себе непосредственные порывы, признания в слабости и, может быть, призывы на помощь, готовые сорваться с ее уст.

Даже теперь она не раскрывается, не жалуется, или чуть-чуть, едва заметно. Говорит только о будущем… О будущем лаборатории, института в Варшаве, о будущем своих детей: она знает, что через несколько месяцев Ирэн и Фредерик Жолио получат Нобелевскую премию. Мечтает о своей будущей жизни в новой квартире, чего ей не дождаться, или в своем доме в Со, который так и не будет построен никогда.

Мари слабеет. Прежде чем перевозить мать в санаторий, Ева просит четырех столпов медицинского факультета собраться на консилиум: лучших, самых знаменитых врачей во Франции. Я не называю их по имени, чтобы это не имело вида их осуждения или черной неблагодарности с моей стороны. Они полчаса обследовали женщину, страдающую непонятным недугом, сомневаясь, определили его как возобновление туберкулезного процесса в прежних зарубцеваниях и посчитали, что пребывание в горах победит болезнь. Они ошиблись.

Трагически спешные приготовления к отъезду. Чтобы беречь силы Мари, к ней пускают только самых близких. Но она сама нарушает предписание, велит провести тайком к себе в комнату свою сотрудницу мадам Котель и отдает ей ряд распоряжений: «Надо тщательно упаковать актиний и хранить его до моего возвращения. Я рассчитываю на вас, чтобы все было в порядке. Мы с вами вновь займемся этой работой после моего отдыха».

Несмотря на сильное ухудшение, врачи советуют ехать немедленно. Путешествие мучительное, несказанно трудное. Доехав до Сен-Жервэ, Мари теряет сознание и поникает на руках Евы и сестры милосердия. Когда же, наконец, ее помещают в лучшую комнату санатория в Санселльмозе, снова делают рентгеновский снимок и обследования; обнаруживается — дело не в легких, и переезд был бесполезен.

У Мари жар, температура свыше сорока градусов. И ее нельзя скрыть, так как Мари сама с добросовестностью ученого проверяет высоту столбика ртути. Она почти не говорит об этом обстоятельстве, но в ее поблекших глазах отражается страх. Спешно вызванный из Женевы профессор Рох сравнивает исследования крови за последние дни и находит быстрое падение количества белых и красных кровяных шариков. Он устанавливает злокачественную скоротечную анемию. Поддерживает Мари в ее неотвязной мысли о желчных камнях. Уверяет ее, что никакой операции не будет, и назначает

энергичное, но безнадежное лечение. А жизнь уходит из утомленного организма.

Начинается тяжкая, жестокая борьба, когда тело не хочет погибать и сопротивляется с неистовым ожесточением. Ухаживая за матерью, Ева ведет борьбу иного рода: в еще ясном уме мадам Кюри нет мысли о смерти. И вот это чудо надо сохранить. В особенности надо умерить физическую боль, подкрепить и тело и душу. Ни тягостных способов лечения, ни запоздалого переливания крови, уже бесполезного и пугающего. Никаких нежданных сборищ у постели умирающей, так как Мари, увидав собравшихся родных, была бы убита внезапным сознанием ужасного конца.

Я буду всегда лелеять в своей памяти имена тех, кто помогал моей матери в эти жуткие дни. Доктор Тобе, директор санатория, и доктор Пьер Ловис отдавали Мари не только свои знания. Вся жизнь санатория как будто остановилась, застыла в неподвижности от душераздирающей вести: умирает мадам Кюри.

Весь дом преисполнен уважения, готовности помочь. Оба врача сменяют друг друга в комнате больной. Они подбадривают Мари и облегчают ее состояние. Заботятся о Пве, помогают бороться, лгать и, хотя она их об этом не просила, обещают ей заглушить последние страдания Мари снотворным.

Утром 3 июля мадам Кюри в последний раз сама меряет свою температуру, держа термометр в колеблющейся руке, и удостоверяется в резком падении температуры, как это всегда бывает перед кончиной. Она радостно улыбается, когда Ева уверяет ее, что это признак выздоровления, что теперь она поправится. Глядя в открытое окно и повернувшись лицом к солнцу, с выражением надежды и страстной жажды жизни, Мари говорит: «Мне принесли пользу не лекарства, а чистый воздух, высота…»

Во время агонии она тихо стонет от боли и жалуется в полубреду, удивленно: «Я не могу ничего выразить… Я отсутствую…» Она не произносит ни одного имени известных ей людей. Не зовет ни старшей дочери, накануне прибывшей с мужем в Санселльмоз, ни Евы, никого из близких. Большие и мелкие заботы о своей работе случайно всплывают в ее удивительном мозгу и проявляются в бессвязных фразах: «Параграфы глав надо сделать совершенно одинаковыми… Я думала об этом издании…»

Она очень пристально вглядывается в чашку чаю и, пытаясь мешать его ложкой, впрочем не ложкой, а как бы шпателем или каким-нибудь тонким лабораторным инструментом, спрашивает:

— Это. приготовлено из радия или мезотория?

Мари отошла от людей. И навсегда присоединилась к тем любимым вещам, которым посвятила свою жизнь.

Теперь она произносит только неразборчивые слова, и вдруг, когда врач собирался сделать ей впрыскивание, у нее вырвался слабый вскрик изнеможения:

— Не хочу. Оставьте меня в покое.

* * *

В последние часы ее жизни обнаружилась вся сила, вся огромная сопротивляемость только по виду хрупкого организма, вся крепость сердца, затаенного в уже холодеющем теле и продолжавшего биться неутомимо, непрестанно. Еще шестнадцать часов доктор Пьер Ловис и Ева держат застывшие руки этой женщины — ни живой, ни мертвой. На утренней заре, когда солнце порозовило горы и стало подниматься в изумительно чистом небе, когда яркий свет величественного утра залил всю комнату, постель, худые щеки и стеклянные, ничего не выражавшие пепельно-серые глаза, сердце, наконец, перестало биться.

Науке еще предстояло сказать свое слово об этом трупе. Ненормальные симптомы, результаты исследования крови, отличные от известных науке злокачественных анемий, указали истинного виновника: радий. Позже профессор Рего писал:

«Мадам Кюри может считаться одной из жертв длительного обращения с радиоактивными телами, которые открыли ее муж и она сама».

В Санселльмозе доктор Тобе занес в дневную запись:

«Мадам Пьер Кюри скончалась в Санселльмозе 4 июля 1934 года.

Болезнь — скоротечная злокачественная анемия. Костный мозг не дал реакции, возможно, вследствие перерождения от длительной аккумуляции радиоизлучений».

Событие выходит за пределы затихшего санатория, расходится по всему миру и то там, то сям вызывает острое страдание: в Варшаве — у Эли; в Берлине, в поезде, мчащемся во Францию, — у Иосифа Склодовского и Брони — той Брони, которая напрасно стремилась попасть вовремя и повидать милое лицо, В Монпелье — у Жака Кюри. В Нью-Йорке — у миссис Мелоней. В Париже — у преданных друзей.

Перед бездействующими приборами Института радия рыдают молодые ученые. Один из любимых учеников Мари, Жорж Фурнье, потом напишет: «Мы потеряли все».

Отрешенная от боли, волнений, почитаний, Мари Кюри покоится на постели в Санселльмозе, в том доме, где люди, ей подобные, люди науки и преданности своему долгу, ухаживали за ней до самого конца. Никого постороннего не допускали потревожить ее покой, хотя бы только взглядом. Никто из любопытных не будет знать, какой сверхъестественной прелестью украсилась она, покидая мир. Вся в белом, седые волосы над открытым огромным лбом, лицо умиротворенное, строгое и мужественное, как у рыцаря, — в этом виде она представляет собой самое прекрасное, самое благородное, что существует на земле.

Ее шершавые, жесткие, глубоко прожженные радием руки уже не страдают обычным тиком. Они вытянуты вдоль покрывала, окостенели и страшно недвижимы.

Ее столько работавшие руки.

В пятницу 6 июля 1934 года, в полдень, мадам Кюри поселяется в жилище мертвых — скромно, без речей, без пышных проводов, без единого политического деятеля, без представителя государства. Ее погребли в Со в присутствии родных, друзей и любивших ее сотрудников. Гроб Мари поставили на гроб Пьера Кюри. Броня и Иосиф Склодовские бросили в могилу горсть польской земли. На могильном памятнике прибавилась новая надпись: «Мари Кюри-Склодовска, 1867–1934».

Через год книга, которую Мари закончила перед своей смертью, явилась последним ее посланием «влюбленным в физику».

В Институте радия, продолжавшем свою работу, этот огромный том вошел в его светлую библиотеку, присоединясь к другим творениям науки. На сером переплете имя автора: «Мадам Кюри, профессор Сорбоннского университета. Нобелевский лауреат по физике. Нобелевский лауреат по химии».

А заглавие — одно строгое лучезарное слово;

РАДИОАКТИВНОСТЬ.

Послесловие

В мировой литературе мало биографий, которые так захватывают внимание читателя, как биографии Пьера Кюри и Марии Склодовской-Кюри, печатаемые в этом томике серии «Жизнь замечательных людей». История науки всех времен и всех народов не знает примера, чтобы две супружеские пары в двух родственных поколениях внесли столь большой вклад в науку. Старшее поколение Кюри — Пьер и Мари справедливо могут считаться учеными, которые дали начало веку, наступившему сейчас на земле, — веку использования атомной энергии. На первых страницах любой научной или научно-популярной книги по строению атома и по атомной энергии стоят описания открытия явлений радиоактивности, сделанные на пороге нашего столетия Беккерелем и четой Кюри. Их вклад в науку отмечен присуждением им Нобелевской премии в 1903 году — высшей международной почести, которая достается ученым. Мари Кюри стала первой женщиной лауреатом Нобелевской премии. Еще изумительнее, что через восемь лет, в 1911 году, этой же женщине, славянке по происхождению, Нобелевская премия была присуждена вторично. Таких почестей не удостаивался до наших дней ни один ученый мира. И, наконец, еще через двадцать четыре года, в 1935 году, ее дочь Ирэн Жолио-Кюри со своим мужем Фредериком Жолио-Кюри получают опять Нобелевскую премию по физике.

Нередко можно слышать вопрос о том, кто же был гениальнее — Пьер или Мари? Кому принадлежит большая роль в сделанном открытии? Читатель книги сможет сам убедиться в праздности постановки такого вопроса. Истинная наука — это дело коллективного труда людей, и взвесить долю отдельных ученых в итогах научных исследований — задача чрезвычайно трудная и подчас ненужная. Хотелось бы отметить следующее. Мари Кюри пережила своего мужа на двадцать восемь лет, и за это время в значительной степени ее трудами учение о радиоактивности выросло в целую новую отрасль физики и химии. Благодаря ее организаторской деятельности радиоактивность нашла себе широкое применение в медицине, в первую очередь в лечении рака.

Ни одна ученая женщина не пользовалась такой популярностью, как Мари Кюри. Ей было присуждено десять премий и шестнадцать медалей. М. Кюри была избрана почетным членом ста шести научных учреждений, академий и научных обществ. Так, в частности, она была почетным членом Общества

любителей естествознания, антропологии и этнографии в Москве, с 1912 года членом Института экспериментальной медицины в Петербурге, с 1914 года почетным членом научного института в Москве и с 1926 года почетным членом Академии наук СССР.

Чрезвычайный интерес и уважение к двум поколениям ученых Кюри объясняется еще их высокими моральными качествами. Пьер и Мари Кюри могут считаться примером того бескорыстного служения науке, той беззаветной преданности своему призванию, о котором писал наш великий физиолог академик И. П. Павлов в своем письме к советской молодежи. Эта преданность науке привела и старшее и младшее поколения Кюри к тому, что их жизнь была в прямом смысле принесена в жертву науке. Мари Кюри, ее дочь Ирэн и зять Фредерик Жолио-Кюри умерли от лучевой болезни, возникшей в результате многолетней работы с радиоактивными веществами. Мы можем с полным правом отнести их к разряду мучеников и жертв Науки.

Наше поколение все же не может вполне удовлетворить такое самоотверженное служение науке в отрыве от социальных проблем, которое являет собой жизнь Пьера и Мари Кюри. Вырвавшись из мрачных условий существования поляков под властью царской России, Мари Кюри осталась при убеждении, что только национальное освобождение приносит счастье народу. Она не смогла понять, что, помимо национального гнета и порабощения одних народов другими, на земле существует еще гнет капиталистической системы, тормозящей и свободное развитие человеческой личности. Зять Мари Кюри — Фредерик Жолио-Кюри своей жизнью внес корректив в узкое понимание роли человека науки. Он совместил в своем лице выдающегося ученого и прогрессивного деятеля, понимающего, что будущее человечества зависит не только от прогресса науки, но и от ликвидации эксплуатации человека человеком.

Надо сказать несколько слов об истории выхода в свет биографий Пьера и Мари Кюри. Первая из них, написанная Мари Кюри, печатается на русском языке вторично. Впервые ее перевод, сделанный С. А. Щукаревым, вышел отдельной книгой в 1924 году. Он печатается сейчас почти без каких-либо поправок. Биография Мари Кюри написана ее младшей дочерью Евой (род. в 1904 году), журналисткой по профессии. Она вышла в свет на французском языке в 1937 году и выдержала во Франции более ста изданий. Помимо этого, она переведена на двадцать пять языков и в переводах иногда выходила в десяти-двенадцати изданиях на одном языке. На русском языке целиком она еще ни разу не печаталась. Публикуемый сейчас перевод подвергся небольшим сокращениям, чтобы не превышать обычного объема

книг серии «ЖЗЛ». Сокращения произведены за счет длиннот в описании бытовых подробностей, в основном, в раннем детстве и юности Мари Кюри. Я убежден в том, что образы Пьера и Мари Кюри, истинных героев в борьбе за науку, послужат примером и для нашей молодежи. Благодаря заботам нашей партии и правительства о развитии наук перед нашей молодежью, к счастью, нет тех препятствий и жизненных тягот, которые приходилось преодолевать Пьеру и Мари Кюри.

Профессор В. В. Алпатов

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

ПЬЕРА И МАРИИ КЮРИ

1859 г., 15 мая — В Париже, в семье врача Эжена Кюри родился второй сын, Пьер. Детство Пьера проходит в окрестностях Парижа. Раннее учение под руководством отца.

1867 г., 7 ноября — В Варшаве, в семье учителя Иосифа Склодовского, родился пятый ребенок — дочь Мария.

1873 г. — Начало серьезных занятий Пьера Кюри математикой под руководством А. Базилля.

1875 г. — Благодаря выдающимся успехам в физике и математике Пьер Кюри в возрасте шестнадцати лет становится бакалавром естественных наук.

1875–1878 гг. — Пьер Кюри слушает лекции в Сорбонне, работает в лаборатории профессора Леру и помощником ассистента по кафедре физики Фармацевтического института. Пьер Кюри получает степень лиценциата физики, начинает работу в Парижском университете в качестве ассистента профессора Дезена и руководит практическими занятиями по физике со студентами.

1878–1883 гг. — В содружестве с братом Жаком Пьер Кюри начал работу о кристаллах. Первый большой успех, принесший братьям известность в научном мире, — открытие явления пьезоэлектричества. Создание нового прибора пьезоэлектрического кварца. Изложение «принципа симметрии». Пьер Кюри начинает работать в Институте физики и химии города Парижа сначала в качестве руководителя практических занятий, а затем профессора.

1883—1890 гг. — Пьер Кюри проводит серию значительных теоретических работ и экспериментальных исследований. Его имя уже приобретает международную известность.

1883 г., июнь— В Варшаве Мария Склодовская оканчивает гимназию с золотой медалью.

1884 г. — После годового отдыха шестнадцатилетняя Мария Склодовская начинает давать уроки. Активное участие в деятельности «Вольного университета».

1885–1891 гг. — Для оказания помощи уехавшей в Париж сестре Броне Мария Склодовская работает домашней наставницей в зажиточных буржуазных семействах. Она усиленно занимается

самообразованием, обучает грамоте деревенских ребятишек. Вернувшись в Варшаву, Мария начинает самостоятельные занятия в лаборатории Музея промышленности и сельского хозяйства. Отъезд в Париж.

1891—1894 гг. — Мария Склодовская становится студенткой Сорбонны. Напряженные занятия на факультете естествознания. Мария, проявив выдающиеся способности и огромное трудолюбие, получает два диплома лиценциата — по физике и математике. В эти же годы Пьер Кюри проводит значительные работы, относящиеся к изучению магнитных свойств тел при различных температурах, которые блестяще завершаются открытием основного закона — «закона Кюри». Знакомство Пьера Кюри с Марией Склодовской.

1895 г. — Пьер Кюри защищает докторскую диссертацию на основе своих исследований магнетизма. Ему совместно с братом Жаком присуждается премия Планте за работы над кристаллами.

25 июля — Бракосочетание Пьера Кюри и Марии Склодовской. После медового месяца Мария начинает работать в лаборатории Пьера Кюри в Институте физики и химии.

1896 г. — Открытие А. Беккерелем самопроизвольного испускания солями урана лучей с особенными свойствами.

1897 г. 12 сентября — Мари Кюри родила первую дочь — будущего лауреата Нобелевской премии Ирэн Жолио-Кюри. Мари Кюри начинает изучать открытое А. Беккерелем явление радиоактивности. Она устанавливает, что излучение соединений урана — свойство атомов элемента урана.

1898 г. — Мари Кюри замечает, что радиоактивность некоторых минералов, содержащих уран и торий, во много раз сильнее, чем следовало ожидать. Она делает предположение, что эти минералы содержат новый радиоактивный элемент. Напряженная совместная работа супругов Кюри привела к блестящему результату: они открыли полоний (июль), а затем радий (декабрь).

1899–1900 гг. — Пьер и Мари Кюри продолжают исследования радиоактивности. Они устанавливают, что лучи, испускаемые радием, принадлежат к трем различным категориям — открывают α, β и γ-лучи. Отклонение предложения Женевского университета. Пьер начинает преподавать в Сорбонне, а Мари в Севре.

1900–1906 гг. — Работа по выделению чистых солей радия. Открытие физиологического воздействия радия на организм. Начало промышленного производства радия. Мари Кюри публикует ряд научных трудов о радиоактивности. Радий делается предметом исследования крупнейших ученых мира.

Избрание Пьера Кюри членом Академии наук. Присуждение Пьеру и Мари Кюри и Анри Беккерелю Нобелевской премии по физике (1903 г.). Присуждение супругам Кюри медали Дэви Лондонским королевским обществом.

16 апреля 1906 г. — трагическая гибель Пьера Кюри. Национальный траур по великому французскому ученому.

5 ноября профессор М. Кюри читает свою первую лекцию.

13 мая Мари Кюри назначается профессором факультета естествознания Сорбонны — впервые в истории французской высшей школы женщина получает профессорскую кафедру.

1906–1914 гг. — Мари Кюри продолжает исследования, прерванные смертью Пьера, преподает в Сорбонне и Севре. Она создает и читает первый и единственный в мире курс лекций по радиоактивности. Редактирует и выпускает в свет «Труды Пьера Кюри». Присуждение Мари Кюри Нобелевской премии по химии (1911 г.). Кампания клеветы против М. Кюри. Тяжелое заболевание. Строительство Института радия.

1914–1918 гг. — Война. Мари Кюри создает двести двадцать передвижных и постоянных рентгеновских установок. Применение эманации радия в медицинских целях.

1919–1934 гг. — Мари Кюри продолжает свои исследования в Институте радия. Триумфальные поездки за границу. Общественная деятельность. Создание Института радия в Варшаве. Успехи в науке дочери Мари Кюри — Ирэн и зятя Фредерика Жолио. Избрание Мари Кюри почетным членом Академии паук СССР (1926 г.). Тяжелая болезнь ученой.

4 июля 1934 *г.* — Кончина Мари Кюри.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

М. Кюри, Исследование радиоактивных веществ (радий, полоний, актиний, уран, торий и др.). Москва, 1905 г.

М. Кюри, Радиоактивность. Москва — Ленинград, 1947 г.

П. Кюри, Нобелевская речь. Труды Института истории естествознания и техники, т. 19. АН СССР, 1957 г.

И. Жолио-Кюри, Лабораторные записные книжки периода открытия полония и радия (там же).

А. Н. Несмеянов. Памяти Пьера Кюри (там же).

О. А. Старосельская-Никитина. Жизнь и творчество Пьера Кюри (там же).

Я. Г, Дорфман, Вклад Пьера Кюри в науку о магнетизме (там же).

И. И. Шафрановский, Пьер Кюри — кристаллограф (там же).

Э. В. Шпольский, Жизнь и деятельность Пьера Кюри (1859–1906). Успехи физических наук, т. 58, выпуск 4, 1956 г.

КРАТКИЕ ПРИМЕЧАНИЯ

Амага Е. (1841–1915) — французский физик, академик с 1902 г.

Аппель П. (1855–1930) — французский математик, президент академии с 1914 г.

Аснык А, (1838–1897) — польский поэт и драматург.

Беккерель А. (1852–1908) — французский физик, лауреат Нобелевской премии за работы по. радиоактивности.

Бер П. (1833–1886) — французский физиолог и политический деятель.

Бернар К. (1813–1872) — французский физиолог.

Бертло М. (1827–1907) — французский химик.

Больцманн Л. (1844–1906) — австрийский физик.

Борель Э. (р. 1871) — французский математик, академик с 1921 г.

Брандес Г. (1842–1927) — датский критик и публицист.

Бранли Э. (1846–1940) — французский физик (электромагнитные волны), академик с 1911 г.

Бремвелл Ф. (1818–1903) — английский изобретатель в области локомотивостроения.

Бушар Ш. (1837–1915) — французский медик, академик с 1873 г.

Валери П. (1871–1945) — французский писатель.

Гуи Ж. (р. 1854) — французский физик, работавший в области оптики, академик с 1913 г.

Дарбу Ж. (1842–1917) — французский математик, академик с 1884 г.

Дебьерн А. (р. 1874) — французский химик, сотрудник Кюри, открывший актиний.

Дестре Ж. (р. 1863) — бельгийский писатель и политический деятель.

Дьюар Д ж. (1842–1923) — шотландский химик и физик.

Дрейфуса дело — Дрейфус (р. 1859) осужден несправедливо за якобы шпионскую деятельность в 1894 г. французским судом. В 1906 г. оправдан. Его дело вызвало волну антисемитизма во Франции. В защиту его поднялись все прогрессивные люди того времени.

Жерне Д. (1834–1910) — французский физик-механик, академик с 1906 г.

Зюсс Е. (1831–1914) — австрийский геолог и палеонтолог.

Кельвин В., (1824–1907) — английский физик, работавший в

области учения об электричестве и магнетизме.

Киплинг Р. (1865–1936) — английский поэт и прозаик.

Конт О. (1798–1857) — французский философ.

Колпе Ф. (1842–1908) — французский писатель.

Красинслий З. (1812–1859) — польский поэт.

Крукс В. (1832–1914) — английский физик и химик.

Ланжевен П. (1872–1946) — французский физик.

Лапик Л. (р. 1866) — французский физиолог, академик с 1930 г.

Лафонтен Ж. (1621–1695) — французский баснописец.

Липпманн Г. (1845–1921) — французский физик-оптик, академик с 1886 г., лауреат Нобелевской премии 1908 г.

Лодж О. (1851–1940) — английский физик.

Лэнкстер Е. (1847–1929) — английский зоолог и автор многих популярных книг.

Маекар Е. (1837–1908) — французский физик и метеоролог, академик с 1884 г.

Меррей Дж. (р. 1866) — английский филолог.

Моптэнь М. (1533–1592) — французский философ и писатель.

Морэн Ш. (р. 1871) — французский астрофизик.

Мюссе А. (1810–1857) — французский поэт.

Пастер Л. (1822–1895) — французский химик и биолог.

Перрен Ж- (1870–1942) — французский физик, академик с 1923 г., нобелевский лауреат 1926 г.

Пикар Х. (1856–1941) — французский математик, академик с 1889 г.

Прус Б. — псевдоним польского писателя А. Главацкого (1847–1912).

Пуанкаре А. (1854–1912) — французский математик.

Пуанкаре Л. (1862–1920) — французский физик.

Рамзей В. (1852–1916) — английский химик, нобелевский лауреат 1904 г.

Резерфорд Э. (1871–1937) — великий английский ученый, нобелевский лауреат.

Ренан Э. (1823–1892) — французский историк религий.

Родэн О. (1840–1917) — французский скульптор.

Ру Э. (1853–1933) — французский медик-микробиолог.

Словацкий Ю. (1809–1849) — польский поэт и драматург.

Содди Ф. (р. 1877) — английский химик.

Спенсер Г. (1820–1903) — английский философ и социолог.

Сюлли-Прюдом (1839–1907) — французский поэт и критик.

Томсон Дж. Дж. (1856–1940) — английский физик, нобелевский лауреат 1906 г.

Урбэн Ж. (1872–1938) — французский химик, академик с

1921 г.

Фридель Ш. (1832–1899) — французский химик и минералог, академик с 1878 г.

Эвберн-Дж. Лёббок (1834–1913) — английский политический деятель, биолог и археолог.

Эдисон Т. (1847–1931) — американский изобретатель.

Эйртон В. (1847–1908) — английский электротехник.

Эмстронг В. (1810–1900) — английский изобретатель.

Юнг (р. 1874) — американский политический деятель.

notes

Примечания

1

Эжен Кюри родился в Мюльгаузене в 1827 году. (Все примечания к тексту, кроме оговоренные особо, принадлежат авторам. — *Ред.)*

2

Пьер Кюри не оставил настоящего дневника — лишь несколько случайных страничек, написанных в течение короткого периода жизни.

3

Виктор Гюго, Король забавляется. — Прим. ред.

4

Пьезоэлектрическое свойство кварца вскоре нашло себе важное применение: оно было использовано П. Ланжевеном для получения упругих волн весьма большой частоты под водою, для обнаружения подводных препятствий. Этот же метод может служить и для более общего случая, при определении глубин моря. На этом примере еще лишний раз можно видеть, как простое умозаключение может привести к открытию, которое впоследствии может быть использовано в самом неожиданном направлении.

5

В этой очень краткой статье впервые излагается теория, позволяющая понять, почему некоторые грани кристаллов развиваются преимущественно перед другими и почему кристалл всегда принимает определенную геометрическую форму.

Парамагнитные тела суть те, которые намагничиваются таким же образом, как. и железо, сильно (ферромагнитные) или слабо. Диамагнитные суть те, очень слабое намагничивание коих противоположно по направлению тому, какое получается у железа в том же магнитном поле.

7

Вот выдержка из письма, адресованного лордом Кельвином Пьеру Кюри:

«Октябрь 1893 г.

Дорогой г-н Кюри.

Я весьма Вам признателен за Ваше письмо, присланное в субботу, и за сообщение, которое представляет для меня исключительный интерес.

Если я зайду в Вашу лабораторию завтра между 10 и 11 часами утра, застану ли я Вас там? У меня имеется два или три вопроса, о которых мне хотелось бы с Вами поговорить. Кроме того, мне хотелось бы посмотреть еще дальнейшие кривые, показывающие намагничивание железа при различных температурах.

Преданный Вам Кельвин»

8

Вот краткие биографические сведения. Мое имя: Мария Склодовская. Мой отец и моя мать принадлежали к польским католическим семьям; оба они были преподавателями средней школы в Варшаве (Польша тогда была русской). Я родилась в Варшаве и там окончила гимназию; была несколько лет учительницей, потом, в 1892 году, приехала в Париж, чтобы получить высшее образование.

9

Эта последняя печатная работа была выполнена вместе с Ж. Бемоном, принимавшим участие в наших опытах.

10

В качестве примера я приведу здесь письмо А. Паульсена, адресованное им Пьеру Кюри, в котором он благодарит его за присылку ему в 1899 году радиоактивного препарата.

«*Акюрейи, 16 октября 1899 г.*

Милостивый государь и уважаемый коллега.

Приношу Вам мою живейшую благодарность за Ваше письмо от 1 августа, которое я получил здесь, в Акюрейи, на севере Исландии.

Мы отказались от применения всех ранее употреблявшихся методов для определения потенциала атмосферы и в настоящее время пользуемся для этих целей исключительно присланным Вами радиоактивным порошком.

Примите, милостивый государь и уважаемый коллега, мои поздравления и позвольте еще раз поблагодарить Вас за большую услугу, оказанную Вами моей экспедиции.

Адам Паульсен»

11

Цена миллиграмма радия-элемента была в то время около 750 франков.

Все эти врачи нашли поддержку в лице промышленника Арме де Лиля, который предоставил в их распоряжение необходимое количество радия для первых опытов. Он, кроме того, основал в 1906 году лабораторию для клинических исследований, снабдив ее радием, и субсидировал первый журнал «Радий», посвященный радиоактивности и се применению, выходивший под редакцией Ж. Данна. В данном случае мы имеем пример поддержки, оказываемой совершенно добровольно промышленностью науке, — явление крайне редкое в настоящее время, хотя и весьма желательное в интересах обеих отраслей человеческой деятельности, чтобы оно сделалось обычным.

13

Гипотеза, согласно которой радиоактивность связана с разложением атомов, была предусмотрена Пьером Кюри и мною наряду с другими возможными гипотезами до того, как она была использована Резерфордом и Содди.

Применение энергии α-лучей позволило недавно Резерфорду вызвать распад некоторых легких атомов, например азота.

15

Из большого числа писем и телеграмм с выражением соболезнования я приведу здесь в качестве примера следующие строки, принадлежащие перу крупных ученых, ныне умерших:

М. Бертло

«Милостивая государыня.

Спешу выразить Вам от своего имени и от имени французских и иностранных ученых чувство глубокой скорби по поводу постигшей нас с Вами тяжелой потери. Ужасное сообщение поразило нас как громом. Сколько заслуг, уже оказанных Науке и Человечеству, и сколько будущих заслуг, каких мы ждали от этого талантливого исследователя. Все это исчезло в одно мгновение или стало уже воспоминанием!»

Г. Липпманн

«Очень поздно, во время моего путешествия, я получил ужасное известие. Мне кажется, что я потерял брата: до сих пор не понимал, что связывало меня так тесно с Вашим мужем, теперь я знаю, что.

Страдаю и за вас, мадам.

Примите уверения в искренней преданности и уважении».

«Тяжко огорчен ужасной вестью о смерти Кюри. На похороны прибудем завтра утром в гостиницу Мирабо.

Кельвин, Вилла Сан-Мартен, Канн»

Большой шаг вперед сделан уже по этому пути созданием терапевтической секции, находящейся под руководством доктора Рего. Более того, в 1921 году была основана специальная организация— Фонд имени Кюри, ставившая себе целью объединение всех необходимых для развития Института радия средств.

17

«Пан Тадеуш» — поэма великого польского поэта А. Мицкевича. — *Прим. ред.*

18

«Кордиан» — драма известного польского поэта Ю. Словацкого. — *Прим. ред.*

19

По-польски вместо вежливого «вы» часто употребляется третье лицо. — *Прим. пер.*

Адам Мицкевич, Пан Тадеуш. — *Прим. ред.*